

Р 1-82
11569

ЗАПИСКИ

Дмитрія Николаевича Свербеева.

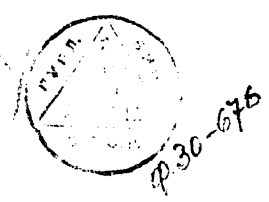
(1799—1826.)

ТОМЪ II.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товар. И. Н. Кушнерева и К^о, Пименовская ул., соб. д.
1899.

МОИ ЗАПИСКИ.

Солнышково.
21 мая 1871 г.

Здѣсь послѣдовалъ длинный перерывъ моихъ записокъ. Мое перо (такъ называю я ту изъ своихъ дочерей, которой диктую) заболѣло корью; я отъ невольнаго бездѣйствія порывался въ подмосковную, но наша весна до самаго своего конца холодными дождями и постоянными вѣтрами задерживала выѣздъ изъ города. Въ это самое время занимала всѣхъ горестная судьба Парижа. Наконецъ - то сдѣлся онъ, объятый пламенемъ, покрытый трупами преступныхъ и невинныхъ жертвъ мятежа, законному, сколько въ то время возможно, правительству Франціи. Въ такое горячее время тяжело не для одной Франціи, но и для всякаго гражданскаго общества, гдѣ есть мыслящіе люди, способные обращать на себя примѣръ другихъ странъ и отчасти предвидѣть раннюю или позднюю возможность и посреди себя такихъ же событій,—въ такое время какъ-то совѣстно писать мирную, не отличающуюся никакими особенностями, такъ сказать, обыденную, пошлую свою повѣсть, а между тѣмъ передо мной еще цѣлые полвѣка этой повѣсти. И тутъ же, впереди меня, несомнѣнно вѣрная мысль о томъ, что время мое близъ и что мнѣ остается немного годовъ на предпринятую мной автобіографію. Дѣлать однако нечего, продолжать надобно.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Россіи въ іюль 1821 г., какъ уже было сказано, поручилъ я управленіе Михайловскимъ, а равно и всѣ мои дѣла Николаю Сергѣевичу Тарасову, предложивъ ему поселиться со всѣмъ его семействомъ въ Михайловскомъ, что и было имъ исполнено во время этой первой моей поѣздки за границу. Пребываніе мое тамъ пришлось мнѣ по сердцу, и я уже рѣшался на долгое время не возвращаться домой, но побывать тамъ счелъ необходимымъ, чтобы по-смотреть, какъ идетъ подъ рукой Тарасова все мое хозяйство. Съ конца сентября началъ я для этой поѣздки ждать изъ Москвы денегъ; высылка ихъ почему-то замедлилась, и мой пріятель, нашъ пансіонеръ, ирландецъ Ридъ, по какой-то особенной ко мнѣ дружбѣ догадался, что я чего-то жду, чѣмъ-то встревоженъ. Однажды объяснилъ я ему, что у меня нѣтъ денегъ на необходимую поѣздку, и честный ирландецъ, ничего подробно о мнѣ не вѣдая, самъ предложилъ мнѣ занять у него до 5.000 франковъ. Онъ былъ чело-вѣкъ очень аккуратный и нисколько не мотоватый, а потому такое неожиданное предложеніе меня глубоко тронуло и осталось до сихъ поръ въ благодарной моей памяти. Впрочемъ, я былъ доволенъ тѣмъ, что имѣю въ моемъ безденежѣй предлогъ медлить отъѣздомъ на цѣлый съ половины сентября мѣсяць. Хорошее, погожее начало осени—самая лучшая пора года въ Швейцаріи: не жарко и не холодно, лучшее время для пѣшей прогулки, для поѣздокъ верхомъ, для продолжительныхъ прогулокъ въ лодкѣ по лазуревому Леману. Всѣмъ этимъ я на прощаньи съ Лозанной ежедневно пользовался и однажды чуть не потонулъ вмѣстѣ съ другими въ нашемъ синемъ озерѣ. Пансіонеры, въ томъ числѣ и я, собрались переплыть изъ

Ouchy въ Evian; тутъ отъ швейцарскаго до савойскаго берега самое широкое мѣсто на всемъ протяженіи озера, два французскихъ льё, или 8 верстъ. Когда нѣтъ противнаго вѣтра, привычные лодочники перевозятъ васъ въ одинъ часъ. Мои остзейцы и англичане взялись править лодкой и грести сами; запаслись провизіей, разными лакомствами и, конечно, не забыли взять съ собою около дюжины бутылокъ; онѣ-то чуть насъ всѣхъ и не погубили. Только что мы отплыли изъ маленькаго порта Ouchy, англичане предложили свой обычный тостъ и затянули «God save the king»; мы выпили, запѣли потомъ «Rule Britannia»; нѣмцы начали потомъ славить свое германское отечество и пѣть торжественныя пѣсни Шиллера и Кернера; мнѣ, единственному русскому, на мою долю не было никакого народнаго гимна. Гимнъ Жуковскаго уже существовалъ, но еще не былъ переложень Львовымъ на особенныя ноты, а пѣлся какъ англійскій «God save the king», и звуками, русскому уху чуждыми, встрѣчали Благословеннаго Александра на военныхъ парадахъ и всѣхъ возможныхъ торжествахъ и пиршествахъ, даваемыхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ въ честь государя. Отъ тостовъ за родину перешли къ здоровьямъ за родныхъ и милыхъ сердцу, а какъ у каждаго изъ насъ было много родни и, по крайней мѣрѣ, по одной сердечной, то и послѣдовала порядочная попойка. Кормчіе и гребцы перепились. Порывъ вѣтра сорвалъ парусъ, а у гребцовъ то терялись, то ломались весла. Долго носились мы по озеру, которое начало порядочно волноваться, на гребцовъ напелъ страхъ, и почти вѣрное ожиданіе смерти ихъ внезапно отрезвило. Кое-какъ добрались мы до савойскаго берега, но уже не къ Evian,

нашей цѣли, а къ пристани городка Тонона, на цѣлое льѣ ниже перваго. Напуганные и перемокшіе, мы тамъ ночевали.

Наконецъ, посланы были ожидаемыя мною деньги, и я, не прибѣгая къ займу у славнаго моего ирландца, собрался въ дальнюю дорогу. Въ Женевѣ заказалъ я у каретника Törfer'a, родившагося и долго жившаго въ Петербургѣ и бойко говорившаго по-русски, очень хорошую четверомѣстную коляску, но нарочно безъ кучерскихъ козелъ. Я придумалъ, что возница, кучеръ или почтальонъ, могутъ править по-польски съ коня, т.-е. верхомъ на дышловой лошади, и что мнѣ такимъ образомъ удобнѣе будетъ видѣть всю дорогу. Въ такихъ коляскахъ безъ козелъ часто встрѣчались мнѣ путешествующіе по Швейцаріи англичане. Въ Женевѣ, кажется, тотъ же Törfer пріискалъ мнѣ слугу, какого-то швейцарца одного изъ нѣмецкихъ кантоновъ, по имени Цеймера, говорившаго бойко на трехъ или четырехъ языкахъ и ни на одномъ, кромѣ своего швейцарскаго нарѣчія, правильно. Этотъ Цеймеръ, лѣтъ 40, долго служилъ солдатомъ во французской арміи, былъ въ итальянскомъ походѣ въ войскахъ Наполеона еще до его консульства, участвовалъ и въ египетской экспедиціи и, вышедъ въ отставку, нанимался то курьеромъ, то лакеемъ у богатыхъ семейныхъ англичанъ. Ему понравилась, какъ страстному путешественнику, мысль побывать и въ Россіи, и онъ за умѣренную цѣну пошелъ ко мнѣ въ услуженіе. Скоро открылъ я въ немъ рѣдкую нѣмецкую честность, безпримѣрное усердіе къ своему хозяину и какую-то смѣшную, слезливую чувствительность. Подозрѣвая вездѣ обманъ и надувательство, онъ раздражался до слезъ и часто съ пла-

чемъ говорилъ мнѣ о несправедливыхъ притязаніяхъ то какого-нибѣ трактирщика, то почтальона. Иногда своими горькими жалобами выводилъ онъ меня изъ терпѣнія и, успокоивая его нервы, я тщетно повторялъ ему извѣстные слова Талейрана: «*pas trop de zèle*».

Въ новой красивой коляскѣ со слугой и на тройкѣ почтовыхъ лошадей явился я по дорогѣ на Бернъ опять въ Лозаннѣ и уже совсѣмъ въ другомъ видѣ, какимъ-то русскимъ богатымъ барченкомъ, а не тѣмъ скромнымъ пансіонеромъ-юношей, какимъ проживалъ въ пансіонѣ *Chattelalain* болѣе 3-хъ мѣсяцевъ. вмѣсто прежняго скромнаго моего помѣщенія въ лозанскомъ между двухъ горъ ущельи у мостика и небольшой мельницы, гдѣ былъ пансіонъ *Chattelalain*, остановился я въ первой тогдашней въ Лозаннѣ гостиницѣ *au Faucon* и прожилъ тутъ дня три или четыре, чтобы проститься съ тамошними моими знакомыми; меня тамъ любили и на прощанье приглашали къ обѣдамъ. Сперва провелъ я половину дня у генерала Лагарна, который пригласилъ и мнѣ знакомаго лозанца барона *de Puget*, бывшаго еще во времена Павла однимъ изъ наставниковъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Эти царскіе воспитатели, Лагарнъ и Пюже, были во всемъ противоположны. Насколько первый былъ высоко образованъ, геніаленъ, дѣятеленъ и воспріимчивъ, несмотря на свою старость, и въ то же время простъ въ обращеніи, настолько второй былъ пошлъ, пустъ, глупъ и напыщенъ своимъ баронскимъ достоинствомъ. Я не могъ, сколько мнѣ ни хотѣлось, узнать, какимъ чудомъ попалъ этотъ бездарный и безродный лозанскій буржуа въ воспитатели сыновей Павла, но мнѣ расска-

зали смѣшныя подробности пожалованія его въ русскіе бароны. Раннимъ туманнымъ петербургскимъ утромъ нечаянно попался онъ въ Зимнемъ дворцѣ на глаза своенравному императору. Государь принялъ его за другого и встрѣтилъ словами: «*Bonjour, baron*». Ловкій швейцарецъ всталъ тутъ же на оба колѣна и протянулъ свои обѣ длани, чтобы облобызать царскую десницу въ знакъ признательности за неожиданное возвышеніе. «*Ce qui est dit, est dit*», — изрекъ императоръ и далъ новоотпечатанному барону поцѣловать свою руку. Возвратясь на родину, баронъ Puget по тамошнему обычаю не могъ пользоваться своимъ титуломъ, ни даже украшать свою толстую шею Аннинскимъ крестомъ 2-й степени. Никто изъ швейцарцевъ не имѣлъ по закону и обычаю права носить ордена и пользоваться аристократическимъ титуломъ, хотя многіе изъ нихъ были графами и баронами еще со временъ крестовыхъ походовъ. Чтобы пощеголять своимъ крестомъ и похвалиться своимъ баронствомъ, жалкій Puget часто отправлялся въ сосѣднюю Савойю и, переплывъ озеро, съ перваго шага за границу надѣвалъ на себя крестъ и въ каждомъ трактирѣ расписывался барономъ.

На другой день послѣ моего съ нимъ обѣда у Лагарпа позвалъ онъ меня къ себѣ и для меня пригласилъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ нашего знаменитаго генерала, барона Жюмینی, и одного харьковского профессора m-r de Gour, перекрестившаго себя въ чисто русскаго Дегурова, который путешествовалъ на счетъ правительства для обозрѣнія ученыхъ учреждений и, если не ошибаюсь, тюремъ и госпиталей. У Puget былъ свой небольшой, красиво устроенный домъ въ rue du Bourg съ террасой на великолѣпное озеро и вос-

хитительныя его окрестности. Я съ понятнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на нашего генералъ-адъютанта Жомини, извѣстнаго тактика и уважаемаго во всей Европѣ военнаго французскаго писателя. У насъ въ Россіи былъ онъ въ большой чести, въ милости у трехъ императоровъ; нынѣ царствующему давалъ онъ уроки военныхъ наукъ и года за три до недавней своей кончины, уже въ глубокой старости, получить отъ своего ученика, императора Александра, пріѣхавшаго на парижскую выставку, Андреевскую ленту. Во Франціи Жомини ненавидѣли, въ Германіи презирали, въ Швейцаріи едва терпѣли,—и все это не даромъ. Всѣ знаютъ, какъ Жомини передъ началомъ лейпцигскаго сраженія бѣжалъ изъ французской арміи, гдѣ былъ однимъ изъ отличныхъ ученыхъ квартирмейстеровъ, и перешелъ въ русскую службу, измѣннически представивъ государю всѣ секретныя бумажки по своей части. Онъ былъ родомъ изъ мѣстечка Raierн'a и родился въ какомъ-то мѣщанскомъ семействѣ. Ни одинъ изъ швейцарскихъ патриціевъ не пускалъ его за порогъ своего дома. Въ вечерней, послѣобѣденной бесѣдѣ, разставаясь послѣдній разъ съ Лагарпомъ на террасѣ дома Puget, въ виду заходящаго въ лазурныя волны солнца, я пораженъ былъ пророческими словами ко мнѣ Лагарпа. Всѣ разсуждали тогда о Польшѣ, о возникавшихъ въ Варшавѣ противъ насъ неудовольствіяхъ, о крупныхъ и мелкихъ нарушеніяхъ данной ей въ 1815 году конституціи, о придирахъ къ полякамъ цесаревича Константина и т. д. Возбужденный, взволнованный такими разговорами Лагарпъ всталъ съ кресель, взялъ меня подъ руку и тихо сказалъ мнѣ: «Вы еще, мой милый, очень молоды, но знайте, что польскія смуты переживутъ васъ, вашихъ

дѣтей и даже вашихъ внуковъ. Никто изъ трехъ полковнѣй не увидитъ ихъ конца, и кровавые мятежи противъ Россіи убитой Польшы будутъ продолжаться долго, долго». Онъ пожалъ мнѣ крѣпко руку, и тутъ простился я съ нимъ, хозяиномъ и другими гостями.

На другой день обѣдать я у швейцарскаго полковника Guigerd de Prangin на его маленькой подгородной дачѣ, на третій и послѣдній день моего пребыванія въ Лозаннѣ шумно и пьяно пировалъ я въ пансіонѣ Chattelalain и, пересѣловавъ всѣхъ хозяевъ, сопровождаемый товарищами пансіонерами въ Hôtel de Faucon, съ полными бокалами, распростился и съ ними.

Я уже, кажется, говорилъ въ моихъ «Запискахъ», что въ это давно прошедшее время, кромѣ какъ въ тѣсныхъ, душныхъ и безобразныхъ дилижансахъ, никакого другого почтового сообщенія не было по всей Швейцаріи. Существовала только для частныхъ экипажей почта по большой шоссейной дорогѣ въ Италію, до подошвы горы Симплонъ. Мнѣ пришлось, какъ приходилось и всѣмъ странствующимъ по Швейцаріи въ своихъ экипажахъ, взять изъ Лозанны лонъ-кучера; оттуда до Берна везли больше шагомъ, чѣмъ рысю, болѣе полутора сутокъ, и непременно по дорогѣ гдѣ-нибудь ночевали, либо въ Пайернѣ, либо въ Булонѣ. Такъ было и со мной. Столько же времени употребилъ я на дорогу въ Базель изъ Берна, за то изъ послѣдняго города утромъ пустился я до Франкфурта и проспалъ Гейдельбергъ, поглазѣвъ по дорогѣ на красивыя и большія столицы германскихъ владѣтелей, Карлсруэ и Дармштадтъ. Далѣе осмотрѣлъ я дворецъ и садъ въ Мангеймѣ, нѣсколько дней отдалъ я Франкфурту, быть у банкира Бетмана, любовался принадле-

жащей ему статуей Ариадны знаменитаго ваятеля Данкера и обѣдать у нашего посланника барона Анштедта, который долго находился дипломатическимъ чиновникомъ нашей главной квартиры во время кампаніи 1813—14 годовъ и только одинъ изъ всей свиты императора Александра въ состояніи былъ прочесть и перевести какую-то грамоту папы на латинскомъ языкѣ, тайно имъ присланную изъ своего заточенія императору Александру. Анштедтъ въ это время былъ главнымъ представителемъ при германскомъ сеймѣ, довольно успѣшно боролся съ либеральными нѣмцами, грозившими возстаніемъ противъ священнаго союза, и, кромѣ того, отличался своими гастрономическими обѣдами. Онъ былъ радушенъ со мною и угощалъ меня на славу.

Этотъ обѣдъ памятенъ мнѣ не однимъ угощеніемъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ скучныхъ рѣдкою сдержанностью и какою-то неловкостью для хозяевъ и собѣдниковъ. Всѣхъ насъ было 8 человекъ. Мнѣ уже свѣдомы были тогда заграничные обычаи: являться къ званому да и ко всякому обѣду не ранѣе, какъ за четверть часа до назначеннаго хозяиномъ времени и никакъ не позже, чѣмъ за 10 мин. Войдя въ гостиную министра, одѣтый какъ слѣдовало, въ бѣломъ пальто и башмакахъ, я представленъ былъ хозяиномъ его женѣ. Анштедтъ былъ женатъ на какой-то невзрачной среднихъ лѣтъ нѣмкѣ, не отличавшейся ни изящными манерами, ни нарядомъ, ни наружностью. Она была, какъ видно, простая, добрая женщина и встрѣтила меня съ мѣщанскимъ радушіемъ и на французскомъ, конечно, языкѣ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Кромѣ хозяевъ, была еще юная русская чета, удивившая меня небрежностью своихъ костюмовъ:

небольшого роста молодой человекъ, съ грубой физиономіей и плотнымъ станомъ, былъ въ сюртукѣ и черномъ галстукѣ, юная его супруга, живая собой, очень красивая и немного жеманная, одѣта была также слишкомъ просто, какъ будто въ одномъ изъ своихъ дорожныхъ платьевъ. Хозяева, напротивъ, были въ парадѣ, а самъ посланникъ даже при звѣздѣ; трое чиновниковъ нашей миссіи тоже были одѣты какъ слѣдуетъ. Нахмуренный Анштедтъ познакомилъ меня со всѣми. Послѣ изысканнаго обѣда секретарь посольства, Маркеловъ, разсказалъ мнѣ странное поведение нашихъ знакомыхъ путешественниковъ. Отдавая визитъ одному изъ своихъ знакомыхъ, Анштедтъ пригласилъ его съ женой на этотъ обѣдъ. Трудно повѣрить, чтобы они не знали о существованіи жены министра. Не сдѣлавъ ей визита, явились они прямо къ обѣду въ описанныхъ мною костюмахъ за часъ до обѣденнаго времени. Такимъ нарушеніемъ всѣхъ европейскихъ приличій испортили они весь обѣдъ хозяевамъ; имъ самимъ, да и всѣмъ намъ было до крайности неловко. Какъ, однако, долго длилось наше азіатское невѣжество въ нравахъ и обычаяхъ! Лѣтъ черезъ 5 послѣ оно повторилось на моихъ глазахъ въ томъ же самомъ видѣ и при такомъ же случаѣ. Я разскажу его въ свое время. Теперь все, къ счастью, измѣнилось, кромѣ одного страннаго убѣжденія всей массы русскихъ, скачущей по Европѣ, что представители Россіи за границей непременно должны быть ихъ трактирщиками, точно такъ же, какъ на родной почвѣ губернскаго власти и мѣстные дворяне всегда разсчитываютъ на почти обязательное гостепріимство уѣздныхъ предводителей.

За неимѣніемъ мундира я не послѣдовалъ совѣту

Анштедта—представиться въ Веймарѣ нашей великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, а потому и ничего не видалъ въ этомъ городѣ, первую рѣдкостью котораго быть постоянно обитавшій тамъ великій Гёте.

Въ Лейпцигѣ наѣхалъ я на знаменитую ярмарку, гдѣ на площадяхъ и въ гостиницахъ толпилось разнородное купечество, и я въ то время встрѣтилъ на троечныхъ телѣгахъ нашихъ долгихъ русскихъ извозчиковъ, пріѣзжавшихъ на ярмарку за товарами изъ Москвы и Харькова.

За *table d'hôte* въ гостиницѣ, гдѣ я останавливался, встрѣтилъ я нѣсколько русскихъ купцовъ и еще болѣе жидовъ изъ нашихъ польскихъ губерній. На площадяхъ и улицахъ много было разныхъ балагановъ со всякаго рода фокусами и акробатами; построенныя для ихъ представленій временныя зданія ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, какія бывали на Святой недѣлѣ у насъ подѣ Новинскимъ.

По дорогѣ къ Дрездену осмотрѣлъ я въ Мейсенѣ знаменитую фарфоровую фабрику. Въ столицѣ миловидной Саксоніи остановился я въ *Hôtel de Saxe*.

Тогдашній Дрезденъ за полвѣка до нынѣшняго долженъ былъ болѣе нравиться иностранцамъ. Онъ, менѣе обширный, былъ чистенькій, красивый городокъ, не закопченный еще вѣчными надъ нимъ парами каменнаго угля, и тогда славился уже онъ своею капеллою придворной католической церкви и своею оперой, но не въ томъ великолѣпномъ зданіи театра, которое построено было гораздо позже и сгорѣло въ два часа времени на моихъ глазахъ, въ сентябрѣ 1869 года. И въ церкви, и въ оперѣ я съ любопытствомъ глядѣлъ на стараго Фридриха-Августа, саксонскаго короля, единого вѣрнаго союзника Наполеона, который

такъ долго и такъ много вытерпѣлъ бѣдъ отъ другихъ, возставшихъ за свободу Германіи и ея властителей. Прусскій король настаивалъ на совершенномъ уничтоженіи саксонскаго королевства, а за измѣну интересамъ Германіи ея короля домогался присоединенія всей страны къ Пруссіи. Австрія на это соглашалась; великодушный Александръ, въ самомъ началѣ войны согласившійся на изгнаніе изъ Саксоніи Фридриха-Августа и назначившій генераль-губернаторомъ Дрездена князя Репнина, одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ, убѣдилъ своихъ союзниковъ возвратить изгнаннику его древнія права. Согбенный, добрый старецъ, на лицѣ котораго видны были слѣды великаго горя, искренно былъ любимъ своимъ народомъ и особенно жителями столицы, часто являлся между ними то въ церкви, то въ театрѣ, то въ загородныхъ своихъ садахъ Пильница, куда по воскресеньямъ гостепріимно допускались всѣ безъ различія и безъ полиціи, ярко выставлялся онъ имъ въ какомъ-то страннаго покроя и еще болѣе цвѣта желтомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, въ пудрѣ съ косою и буклями.—Всѣмъ извѣстна славная дрезденская картинная галлерей. Я не знатокъ и не охотникъ до картинъ, но дрезденскую Мадонну, ночь Корреджіо и картину Спасителя съ монетою увидалъ черезъ 50 лѣтъ послѣ этого путешествія какъ старыхъ знакомыхъ, художественное впечатлѣніе отъ которыхъ хранилось во мнѣ какъ лучшее воспоминаніе моей юности.

Въ Дрезденѣ былъ и обѣдалъ я у нашего посланника, престарѣлаго Василія Васильевича Ханыкова, который застылъ отъ лѣтъ и казался тощимъ и сухопарымъ скелетомъ Екатерининскихъ временъ. Въ прежнее время отличался онъ своею свѣтскою любезностью,

французскими каламбурами и сладенькими виршами на этомъ языкѣ; не знаю, хорошій ли онъ былъ дипломатъ, но я нашелъ въ немъ человѣка самой привлекательной любезности. Бесѣда его, впрочемъ, не была ни поучительна, ни даже замѣчательна; вспомнить его мнѣ нечѣмъ; помню только одно очень оригинальное устройство его дома. Въ одной обширной залѣ во всю длину занимаемаго имъ дома помѣщались его министерскій кабинетъ, его гостиная и даже его столовая. Когда, входя къ нему, засталъ я его тутъ за письменнымъ столомъ, сдѣлавъ два шага, посадилъ онъ меня передъ каминомъ своей гостиной и черезъ четверть часа, сдѣлавъ еще три шага, посадилъ онъ меня обѣдать. Такое устройство очень мнѣ понравилось, и лѣтъ черезъ 10 послѣ устроилъ я себѣ точно такое же помѣщеніе, конечно, въ меньшемъ размѣрѣ, во Флоренціи, гдѣ у насъ съ женой было все въ одной большой комнатѣ—и ея и мой кабинетъ, и въ углу столъ съ игрушками для незабвеннаго моего Николиньки, и гостиная передъ каминомъ, и столовая посрединѣ.

Осматривалъ я дрезденскія тогдашнія рѣдкости и загородныя мѣста съ какими-то жившими со мной въ гостиницѣ англичанками, матерью и дочерью. Съ послѣдней я кокетничалъ, но фигуры той и другой не удержало мое воображеніе.

Октябрь стоялъ сухой и теплый, благопріятный для моей долгой дороги. Черезъ Силезію и ея славный городокъ Бреславль безъ остановки проѣхалъ я на Краковъ, столицу республики, которая вся искусственно сотворена была союзниками-государами Россіи, Австріи и Пруссіи съ тѣмъ, чтобы этотъ престольный городъ древней Польши съ его историческими памятниками не доставался ни одному изъ нихъ и не представлялъ

бы собою какъ бы право на притязаніе овладѣть рано или поздно всѣмъ древнимъ королевствомъ нѣкогда довольно могущественной Польши. Миниатюрная Краковская республика вслѣдствіе подобныхъ предупредительныхъ расчетовъ политики утверждена была особеннымъ трактатомъ во время вѣнскаго конгресса и поставлена подъ исключительное покровительство трехъ державъ, которыя и имѣли въ нихъ своихъ дипломатическихъ агентовъ, справедливѣе сказать, своихъ за нею наблюдателей подъ названіемъ резидентовъ; никакихъ другихъ европейскихъ дипломатовъ въ ней не было. Въ этомъ городѣ поляки находили себѣ убѣжище, напоминавшее имъ утраченную свободу. Въ его соборѣ, гдѣ короновались прежніе ихъ короли, покоился прахъ великихъ мужей Польши: Яна Собіескаго, Костюшки, архіепископа Солтыка, на мраморной гробницѣ коего барельефы изображали нашихъ казаковъ, увозившихъ по приказанію Екатерины этого архіепископа въ Сибирь, и его торжественное возвращеніе въ родной городъ при императорѣ Павлѣ.

Я остановился въ первой краковской гостиницѣ, представлявшей уже всю неурядицу нашихъ русскихъ трактировъ, неопрятность прислуги, отсутствіе постели, обычай не затворять дверей и входить въ комнаты, занятые путешественниками, не постучавъ, т.-е. безъ спросу,—такимъ безправіемъ особливо пользовалось великое множество жидовъ, неотвязчивыхъ подобно комарамъ и мухамъ. Я зналъ, что секретаремъ нашего резидента, какого-то поляка изъ Варшавы, былъ мой университетскій товарищъ, Рикаръ, русскій подданный, родившійся и жившій долго въ Москвѣ, хотя онъ и былъ французскаго происхожденія. Я отыскалъ его, и въ то время какъ мы послѣ обѣда дружелюбно бесѣ-

довали о нашемъ прошломъ студенчествѣ, а потомъ о Краковѣ и его загадочной республикѣ, съ шумомъ ворвался ко мнѣ въ комнату мой швейцарецъ въ яростномъ раздраженіи и объявилъ, рыдая, что какіе-то воришки жиды украли нѣсколько винтовъ отъ моей коляски, стоявшей всю ночь безъ призора на грязномъ дворѣ и что ее надо чинить. Раздраженіе моего спутника почти и меня вывело изъ терпѣнія. Рикаръ обоихъ успокоилъ и повелъ осматривать краковскій соборъ, который стоилъ того, чтобы его осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ. Починка коляски остановила меня на сутки. Вмѣстѣ съ Рикаромъ, пообѣдавъ у резидента, отправился я ночевать въ мѣстечко Величко, гдѣ уже въ австрійскихъ владѣніяхъ находятся весьма богатая соляныя варницы, снабжающія съ избыткомъ солью всѣхъ разноплеменныхъ обитателей этой имперіи. Дорога моя была на Кіевъ черезъ Лембергъ или вожделѣнный нашъ Львовъ и снисходительную таможенную въ Радзивиловѣ, въ 5 или 10 верстахъ отъ богатаго въ то время уніатскаго монастыря, превращеннаго въ концѣ 30 годовъ въ православную Почаевскую лавру. Въѣзжая въ наше обширное отечество, я не ощущалъ того радостнаго трепета, которымъ многіе гордятся.

На почтѣ предложили мнѣ ѣхать не по шоссе прямою дорогою, а въ объѣздъ, верстъ 50, однимъ махомъ. Уніатъ-матороссіянинъ взялся доставить насъ махомъ и въ самомъ дѣлѣ, усѣвшись съ позволенія моего на передній сундукъ, онъ такъ лихо скакать на своей запряженной въ рядъ тройкѣ отъ мѣста до мѣста, что я во все время боялся за цѣлость моей коляски и за моего швейцарца-спутника, который отъ страха то хохоталъ, то плакалъ и подъ конецъ пришелъ въ со-

вершенное изнеможение. Въ самомъ дѣлѣ я никогда не ѣзжалъ такъ скоро; 50-тиверстное разстояніе, правда, по совершенно гладкой дорогѣ, проѣхали мы въ 2½ часа, и, несмотря на всю быстроту такой ѣзды, я все-таки думаю, что тутъ 50 верстъ не было.

Отъ Радзивилова до самаго Кіева, да пожалуй и по всей Галиціи все, говорятъ, наше родное, русское, но на взглядъ нѣтъ ничего похожаго на то, что мы прежде называли Русью, а теперь Россіей. Природа несравненно роскошнѣе, народъ, можетъ-быть, бѣднѣе, но гораздо красивѣе, сельскія строенія гораздо менѣе по своей обширности и по удобству для сельскаго хозяйства, но чище, опрятнѣе, народныя пѣсни мелодичнѣе, поэтичнѣе, живѣе и осмысленнѣе нашихъ. Въ то время какъ я проѣзжалъ этой стороною, русская закваска туда еще не проникала, и если житель внутренней Россіи, начиная уже съ Батурина, простодушно говорилъ, что самъ онъ не тутошній, а изъ Россіи, кольми паче считалъ онъ себя чуждымъ не только Галиціи, но и южной Малороссіи и Украинѣ съ перваго шага удаленія своего изъ Кіева. Да и самая эта мать городовъ русскихъ, какъ называютъ часто Кіевъ, неизвѣстно почему передѣлывая его въ женщину, въ то время была какимъ-то смѣшеніемъ польщизны и московіи. Высшее общество преимущественно составлялось изъ поляковъ и не сторонилось отъ наѣзжихъ русскихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Тогдашнимъ генераль-губернаторомъ былъ, кажется, Желтухинъ, а комендантомъ крѣпости добрый и пьяный Петръ Андреевичъ Аракчеевъ, братъ трезваго и злого; съ послѣднимъ и его женою я познакомился и всѣ три дня моего въ Кіевѣ пребыванія у нихъ и

обѣдалъ, и чай пить, и ужинать. Меня привелъ къ нимъ нечаянно найденный мной въ соборной церкви Печерской Лавры Василій Сергѣевичъ Норовъ, братъ Абрама, съ которымъ я поѣхалъ въ Петербургъ. Василій Норовъ ни въ чемъ не похожъ былъ на своего брата, онъ былъ гораздо моложе, основательнѣе, сдержаннѣе, а потому и умнѣе. Въ немъ ничего не было блестящаго, но его уважали и любили всѣ его сослуживцы гвардейскаго егерскаго полка, гдѣ онъ, будучи капитаномъ гвардіи, извѣстенъ былъ внимательнымъ изученіемъ военной исторіи, а во всѣхъ другихъ фронтовыхъ наукахъ былъ небреженъ, ненавидѣлъ шагистикъ и за небрежность въ ней былъ сильно оскорбленъ на какомъ-то парадѣ занальчивымъ своимъ дивизіоннымъ генераломъ. Весь составъ офицеровъ полка выдвигать начальника передъ Норовымъ извиниться, но Норову не прошло это даромъ. За это ли, или за какое-нибудь другое нарушеніе службы выслали его тѣмъ же чиномъ въ армейскій полкъ, который стоялъ тогда въ Кіевѣ.

Аракчеева, урожденная княжна Девлетъ-Кильдеева («Татарщина, батюшка, татарщина! — сказалъ бы Сандуновъ, — какіе это князья!») была Норову родственница, онъ почти жилъ у нихъ, да и я черезъ полчаса при первомъ моемъ посѣщеніи былъ у нихъ какъ дома, нараспашку. Послѣ болѣе чѣмъ годичнаго моего taskанія за границей россійская распущенность имѣла и для меня какую-то прелесть. У хозяйки гостила въ то время родная ея сестра, полковница Батурина, съ мужемъ. Лѣтъ черезъ 15 или 20 этотъ Батуринъ своими способностями превзошелъ всѣхъ московскихъ сенаторовъ.

Разскажу кстати, чтобы не забыть, что я подозрѣ-

вать въ немъ того именно сенатора, который разсиранивалъ у своего товарища, просвѣщеннаго Михаила Александровича Салтыкова, что такое холера морбусъ, въ первое время нашествія ея на насъ изъ Персіи, и не то же ли она самое, что *Nabeas corpus* въ Англіи; какъ я ни добивался отъ Салтыкова фамиліи любознательнаго вопросителя, онъ не называлъ его, а мнѣ сдалось, что это непременно долженъ быть Батуринъ.

Я еще ничего не сказалъ о моемъ кіевскомъ помѣщеніи. На послѣдней станціи передъ городомъ мнѣ указали на лучший въ немъ трактиръ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ нынѣшняго министра государственныхъ имуществъ. Трактиръ этотъ назывался «Зеленымъ» и стоялъ на Печерской сторонѣ, передъ нимъ была большая площадь, правильнѣе сказать—цѣлое поле, за нимъ прямо, напротивъ, невысокія кремлевскія стѣны небольшой крѣпости и лавры, и передъ домомъ деревянная старинная церковь Владимірская. Мнѣ дали обширную комнату въ родѣ сарая, съ полуизломаннымъ диваномъ и тремя или четырьмя стульями и огромнымъ обѣденнымъ столомъ посрединѣ. Хозяинъ хохолъ, какой-то чиновникъ, обѣщалъ меня хорошо накормить и въ самомъ дѣлѣ накормилъ сытно малороссійскими кушаньями, борщемъ, просяной кашей, варениками и галушками. Я взялъ тутъ же на площади извозчицью одноконную бричку и отправился въ лавру ко всенощной; тутъ-то я и наткнулся на Норова, стоявшаго у клироса, скрестившаго по Наполеоновски руки,—такова была обыкновенная его поза. Онъ разсказалъ мнѣ стычку свою съ дивизіоннымъ генераломъ и всю исторію перевода въ армію. Лаврская всенощная тянулась нескончаемо, мы не могли выстоять и поло-

вины. Долго не могъ я заснуть на грязномъ, вмѣсто кровати, диванѣ; никакой постели и ни одной подушки не было. Къ тому же лишь только погасилъ я свѣчку, меня обсыпали, съ позволенія сказать, клопы; чтобы спастись отъ нихъ, я долженъ былъ лечь въ видѣ покойника на большой столъ посреди комнаты, взявъ вмѣсто матраца подушки изъ моей коляски. Швейцарецъ мой ругался на всѣхъ своихъ нарѣчійхъ и часто поминалъ Аллаха и Магомета, вывезенныхъ имъ изъ Египта. Онъ, бѣдный, всю ночь провелъ сидя на стулѣ. Пѣхотинецъ Наполеоновскихъ войскъ, не любилъ онъ и тамъ кавалеріи, а наше насѣкомое приводило его въ бѣшенство. Съ Норовымъ и Аракчеевыми пробылъ я въ Кіевѣ три дня. Хозяинъ комендантъ былъ навеселѣ съ утренняго чая до обѣда, пьянъ съ обѣда до ужина, ничего не дѣлалъ и никому ни въ чемъ не мѣшалъ. Съ дамами мнѣ сдѣлалось съ перваго шага такъ ловко, что я тотчасъ же сдѣлалъ самую неприличную неловкость, забылся до того, что, сѣвъ возлѣ хозяйки обѣдать, по трактирной привычкѣ вытеръ салфеткой мою тарелку и взялся уже за стаканъ. Добрая генеральша вмѣсто того, чтобы выгнать меня изъ-за стола, только замѣтила мнѣ кротко: «Что вы это дѣлаете? У насъ чисто!» и тутъ же вывела меня изъ смущенія, заговоривъ со мною ласково. — Въ городѣ Нѣжинѣ, гдѣ съ Елисаветинскихъ временъ поселились греки, я не могъ отыскать свояка моего батюшки, богатаго грека Григорія Ивановича Кромиду, который былъ также женатъ на дѣвицѣ Паскевичъ, на родной теткѣ фельдмаршала. Этотъ мой не родственникъ, а свойственникъ не возвращался еще въ городъ съ своего хутора.

Коляска безъ козелъ мнѣ не удалась. У нея лома-

лись жидкія переднія рессоры отъ тяжести нашихъ извозчиковъ, правившихъ лошадьми съ сундука. Въ Орлѣ предстояла неизбежная и продолжительная починка; призванный мною каретникъ, какъ я его ни упрасивалъ, потребовалъ двое сутокъ на исправленіе экипажа; хотя я нисколько не спѣшилъ, но это меня озадачило. Мысль пробыть 48 часовъ въ трактирѣ, объ удобствахъ коего уже я умалчиваю, въ глухую осень, въ концѣ октября, безъ книгъ, безъ знакомыхъ, приводила меня въ отчаяніе. Такимъ образомъ первый чисто русскій городъ, въ которомъ жила мой отецъ, гдѣ мнѣ, ребенку, прививали оспу, откуда перенесли самый нашъ Михайловскій домъ, лѣтъ тому назадъ 20, представился мнѣ мѣстомъ заточенія.

«Кто живетъ у васъ въ вашемъ проклятомъ городѣ?» спросилъ я у грязнаго полового, принесшаго мнѣ самоваръ. Онъ началъ перечислять всѣхъ съ губернатора до мелкихъ чиновниковъ; ни одного знакомаго даже по имени не оказалось. «Нѣтъ ли помѣщиковъ?» О радость! Половой назвалъ мнѣ Андрея Андреевича Глазунова. Чему и кому иногда не обрадуешься! И вотъ, несмотря на раннее утро, отправился я къ Андрею Андреевичу. Лысый, небритый и уже почти старичокъ, встрѣтилъ онъ меня со слезами и заключилъ въ объятія и долго не выпускалъ изъ рукъ. «Ко мнѣ, ко мнѣ, непременно ко мнѣ», и тотчасъ же послалъ въ трактиръ за моимъ слугою и вещами.

Я уже говорилъ въ началѣ моихъ «Записокъ» объ этомъ господинѣ. Съ нимъ въ его собственномъ полубарскомъ домѣ жили забитая имъ его смиренная супруга, довольно красивая, плотная и сытная меньшая дочь, лѣтъ 20, и зять его Аѳанасій Ивановичъ

Красовскій, дивизионный генераль съ супругой, старшею дочерью Глазуновой. Мнѣ отвели довольно порядочную опрятную комнату, но всѣ хозяева держали меня у себя на глазахъ и ни на полчаса отъ себя не отпускали. Задолго передъ обѣдомъ явились какіе-то два неряшливые господина и начался картежъ. Мнѣ тоже предлагали карточку, я отговорился тѣмъ, что съ утра играть привычки не имѣю. Хозяинъ затѣялъ банкъ и порядочно пощипалъ своихъ двухъ посѣтителей, которые удалились передъ обѣдомъ.

Генеральша Красовская, еще очень молодая степенная, живая и бойкая, вышла за пожилого генерала только изъ-за его чина; не ровня ей по лѣтамъ, онъ женился на ней изъ-за ея богатства, что, однако, не мѣшало имъ жить ладно, если не во внутреннихъ комнатахъ, то на людяхъ въ гостиной. Молодая генеральша охотно занялась моею особою, но, какъ уже пристроенная къ мѣсту, съ перваго дня начала выставить свою меньшую сестрицу. То же предприняли въ отношеніи ко мнѣ и проныра-хозяинъ и добрая, простая матушка незамужней дочки. Желая увѣрить меня, что я разучился говорить по-русски, какъ будто это было возможно въ одинъ годъ, молодыя дамы бесѣдовали со мною не иначе, какъ на своемъ какомъ-то особенномъ французскомъ нарѣчій. И иногда ихъ не понималъ и просилъ перевода; напр., слѣдующая фраза: «Où vous après vous!» Это значило: гдѣ намъ за вами! или другая: «Cet été nous sommes allés sur les siens dans le Crime», сирѣчь: «Мы ѣздили въ Крымъ на своихъ, т.-е. на долгихъ». Генераль, къ счастію, говорилъ на одномъ русскомъ и очень дѣльно и любопытно рассказывалъ о своихъ походахъ. Въ губернскомъ городѣ играть онъ по сво-

ему чину первую роль, а потому и его тесть, человекъ себя на умѣ, разыгрывалъ послѣ губернатора роль вторую, гостепріимно и хлѣбосольно принимая весь городъ; въ то время и въ Москвѣ были еще не прихотливы.

По вечерамъ играли, чему я былъ очень радъ: мнѣ такъ надоѣдали нелѣпые разспросы о чужихъ краяхъ. Прощу дать отвѣты на подобные вопросы: «Есть ли тамъ виноградъ? Какіе тамъ носятъ мундиры? Много ли бываютъ въ театрахъ? Какъ туда ходятъ дамы—въ открытыхъ или закрытыхъ платьяхъ?» и т. д. Да помилуйте, милостивые государи и таковыя же государины, о какомъ именно *тамъ* вы меня спрашиваете, вѣдь и у нихъ, какъ и у насъ, по различію мѣстностей не все и не вездѣ одно и то же. Поймите, что и *тамъ*, какъ вы говорите, бываютъ же разницы.

Вечера длились далеко за полночь. Молодежь играла на фортепьяно, иногда пѣла; какъ—это другое дѣло. Сытнымъ обѣдомъ не удовлетворялись; за полночь также плотно ѣли за долгимъ ужиномъ со щами, кулебяками и тому подобными утучняющими провинціаловъ блюдами, о которыхъ незадолго передъ этимъ — сказалъ Грибоѣдовъ остро, но не вѣрно: «Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится»,—въ такихъ желудкахъ все хорошо переваривалось. На другой день, когда Глазуновскія барыни часу въ 12-мъ пришли по обѣщанію въ только-что прибранную ко мнѣ комнату разсматривать кое-какія картинки и вещицы, привезенныя мною изъ-за границы, въ кабинетѣ хозяина раздался шумъ: вышла у него со вчерашними посѣтителями изъ-за банка ссора; гости мои испугались, а я пошелъ разнимать, опасаясь драки. Ея не было: хозяинъ просто выпяльнулъ игроковъ изъ дома. И что же? къ

моему удивленію одинъ изъ игроковъ явился къ обѣду. Я былъ еще тогда очень молодъ, не вытерпѣлъ и спросилъ у хозяина: «Какъ же вы опять принимаете къ себѣ, и въ тотъ же день, такого господина, котораго въ лицо называли воромъ и отъ себя выгнали?» «Ничего, мой милый, ничего. Онъ, конечно, мошенничаетъ въ игрѣ, правда и то, что я его поймалъ за руку, какъ онъ передергивалъ карту, но я все-таки его обыграю». Хорошъ же и ты гусь, подумалъ я, и похвалилъ себя за то, что упрямо отговорился играть съ нимъ. Такой образчикъ провинціальной городской жизни мнѣ (виновать) не очень понравился. Въ тогдашнемъ Орлѣ не выродились еще Простаковы и Скотинины временъ Фонвизина «Недоросля». Съ появленія на нашей сценѣ этой нравоописательной комедіи черезъ 50 почти лѣтъ явился на сцену «Ревизоръ», а на городскихъ улицахъ, въ трактирахъ и гостиныхъ стали являться Чичиковы. Пора возникнуть среди насъ новому Фонвизину или Гоголю. Жаль, что не живетъ съ нами И. С. Тургеневъ: онъ одинъ могъ бы изобразить намъ своимъ гениальнымъ перомъ нынѣшнихъ недорослей, Простаковыхъ и Скотининыхъ, одинъ онъ могъ бы снять вѣрные портреты съ теперешнихъ Чичиковыхъ, съ такимъ успѣхомъ и торжествомъ подвигающихся въ нашихъ новыхъ судахъ всякаго рода, управыхъ и земскихъ собраніяхъ.

Въ холодный осенній дождливый день по непроходимо-грязной дорогѣ протащился я часовъ болѣе 10 50 верстъ отъ Орла до Мценска, иззябъ до окоченѣнія и насилу отогрѣлся въ тепломъ небольшомъ домишкѣ у моей двоюродной сестры Екатерины Александровны Шеншиной, урожденной Обресковой.

Отсюда начинается настоящее возвращеніе мое не

только въ отечество, слишкомъ обширное, но и на родину. Здѣсь почувствовалъ я себя дома, среди людей болѣе или менѣе мнѣ близкихъ, по крайней мѣрѣ не совсѣмъ чужихъ, посреди природы болѣе сѣверной, но и она имѣетъ даже въ ноябрѣ свое обаяніе на человѣка, который и родился и провелъ въ ней свои младенческіе и отроческіе годы, и вотъ я, болѣе тогда впечатлительный и менѣе свыкшійся съ чужими странами и всѣми ихъ обычаями, такъ сказать, весь окунулся въ воспоминанія о моемъ недавнемъ прошломъ. Двоюродная сестра моя Шеншина была та самая, на свадьбѣ которой былъ я въ 1815 г. такимъ неловкимъ шаферомъ, и, если вы, мои читатели, вспомните, что за часъ до рѣшенія на цѣлый вѣкъ ея судьбы подносилъ я ей вмѣсто букета изъ розъ одни ихъ стебельки, то узнайте теперь, что такое грустное предзнаменованіе сбылось надъ ней. Кто былъ виноватъ въ этомъ—вопросъ каждой человѣческой жизни; никакимъ строгимъ анализомъ не дощупаешься до его рѣшенія.

Жили они съ мужемъ и двумя мальчиками въ чистенькомъ флигелькѣ большого каменнаго, надъ рѣкой Зушей, городского дома, куда переселялся почти 30-лѣтній глава этого семейства Шеншины изъ своего подгороднаго имѣнія, села Волкова. Мои хозяева, Никита Николаевичъ съ женой, ходили къ старику каждый день обѣдать и тамъ же оставались до поздняго вечера. Николай Ивановичъ, отецъ, былъ баринъ достаточный, чванный, умный и по тогдашнему образованный, хотя и безъ французскаго языка. Службу свою кончилъ онъ московскимъ вице-губернаторомъ и, вышедъ въ отставку въ превосходительномъ чинѣ, переѣхалъ на житіе, лѣтомъ въ свое помѣстье, зимой

въ городъ Мценскъ. Свое дворянское древнее достоинство и генеральскій чинъ носить онъ на себѣ съ подобающею сесью. Въ небольшомъ городкѣ быть онъ *особый*. Мой отецъ зналъ его довольно коротко, отзывался о его умственныхъ способностяхъ съ уваженіемъ, прибавляя, однако, что онъ былъ съ краснымъ словомъ, т.-е. вышивалъ и прилыгалъ. Сынъ, мой родственникъ, Никита Шеншинъ, старше своей жены лѣтъ на десять, не имѣлъ ума своего родителя, но такъ же, какъ и онъ, былъ чопоренъ, черствъ и совершенный эгоистъ. Я открылъ въ немъ одно достоинство: великое мастерство играть въ вистъ и вообще въ карты, оно и было главнымъ и чуть ли не единственнымъ его качествомъ. Хозяйствовать при отцѣ ему было нечѣмъ,—старикъ, пока жилъ, держалъ вожжи свои крѣпко. Молодой женинѣ, институткѣ, было тутъ душно, она и сама себя не понимала. Могли ли понимать ее остальные въ этой семьѣ и помочь ей сколько-нибудь развить свои способности? Вышла же она почти поневолѣ, любя другого; отсюда неизбежны увлеченія и всѣ обыкновенныя его послѣдствія. Тутъ былъ еще одинъ сынъ Николая Ивановича, заслуженный и, говорятъ, храбрый полковникъ, Владиміръ, командовавшій полкомъ, расположеннымъ въ Мценскомъ уѣздѣ. Этотъ умѣлъ хотя кое-когда занять общество разсказами о своей боевой жизни, да и на такіе разсказы недоставало времени. Оно проходило все въ ѣдѣ, чаепитіи и въ картахъ. Встрѣчался часто въ этомъ домѣ и командовавшій артиллерійской бригадой, тоже храбрый, полковникъ Никитинъ, какими-то военными подвигами отличавшійся во все продолженіе послѣднихъ войнъ, и онъ былъ, какъ видно, изъ бурбоновъ, т.-е. человѣкъ темнаго проис-

хожденія и безъ воспитанія, хотя впоследствии получилъ графскій титулъ и начальствовалъ въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ. Отъ нечего дѣлать занялся я утромъ дразненіемъ двухъ остренькихъ, хорошенькихъ сынишекъ моей сестрицы, и старшаго додразнилъ одинъ разъ до того, что онъ обѣщалъ пожаловаться на меня отцу, грозя кулаченками и обѣщая, что за него непременно отдерутъ меня на конюшнѣ. Этотъ именно мальчикъ, теперь 50-лѣтній орловскій дамскій угодникъ, возобновилъ со мною знакомство, часто посѣщалъ меня больного прошлою зимою и разсыпался въ моей гостиной на французскомъ языкѣ вперемѣшку съ русскимъ передъ моими и посѣщавшими меня дамами. Я никакъ не рѣшался припомнить ему его угрозы, которыя, конечно, въ свое время на мое счастье остались безъ послѣдствій.

Распространяясь такъ долго, по дурному моему обычаю, въ описаніи этой слишкомъ обыкновенной русской дворянской семьи, я какъ-то боюсь дотронуться здѣсь до больного моего мѣста, до одного изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній моей жизни. Екатерина Шеншина рассказала мнѣ въ долгомъ, откровенномъ между нами разговорѣ все то, что случилось въ продолженіе моего пребыванія за границей съ ея меньшою сестрой Варенькой. Я уже рассказывалъ прежде, что было между нею и мною, и написалъ, кажется, и то, что она по убѣжденію тетки и братьевъ согласилась принять предложеніе какого-то Роста, и что свадьба эта разстроилась. Такъ какъ я кучу писемъ Вареньки не распечатавъ бросилъ въ каминъ еще въ Парижѣ, и едва ли внимательно прочитывалъ получаемыя мною послѣ въ Швейцаріи, то только въ Мцен-

скѣ узналъ я, что братъ Вареньки Павелъ сосваталъ ее за товарища своего по Волынскому полку, офицера Воронцова-Вельяминова, и что мнѣ предстоитъ свиданіе съ нею въ Москвѣ, куда думалъ я приѣхать изъ Михайловскаго по первому пути. Такая вѣсть заставила меня призадуматься.

Чтобы не праздновать у себя въ имѣніи нашего сельскаго праздника, именно въ этотъ день выѣхалъ я изъ Мценска къ себѣ. Дорога какъ есть *in naturalibus*, безъ всякихъ улучшеній, еще стала непроходимѣе, погода гораздо холоднѣе, а у меня не было шубы. По недостатку всякой другой теплой одежды я получилъ довольно острую ревматическую боль въ плечахъ и рукахъ до локтей. Простудный ревматизмъ и послѣ часто ко мнѣ возвращался, насилу я отъ него отдѣлался.

Мнѣ бы хотѣлось представить здѣсь въ первый разъ по вступленіи моемъ въ дѣйствительное, уже не отороческое управленіе всѣми моими дѣлами довольно подробное описаніе Михайловскаго и того положенія, въ которомъ оно находилось въ концѣ 1822 и въ началѣ 1823 г. Одна изъ главныхъ задачъ моихъ «Записокъ» состоитъ въ томъ, чтобы представить какъ собственно для себя, такъ и для немногихъ моихъ читателей сравнительно вѣрный, безпристрастный очеркъ отношеній крѣпостныхъ крестьянъ, а равно и дворовыхъ къ ихъ помѣщикамъ этого времени, т.-е. почти за 40 послѣднихъ лѣтъ существованія у насъ крѣпостного права до 1861 г. Задача трудная, требующая полнаго систематическаго обозрѣнія, врядъ ли удастся мнѣ съ ней справиться какъ бы хотѣлось. Вообще о Михайловскомъ можно и должно сказать: земля великая и обильная, но въ ней, какъ и во всей

Россіи, порядка не было. Вмѣсто князей изъ варяговъ призывались туда по временамъ и свои и иноплеменные управляющіе, а порядка все не было. Какіе были улучшенія и успѣхи справедливѣе будетъ приписать ихъ не мнѣ и не поставляемымъ мною дѣятелямъ, но одному времени.

Прежній управляющій, Шиловъ, умершій скоропостижно отъ водки, былъ бы хорошимъ хозяиномъ, если бы не былъ крѣпостнымъ дворовымъ человекомъ. Слишкомъ высоко держалъ онъ себя надъ всею массою мужиковъ и потому, что онъ самъ былъ другой касты—изъ старинныхъ дворовыхъ, и потому, что былъ, такъ сказать, ученый въ сравненіи съ невѣждами. Онъ зналъ, конечно отчасти, и математику и землемѣріе, и на бѣду его и мою, изучая кое-какіе указы, прельстился ябедничествомъ, заводилъ пустыя дѣла по судамъ и охотнѣе ими занимался, чѣмъ сельскимъ хозяйствомъ. Николаю Сергѣевичу Тарасову досталось имѣніе для управленія въ самомъ распущенномъ видѣ. Послѣдній былъ менѣе уменъ и менѣе грамотенъ, чѣмъ Шиловъ, но зато трезвѣе и честнѣе. Онъ былъ изъ мелкихъ серпуховскихъ дворянъ, нигдѣ и ничему не учился, прослужилъ года четыре въ гусарахъ и, вышедъ въ отставку лѣтъ 30, управлялъ очень небольшимъ своимъ имѣніемъ, селомъ Ящеровымъ, подъ городомъ Серпуховымъ, служа передъ женой, во время предводительства моего отца, въ этомъ уѣздѣ, по выборамъ, земскимъ засѣдателемъ. Съ своими крестьянами обращался онъ круто, иногда жестоко,—однимъ словомъ такъ, какъ и всѣ, особливо мелкопомѣстные помѣшники, по произволу, по капризу. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что самое вѣрное средство увеличивать доходы—засѣвать какъ можно

больше полей. Урожай же зависить отъ Бога. На дѣлѣ выходило напротивъ. Дурно обработанныя и большею частью совсѣмъ не удобренныя поля давали весьма плохіе урожаи и усиленный, съ грѣхомъ пополамъ, барщинскій трудъ, не стоившій ничего, будучи даровымъ для помѣщика, изнурялъ крестьянъ. Такъ бы повелѣлъ онъ хозяйство и у меня, если бы я, слѣдуя болѣе разумной системѣ, введенной моимъ отцомъ, ее не поддерживалъ. Я потребовалъ отъ Тарасова, чтобы опредѣленное количество полей не измѣнялось; чтобы рабочія тягла произвольно не увеличивать; чтобы крестьяне не отправляли барщиной никакихъ другихъ постороннихъ сельскому хозяйству работъ, какъ-то построекъ и т. д.; чтобы отнюдь не мѣшались въ ихъ браки; чтобы рекрутъ отдавали по очереди, предоставляя управляющему право отдавать въ солдаты прежде очередныхъ крестьянъ неисправныхъ или дурного поведенія; чтобы всѣ крестьяне разбирались между собою, или если дойдутъ съ жалобами своими до помѣщичьей конторы, то не иначе, какъ сельскими старшинами въ присутствіи управляющаго; чтобы всѣ наказанія и штрафы взыскивались въ конторѣ и записывались въ книгу и т. д. Все, что я могъ придумать и придумывалъ впоследствии для огражденія крестьянъ отъ каприза управляющаго и его помощниковъ, едва ли приводилось въ исполненіе, но неизбѣжно довело крестьянъ до своеволія и распушенности, а управляющаго и все его правленіе до сонной лѣни. Мужики, однако, послѣ Шиловскаго управленія, видимо, поправлялись, зато доходы, какъ бы слѣдовало по возвышенію цѣнъ, не увеличивались, но и не уменьшались; я былъ и тѣмъ доволенъ. По излишней моей бережливости на себя, богатый бѣдностью мо-

ихъ прихотей, я, слава Богу, никогда не страдалъ жадностью къ деньгамъ.

Теперь нѣсколько словъ о самихъ крестьянахъ: всѣхъ ихъ вообще можно было раздѣлить на три части: на зажиточныхъ, семейныхъ, изворотливыхъ и отъ природы болѣе умныхъ; на среднихъ, которые существовали еще сносно, и, наконецъ, на голъ и бѣдняковъ по собственной винѣ или по обстоятельствамъ, съ которыми они не умѣли справиться. Послѣдніе, а ихъ была порядочная масса, были еще болѣе крѣпостными у односельцевъ своихъ богатыхъ, чѣмъ у помѣщиковъ. Всѣ вообще находились подѣ моимъ главнымъ патріархальнымъ завѣдываніемъ, которое я продолжалъ по мысли моего отца и по моимъ собственнымъ выводамъ изъ идей христіанскихъ и философскихъ о правахъ человѣка, который не долженъ быть ничьей вещью, т.-е. рабомъ.

Никакъ не могу въ моихъ «Запискахъ» отбояриться отъ отступленій и не сказать здѣсь нѣсколько словъ о бывшемъ крѣпостномъ состояніи въ Россіи.

По обычаю крѣпостной часто былъ продаваемъ явнымъ образомъ даже не помѣщику, но какому-нибудь чужому, зажиточному, также крѣпостному крестьянину, который прибрѣталъ его покупкой на имя своего помѣщика, съ тѣмъ, чтобы купленнаго отдать за свою семью въ рекруты. Такое вопіющее злоупотребленіе вынудило издать законъ еще до уничтоженія права продавать людей безъ земли, запрещающій отдавать въ рекруты людей прежде истеченія года до прибрѣтенія ихъ покупкой. Различныя сдѣлки торга людьми въ рекруты введены въ обычай столько же помѣщиками, какъ и крестьянами. Прослѣдимъ всю исторію этого торга. Прежде торговала людьми въ

рекруты сама казна и безстыдно пользовалась такимъ средствомъ умноженія государственнаго дохода. Въ доказательство приведу одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ примѣровъ, который, однако, въ свое время едва ли осужденъ былъ общественнымъ мнѣніемъ.

Одна княгиня сама по себѣ принадлежала семейству, отличавшемуся христіанскою образованностью и умственнымъ развитіемъ. Она соединяла въ себѣ и то и другое. Вышедъ замужъ уже не молодою за извѣстнаго въ Москвѣ разорившагося богача, она, расчетливая и способная на всякое дѣло не поженски, съ первыхъ дней своего замужества взялась за устройство имѣній мужа, близкаго къ окончательному разоренію. Обозрѣвъ имѣніе и поселившись въ одной изъ деревень, тотчасъ же продала она казнѣ 700 рекрутскихъ зачетныхъ квитанцій и получила такимъ образомъ 700.000 рублей ассигнаціями за отданныхъ ею изъ всѣхъ деревень рекрутъ въ зачетъ будущихъ наборовъ. Въ настоящее время необходимо для позднѣйшихъ поколѣній объяснить принятую ею мѣру для уплаты долговъ, лежавшихъ на мужѣ. Продавая людей въ рекруты за деньги, она не освобождала нисколько своихъ имѣній отъ рекрутской повинности. Примѣръ княгини, по счастью, не имѣлъ подражателей между порядочными зажиточными помѣщиками, зато у мелкопомѣстныхъ такіе случаи встрѣчались и могли находить извиненіе въ ихъ вѣчной нуждѣ, въ ихъ постоянномъ убожествѣ. Съ своей стороны зажиточные крестьяне, и особливо нашихъ сѣверныхъ промышленныхъ губерній, покупали у различныхъ помѣщиковъ зачетныя квитанціи или самыхъ людей, годныхъ въ рекруты, а

когда вышелъ законъ не ставить въ солдаты куплен-ныхъ прежде года, покупщики держали ихъ въ работникахъ при себѣ подъ строжайшимъ присмотромъ, чтобы они не сдѣлали умышленно надъ собою какого-нибудь вреда и оставались бы годными въ отдачу, какими были по осмотру при самой покупке. Вспомнимъ, что попечитель университета Голохвастовъ тщательно осматривалъ покупаемыхъ имъ людей, хотя, впрочемъ, онъ и не покупалъ ихъ для отдачи въ рекруты, а на всякій случай.

Если иные неразборчивые помѣщики и по бѣдности и по общей грубости помѣщичьихъ нравовъ имѣли обычай продавать въ рекруты своихъ крѣпостныхъ, преимущественно дворовыхъ, которыхъ можно было всегда продавать безъ земли, то, съ другой стороны и къ постоянному моему изумленію, знатные, чиновные, богатые и даже передовые по своему образованію помѣщики позволяли своимъ богатымъ крестьянамъ, поощряли ихъ покупать людей въ рекруты за свои семьи. Мнѣ пришлось не одинъ разъ убѣждать и нашихъ богатыхъ и нашихъ образованныхъ рабовладѣльцевъ въ томъ, что покупка людей есть тоже вопіющее злоупотребленіе. Занимаясь дѣлами двухъ крупныхъ помѣщиковъ, я рѣшительно отказалъ имъ въ моемъ на этотъ случай содѣйствіи. Богатые крестьяне, которымъ я отказывалъ подписывать по довѣренности купчія на продаваемыхъ въ рекруты людей, обратились тогда къ своимъ господамъ, и обреченные на солдатчину люди помимо меня, черезъ другихъ повѣренныхъ, были просителями куплены. Господами пріобрѣтателями были: одинъ извѣстный не богатствомъ, за то высшею своею образованностью и авторствомъ князь, и другой — тоже князь, очень богатый и очень добрый.

И не они одни позволяли своимъ рабамъ-крестьянамъ покупать чужихъ рабовъ-крестьянъ. Два мои указанія на помѣщиковъ, коротко мнѣ извѣстныхъ, изъ тѣхъ многихъ, которые всѣ, безъ исключенія, по обычаю злоупотребляли своими правами, отнюдь не есть, въ моихъ глазахъ, личное имъ обвиненіе. Вина была не въ нихъ, а въ сущности самага права, и потому, не дѣлая никому укора, приведу еще примѣръ подобныхъ злоупотребленій, которыя, вѣроятно, были допускаемы многими крупными помѣщиками въ размѣрахъ, несравненно болѣе увеличенныхъ. Богатые помѣщики дозволяли своимъ богатымъ крестьянамъ приобрѣтать на свое имя людей въ рекруты цѣлыми семьями и даже цѣлыми деревнями. Мнѣ, можетъ быть, не повѣрятъ, а потому я приведу одинъ случай, также мнѣ коротко извѣстный. На время своего отсутствія за границу родственница моя, сосѣдка по имѣнію, просила меня завѣдывать ея имѣніями въ разныхъ губерніяхъ. Всѣ ея крестьяне были на оброкѣ, и на всѣхъ нихъ накопились большія недоимки, допущенныя слишкомъ добрымъ, а потому слишкомъ слабымъ ея управленіемъ. Познакомившись нѣсколько съ дѣлами, я сказалъ ей, что собирать старыхъ, запущенныхъ недоимокъ не буду, за то ручаюсь, что годовой настоящій оброкъ доставлю ей вполнѣ. Для приведенія въ исполненіе моего обѣщанія я долженъ былъ принять тѣ же самыя мѣры, крутыя, насильственные, какія ввелъ я въ моихъ собственныхъ оброчныхъ имѣніяхъ. Я предписалъ всѣмъ вотчиннымъ начальникамъ: 1) что отнынѣ за несвоевременный платежъ настоящаго оброка воспрещаются, до совершенной его уплаты, браки въ домахъ и семьяхъ тѣхъ хозяевъ, на которыхъ окажется недоимка, и 2) годные въ этихъ семьяхъ

въ рекруты люди будутъ мною отдаваться прежле
 очередныхъ. Послѣ моихъ распоряженій объявленъ
 былъ рекрутскій наборъ. Заслуженный бурмистръ бо-
 гатаго ярославскаго имѣнія моей родственницы, села
 Михайловскаго (имя его я забылъ), вмѣсто списка не-
 доимщиковъ выслалъ мнѣ одинъ только списокъ оче-
 редныхъ и просилъ моего разрѣшенія на отдачу въ
 рекруты по заведенному у нихъ порядку. Я вызвать
 бурмистра къ себѣ въ Москву для объясненія и рѣ-
 шительно повторилъ ему приказаніе ставить въ рек-
 руты напередъ людей изъ семей недоимщиковъ, ибо,
 несмотря на явную зажиточность подгороднаго ихъ
 села, у нихъ и новый оброкъ за этотъ годъ, не го-
 воря уже о старыхъ недоимкахъ, уплачивался неис-
 правно. Бурмистръ отвѣчалъ мнѣ и довольно грубо:
 «У насъ этого не водится, мы никогда изъ всего на-
 шего села рекрутъ не ставимъ».—Какъ же такъ? А
 этотъ очередной списокъ, подписалъ его ты?—«Я. Да
 это очередные деревни Казанки».—Какой деревни Ка-
 занки? У меня въ описи имѣній вашей помѣщицы
 нѣтъ ни од. . . подъ этимъ названіемъ.—«Да деревнѣ
 Казанкѣ и не слѣдуетъ быть въ вашей описи, она
 не княжны, а наша».—Что за чертовщина! Какъ же
 она ваша, а не княжны?—«Извольте видѣть - съ. Мы
 самую эту деревню (душъ 50 или 60) по сосѣдству
 съ нами купили за себя еще при покойномъ князѣ,
 отцѣ нашей барышни, и на его имя съ тѣмъ, чтобы
 за село свое ставить изъ нея людей въ солдаты. Такъ
 это съ тѣхъ поръ и ведется законно. Вы тоже, су-
 дарь, эфтимъ насъ не обидьте, потому что это самой
 княжнѣ все извѣстно». Какъ ни твердо, казалось мнѣ,
 зналъ я всю азбуку нашего крѣпостного права, но та-
 кой отвѣтъ изумилъ и меня совершенно неизвѣстнымъ

мнѣ до того времени новымъ проявленіемъ крѣпостничества. Подумавъ и помолчавъ нѣсколько минутъ, я продолжалъ мое дослѣдованіе, обратившись къ бурмистру, стоявшему передо мной какъ бы ни въ чемъ не бывало, въ полномъ сознаніи своей правоты, съ новыми вопросами: Ну, что же? эти казанскіе крестьяне на барщинѣ или на оброкѣ?—«На оброкѣ-съ».—Кому же они платятъ?—«Вѣстимо намъ. Вѣдь купили ихъ мы». — По-скольку? — «По-скольку мы платимъ княжнѣ».—А недоимки у васъ на нихъ есть?—«Нѣту. Недоимщиковъ сдаемъ мы первыхъ въ рекруты».—Ну, любезный, спасибо за урокъ. Вотъ вѣдь ты и самъ меня учишь дѣлать такъ, какъ вы дѣлаете. Выпишемъ же мы съ тобою по подворной описи села Михайловскаго вашихъ-то недоимщиковъ, и ты по ихъ списку, за моей рукой, въ этотъ наборъ отдашь ихъ непременно, если они всего оброка не заплатятъ.—«Это нельзя-съ; будемъ просить княжну вести по-старому».—Можно, дружокъ, можно! Княжна далеко, а наборъ на носу, и ярославскій губернаторъ отъ меня ближе, чѣмъ отъ васъ помѣщика. Стоитъ ему узнать о вашихъ незаконныхъ порядкахъ, тогда ваша Казанка улетитъ къ чорту,—отойдетъ въ казну.—По сказанному и по писанному мною все было сдѣлано, т.-е. не совсѣмъ все, недоимщиковъ въ селѣ Михайловскомъ, которымъ грозило рекрутство, никакихъ уже не оказалось, и рабы рабовъ опять пошли въ рекруты, но уже въ послѣдній разъ. Возвратившуюся владѣлицу я убѣдилъ взять деревню Казанку за себя взамѣнъ накопившихся недоимокъ старыхъ годовъ по этому имѣнію.

Когда въ послѣднее десятилѣтіе передъ эмансипаціей дѣятельностью правительства возбуждены

были различныя препятствія промышленности людьми при рекрутскихъ наборахъ; когда между высшими административными лицами губерніи правительство, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, начинало находить себѣ ревностныхъ исполнителей новаго либеральнаго на-
правленія; когда богатые крестьяне уже не покупали людей въ рекруты, а нанимали за себя охотниковъ, которые большею частью продавались сами,—и тогда, и въ этихъ случаяхъ помѣщики опытные и ловкіе брали по крайней мѣрѣ двѣ трети денегъ за охотника себѣ въ карманъ, отдавая ему самому самую ничтожную сумму. Такая сдѣлка происходила слѣдующимъ образомъ.

Охотникъ, если онъ былъ крѣпостнымъ дворовымъ или крестьяниномъ другого помѣщика, безъ вѣдома ему самому, то-есть охотнику, также продавался, но уже не по купчей на него крѣпости, ибо всякая продажа была напослѣдокъ воспрещена. Въмѣсто же продажнаго акта давалось ему, т.-е. не ему въ руки, а въ руки его покупателя, отпускной листъ. Покупатель, пріискавъ гдѣ-нибудь на сторонѣ отчаяннаго пьяницу, отбивающагося отъ семьи забулдыгу, подговаривать его за небольшія деньги и за кутежъ въ полномъ развалѣ въ продолженіе 2-хъ, 3-хъ до набора мѣсяцевъ согласиться идти за него охотникомъ. Такихъ забулдыгъ между фабричными (помѣщичьими) крестьянами находить было возможно, цѣна на нихъ была отъ 200 до 300 рублей, и, смотря по времени, продовольствіе и удовольствіе такого охотника могло становиться покупателю еще рублей сто, а много двѣсти. Но настоящая сдѣлка охотнику была не 500 рублей на него издержанныхъ, а болѣе чѣмъ вдвое. Эту послѣднюю сумму получалъ отъ покупателя продавецъ

охотника, помѣщикъ, давая отпускную въ руки приобрѣтателя и на его собственный страхъ. Врачи, воинскіе пріемщики и кто-нибудь изъ членовъ рекрутскаго присутствія всегда бывали уже подмазаны. Первые еще до ставки его у себя на дому уже видѣли и осматривали, и какъ скоро вводился этотъ несчастный въ рекрутское присутствіе, предлагали ему, пьянствовавшему въ продолженіе цѣлаго мѣсяца и ошеломленному рѣшительною торжественностью послѣдняго совершающагося надъ нимъ акта, одну половину формальнаго вопроса: точно ли онъ идетъ охотой въ рекруты? умалчивая о томъ, что ему уже дана была отпускная, онъ уже не крѣпостной, а свободный, и что поэтому отъ него совершенно зависитъ идти въ рекруты или не идти и пользоваться данной свободой. Всѣ подробности такихъ продѣлокъ узналъ я отъ одного изъ торгующихъ людьми господъ, можайскаго помѣщика князя Крапоткина, который при мнѣ на дому у предсѣдателя можайскаго рекрутскаго присутствія просилъ его и тутъ же меня, какъ перваго члена этого присутствія, принять охотникомъ проданнаго имъ человѣка одному волостному головѣ государственныхъ крестьянъ. Предсѣдатель изъяснилъ безсловное свое на то согласіе, я тоже согласился, но имѣлъ глупость предупредить тутъ же князя, что я потребую отпускную, отдамъ ее охотнику въ руки и прибавлю, что онъ можетъ теперь идти или не идти въ рекруты.

— Помилуйте, вы такъ все мое дѣло испортите, — отвѣчалъ съ раздраженіемъ князь, и рекрутъ-охотникъ представленъ къ намъ не былъ, его свезли въ Москву въ губернское присутствіе, гдѣ безъ дальнѣйшихъ объясненій его и приняли.

Уже и прежде, въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, обращено было вниманіе правительства на общее злоупотребленіе всѣхъ помѣщиковъ безъ исключенія, введенное обычаемъ прежнихъ временъ въ отправленіи ихъ крѣпостными крестьянами рекрутской повинности. Въ самомъ началѣ, какъ мы видѣли выше, казна находила въ ней источникъ государственныхъ доходовъ продажею рекрутскихъ квитанцій. Мелкопомѣстные продавали своихъ крестьянъ и дворовыхъ болѣе по нуждѣ, нежели изъ прихоти богатымъ крестьянамъ другихъ помѣщиковъ для отдачи за свои семьи въ рекруты. Мы видѣли также, что другіе богатые, чиновные, знатные по роду и даже самые передовые по образованію и развитію въ нихъ либеральныхъ идей поощряли такой торгъ людьми въ рекруты до временъ эмансипаціи, дозволяя своимъ крестьянамъ покупать на свое имя людей для освобожденія приобрѣтателей отъ тяжелой повинности. Видѣли мы, наконецъ, въ имѣніи, временно мною управляемомъ, самый рѣзкій и, по моему мнѣнію, самый возмутительный примѣръ подобнаго барскаго снисхожденія. Вѣроятно, примѣръ этотъ былъ не единственный. Съ тѣхъ поръ, какъ и продажа квитанцій и явная торговля людьми начали встрѣчать со стороны правительства справедливое затрудненіе, стали торговать продажею охотниковъ въ видѣ найма. Тутъ былъ рискъ, но онъ, какъ мы видѣли, иногда удавался. Кромѣ всѣхъ сихъ проявленій помѣщичьяго произвола, мало-по-малу въ этомъ отношеніи стѣсняемого, многіе самые лучшіе изъ помѣщиковъ, желая сохранить или предохранить отъ разстройства лучшія зажиточныя крестьянскія семьи, спасти ихъ отъ рекрутства, ставили въ рекруты за

такіе дома штрафныхъ одинокихъ крестьянъ или дворовыхъ дурного поведенія. Но и въ такихъ случаяхъ вмѣшалось безнравственное корыстолюбіе, соблазнъ, которымъ и я сначала увлекался, ибо и я самъ бралъ съ богатыхъ крестьянъ деньги отъ 1.000 до 1.500 ассигнаціями, ставя за ихъ семью то дворовыхъ, то штрафныхъ крестьянъ даже изъ другихъ моихъ имѣній за михайловскія семьи зажиточныхъ и исправныхъ во всемъ домохозяевъ. Только въ послѣдствіи времени, лѣтъ за 15 до эмансипаціи, додумался я, что поступать такимъ образомъ недобросовѣстно и, опредѣливъ цѣну за освобожденіе отъ рекрутства 500 рублей, бралъ эти деньги не въ мой собственный карманъ, а въ мірскую крестьянскую кассу.

Продажа помѣщиками крѣпостныхъ всего болѣе распространялась на женщинъ. Ихъ продавали не одни мелкопомѣстные, но и достаточные средней руки господа, не по одной нуждѣ въ деньгахъ, а по недостатку въ невѣстахъ для своихъ собственныхъ крестьянъ. Извѣстно, до какой степени церковные законы стѣсняли браки родственными связями. Духовное родство по крещенію и кумовству мѣшало многимъ жениться въ своихъ вотчинахъ настолько, насколько и родство по крови. Подъ конецъ сдѣланы были нѣкоторыя облегченія, но разрѣшеніе вопроса о степеняхъ родства, не допускающихъ брака, зависѣло отъ епархіальнаго начальства, слѣдовательно, отъ консисторіи, присутственныхъ мѣстъ, изъ всѣхъ подобныхъ самыхъ притязательныхъ и ябедническихъ. Запрещеніе, истекавшее изъ крѣпостного права, вступать въ браки безъ позволенія помѣщиковъ часто бывало причиной, что женихи не могли находить себѣ невѣстъ въ односельныхъ деревняхъ, гдѣ всѣ между собою родня. Случалось,

что въ большихъ имѣніяхъ, гдѣ уже помѣщики, какъ напимѣръ со времени моего отца и при мнѣ, не вмѣшивая своего произвола въ браки, не женили крестьянъ по приказу, не отдавали вдовъ и дѣвокъ по принужденію, — случалось, говорю, въ такихъ имѣніяхъ, что ни одна крестьянская вдова или дѣвица не изъявляла согласія, какъ ея ни уговаривали, выйти за какого-нибудь крестьянина, не потому, чтобы онъ былъ человѣкъ порочный, но потому, что онъ былъ или бѣденъ или худосиленъ, не родной въ семьѣ, а приемышъ, или потому, что былъ вдовъ, съ малолѣтними дѣтьми, одинокій, не имѣвшій въ своемъ дворѣ ни одной бабы работницы, которая бы могла помогать въ женскомъ дѣлѣ будущей мачехѣ его полдюжины малолѣтокъ. Между тѣмъ такому именно крестьянину женитьба была необходима, иначе пропадалъ онъ самъ, пропадали его дѣти. Не одинъ, а много разъ приставали ко мнѣ вдовы крестьяне, обремененные дѣтьми, съ просьбами женить ихъ непременно и какъ можно скорѣе. Иной проситель приходилъ за этимъ ко мнѣ въ день похоронъ первой своей жены. За нихъ, зная коротко по себѣ всю нужду крестьянскаго хозяйства въ бабѣ, заступались деревенскіе старшины, и ходатайствовали сельскіе священники, советуя измѣнить по нуждѣ мой законъ и употребить принужденіе, неволю. Дѣлать было нечего, долженъ былъ уступить, но все-таки не рѣшался женить людей по страсти. Прошу моихъ читателей прочесть въ одной изъ миленькихъ комедій гр. Соллогуба отвѣтъ одного старосты сантиментальной помѣщицѣ. Молодая элегантная дама, воспитанная въ Смольномъ или Екатерининскомъ институтѣ и только что вышедшая замужъ по страсти, жила то въ Петербургѣ, то за границей

и пріѣхала въ первый разъ въ свое собственное оброчное имѣніе; угостила обѣдомъ крестьянъ и крестьянокъ, одарила послѣднихъ и спрашивала съ любопытствомъ молодыхъ, любятъ ли онѣ нѣжно своихъ мужей; тѣ, разумѣется, захихикали и стыдливо закрывали лица руками; отвѣта отъ нихъ она не добила. «Не правда ли, — обратилась она тогда къ старостѣ, — онѣ выходятъ всѣ по любви». — То-есть какъ это по любви? — «Ну, коли ты не понимаешь, разумѣется, по страсти». — Вѣстимо дѣло, сударыня, по страсти: иную коли не пристрастишь, ни за что не пойдеть, хоть колъ на головѣ тещи; охота ли ей будетъ выходить за вдоваго на чужихъ дѣтей. — Итакъ, у насъ въ имѣніи по страсти не выходили, а чтобы не разорять какого-нибудь вдовца, который пристава въ приневолить за него невѣсту, что совѣтовали и мнѣ мои вотчинные начальники съ деревенскими выбранными отъ крестьянъ старшинами, самъ придумалъ я, и то не вдругъ, послѣднее средство спасти отъ гибели вдоваго крестьянина и его сиротъ. «Попробуй, — сказалъ я одному неугомонному просителю-жениху, — искать невѣсть себѣ на сторонѣ». — Да изъ чужихъ-то подавно никто за меня не пойдеть. — «Толкнись, любезный, къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ въ Судьбище; у нихъ, говорятъ, бываютъ продажныя вдовы и дѣвки; авось найдешь подходящую за себя, а чтобы и такой не слишкомъ было неволн, обѣщай ей отъ меня, что она, если пойдеть охотою, на весь свой вѣкъ будетъ освобождена отъ барщины». Дня черезъ два явился снова страстный женихъ ко всѣмъ невѣстамъ вообще и съ величайшею радостью объявилъ, что нашелъ славную работницу и дѣвку, которая идетъ по охотѣ въ наше село, и отецъ ея съ матерью отпускаетъ къ

намъ со всякимъ удовольствіемъ. Помѣщица продала мнѣ ее за 25 р. сер., гораздо дешевле, чѣмъ продавалась въ то время добрая крестьянская лошадь.

Все это длинное сказаніе о невольномъ передвиженіи изъ рукъ въ руки заключаю здѣсь хвастливымъ отзывомъ о развитіи своего хозяйства и своихъ отъ него доходахъ, сдѣланнымъ мнѣ одной ярославской помѣщицей, г-жей Смолиной. Познакомился я съ ней потому, что ея дочка, очень хорошенькая собой и очень эмансипированная, выходила замужъ за моего внучатнаго брата, гвардейскаго офицера Теплякова. Давала она въ приданое за ней не менѣе 500 ярославскихъ душъ и увѣряла, что получалась съ нихъ 5.000, а иногда 7.000 дохода. Когда я сталъ ей объяснять, что, какъ ни разсчитывай, повѣрить такому доходу трудно, она подъ конецъ вынуждена была мной назвать опредѣленно источники такихъ чрезмѣрныхъ доходовъ, и вышло, что она всѣхъ безъ исключенія своихъ вдовъ и дѣвокъ продавала въ замужество на сторону и за большія деньги, а крестьянъ въ рекруты. Ея же собственные крестьяне должны были сами покупать невѣсты, а равно и ставить за себя продаваемыхъ другими въ рекруты. Все это дѣлалось сплошь да рядомъ на моей памяти и развѣ только весьма немногихъ приводило въ негодованіе; все это были одни цвѣточки, а не ягоды крѣпостничества. Указывая на темныя его стороны, я привожу только тѣ примѣры, которые были въ обычаѣ у всѣхъ помѣщиковъ вообще, дурныхъ и хорошихъ, такіе случаи, которые исходили изъ рабства по законамъ исторической давности, иногда и по законамъ писаннымъ, но по теченію времени мало-по-малу постоянно смягчаемымъ. Впрочемъ, относительно браковъ у крѣпостныхъ кре-

стьянъ еще уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича воспрещено было помѣщикамъ употреблять свою власть, —обычай шелъ тутъ врозь съ закономъ.

Въ концѣ 30-хъ годовъ принялъ я въ управленіе небольшое имѣніе моей жены въ Смоленской губерніи, доставшіяся ей 200 душъ послѣ раздѣла съ родной сестрой. Выбранный крестьянами словоохотливый бурмистръ явился ко мнѣ съ вяземскими пряниками и медомъ-липицомъ на поклонъ отъ міра. Долго разсуждали мы съ нимъ о разныхъ разностяхъ по этому имѣнію, усердно изыскивая средства, какъ бы ввести въ него побольше порядка, чѣмъ было прежде. Старикъ не прекращалъ бесѣды, представляя на мое разрѣшеніе цѣлый рядъ вопросовъ. Около полуночи я утомился и отпустилъ его отъ себя. Спустя полчаса онъ вошелъ опять ко мнѣ въ спальню съ извиненіями, что забылъ спросить еще объ одномъ неважномъ дѣлѣ. «Какъ прикажете мнѣ быть со свадьбами?» — «Что мнѣ до нихъ за дѣло, — отвѣчалъ я, — какъ было, такъ пусть и будетъ». — «Благодаримъ покорно, —и бухъ въ ноги, —стало, у насъ опять пойдетъ попрежнему, на сходкѣ по жеребью». — «Какъ по жеребью?» — «Да мы, батюшка, приводимъ на міръ загодя до храмового праздника всѣхъ нашихъ молодыхъ ребятъ и ставимъ ихъ въ рядъ, а въ другомъ ряду взрослыхъ дѣвокъ, тутъ и дается имъ жеребій, и кому какъ выдетъ на какой дѣвкѣ жениться, у нихъ на другой день бываетъ помолвка, а въ праздникъ и свадьба». Наслу уговорилъ я этого бурмистра такой обычай отмѣнить, предоставивъ полную свободу женихамъ выбирать невѣсть. «Да развѣ они, —возразилъ Семень Осиповъ, —что-нибудь въ этомъ дѣлѣ смыслятъ?» — «Ну такъ пусть выбираютъ за нихъ родители». Отъ такого приказанія на цѣлые два года крестьян-

скіе браки замѣшались; потомъ къ данной мною свободѣ привыкли.

Къ сожалѣнію долженъ допустить, что многіе и очень многіе изъ помѣщиковъ безнаказанно позволяли себѣ подобныя злоупотребленія. Администрація за то владѣльцевъ не преслѣдовала. Большая часть дворянскихъ предводителей, первая обязанность коихъ состояла въ наблюденіи за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами, или совсѣмъ не принимала отъ послѣднихъ жалобъ на нарушеніе свободы брака, или, не желая выдавать своего брата—дворянина, за него всячески заступалась. Иногда невольный бракъ служилъ наказаніемъ провинившейся изъ дворовыхъ. Ее выдавали неволей за самого ледащаго крестьянина, а этого насильно на ней женили, не принимая отъ него никакихъ отговорокъ, что какая-нибудь кружевница или швея ни на что ему не пригодна. Совершавшій таинство брака священникъ и причетъ безпрекословно ихъ вѣнчали въ угоду помѣщиковъ или скорѣе помѣщицъ, которыя болѣе, чѣмъ ихъ мужья, въ подобныхъ случаяхъ проявляли свою власть.

Крѣпостной могъ быть не только проданъ, но и подаренъ другому, и въ прежнемъ нашемъ быту такихъ случаевъ не оберешься. Крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ дарилось особенно барынями порядочное количество. Набожныя барыни любили награждать своихъ духовныхъ отцовъ или поступались знакомымъ купцамъ или купчихамъ, хотя ни тѣ ни другія не имѣли права имѣть у себя крѣпостныхъ и держали ихъ у себя въ рабствѣ, часто весьма тяжеломъ, на имя дарителей. По недостатку въ деньгахъ или по скупости дарили людей судейскимъ и приказнымъ за ихъ одолженіе по тяжбынымъ и

слѣдственнымъ дѣламъ. Тетушка моя, Алена Яковлевна, имѣла по Богородицкому своему имѣнію процессъ о сотнѣ десятинъ земли. Нашъ управляющій Шилловъ былъ ея стряпчимъ и, казалось мнѣ, вмѣстѣ съ секретаремъ суда нарочно продолжалъ дѣло, чтобы выпрашивать у моей тетушки побольше денегъ на дачу взятокъ членамъ суда, гдѣ оно производилось, и чаще всего пріятелю своему, секретарю. Какъ-то разъ, пріѣхавъ въ Москву, началъ я говорить съ нею про это дѣло, совѣтуя кончить поскорѣе. «Спасибо, что ты мнѣ напомнилъ! Знаешь мою Матрешку (дѣвочку лѣтъ 12, которая ей прислуживала)? Твой Шилловъ уговариваетъ меня подарить се богородицкому секретарю Крестовоздвиженскому; ну, да я ему отвѣчала, что ты ужъ разъ отговорилъ дѣлать подарки людьми, вотъ я и сказала ему, что подожду тебя, а подарить по дѣлу о землѣ, говорить, неотмѣнно надо; оно, конечно, выгоднѣе было бы отдать ему дѣвчонку, она безродная, она лишняя, такъ только балуется, а денегъ и такъ много пошло на этотъ проклятый судъ». Я обратился къ христіанскому чувству доброй моей тетушки, представляя ей, что Матрешка точно такой же человѣкъ, какъ и мы, что житье ея въ крѣпости у секретаря будетъ прескверное и что можно дарить только кошками и собаками, а не людьми. Она меня поняла, какъ понимала и прежде, но о томъ забыла, послушалась, и Матрешка осталась при ней.

Не желая затруднять себя при составленіи моихъ «Записокъ» различными справками, я не стану ни утверждать, ни отрицать, бывали ли наши крѣпостные, подобно римскимъ рабамъ, закладываемы, промѣнчиваемы или отбираемы за долги. Думаю, однако, что всѣ эти случаи по стариннымъ законамъ и обычаямъ подѣ

разными видами повторялись и у насъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помѣщики отдавали въ услуженіе своихъ людей другимъ господамъ часто безъ всякаго условія и даромъ, по родству или по пріязни; такъ напр., мои дворовые служили и моей теткѣ, а ея у меня. Хотя въ послѣдствіи подобная передача слугъ однимъ господиномъ другому и была затрудняема закономъ, но полиція нигдѣ въ это не вступалась и не требовала на нихъ ни видовъ, ни паспортовъ. Бывали примѣры злоупотребленіямъ такого рода явные и въ большихъ размѣрахъ. По жалобамъ западныхъ и, кажется, смоленскихъ помѣщиковъ на недоимки оброчныхъ крестьянъ правительство утвердило за такими помѣщиками право отдавать въ работу мужиковъ различнымъ подрядчикамъ, но такое распоряженіе распространено было на однѣ бѣлорусскія и, если не ошибаюсь, на Смоленскую губерніи, и контракты съ нанимателями владѣльцевъ должны были сообразоваться съ узаконенными на то правилами, коими правительство старалось по возможности обезпечить отчасти и безбѣдное существованіе работниковъ. Именно въ это время, а можетъ быть и прежде, помѣщики прочихъ губерній отдавали за договорную въ свою пользу плату крестьянъ на фабрики, а плотниковъ и каменщиковъ—на производство разныхъ построекъ. Но подобныя отдачи людей внаймы не могли совершаться по формальнымъ условіямъ, потому что законъ допускалъ послѣднее только въ Западномъ краѣ. Крестьяне, отдаваемые въ работу, часто на это жаловались. Мнѣ были въ свое время извѣстны ихъ возмущенія, или такъ называемые крестьянскіе бунты огромной толпы. Не одинъ разъ приходили жаловаться губернатору на то, что помѣщикъ всѣхъ способныхъ къ работѣ изъ

селенія отдалъ беззаконно на фабрику Лепешкина. Къ сожалѣнію то же самое дѣлали люди весьма порядочные.

Кромѣ того существовалъ еще одинъ видъ крѣпостничества, замѣчательный своею особенностью; по законамъ наше духовенство, равно какъ и купечество, не имѣло права владѣть людьми подобно дворянамъ. Привилегія имѣть при себѣ крѣпостныхъ исключительно принадлежала первому высшему сословію Имперіи; но и купцы и наши пастыри не могли устоять отъ соблазна пользоваться даровою, дешевою прислугой. Чтобы имѣть ее, тѣ и другіе прибѣгали къ обману, скоро вошедшему уже повсемѣстно въ обычай. Они покупали дворовыхъ, иногда и крестьянъ, на имя своихъ благодѣтелей или пріятелей изъ дворянъ и такимъ образомъ держали у себя цѣлыя семьи въ крѣпости. Обычай этотъ, во многихъ мѣстахъ укоренившійся, побудилъ правительство издать законъ, въ силу котораго, когда подобное злоупотребленіе обнаруживалось, подвергались штрафу по 200 р. за мужскую и по 100 р. за женскую ревизскую душу тѣ лица, на имя которыхъ были куплены эти люди, равно какъ и незаконные ихъ пріобрѣтатели; крѣпостные же ихъ люди или же работники получали свободу.

У меня самого была предлинная и пренепріятная исторія по этому случаю съ давно умершимъ моимъ духовнымъ отцомъ, священникомъ церкви св. Николая въ Плотникахъ, что на Арбатѣ, Ѳ. А. Лебедевымъ. Батюшка мой позволилъ ему, и очень напрасно, купить какую-то вдову съ дѣвочкой на его имя. Вдова, привыкшая къ ребенку, долго и усердно прослуживъ мнимому своему господину, умерла. Дочь выросши начала отъ хозяина своего отлынивать. Только по при-

несеннымъ мнѣ на нее жалобамъ отъ моего духовника узналъ я, что и у меня есть подобная крѣпостная, незаконно принадлежащая другому. Священникъ просилъ, наконецъ, чтобы я его отъ нея избавилъ, т.-е. взялъ къ себѣ за деньги или кому-нибудь продалъ. Наконецъ, она совсѣмъ отъ него убѣжала, отыскать онъ ея не могъ и неотступно требовалъ, чтобы я заплатилъ за дѣвку 100 р. Напрасно сперва говорилъ я ему, что далъ себѣ слово людей никогда не продавать, а потомъ, что за бѣглую, которою владѣть онъ не имѣетъ никакого права, давать ему сто рублей рѣшительно не намѣренъ; мы едва съ нимъ за это не поссорились, и каждый разъ послѣ исповѣди онъ попрекалъ мнѣ, что я его обидѣлъ. Я отвѣчалъ ему, что не считаю себя передъ нимъ виноватымъ.

Одинъ изъ нашихъ Михайловскихъ приходскихъ священниковъ долженъ былъ заплатить значительный штрафъ за неправильно владѣемую имъ семью на чужое имя и долго-кряхтѣлъ отъ такого убытка; людей, ему давно служившихъ, у него отобрали, да еще чуть ли не 600 или 700 руб. взыскали пени. Самому мнѣ въ бытность мою предводителемъ въ Серпуховѣ удалось способствовать къ освобожденію цѣлой семьи дворовыхъ, которыхъ тамошній квартальный изъ дворянъ отдалъ за деньги въ услуженіе какому-то купцу; ихъ обоихъ оштрафовали на порядочную сумму, а людей отобрали и дали имъ свободу. Но къ великому моему сожалѣнію не удалось мнѣ освободить цѣлую деревню изъ 100 ревизскихъ душъ, которыхъ серпуховской купецъ Потаповъ купилъ на имя своей дочери, вышедшей замужъ за дворянина; распоряжался же и владѣлъ ею самъ купецъ. Я уже успѣлъ представить губернскому начальству

этотъ случай и требоваль законнаго слѣдствія; мнѣ долго не отвѣчали и протянули до конца моей службы по выборамъ, и купецъ, кажется, долго послѣ меня хозяйничаль этой деревней на правѣ помѣщика.

Не знаю, до какихъ поръ держался еще одинъ законъ, выражавшій собою всю возмутительную силу крѣпостнаго права человѣка надъ человѣкомъ; въ немъ было сказано, что за убитаго помѣщичьяго крестьянина крестьяниномъ другого помѣщика господинъ убійцы обязанъ былъ вознаградить помѣщика, потерпѣвшаго убытокъ, т.-е. дать ему за убитаго другого крестьянина изъ своего имѣнія. Не говоря уже о возмутительномъ способѣ вознагражденія за насильственную смерть, и въ матеріальномъ отношеніи законъ оказывается несправедливымъ къ помѣщику, которому принадлежалъ убійца. Этотъ помѣщикъ безъ всякой вины терялъ такимъ образомъ двухъ работниковъ — одного, т.-е. убійцу, котораго правительство ссылаю на каторгу, и еще другого, котораго онъ отдавалъ взаменъ убитаго. Въ самомъ законѣ ясно и возмутительно выражалась неприкосновенность помѣщичьихъ правъ.

Наши крѣпостные не имѣли права ни въ какихъ случаяхъ приносить жалобы на своихъ господъ. Если это у насъ и допускалось, то не иначе, какъ съ нарушеніемъ коренныхъ законовъ, какъ бы тайкомъ, въ одиночку отъ каждаго. Въ тѣхъ случаяхъ, когда жалобы на притѣсненія помѣщика приносились какой-нибудь власти отъ многихъ лицъ, то администрація, не входя еще въ разсмотрѣніе причинъ на жалобы, признавала просителей за бунтовщиковъ и наряжала по этому поводу дознаніе или слѣдствіе, съ перваго же шага подозрѣвая преступное возстаніе противъ власти, что такъ

часто во время оно называлось бунтомъ крестьянъ. Слѣдователи, служащіе по выбору отъ дворянъ, а всѣхъ болѣе уѣздные предводители почти всегда тянули на сторону помѣщиковъ, и въ случаяхъ весьма рѣдкихъ приносившіе жалобу крестьяне получали не-большое облегченіе въ своемъ жалкомъ быту. Въ свое время расскажу я два произведенныя мною слѣдствія. Само собой разумѣется, что при такомъ порядкѣ вещей наше законодательство не допускало никакихъ доносовъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ и что крестьяне ни по какимъ дѣламъ, ни гражданскимъ, ни уголовнымъ, не могли быть призываемы въ свидѣтели противъ своихъ владѣльцевъ. Навѣрное не помню, но кажется мнѣ, что въ старые годы крѣпостныхъ ставили на правожъ вмѣсто своего господина по его требованію, т.-е. подвергали пыткамъ.

Возвращаюсь къ разсказу о моемъ завѣдываніи Михайловскимъ, завѣдываніи, патриархальность котораго склоняла вѣсы управленія на сторону крестьянъ. Въ этомъ Михайловскомъ вѣроятно чаще, нежели у другихъ помѣщиковъ, крестьяне повторяли мнѣ и управляющему простыя, радушныя, но не безхитростныя рѣчи: «вы наши отцы, мы ваши дѣти», и тутъ же кстати и не кстати прибавляли: «мы ваши, а земля наша». Мало-по-малу эти наши дѣти при неурядицѣ управленія начали смотрѣть и на господскую землю, лѣса, покосы, пастбища, какъ на принадлежащую имъ землю. Вездѣ были порубки, потравы, заѣзды по полямъ. Воровства было несравненно меньше, нежели теперь, но безпорядокъ, допущенный въ господскомъ хозяйствѣ, увеличивалъ и безпорядокъ у самихъ крестьянъ: и у помѣщика, и у его крѣпостныхъ много добра пропадало даромъ, какъ говорится въ просторѣчій—кинью.

Составъ моего управленія былъ слѣдующій. Поставлюсь припомнить себѣ самыя имена. Главнымъ помощникомъ управляющаго Тарасова былъ избранный имъ бурмистръ Тимоѳей Ѳедоровичъ Бакуткинъ, изъ деревни Козловки, голова всему имѣнію, добрый, рохлый, но усердный, хотя и лѣнивый. Старостой 1-го отдѣленія, въ которомъ была и главная господская усадьба, Прохоръ Тимоѳеевичъ, умнѣе и надежнѣе бурмистра. Старостой 2-ой половины былъ чрезвычайно умный и не старый богатый мужикъ Яковъ Евстаѳевичъ. Онъ особливо пришелся мнѣ по нраву тѣмъ, что не слишкомъ норовилъ крестьянамъ, не потакалъ имъ и никогда не оправдывалъ виноватыхъ, но зналъ ихъ нужды и въ важныхъ случаяхъ открыто за нихъ же по-своему заступался. Бывало, не разъ говаривалъ онъ мнѣ, когда дѣло доходило до упрековъ ему за частыя порубки въ лѣсахъ: «Батюшка Д. Н., не было бы у насъ лѣсныхъ воровъ, не было бы у насъ и дворовъ». Старостой 3-го отдѣленія (1-ое и 2-ое назывались тогда еще половинами, третье же прямо сельцомъ Никольскимъ), былъ крестьянинъ изъ семьи Ефимочкиныхъ. Эта семья была самая зажиточная во всей вотчинѣ, въ ней было около 10 тягловыхъ работниковъ, а всѣхъ съ женщинами и малолѣтними, въ трехъ избахъ на одномъ дворѣ, подъ рукой одного хозяина, старшаго брата, человѣкъ до 40. У нихъ на гумнѣ было больше скирдовъ хлѣба и сѣна, чѣмъ у иного сосѣдняго мелкопомѣстнаго. У нихъ былъ цѣлый табунъ лошадей и свои заводскіе кони. Главой этого дома былъ большой мой пріятель, крестьянинъ Архипъ Ефимовичъ, потому-то ихъ и называли сперва Ефимочкиными, а потомъ Архиповыми. Вся эта семья жила въ мирѣ и изобиліи и долго, пока правилъ ею Архипъ,

не соблазнялась на раздѣлъ. Держава въ ней была строгая, сору она изъ своей избы не выносила и никогда до конторы съ жалобами на внутренніе раздоры не доходила. Бабы въ ней не дурили. Привожу здѣсь рассказъ Архипа, въ которомъ выразился и его собственный характеръ и его время. (О моихъ рассказахъ о Михайловскомъ надобно замѣтить, что они принадлежатъ не одному, а цѣлому ряду годовъ, въ продолженіе коихъ правилъ я Михайловскимъ сначала посредствомъ Тарасова, а потомъ и самостоятельно, иначе память бы мнѣ измѣнила, неспособная приводить разные случаи по годамъ, особливо же въ рассказахъ курьезныхъ анекдотовъ. Отвѣчаю за вѣрность цѣлаго, а потому и не вхожу въ отдѣльныя повремениныя подробности.)

Итакъ, рассказывалъ мнѣ однажды Архипъ Ефимовичъ о своемъ хожденіи въ Кіевъ, къ Печерскимъ угодникамъ на богомолье. «Отпросившись у Никол. Серг. (т.-е. Тарасова) послѣ Петровокъ, пришелъ я третьяго дня домой, слышу, ты здѣсь, и вотъ тебѣ, батюшка, изъ Кіева, образокъ и просфорка, да еще колечко отъ мученицы Варвары». — «Сколько же ты времени проходилъ?» — «Да съ мѣсяць, а не то и поболѣ». — «Небось стало дорого? Скажи правду, сколько потратилъ?» — «Не больно, батюшка, дорого, я вѣдь пѣшкомъ туда сбѣгалъ и назадъ тоже, и хоша ноженьки уставали, благодаря Творцу Небесному нигдѣ на телѣгу не присаживался». — «Но говори, однако, сколько? Да говори правду». Мнѣ хотѣлось попрекнуть его въ лишніхъ и, по моимъ понятіямъ, вовсе ненужныхъ расходахъ. «Ну что, батюшка, и всего-то цѣлковенькій». — «Ужели всего на все?» (На ассигнаціи — 4 рубля, цѣнность цѣлковаго того времени.) — «Такъ, батюшка,

ей-ей такъ. Я вѣдь ходилъ Христовымъ именемъ, мірскою милостыней». — «Какъ? просто по міру?» — «Вѣстимо дѣло. На что же намъ грѣшнымъ и дано Христово имя. Кормили меня даромъ, добрые люди давали милостыню кой на что, примѣрно сказать: на лаптишки или на калачикъ, грѣшнымъ дѣломъ захочется и побаловаться, да и рубликъ-то свой поистратили «по церквамъ то на свѣчи, то на поминки по родителямъ».

Теперь совсѣмъ другое. Въ 1871 г. на Святой явились ко мнѣ въ Москву повидаться трое изъ Михайловскихъ крестьянъ прямо отъ Троицы. Похристосовавшись, на спросы мои отвѣчали, что весь ихъ путь по желѣзной дорогѣ отъ самой деревни черезъ Орель, Москву до лавры и назадъ стоитъ имъ будетъ каждому рублей около 17, и что они о деньгахъ не жалѣютъ. Вотъ вамъ и мѣрка избытка нынѣшнихъ крестьянъ, разительная перемѣна понятія ихъ о хожденіи къ святымъ мѣстамъ, начавъ съ того, что отъ нихъ никакого подноса уже мнѣ не послѣдовало. Легкое ли дѣло по 60 рублей ассигнаціями на брата! Вся-то семья богача изъ всѣхъ, Архипа, едва ли проживала на деньгу втрое больше того во время Архипова богомолья въ Кіевъ.

Хочется мнѣ наименовать тутъ же и другихъ извѣстныхъ мнѣ крестьянъ, которыхъ называлъ я про себя своего рода аристократами, т.-е. болѣе или менѣе богатыми и вліятельными на весь вотчинный міръ. Я не только зналъ ихъ всѣхъ и зналъ коротко, но по возможности спасалъ ихъ отъ рекрутчины, всегда берегъ, помогалъ имъ и поддерживалъ ихъ значеніе между крестьянами. Таковыми были: во-первыхъ, помяну не святѣйшій правительствующій синодъ, а крестьянина деревни Барановки, Василя Ивановича Лыса-

нова, и хозяевъ двухъ дворовъ въ другихъ деревняхъ того же имени, на деревнѣ Бѣляевкѣ три семьи Бѣляевыхъ, по фамиліи коихъ прозвана была и вся деревня. Въ первомъ по уряду и избытку изъ этихъ дворовъ управляла домовитая вдова Дарья Ивановна, моя кормилица, отчего и сдѣлалась до сихъ поръ домъ дворовъ Кормилицыныхъ. Добрая, кроткая, не корыстолюбивая, не притязательная была она женщина, дай Богъ ей царство небесное! У нея было до 6 сыновей, и при ея жизни трое изъ нихъ были уже въ тяглѣ. Въ справедливую награду за великую помѣщику своему службу—она не только его выкормила, но и ходила за нимъ, т.-е. за мной, еще года два послѣ, по кончинѣ моей матери, покуда я, болѣзненный, не прежде трехъ лѣтъ сталъ на ноги—получила она цѣлый участокъ крестьянскаго надѣла, сверхъ того сынъ ея съ своей бабой, мой молочный братъ, освобождался отъ барщины.

Во 2-ой половинѣ зажиточные крестьяне были Бакуткины, Сальниковы и Гришечкины, прибавлю тутъ же одинъ дворъ изъ самыхъ бѣдныхъ и только потому, что въ немъ жили два брата Хованскихъ. Сколько ни старался, не могъ я понять, откуда забралось въ нашу глухую степь и перешло къ мужикамъ это родовое имя потомковъ древнихъ литовскихъ князей; да еще не далеко отъ моихъ крестьянъ деревни Козловки у Хилкова были крестьяне Куракины. Въ томъ и другомъ имѣни собственно русскихъ производныхъ звуковъ не слышится, а старинныхъ помѣщиковъ этихъ родовъ ни въ Тульской, ни въ Ярославской губерніяхъ по моимъ справкамъ не было. Прошу надъ этимъ позаняться изслѣдователей, нашихъ Погодиныхъ.

Село Михайловское, Архангельское — по приходской церкви во имя архангела Михаила, Мансурово и Хилково — по фамилии своих владѣльцевъ, а потомъ пожалуй и Свербеево тоже, образовалось изъ замежеванной въ окружной междѣ за прежними владѣльцами Хитровымъ и Мансуровымъ дачи, въ количествѣ 12,000 съ сотнями десятинъ, изъ поземельнаго ихъ права по писцовымъ книгамъ на 1004 четверти съ межами, лугами и примѣрными землями. Какимъ образомъ случилось въ немъ то, чему быть не слѣдовало, почему именно поселенные на этихъ земляхъ крѣпостные обоихъ помѣщиковъ крестьяне расселились деревнями, въ разбивку, отъ чего невольно образовалась между землевладѣльцами черезполосица, — почему это такъ случилось? какъ я ни старался допытаться до причины такого безпорядочнаго распоряженія селеній, узнать ничего не могъ.

Купивъ Мансуровскую половину села Михайловскаго, мой отецъ тотчасъ же увидѣлъ ужасную неурядицу отъ черезполоснаго поземельнаго владѣнія. Въ то время и самыя дачи обоихъ владѣльцевъ и ихъ крестьяне съ крестьянскими полями были перепутаны болѣе, чѣмъ это было необходимо, особливо въ лугахъ. Тогдашній сосѣдъ отца по имѣнію, князь Александръ Яковлевичъ Хилковъ, отецъ моего сосѣда, князя Дмитрія, жилъ больше въ чужихъ краяхъ и никогда въ свое Михайловское не заглядывалъ, поэтому батюшка мой долженъ былъ приступить къ домашнему любовному разверстанію общей дачи вмѣстѣ съ его управляющимъ, повѣреннымъ Алексѣемъ Оседоровичемъ Дубровскимъ. Они составили любовный домашній актъ раздѣла земель по удобству и по возможности къ однимъ мѣстамъ, и съ этого-то времени установи-

лись, а потомъ и законно утвердились наши поземельныя собственности. Какъ мой отецъ, такъ равно и повѣренный Хилкова, Дубровскій, размѣнялись землями добросовѣстно, но несмотря на то батюшка мой всю свою жизнь не находилъ возможности убѣдить путешествовавшаго по Европѣ и впослѣдствіи проживавшаго въ Петербургѣ своего сосѣда, стараго князя Хилкова, утвердить этотъ раздѣлъ земель формальнымъ, законнымъ образомъ. Поздно, только въ 40-хъ годахъ, формально и полюбовно размежевался я съ сыномъ стараго князя, княземъ Дмитріемъ, допустивъ незначительныя измѣненія противъ прежняго плана.

Коснувшись, впрочемъ, еще слегка до первоначальнаго поверхностнаго моего управленія крестьянами, я долженъ прибавить здѣсь нѣсколько словъ о вотчинной конторѣ того времени. Въ ней сосредоточивались все управленіе, вся отчетность, всѣ распоряженія. Въ ней тамъ ежедневно записывались наряды на работы, штрафы, взысканія и самыя наказанія, разбирательство жалобъ и просьбъ крестьянъ, ихъ между собою ссоры, которыя еженедѣльно, именно по субботамъ, судились въ присутствіи управляющаго, бурмистра, всѣхъ вотчинныхъ начальниковъ, т. е. трехъ старостъ и трехъ десятскихъ всѣхъ трехъ отдѣленій и всѣхъ сельскихъ старшинъ, избираемыхъ крестьянами. Всѣ эти лица составляли общее каждую субботу вечернее присутствіе; по крайней мѣрѣ такъ было заведено, а иногда такъ и исполнялось. Главнымъ конторщикомъ былъ тотъ самый крѣпостной дворовый Филиппъ Ивановъ, который служилъ мнѣ въ Петербургѣ въ видѣ какого-то дворецкаго или буфетчика. Онъ былъ достаточно грамотенъ, понятливъ и писалъ довольно правильно. Вовлекаемый въ потокъ тогдашняго либерализма ува-

жаемымъ мною Семеновымъ, о которомъ уже мною было говорено, я пожелалъ за два года до перваго моего отъѣзда въ чужіе края сдѣлать изъ этого Филиппа Иванова сельскаго учителя. Семеновъ выпросилъ у Ѳедора Николаевича Глинки, здравствующаго и до сихъ поръ старца въ Твери, сему Филиппу позволеніе изучать бывшій тогда въ великой модѣ въ петербургской Ланкастерской школѣ методъ взаимнаго обученія. Вмѣстѣ съ назначеніемъ въ конторщики опредѣленъ былъ Филиппъ Ивановъ и сельскимъ учителемъ и дѣйствительно обучилъ грамотѣ дворовыхъ мальчиковъ по таблицамъ, пріобрѣтеннымъ черезъ Глинку въ Петербургѣ. Письму по тѣмъ же таблицамъ обучались по способу Ланкастера и Беля не на бумагѣ или грифельной доскѣ, а на пескѣ, опрятно и искусно разсыпанномъ на ихъ школьныхъ столикахъ. Ни тому, ни другому наши школьники порядочно не выучивались. Все это производилось ихъ учителемъ для эффекта, для вида и собственно на показъ мнѣ, когда я пріѣзжалъ въ Михайловское, а потому все и уничтожилось. Помощникомъ конторщика былъ прежній бывшій еще при моемъ отцѣ и при Шиловѣ первымъ конторщикомъ дворовый, спившійся Дмитрій Васильевъ Бардовицинъ, великій охотникъ и мастеръ удить рыбу и сочинять всякаго рода сплетни и клеузы; впрочемъ, онъ былъ опытиѣе и дѣльнѣе своего начальника, но главой конторы терпѣть его было нельзя. Еще въ 1812 году по заступничеству за него управляющаго Шилова мой отецъ старался отрезвить какими-либо средствами этого полезнаго пьяницу. Тетка Елена Яковлевна предложила тогда самое вѣрное средство исправленія людей—женитьбу. Бардовицына женили на молодой вдовѣ, и слѣдствіемъ этой

исправительной мѣры было одно то, что онъ пилъ уже запоемъ не въ одиночку, какъ прежде, а вмѣстѣ съ своей супругой. Пословица, приводимая тетушкой: «женится—перемѣнится», надъ нимъ не сбылась, и при мнѣ, какъ врачевство отъ пьянства, женитьба уже не повторялась.

Затѣмъ слѣдовало бы мнѣ въ этихъ «Запискахъ» помянуть поименно первыхъ должностныхъ лицъ многочисленной нашей дворни и тѣхъ важныхъ матронъ, которыя были во главѣ дворовыхъ прекраснаго пола и почему-то присвоили себѣ право на какое-то особенное отъ всѣхъ, начиная съ господъ, уваженіе. Я персйду къ подробному перечню всѣхъ этихъ именъ съ ихъ отчествами, но позже. А тутъ кстати трудно мнѣ удержаться, чтобы не указать на нашъ исключительный русскій обычай называть людей по ихъ крещеному имени и, смотря на наши къ нимъ отношенія, добавлять къ этимъ именамъ имена ихъ давно отжившихъ родителей. Слѣдствіемъ такого обычая память русскаго человѣка изошрятся постоянно, моя же собственная въ этомъ отношеніи меня самого удивляетъ. Сколько сотенъ, можетъ быть и до тысячи лицъ зналъ я и теперь знаю по имени и отчеству, а многихъ и съ прибавкой ихъ фамиліи или прозвища!

Мнѣ бы хотѣлось начать описаніе нашей многочисленной дворни съ такого человѣка, который съ давнихъ лѣтъ жилъ въ ней, ей не принадлежа, и въ то же время отличаясь отъ всего народонаселенія села Михайловскаго крупными и рѣзкими странностями всей своей личности. Тутъ непривычное къ портретной живописи мое тощее слово робѣетъ. Воображенію моему представляется одна таинственная во всѣхъ

отношеніяхъ личность, которая пугала меня въ младенчествѣ, занимала своими странностями все мое отрочество и на всю мою жизнь такъ и осталась какой-то неразгаданной загадкой. Таинственная личность называлась у насъ Зиновеемъ Ефимовичемъ, жила въ нашей Михайловской дворнѣ, но къ ней не принадлежала, добровольно навязала на себя должность сторожа при оранжереѣ и въ этомъ тепломъ помѣщеніи сама собой долго учила грамотѣ дворовыхъ и даже немногихъ крестьянскихъ мальчиковъ. Задавъ себѣ задачу этого описанія, еще наканунѣ нынѣшняго утра припомнилъ я нравственное и физическое очертаніе Зиновея Ефимовича, ночью, какъ есть, видѣлъ его во снѣ, и при всемъ оживленіи во мнѣ моихъ о немъ воспоминаній я увѣренъ, что не буду въ состояніи его достойно представить. Попробуемъ. Всегда казался онъ мнѣ пожилымъ, лучше сказать—старикомъ. Роста онъ былъ огромнаго, худобы въ тѣлѣ рѣдко встрѣчаемой, особенно худы были его длинные, исковерканныя руки и ноги. Посѣдѣлъ онъ рано, бороду носилъ жиденъкую и короткую, козлиную, онъ былъ кость, обликъ его былъ не русскаго типа. Всего болѣе поражало въ немъ и пугало въ потемкахъ людей самыхъ ему близкихъ, тѣхъ, съ которыми онъ жилъ постоянно, то, что этотъ длинный, худой, изнуренный жизнью человѣкъ былъ изломанъ во всѣхъ своихъ суставахъ и къ тому же заика до такой степени, что онъ долго, долго не могъ произнести ни одной фразы и при каждомъ словѣ все его лицо напряженно, конвульсивно дѣлало страшныя гримасы. Пораженному непривычному взгляду представлялся онъ не живымъ существомъ, а какой-то грозной тѣнью человѣка. Женщины и дѣти не скоро къ нему привы-

кали, да и всѣ вообще дворовые, съ которыми онъ знался, обращались съ нимъ съ какимъ-то чувствомъ страха, прикрытаго заискивающимъ почетомъ, или ласковаго уваженія. Какъ бы нарочно къ усугубленію той таинственности, какою окруженъ былъ этотъ человѣкъ, вѣрнѣе сказать—эта тѣнь человѣка, никто изъ всѣхъ дворовыхъ не могъ опредѣленно сказать, откуда былъ онъ родомъ, кто былъ его отецъ, какой семьѣ онъ принадлежалъ,—однимъ словомъ, что это былъ за человѣкъ. Знали одно, что отецъ мой взялъ его къ себѣ гдѣ-то въ Крыму, когда онъ былъ еще очень молодъ. Повѣствовать о себѣ Зиновей Ефимовичъ не любилъ и такихъ разговоровъ всегда избѣгалъ, какъ бы нарочно заикаясь на этотъ разъ продолжительнѣе, нежели всегда, и еще поразительнѣе гримасничая лицомъ и конвульсивно коверкаясь своими тѣлодвиженіями. Въ такія минуты онъ въ самомъ дѣлѣ становился страшенъ. Самъ ли онъ постарался прослыть на все село знахаремъ, колдуномъ, врачомъ отъ всѣхъ болѣзней и особливо женскихъ истерическихъ, но онъ лѣчилъ всѣхъ, и къ нему за лѣкарствами приходили многіе, хотя всякое лѣчение и было ему не однажды воспрещасмо отцомъ моимъ. Еще строже воспрещено ему было также батюшкой отчитывать по какимъ-то отреченнымъ старымъ книгамъ бабъ и дѣвокъ кликушъ, и всѣхъ тѣхъ, которыя считали себя испорченными отъ какого-нибудь лихого человѣка. Потому же самому не дозволялось ему прибѣгать къ знахарству или колдовству, ворожить, гадать и этими способами отвѣчать вопрошающему, гдѣ и какъ отыскать какую-нибудь пропажу или воровство, но все это, вѣроятно, производилось имъ втихомолку. Разсказывали, что больше всего стремились

къ нему женщины, иные прибавляли къ этому, что Зиновей Ефимовичъ былъ равнодушенъ къ прекрасному полу, что нѣкоторые особы этого пола съ своей стороны находили его почему-то привлекательнымъ. Все это объяснялось въ немъ какимъ-то дьявольскимъ наваждениемъ; ему приписывали всякую чертовщину, я же, напротивъ, зналъ его за человѣка набожнаго и прилежнаго къ церкви. Отецъ мой, сколько я помню, обращался съ нимъ въ непродолжительныхъ встрѣчахъ какъ-то иначе, чѣмъ съ другими нашими дворовыми, какъ-то ласково, но строго и внушительно. Тетушка, а потомъ и семья Тарасовыхъ встрѣчались съ нимъ не безъ страха, я боялся его долго. Напрасно потомъ, придя въ возрастъ и уже сдѣлавшись господиномъ и обладателемъ, старался я узнать загадочное его происхожденіе. Да въ этомъ собственно была моя обязанность: не будучи нашимъ крѣпостнымъ, онъ не имѣлъ при себѣ никакого паспорта или вида. Отъ земской полиціи отбояривался онъ давностью своего у насъ пребыванія, и они, многія поколѣнія сельскихъ сотскихъ, застѣдателей, исправниковъ, а потомъ и становыхъ, отходили отъ него ни съ чѣмъ, въ свою очередь пораженные присущей этому Зиновею какой-то тайной. До послѣдняго моего съ нимъ свиданія, когда—не помню, одному ему по настоящему его требованію давалъ я цѣловать мою руку, смягчая для себя этотъ знакъ дикаго барства лобызаніемъ его странной фигуры. Онъ же уважалъ во мнѣ по собственнымъ его словамъ, значительно и протяжно имъ высказаннымъ, какое-то господство, поставленное свыше и помимо собственной воли. Таковъ былъ нашъ загадочный Зиновей Ефимовичъ, къ которому робко обращался съ

приказаніями даже самъ надменный своею властью Шиловъ, а дядька мой, начитанный и набожный Варѳоломеевичъ, встрѣчался съ нимъ съ какой-то всегда странной улыбкой, какъ будто говорилъ про себя: «Мы васъ знаемъ и понимаемъ». Въ самомъ дѣлѣ дядька мой зналъ его еще въ Крыму, но какимъ зналъ, того мнѣ не высказывалъ. Уже старого, но еще не дряхлаго, узнала Зиновей и моя жена, кажется, помнятъ его смутно и старшія мои дочери, а старшій мой сынъ, покойный Николай, интересовался имъ особенно нѣжно и, казалось, любилъ его искренно. Учительство Зиновей шло по неизмѣннымъ преданіямъ старины; учениковъ бывало не много, отъ 6 до 10; у каждаго была въ рукахъ указка, разрисованная по произволѣнію и съ разными затѣйливыми вырѣзками, для всѣхъ на стѣнѣ, подъ образомъ, висѣла на гвоздикѣ трехвостная плетка. Училъ онъ по церковной азбукѣ, отъ буквъ, произносимыхъ, разумѣется, азами, буками, фертами, ижицами. Потомъ мальчики переходили къ складамъ, къ разумѣнію титлѣ, гдѣ было безконечно трудно имъ отгадывать выпущенныя въ печати гласныя, какъ наприм., Всдржитель, къ чтенію букваря, т.-е. ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій и т. д., потомъ часослова и къ вѣнцу полного курса—псалтирю. Немногіе достигали и такой книжной премудрости, на которую употреблялось отъ 6 до 8 мѣсяцевъ года. Рѣдкіе могли прочесть не складывая тѣ молитвы и псалмы, которыхъ не заучили наизусть. При всемъ томъ потребность грамоты понимаема была уже почти безъ исключенія всѣми дворовыми для ихъ дѣтей и двумя-тремя лучшими, т.-е. болѣе зажиточными крестьянами. Врачебная дѣятельность Зиновей ограничивалась, по счастью, домаш-

ними лѣкарствами, всего болѣе употреблялись звѣробой и ромашка. Какими-то горькими травами настаивалъ онъ на водкѣ ерофеичъ, давалъ его въ видѣ капель не взрослымъ, рюмками и стаканами желающимъ подкрѣпиться. Худо было то, что въ особенныхъ случаяхъ лѣчилъ онъ и отъ такихъ болѣзней, которыхъ я не называю и которыя уже и тогда распространялись въ народѣ, средствами очень сильными и въ особенности сулемой, т. - е. меркуріемъ. Крестьяне, не имѣя рѣшительно никакихъ другихъ средствъ врачеванія, ибо уѣздный докторъ, единственный по городу и по всей округѣ не столько для помощи больнымъ, какъ для участія въ полицейскихъ слѣдствіяхъ, былъ крестьянамъ недоступенъ и слишкомъ дорогъ; фельдшеровъ также никакихъ не было. Два, три коновала при конныхъ помѣщичьихъ заводахъ въ уѣздѣ производили безъ толку кровопусканіе, бабки отъ различныхъ болѣзней парили по избамъ въ печахъ, гдѣ бывали случаи, что и задыхались, и онѣ же вмѣсто горчичниковъ, шпанскихъ мухъ и банокъ ставили иногда на спину и на животъ горшки. Не трудно было помѣщику или его конторѣ запрещать Зиновею лѣчить, а больнымъ у него лѣчиться, но при совершенномъ недостаткѣ врачебныхъ пособій они поневолѣ тайкомъ бѣгали къ непризанному врачу за помощью. При такомъ положеніи всего имѣнія, можетъ быть, Зиновей, какъ врачъ, былъ не бесполезенъ, и уже несомнѣнно то, что въ этомъ отношеніи медицинская дѣятельность его проходила не безслѣдно, а педагогическая—успѣха никакого не имѣла, и, однако, учиться грамотѣ отдавали къ нему охотнѣе, чѣмъ въ нашу новую ланкастерскую школу.

Когда лѣтомъ 1817 г. пріѣхалъ въ Михайловское

на хозяйство въ первый разъ молодой князь Дмитрій Хилковъ (ему было тогда 27 лѣтъ), онъ болѣе всѣхъ пораженъ былъ нашимъ загадочнымъ человѣкомъ, соединявшимъ въ себѣ и врачество, и учительство, и разныя таинственныя знанія. Въ это время въ Россіи масонство и мистицизмъ были въ самомъ разгарѣ. Хилковъ не принадлежалъ, кажется, никакой сектѣ, но по своей природѣ былъ способенъ ко всякой религіозной мечтательности, увлеченъ былъ въ нее сперва бывшей при его сестрахъ гувернанткой гернгутерскаго толку, m-lle Шредеръ, а потомъ и знаменитою мечтательницею, баронессой Крюднеръ. Съ перваго взгляда на Зиновя Хилковъ далъ мнѣ и себѣ слово, насколько можно, его изучить. По понятіямъ своимъ о масонахъ, хотя онъ имъ и не былъ, Хилковъ, догадывался я, думалъ, что Зиновей могъ быть, конечно, не просвѣщеннымъ, простодушнымъ послѣдователемъ начатковъ ученія масонской премудрости, которой будто бы могъ онъ научиться у моего отца. О моемъ батюшкѣ, умершемъ за три года, Хилковъ могъ знать только то, что имъ основана была въ Орлѣ ложа. Странія любознательнаго молодого мистика объяснить себѣ сколько-нибудь Зиновя, отыскать въ немъ причину его таинственности оставались безуспѣшными. Колдовство, знахарство, ворожба и непременно рядомъ съ ними простонародное лѣченіе разными травами и симпатическими средствами тѣми медиками, которые не принадлежатъ школѣ рѣшительныхъ матеріалистовъ, отвергаются, равно какъ и существованіе въ народѣ тѣхъ лихихъ людей, которые по злобѣ портятъ, т.-е. наносятъ вредъ и болѣзни своему ближнему. Не даромъ же говорятъ и о вліяніи на чело-вѣка глаза. Въ первой молитвѣ, даваемой родиль-

ницѣ и ея младенцу, Церковь установила молиться о спасеніи новаго христіанина «отъ призора очесъ». Итальянцы вѣрятъ глазу и боятся его не менѣ насъ, русскихъ. Какъ бы то ни было, Хилковъ по склонности своей ко всему чудесному долго ухаживалъ за Зиновеемъ и, живя иногда по своимъ дѣламъ до наступленія зимы въ Михайловскомъ, вызывалъ его къ себѣ на бесѣду въ длинные зимніе вечера и подпаивалъ чаемъ съ ромомъ, — и все было напрасно. Нашъ чудакъ отличался передъ всѣми дворовыми трезвостью и молчаливымъ, какъ камень, никогда не проговаривался, а можетъ быть и то, что и самъ ничего въ себѣ и за собой ясно не признавалъ, но въ князѣ Хилковѣ подозрѣнія на счетъ его запали глубоко и никогда не уничтожались.

Въ каждой дворнѣ сколько-нибудь зажиточнаго помѣщика, имѣвшаго за собою 1.000 и болѣе душъ, не говоря уже о тѣхъ богачахъ, за которыми по ревизіи считалось 5, 10 и до 100.000, какъ у графа Шереметьева, крѣпостныхъ крестьянъ, разрабатывались почти всѣ отрасли искусства, знанія или промысла. Быта богачей я въ подробности не знаю и потому ограничусь указаніями на бытъ помѣщиковъ средней руки и преимущественно на нашъ собственный при моемъ отцѣ. У нашихъ господъ бывало все подъ рукой; держали они при себѣ всякаго рода людей: кромѣ философовъ, бывали педагоги, хотя и низшаго разряда, я, напримѣръ, обучался грамотѣ и письму у своего крѣпостнаго дядьки, а арифметикѣ и первымъ началамъ геометріи у нашего крѣпостнаго управляющаго; бывали и медики, т.-е. фельдшеры, которыхъ отдавали учиться у какого-нибудь уѣзднаго врача пускать кровь, дергать зубы, ставить банки и пиявки и

лѣчить съ помощью разныхъ капель и просто народныхъ средствъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ общемъ употребленіи; бывали и артисты у многихъ, такъ у нашего сосѣда, Сафонова, былъ живописецъ, который какъ Ефремъ, прославленный эпиграммой И. И. Дмитріева, въ списываніи лицъ имѣлъ отличный даръ—Архиша Сидоромъ, Кузьму Лукой писалъ. Вся Сафоновская семья, изображенная кистью двороваго Рафаэля, украшала диванную комнату барскихъ хоромъ этого помѣщика. Не только у этого полубоярина, но и у насъ при батюшкѣ была собственная капелла, пѣвчіе, музыканты съ крѣпостнымъ регентомъ и капельмейстеромъ. Большіе чиновные бары, оставившіе по какимъ-либо обстоятельствамъ свои служебныя карьеры и переселившіеся на житье въ прихотливыя, затѣйливыя свои усадьбы, заводили у себя домашніе свои театры изъ дворовыхъ актеровъ и угощали собиравшихся къ нимъ и ближнихъ и дальнихъ сосѣдей комедіями, операми, а иногда и балетами. Отставной министръ, князь Куракинъ, имѣлъ у себя въ орловскомъ имѣніи очень порядочныхъ актеровъ и ежедневно круглый годъ тѣшилъ себя съ гостями и безъ гостей то сценическими представленіями, то концертами. Графъ Каменскій, сынъ фельдмаршала и самъ полный, хотя и не очень умный генералъ, бывшій въ опалѣ у государя Александра I, имѣлъ у себя многочисленную труппу сперва въ имѣніи, а потомъ въ городѣ Орлѣ, гдѣ по совершенному его разоренію домашній его театръ сдѣлался общедоступнымъ, и гдѣ онъ не считалъ себя стыдомъ брать за входъ. Въ Курскѣ былъ такой театръ дворовыхъ у графа Волкенштейна; изъ него вышелъ славный Щепкинъ, отпущенный по подпискѣ на во-

лю. Затрудняюсь, къ какому разряду дворни отнести барскихъ дураковъ и дуръ, карловъ и карлицъ; ставлю ихъ рядомъ съ крѣпостными артистами. Случалось, что догадливые господа своихъ домашнихъ лилипутовъ соединяли брачными узами, чтобы не пресѣклась ихъ порода. Во многихъ имѣніяхъ водились, кромѣ того, принадлежавшіе къ нимъ землемѣры и два-три, а иногда и болѣе, грамотные конторщика.

Затѣмъ, за крѣпостными людьми науки и искусства, слѣдоваль длинный рядъ полезныхъ служителей: тутъ были кондитеры и повара, и берейтеры, и всякаго художества мастера: портные мужскіе и женскіе, парикмахеры, маляры, слесари, столяры, точильщики, каретники, шорники, ткачи, кучера, лакеи, оффиціанты, егеря и т. д. ихъ же нѣсть числа. Въ большомъ барщинскомъ имѣніи этимъ не ограничивалось, тамъ нужны были и механики по рутинѣ, и многое множество конюховъ, скотниковъ, овчаровъ и опять т. д. А если у барина для его осенней потѣхи на какіе-нибудь два мѣсяца въ годъ существовала псовая охота, тогда пойдутъ стремянные, ловчіе, доѣзжачіе и рядовые псары. И дворня такого барина постоянно растеть и множится, часто до разоренія въ совершенный разоръ всего барскаго поколѣнія. У иныхъ хозяекъ, какъ напр. у моей доброй тетюшки, были изъ своихъ дѣвокъ кружевницы, которыя плели дорогія кружева подъ собственнымъ ея глазомъ и рядомъ съ ея спальней; чтобы не засыпать отъ скуки и лѣтнихъ жаровъ, пѣли онѣ громкія пѣсни. Бывали и швеи и, конечно, прачки.

Всѣ эти должностныя лица составляли огромную дворню. У зажиточныхъ и добрыхъ помѣщиковъ содержалась она недурно, часто даже прихотливо и

слишкомъ хорошо. На нихъ издерживалось по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ дохода съ имѣнія. У большихъ баръ большая часть ихъ дворни находилась при нихъ въ столичныхъ ихъ палатахъ или въ подмосковныхъ. У московскаго вельможи, князя Сергѣя Михайловича Голицына, въ московскомъ его домѣ жило болѣе 100 чел. и до 700 на его дачѣ, въ селѣ Кузьминкахъ. Въ 50 годахъ умерла въ бытность мою въ Петербургѣ старушка Мятлева, дочь фельдмаршала графа Салтыкова. Я видѣлъ на Невскомъ слѣдовавшую за ея погребальной колесницей толпу дворовыхъ до 500 человѣкъ. Всѣ эти барскія дворни были до крайности избалованы и размножались несравненно болѣе, чѣмъ крестьяне. Ихъ мальчиковъ отдавали по желанію отцовъ въ годы учиться разнымъ мастерствамъ, отчего и бывало такое количество мастеровыхъ, безъ которыхъ, впрочемъ, трудно было и обойтись въ порядочномъ имѣніи. Въ уѣздныхъ городахъ въ ремесленникахъ былъ большой недостатокъ, да и города эти часто находились въ дальнемъ отъ имѣній разстояніи. Содержаніе различныхъ дворовыхъ можно раздѣлить на три рода: городская прислуга кромѣ жалованья получала на пищу харчевья, въ деревняхъ это замѣнялось общей застольной, а многосемейная получала отвѣсное, т.-е. хлѣбъ, соль, мясо и пр. Остальнымъ выдавалась одна мѣсячина, т.-е. мяса никакого не давалось, а полагалась на каждую душу мука, крупа, соль, и въ замѣнъ всѣхъ другихъ харчей пользовались они правомъ содержать собственную свою скотину, кромѣ свиней, и птицъ, кромѣ гусей. Такимъ дворовымъ двухъ послѣднихъ разрядовъ давалась сверхъ того земля подъ ихъ огороды и, смотря по ихъ числу, часть луга для скота. Одѣвались они отъ себя, про-

давая приплоды отъ послѣдняго, пасли свои стада на обширныхъ господскихъ пастбищахъ и пользовались усадѣбнымъ выгономъ. Каждая семья въ близкомъ разстояніи отъ дворовыхъ избъ имѣла свой собственный хлѣвъ и заутку для птицъ. Эти ихъ небольшія отдѣльныя постройки, земляныя или изъ хвороста, окруженныя всякимъ соромъ и навозомъ, безобразили каждую господскую усадьбу, распространяя зловоніе.

Службы дворовыхъ или ихъ флигеля тянулись въ рядъ. Въ каждомъ изъ 4-хъ угловъ 10 аршинной квадратной комнаты помѣщались четыре семьи. Въ серединѣ была огромная русская печь, гдѣ варили они пищу; кромѣ кроватей и наръ, по угламъ устраивались для ночлега палатки; иные, по произволу, любили спать на верху обширной печи; при избахъ были холодные чуланы и погреба. Рѣдкіе отличались порядкомъ и опрятностью въ своихъ помѣщеніяхъ, вмѣстилищахъ всякаго рода ссоръ, ругательствъ и сплетенъ. Для мастеровыхъ отводились особенныя помѣщенія и приспособлялись къ роду ихъ занятій, и все вообще дворовое строеніе сколько-нибудь въ большемъ имѣніи было какъ бы отдѣльное селеніе, сносное для глазъ снаружи. Дворовымъ давалась на два года срочная одежда и обувь; тѣ, которые не имѣли скота, получали на три года тулупы и два суконные кафтаны, на годъ пару сапогъ и къ нимъ пару подметокъ. Женщины, обязанныя на господина сорока тальками льняныхъ нитокъ и изрѣдка мытьемъ барскихъ половъ, имѣли достаточно времени добывать одежду своими трудами. Многія изъ нихъ, вдовы и жены старыхъ и новыхъ слугъ, лично бывшихъ при господахъ, освобождались отъ всякаго дѣла, аристократничали и важничали пе-

редъ другими. Такихъ барскихъ барынь было у насъ двѣ, еще приданое моей матери: вдовствовавшая Аграфена Петровна Шалова, которую я прозвалъ хной, потому что она вѣчно хныкала о своемъ мужѣ, Ильѣ, и Вѣра Гвоздева, вдова славнаго нашего казначея Родивона и мать бывшихъ при мнѣ одинъ за другимъ камердинерами Тимофея и Сергѣя; у нея въ послѣдніе годы была на рукахъ кладовая.

Я уже началъ было перечисленіе нашей дворни съ волшебника и колдуна Зиновя и на немъ остановился. Эта дворня подчинена была Никитѣ Петрову, многосемейному и трезвому. Затѣмъ слѣдоваль старый лакей и парикмахеръ, а потомъ коноваль, преселый подъ хмѣлькомъ Никита Алексѣевъ съ женой изъ приданныхъ изъ дома Раевской. Одинъ изъ ихъ сыновей, Василій, учился садоводству у Г. Хозикова и былъ у насъ въ Солнышковѣ садовникомъ; другой, Николай, былъ моимъ камердинеромъ, а дочь, красивая Татьяна, горничною моей жены; они цѣлый годъ странствовали съ нами по чужимъ краямъ. Старшая сестра Татьяны, Аннушка, была единственная женщина изъ всего нашего имѣнія, перешедшая по замужеству другимъ господамъ, въ Хилковскую дворню, и была тамъ въ почетѣ. Кромѣ нея между населеніемъ нашего Михайловскаго и Хилковского, какъ они ни смѣшано жили между собою, браковъ никогда не было, тогда какъ и въ дворню и въ крестьянство входили по замужеству не одинъ разъ дѣвицы изъ подмосковной и другихъ нашихъ имѣній, конечно, не иначе какъ по согласію. Подъ старость удалился въ Михайловскую дворню на покой и самъ портной Семень, извѣстный первымъ моимъ фракомъ, Семень, и мой осанистый и красивѣй-

шій изъ всѣхъ студенческихъ кучеровъ, Михайла, предметъ зависти Голохвастова и другихъ моихъ университетскихъ товарищей, лошадиныхъ страстныхъ охотниковъ. Нѣтъ большой нужды называть остальныхъ дворовыхъ, всѣхъ ихъ было въ дворнѣ человѣкъ съ 300 съ бабами и ребятами, стоили они дорого, работали весьма мало. Мальчики лѣтъ до 20 раздаваемы были въ ученье; возвратясь въ домъ, они были, положимъ, полезны своимъ мастерствомъ хозяйству, но ихъ отвлекала часто работа на сторону по просьбѣ разныхъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Вообще говорилось тогда и ввелось въ обычай, что работали они на чужихъ по воскресеньямъ и праздникамъ и будто бы не касались для своихъ работъ до господскихъ матеріаловъ, на дѣлѣ выходило не такъ: всѣ они, такъ сказать, крали у барщины и время и матеріалы, а сверхъ того портили и ломали на такую работу барскіе инструменты.]

Когда впослѣдствіи пришлось мнѣ внимательно разглядѣть и подвести приблизительно итоги моему хозяйству, т.-е. опредѣлить все содержаніе такой большой дворни, особливо при неурожайныхъ годахъ, я пришелъ въ ужасъ при первомъ взглядѣ на огромныя отъ нея убытки и, виноватъ, почувствовалъ отвращеніе, лучше сказать, какую-то ненависть ко всѣмъ этимъ дармоѣдамъ, которые считали себя по роду и по званію выше крестьянъ и вездѣ поднимали передъ ними носъ, а управляющаго *водили* за его *собственный*. Повѣряя себя теперь въ моихъ дѣйствіяхъ, я готовъ сознаться въ несправедливости невыгоднаго моего къ нимъ расположенія. Со стариками и пожилыми дѣлать было нечего, и я оставлялъ ихъ въ покоѣ, но постоянно заботился о томъ, чтобы дворня моя не прибывала, и чуть-

чуть зашалится или забуянитъ какой-нибудь дворовый, избаловавшійся въ учены въ Москвѣ, или въ другомъ городѣ, я отдавалъ годнаго въ рекруты, а дѣвицъ, не находившихъ въ дворнѣ жениховъ, старался выжить долой со двора, раздавая имъ отпускныя. При началѣ эмансипаціи попеченіями моими обѣихъ истребленіи дворовые мои значительно убавились, а еслибы я допустилъ размноженіе дворни, она и меня бы съѣла, какъ многихъ изъ нашей братіи-помѣщиковъ.

Очень несправедливо думали тѣ отчаянные охотники до освобожденія, которые ставили въ упрекъ нашему барству личное рабство дворовыхъ и ихъ многочисленность. Размножались они почти всегда не по прихоти, а наслѣдственно, и постоянно вездѣ были помѣщику въ убытокъ. Очень часто, совсѣмъ нехотя, переводили въ дворовые изъ крестьянъ какого-нибудь обморыща, безроднаго, бобыля: иначе дѣвать было некуда; давался имъ пріютъ—уголъ по необходимости, и вотъ заводилась новая семья дворовыхъ, а обращать ихъ въ крестьянъ было почти невозможно. При этомъ самый строгій и даже жестокій помѣщикъ встрѣчалъ отъ нихъ такія затрудненія, что по неволѣ либо имъ уступалъ, либо цѣлый свой вѣкъ маялся съ никуда негоднымъ крестьяниномъ, переведеннымъ изъ дворовыхъ; такой съ своей семьей становился ему вдвое дороже, чѣмъ самая безпутная семья дворовыхъ.

И куда, подумаешь, всѣ они послѣ эмансипаціи подѣвались? Позволяю себѣ думать, хотя не имѣю на то никакихъ доказательствъ, что половина всей этой сволочи померла, а остальная предается всякаго рода воровству и разврату и переходитъ съ мѣста на мѣсто, нигдѣ его не находя, отъ одного хозяина къ друго-

му. Пьянство этого рода людей, нынѣ освобожденныхъ, всѣхъ этихъ наемныхъ кучеровъ, поваровъ, лакеевъ можетъ считаться одною изъ египетскихъ нашихъ язвъ, мѣшающихъ жить спокойно, а спросителка разныхъ мастеровыхъ-хозяевъ, и они вамъ расскажутъ, каково имъ пробиваться съ ихъ рабочими, бывшими большею частью изъ барской дворни.

Мнѣ было не по сердцу это осеннее мое пребываніе въ деревнѣ. Приѣхавъ въ Михайловское на другой или на третій день нашего храмового праздника, въ самый безобразный разгулъ крестьянъ и дворовыхъ, начавшійся тотчасъ послѣ обѣда, я былъ свидѣтелемъ многихъ, какъ увѣряли меня, необходимыхъ для восстановления порядка наказаній розгами при разборѣ ихъ ссоръ и дракъ. Меня тяготилъ произволъ этихъ наказаній и еще болѣе неоднократно приносимыя мнѣ жалобы, часто справедливыя, на самоуправство обращенія съ крѣпостнымъ людомъ различныхъ вотчинныхъ начальниковъ, а иногда и самого Тарасова, вмѣсто меня надъ ними поставленнаго. Вѣроятно, недовольство мое всѣмъ меня окружающимъ не имѣло бы такого грустнаго вліянія, еслибы я жилъ въ деревнѣ при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ въ другое время года, а не осенью.

Не легко, да и говоря вообще, почти невозможно было въ мои юные годы согласовать самыя умѣренныя требованія помѣщика на производительную въ его пользу работу барщинскихъ крестьянъ, а тѣмъ паче работу дворни съ тѣми идеями свободы, которыя, такъ сказать, независимо отъ меня выросли во мнѣ вслѣдствіе тогдашняго развитія у насъ всякаго либерализма. Мои собственныя убѣжденія противъ крѣпостничества отъ годичнаго путешествія не могли не усилиться. Съ

каждымъ днемъ этого осенняго моего пребыванія въ концѣ 1822 г. барщина становилась для меня противнѣе. Помощникомъ моимъ въ управленіи былъ извѣстный вамъ Н. С. Тарасовъ, который не только не раздѣлялъ моихъ свободолюбивыхъ принциповъ, но и на каждомъ шагу, какъ человѣкъ необразованный и весь погрязшій въ тину мелкопомѣстныхъ предразсудковъ, препятствовалъ мнѣ въ исполненіи какой-либо облегчительной мѣры въ пользу крестьянъ. Не одинъ разъ помышлялъ я про себя, какъ бы отдѣлаться со-всѣмъ отъ этой неизбѣжно угнетающей и очевидно несправедливой, что ни дѣлай, власти надъ людьми, власти, которая въ то же время развращаетъ самого владѣльца.

Не трудно было мнѣ, одинокому и съ тѣхъ уже поръ умѣренному въ моихъ прихотяхъ, пожертвовать въ пользу моихъ принциповъ значительною частью доходовъ этого имѣнія, а потому я помышлялъ посадить моихъ михайловскихъ крестьянъ на оброкъ, но всякій разъ, какъ скоро я заговаривалъ объ этомъ съ Тарасовымъ, съ сосѣдними помѣщиками, съ моимъ конторщикомъ и даже съ искренно расположенными вотчинными начальниками, каждый изъ нихъ представлялъ мнѣ пагубный примѣръ сосѣднихъ крестьянъ, въ конецъ разорившихся и развратившихся отъ долгаго житія на оброкъ при прежнемъ помѣщикѣ. Оставалось продолжать старое по старому вмѣстѣ съ печальною увѣренностью, что всѣ попытки и заботы мои улучшить бытъ крестьянъ не будутъ поняты и еще менѣе будутъ приведены въ исполненіе. Невыносимо тяжело было мнѣ жить въ эту глухую осень бокъ о бокъ съ моимъ Тарасовымъ, котораго я, впрочемъ, любилъ за его честность и усердіе

и еще болѣе любилъ кроткую, добрую, безотвѣтную сего жену, добрую, заботливую мать, но, къ моему отчаянію, чуждую всякаго развитія. Она вмѣстѣ съ мужемъ и подроставшими дочерьми очень обо мнѣ хлопотала и заботилась, но всѣ ихъ попеченія ограничивались тѣмъ, чтобы я, живя съ ними, не простудился, отчего въ двухъ комнатахъ моихъ бывало жарко и душно, и чтобы не голодалъ, почему пичкали меня разными яствами по пяти разъ въ день. Дни были осенніе, мрачные, холодные, и грязь по дорогамъ, не то что непроѣзжая, просто непроходимая. Кто пожилъ на нашемъ черноземѣ, тотъ ее, эту осеннюю грязь, никогда не забудетъ. Я бы охотно сократилъ мое пребываніе въ деревнѣ и, бросивъ все, удралъ бы въ Москву, но не было никакого человѣческаго средства пуститься въ дорогу. Осень держала всѣхъ въ осадѣ, въ легкихъ телѣгахъ нельзя было доѣхать до Тулы ранѣе 4 сутокъ, а отъ этого нашего губернскаго города столько же оставалось до Москвы. О шоссе тогда не было еще и помину. При такихъ пріятныхъ обстоятельствахъ я рѣшился ждать перваго пути. Снѣгъ выпадалъ довольно часто, таялъ, а самой дороги все не было, пришлось выжить въ деревнѣ болѣе 6 недѣль въ семьѣ Тарасовыхъ, съ которой и по образу жизни и по образу мыслей уживаться было не легко, и большую часть дня удалялся я въ мои мрачныя комнаты, обращенныя въ садъ, и предавался весь чтенію мало извѣстной мнѣ нѣмецкой литературы. Съ помощью лексикона и изрѣдка прибѣгая къ французскимъ переводамъ, прочелъ я въ это время всѣ драматическія сочиненія Гете и Шиллера. Ихъ поэзію читалъ я съ большею легкостью, чѣмъ прозу, которая затрудняла меня своими длинными періодами.

Только наканунѣ Рождества пріѣхалъ я, наконецъ, въ Москву и остановился у моей тетки, въ недавно купленномъ ею небольшомъ домѣ у Никитскихъ воротъ. Старушка моя очень мнѣ обрадовалась и уютно устроила меня въ мезонинѣ. Тамъ имѣлъ я перегороденный отъ небольшой комнаты уголокъ для кровати и черезъ коридоръ комнату для туалета и гардероба.

Въ первый годъ отсутствія моего изъ Россіи многое для меня въ Москвѣ измѣнилось. Кузина моя Варенька была замужемъ, но не за тѣмъ неизвѣстнымъ господиномъ, о сватовствѣ котораго мнѣ было писано, а за пріятелемъ ея брата Павла, бывшимъ за годъ передъ женитьбой кавалерійскимъ гвардейскимъ офицеромъ въ Варшавѣ. П. Н. Воронцовъ-Вельяминовъ былъ потомокъ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій. Его предокъ еще при Дмитріи Донскомъ былъ тысяцкимъ въ Москвѣ, но знатность имени не дала ему ни вещественнаго богатства, ни образованія; онъ былъ товарищемъ Павла Обрескова по какому-то дворянскому полку, изъ котораго, какъ изъ воспитательнаго заведенія для военныхъ, выходили на дѣйствительную службу самые послѣдніе по своему образованію офицеры. Оно не могло быть иначе, потому что ихъ, запоздалыхъ юношей, отправляли туда лѣтъ 18-ти не для ученія, а для выправки. Бѣдная Воронцова-Вельяминова и беззаботная о ней вся ея семья скоро увидали, что молодой мужъ Вареньки былъ и бѣденъ, и глупъ, и пьянъ. Лишь только показался я моей теткѣ, которая жила тогда уже съ примирившееся съ нею пріятельницей моего покойнаго дяди, очень умной А. Н. Николевой, какъ обѣ онѣ, а вслѣдъ за ними и два брата Вареньки

всполошились, какъ бы устроить безъ большихъ тревогъ первое мое свиданіе съ этою бѣдной Варенькой, вышедшей замужъ изъ одного отчаянія. Она была въ то время уже беременна, больна и за нее боялись, а между тѣмъ моего возвращенія въ Москву скрыть отъ нея было невозможно.

Все устроить къ лучшему взяла на себя Николева, потребовавъ отъ меня свиданья и переговоровъ наединѣ. За два года передъ отъѣздомъ моимъ эта хитрая, властолюбивая дама непремѣнно хотѣла нашей свадьбы съ Варенькой, и когда это не удалось, меня возненавидѣла. Приняла она меня, не скрывая своей злобы и презрѣнія, и всего обдала холодомъ. «Надѣюсь, вы принесли съ собой письма къ вамъ Вареньки, она ничего еще не знаетъ о вашемъ пріѣздѣ. Отдавая ей эту переписку, я постараюсь тутъ же приготовить се къ этому несчастному свиданію». На холодную ея встрѣчу я отвѣчалъ невозмутимымъ спокойствіемъ и, отказываясь сѣсть за недостаткомъ времени для продолжительной бесѣды, учтиво и сухо отвѣчалъ ей, вручая нѣсколько писемъ, что всѣ остальные, позднѣйшія, мною сожжены. Бросивъ на меня уничтожающій, гнѣвный взоръ своихъ черныхъ, все еще прекрасныхъ глазъ, отдала она мнѣ давно уже хранившіяся у нея мои письма, и мы навсегда съ ней разстались, заботливо избѣгая другъ друга, когда случилось намъ встрѣтиться въ постороннихъ гостиныхъ.

Мое свиданіе съ Варенькой и первое знакомство съ ея мужемъ было, само собою разумѣется, очень натянуто и холодно и оттого непродолжительно. За развлеченіями отъ наѣхавшей на меня по этому случаю невольной грусти отправился я къ старымъ моимъ друзьямъ и товарищамъ: Новикову, Курбатову и Дмитріеву.

Всѣ трое уговаривали меня поселиться въ Москвѣ и служить при Голицынѣ, обѣщая чины и почести, однимъ словомъ карьеру, о томъ же хлопотала около меня и моя тетушка, Марья Васильевна, завѣряя, что своими московскими связями она меня выведетъ въ люди. Но въ то время почему-то Москва мнѣ не нравилась, а такъ называемый выводъ въ люди черезъ крикливую мою тетушку, нѣсколько похожую своею рѣзкостью на извѣстную старушку Настасью Дмитріевну Офросимову, считалъ я для себя не совсѣмъ пригоднымъ и даже унижительнымъ.

Мнѣ было душно, и меня, вездѣ одинокаго, не успѣвшаго сродниться ни съ страной ни съ людьми, тянуло опять въ горы. По долгомъ колебаніи я рѣшился хлопотать черезъ Кикина о причисленіи къ нашей швейцарской миссіи въ Бернъ и задумалъ еще про себя уѣхать за этимъ въ Петербургъ.

Курбатову я далъ слово свезти его въ Петербургъ и пожить тамъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ пилилъ меня этимъ отъѣздомъ изо дня въ день и, наконецъ, добился. Курбатовъ былъ славный малый, умный, необыкновенно даровитый, ученый, мистикъ, и при всемъ этомъ чрезвычайно веселый и увлекательный, онъ былъ утѣшеніемъ небольшихъ обѣдовъ и вечеровъ, на которые собирались у меня немногіе мои товарищи, и чаще всѣхъ, кромѣ трехъ задушевныхъ моихъ друзей, присоединялись къ намъ чопорный Дмитрій Голохвастовъ и еще робкій характеромъ братъ его Николай. Славной ихъ матери не было уже на свѣтѣ, я искренне жалѣлъ объ ней, какъ объ одной изъ тѣхъ немногихъ симпатичныхъ женщинъ, какихъ мнѣ удалось на моемъ вѣку встрѣтить, и особенно въ Россіи.

При началѣ ростепели отправились мы съ Курбатовымъ въ Питеръ. По милости его я, довольный тѣмъ, что выбрался изъ Москвы, прохохоталъ всю дорогу, да и въѣздъ нашъ въ великолѣпный весенній день въ сѣверную столицу былъ чрезвычайно оригиналенъ. Въѣзжая въ городъ, мы не нашли снѣгу на улицахъ и потащились въ тяжелой нашей кибиткѣ нога за ногу. Ямщикъ слѣзъ съ облучка и пошелъ пѣшкомъ; пришлось взять извозчика. И вотъ мы сѣли на дрожки, я верхомъ, онъ бокомъ, пролетокъ тогда и въ заводѣ не было, и въ четвертомъ часу дня, когда вся петербургская публика разгуливаетъ по Невскому, въѣхали мы при роскошномъ солнечномъ сіяніи на эту широкую улицу въ мохнатыхъ подвязныхъ шапкахъ и въ огромныхъ шубахъ; на насъ стали показывать пальцами. Курбатовъ не смущался и отвѣчалъ уродливыми гримасами. Я и теперь живо помню такое торжественное наше вшествіе.

На этотъ разъ поселился я въ Петербургѣ на Большой Морской въ модной тогда англійской тавернѣ, гдѣ за 10 р. асс. въ сутки давались очень приличные двѣ комнаты, чай и потомъ завтракъ, luncheon, въ 5 часовъ обѣдъ и въ 10 опять чай съ холоднымъ мясомъ или рыбой,—все это было какъ нельзя лучше. Обѣдъ обильный, простой, изъ *pièces de résistance*, мяса, рыбы, овощей, отлично приготовленныхъ, славная чистая постель и внимательная прислуга изъ двухъ или трехъ очень недурныхъ англичанокъ. За табльд'отомъ собиралось много иностранцевъ, и нѣкоторые изъ немногихъ русскихъ, которые усвоили себѣ заморскіе англійскіе или американскіе обычаи. Съ перваго же дня Курбатовъ за обѣдомъ сръзался, но это не могло его озадачить, привести въ конфузъ нашего

молодца было трудно. Ему непременно захотѣлось вмѣшаться въ англійскій разговоръ сидѣвшихъ противъ насъ собесѣдниковъ; когда я его, какъ московскаго знатока въ англійскомъ языкѣ, просилъ объяснить мнѣ, о чемъ они толкуютъ, ученикъ Эванса, пріятель-полиглотъ, не понимая разговорнаго языка островитянъ, заговорилъ самъ съ ними и убѣдился, что и англичане въ свою очередь не понимали его говора. На другой же день началъ онъ брать уроки англійскаго языка и отыскалъ гдѣ-то санскритолога, чтобы заниматься съ нимъ, на мою бѣду, ежедневно и по-санскритски. Оба они надоѣдали мнѣ сильно повтореніемъ какихъ-то странныхъ для моего уха звуковъ.

Изъ-за нашего сытнаго табль-д'ота, длившагося передъ цѣлымъ рядомъ бутылокъ съ крѣпкими винами до вечерняго чаю, а иногда со жженкой и до полуночи, вставалъ я подъ хмѣлькомъ, а Курбатовъ совсѣмъ пьяный. Мы скоро подружились съ обычными посѣтителями таверны, англо-саксонцами обоихъ полушарій, и пили съ ними по ихъ образу и подобию. Снималась со стола скатерть, ставили на столъ, кромѣ кларета и шампанскаго, вмѣсто квасу и кислыхъ щей портвейнъ и мадеру, и начинались тосты. Разъ какой-то знакомый Курбатова вызвалъ его въ нашу комнату, мы вошли въ нее совсѣмъ готовые, онъ принялъ своего посѣтителя, я завалился на кровать, а посѣтителемъ былъ конно-гвардейскій юнкеръ, очень еще молоденькій, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ; это была первая моя съ нимъ встрѣча, и онъ долго помнилъ и напоминалъ мнѣ, какъ я, лежа на постели, разливался громкимъ, веселымъ смѣхомъ, слушая ихъ умныя рѣчи.

Не знаю, какъ это бываетъ съ другими, подобно мнѣ болтливыми автобіографами, но на меня невольно вліяетъ настоящее при описаніи давно прошедшаго. Часто, какъ уже и видите, доходитъ это до того, что я подѣ вліяніемъ какихъ-либо событій, меня окружающихъ, пишу, лучше сказать, диктую то бойко, то лѣниво; даже погода, температура моей комнаты, какъ и самое время года, дѣйствуетъ на мои умственные способности, либо оживляетъ, либо притупляетъ мою мысль, и по временамъ, какъ это не разъ уже случалось, овладѣваетъ мною изнеможеніе, лѣнь.

Послѣдніе десять дней пребыванія моего подѣ Костромой на дачѣ гостепріимнаго Карцева, на берегу Волги, помѣшала мнѣ диктовать эти «Записки» тревога отъ постигшей внезапно этотъ городъ и его окрестности холеры. Болѣзни я не боялся, но она страшила лицъ, меня окружающихъ, и была главнымъ предметомъ разговоровъ съ ежедневно наѣзжавшими къ намъ на дачу городскими посѣтителеми. Всѣхъ ихъ холера занимала до того, что они почти совсѣмъ забыли и открытіе въ Костромѣ Окружного Суда, и министра юстиціи, и тосты, и рѣчи, произнесенныя многими изъ нихъ при сихъ торжественныхъ случаяхъ. Въ моемъ маленькомъ семейномъ кружкѣ толковалось и перетолковывалось объ одномъ, бѣжать или остаться на мѣстѣ, да еще о томъ, останется ли живъ или умретъ отъ холеры такой-то и такая изъ двора Карцева и т. д. Однако, послѣ запятой, поставленной мнѣ холерой, не слѣдуетъ оставлять моего труда. Итакъ продолжаю.

Петръ Андреевичъ Кикинъ, относившійся ко мнѣ постоянно съ родственнымъ расположеніемъ и въ то же время осудившій меня однажды навсегда, какъ

флегматически ко всему равнодушнаго, ни къ какой дѣятельности не способнаго, охотно взялся хлопотать у графа Нессельроде о помѣщеніи меня въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и причисленіи къ швейцарской миссіи. Пріятеля Кикина, графа Каподистрія, въ Петербургѣ тогда не было. Онъ по разномуслию съ императоромъ Александромъ относительно греческаго возстанія удалился отъ дѣлъ и жилъ въ Женевѣ. Съ графомъ Нессельроде Кикинъ былъ въ самыхъ холодныхъ, вѣрнѣе сказать, непріязненныхъ отношеніяхъ именно потому, что былъ всегда сторонникомъ представителя грековъ при Государѣ. Письмо обо мнѣ Кикина къ управляющему тогда мин. Иностр. Дѣлъ было написано имъ въ самыхъ холодныхъ выраженіяхъ. Въ немъ было почти ясно сказано одно: «я не хочу просить Государя помимо васъ, итакъ доложите Его Величеству, что я прошу о причисленіи моего родственника къ одному изъ самыхъ скромныхъ нашихъ посольствъ». Съ такимъ-то письмомъ отправился я, какъ въ незнакомый лѣсъ, въ это министерство. Гр. Нессельроде, всегда внимательный и учтивый, обѣщаль удовлетворить мое желаніе и доложить обо мнѣ Государю. Проходитъ мѣсяцъ, прошла и половина слѣдующаго безъ отвѣта Кикину. Совѣстно было мнѣ очень напоминать послѣднему, что я, живя въ Петербургѣ безъ всякаго дѣла и противъ всякаго желанія, теряю только время. Вспомнивъ про свое обо мнѣ ходатайство, вознегодовалъ онъ на графа Нессельроде и написалъ ему другое письмо въ началѣ недѣли съ категорическимъ условіемъ, что если до слѣдующаго воскресенья графу не угодно будетъ доложить Государю его обо мнѣ просьбу, то Кикинъ при первомъ своемъ докладѣ въ первое воскресенье вынужденъ

будетъ просить Государя обо мнѣ лично. Такое письмо, конечно, не могло не подѣйствовать, и на другой же день увѣдомить графъ Кикина о Всемилюстивѣйшемъ назначеніи меня въ миссію. И вотъ опять явился я къ графу Нессельроде, который, несмотря на то, что вынужденъ былъ взять подѣ свое начальство насильно никому неизвѣстнаго человѣка вслѣдствіе довольно грубыхъ настояній, опять принялъ меня учтиво и привѣтливо, однимъ словомъ съ обычной своей благосклонностью для всѣхъ и каждаго, которой онъ всегда отличался отъ всѣхъ тогдашнихъ сановниковъ. Меня поразило отсутствіе всякой роскоши и даже комфорта въ его тогдашнемъ помѣщеніи. Жилъ онъ въ этотъ 1823 годъ въ казенной квартирѣ на Мойкѣ и меня принялъ тотчасъ, не заставляя ждать себя ни минуты, въ своемъ весьма скромномъ и не обширномъ кабинетѣ, въ который проходилъ я черезъ какія-то внутреннія комнаты. Въ одной изъ нихъ дѣти министра, теперешнія графини Зесбахъ и Хребтовичъ, сидѣли за класснымъ столомъ и брали какой-то урокъ.

Такое вступленіе мое въ чопорное министерство, рѣзко отличавшееся отъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ издавна принятыми въ немъ обычаями изысканнаго приличія и изящной простоты, невѣдомой русскимъ чиновничьимъ міромъ, ознаменовалъ я цѣлымъ рядомъ неловкостей. При первомъ знакомствѣ съ двумя близкими Нессельроде вліятельными чиновниками министерства, Д. П. Сѣверинымъ и графомъ Матушевичемъ, — съ первымъ, пораженный его учтивою, но холодною сдержанностію, самъ я обошелся до крайности сдержанно и сухо, а второго, поляка, всегда благосклонно расположеннаго къ русской молодежи, озадачилъ неожиданнымъ для него отказомъ отправиться къ моему

мѣсту курьеромъ. Не знаю, почему мнѣ какъ-то страшной показалась курьерская скачка; въ то время шоссейныя дороги не были еще вездѣ и въ Европѣ устроены; отъ Петербурга до Парижа поспѣшнѣйшіе наши фельдъегери употребляли 12 сутокъ; по этому расчету до Швейцаріи требовалось бы по крайней мѣрѣ 15 дней, на такой подвигъ я не рѣшился, отговариваясь необходимостью заѣхать по пути въ мое тульское имѣніе. Матушевичъ послѣ этого имѣлъ полное право видѣть во мнѣ чиновника вольно-практикующаго. Въ это самое время въ Петербургѣ встрѣтился со мною московскій Булгаковъ, коротко мнѣ знакомый, своякъ двоюроднаго брата моего Василя Обрескова. Онъ предлагалъ представить меня своему брату, почтъ-директору Константину Булгакову, у коего по вечерамъ ежедневно собирались иностранные дипломаты и наши, начиная съ графа Нессельроде. Попасть въ это общество считалъ онъ для меня полезнымъ, и уже былъ назначенъ на это одинъ вечеръ; я долженъ былъ пріѣхать въ зданіе почтамта въ 10-мъ часу и вызвать въ первую пріемную комнату моего представителя. Не знаю, почему это показалось мнѣ чѣмъ-то необыкновенно страшнымъ, и подъ предлогомъ какого-то прыщика на лицѣ я отложилъ свиданіе, которое такъ и не состоялось по случаю скорого отъѣзда Булгакова. Затѣмъ послѣдовала вскорѣ новая, болѣе съ моей стороны крупная неловкость. Кикинъ, торжествуя свою маленькую побѣду надъ Нессельроде, котораго, какъ я уже сказалъ, онъ вынудилъ зачислить меня къ себѣ на службу, посоветовалъ мнѣ, самъ ничего въ этомъ дѣлѣ не разумѣя, сколько нибудь приготовиться еще въ Петербургѣ и явиться къ старшему чиновнику коллегіи И. Д.

Полѣнову съ просьбой просмотрѣть у нихъ сношенія нашего кабинета съ Швейцарскимъ союзомъ. При назначеніи новыхъ чиновниковъ куда-нибудь за границу подобное занятіе для ознакомленія ихъ съ дѣлами всегда имъ предлагалось самимъ министерствомъ, но такой обычай распространялся на однихъ начальниковъ миссій и ни подъ какимъ видомъ не касался мелкихъ чиновниковъ посольства. Изумленный Полѣновъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ долженъ объ этомъ донести графу Нессельроде. И вотъ черезъ нѣсколько дней вытребованъ я былъ въ коллегію, гдѣ мнѣ въ одномъ изъ отдѣленій указали на небольшой особенный столикъ, и помощникъ начальника этого отдѣленія, на мое счастье мой старый университетскій товарищъ Чиколлинъ, положилъ на него въ нѣсколькихъ связкахъ переписку нашихъ швейцарскихъ сношеній. «Съ чего это вамъ вздумалось заняться подобными дрязгами? Все это мелочи, рѣшительно не стоящія никакого вниманія.» Я и въ университетѣ съ Чиколлинъ былъ пріятелемъ, и, вспомнивъ старину, онъ откровенно высказалъ мнѣ, какъ всѣ чиновники коллегіи смѣялись надъ моими претензіями на высшую дипломатію, для всей этой массы недоступную; и какъ вѣроятно позабавились надо мной и Полѣновъ, и самъ графъ Нессельроде со всѣми чиновниками своей канцеляріи, весьма немногими и единственнымъ жрецами элевзинскихъ, т. е. дипломатическихъ таинствъ. Я, профанъ въ нихъ, выставилъ себя фофаномъ, но, чтобы хотя для виду выйти послѣ такой неудачи съ достоинствомъ, цѣлую недѣлю ходилъ я въ это отдѣленіе, перебиралъ бумаги по торговымъ нашимъ сношеніямъ со всѣми 22-мя кантонами и даже дѣлалъ изъ нихъ выписки, какъ будто хотѣлъ собрать какія-нибудь статистическія

свѣдѣнія. Штатныхъ и сверхштатныхъ чиновниковъ коллегіи было безчисленное множество; нѣкоторые изъ нихъ, поглупѣе, думали, что я въ самомъ дѣлѣ работаю, искали познакомиться со мною чрезъ Чиколлини, котораго я упросилъ не выдавать моей глупости. Передъ вторымъ моимъ отъѣздомъ въ чужіе края изъ Россіи прожилъ я въ Петербургѣ цѣлыхъ три мѣсяца и, кромѣ дома Кикиныхъ, семья котораго перѣхала на каменно-островскую дачу, чаще всего, почти ежедневно, ходилъ я къ братьямъ Языковымъ, собраннымъ тогда вкупѣ. Жили они тогда въ Конюшенной улицѣ, въ черезчуръ неприхотливой квартирѣ съ окнами на дворъ, въ домѣ Раевского, прозваннаго Зефиромъ. Назвавъ послѣдняго по фамиліи и по прозвищу, считаю себя какъ бы обязаннымъ представить его и моимъ читателямъ, тѣмъ болѣе, что онъ этого достоинъ по своей оригинальности.

Иванъ Ивановичъ Раевскій, меньшей изъ трехъ сыновей той Прасковьи Михайловны, которая такъ была дружна съ моимъ отцомъ и послѣ такъ добра ко мнѣ, былъ небольшой, хорошенькаго личика, бѣлокуренькій человѣчекъ съ манерами и ужимками своего рода, которыми онъ надѣялся прельщать дамъ и, никогда не достигая цѣли, всегда только ихъ собою забавлялъ и смѣшилъ. Молодого его я уже не помню. Въ царствованіе Павла онъ отличался, сказываютъ, особеннымъ талантомъ танцовать. Когда я его узналъ, онъ только игралъ съ дамами въ карты, съ пожилыми ходилъ по церквамъ и, по праву стараго холостяка, приглашалъ ихъ къ себѣ на чай и на завтраки. Барыни посмѣлѣе выпрашивали у него себѣ подарочки. Помѣщеніе его походило на мѣняльную лавку: безъ всякаго разбора, не говоря уже вкуса, разбросаны были, стояли и лежали

въ пыли и мраморныя статуйки, и бронзы, и разныя коллекціи гроневыхъ мелочей. Чего не было въ этомъ музеумѣ, начиная со старинныхъ образовъ въ окладахъ, всякаго рода четокъ, іерусалимскихъ и римскихъ, пальмовыхъ вѣтвей Палестины, свѣчекъ и камешковъ отъ гроба Господня и изъ разныхъ монастырей, до портретовъ и литографій знаменитыхъ женщинъ и парижскихъ актрисъ. Онъ былъ очень добръ, милъ, забавенъ и безъ всякихъ претензій. Послѣ моей женитьбы я почти ежедневно видалъ этого же самаго Раевского уже старикомъ. Онъ былъ ближайшимъ сосѣдомъ княгини Щербатовой по ея имѣнію въ Каширскомъ уѣздѣ и лѣтомъ жилъ въ 2-хъ верстахъ отъ сѣла Башина. Небольшой деревянный его домикъ такъ же, какъ и всѣ его жилища, былъ испещренъ, изукрашенъ и переполненъ всякими затѣйливыми штучками. Раевскій былъ богатъ, имѣлъ отличный конный заводъ, но подъ конецъ своей жизни разстроилъ свое состояніе, часть коего досталась двоюродному его внуку, женатому на Евреиновой.

Теперь въ моей картинной галлерей выставлю я разомъ портреты трехъ братьевъ Языковыхъ, внучатныхъ моихъ братьевъ по матери, урожденной Ермоловой. Двое старшихъ, Петръ и Александръ, начали и кончили свое образованіе въ горномъ кадетскомъ корпусѣ; меньшой, поэтъ Николай, рано перешелъ въ инженерный институтъ путей сообщенія и, убоясь математики, перебрался оттуда въ Дерптскій университетъ. Изъ всѣхъ трехъ только старшій, Петръ, занялся серьезно науками, спеціально преподаваемыми въ горномъ корпусѣ, и изъ него бы могъ выйти весьма полезный и образованный горный чиновникъ, въ которыхъ и въ настоящее время имѣется у насъ великій

недостатокъ для нашихъ казенныхъ и частныхъ горныхъ заводовъ. Но Петра Языкова тотчасъ по выходѣ его изъ корпуса съ чиномъ гютенфервальтера обуяла страшная лѣнь и навела на него спячку. По цѣлымъ днямъ лежалъ онъ, бывало, въ халатѣ на своемъ диванѣ той обширной комнаты, въ которой также на диванахъ проживали, вѣрнѣе сказать—пролеживали, свои дни и два меньшіе брата. Но два послѣдніе ежедневно выходили на Божій свѣтъ изъ этой норы, Александръ—въ канцелярію Кикина, а Николай—въ свой инженерный институтъ. Образъ жизни ихъ всѣхъ былъ самый оригинальный. Послѣ отца осталось имъ огромное состояніе, но ни одинъ изъ нихъ имъ не пользовался, какъ бы слѣдовало, не то чтобы по скупости, а по одной присущей имъ лѣни, лишавшей способности чего-либо захотѣть или имѣть для собственнаго комфорта. Такъ, напр., прогнавъ отъ себя спившагося крѣпостного поваренка, обѣдали они изъ ближайшаго русскаго трактира, скорѣе харчевни; лѣнивый же ихъ собственный слуга приносилъ имъ поѣсть безъ разбора, что попадетсѣ; мнѣ, часто у нихъ обѣдавшему, очень рѣдко случалось ѣсть за ихъ столомъ что-нибудь хорошо поданное и не совсѣмъ простое. Когда, бывало, уговоришь Петра послѣ долгихъ успій подняться съ дивана и выйти на Божій свѣтъ прогуляться, сонный слуга Моисей почти цѣлый годъ времени употреблялъ на чистку платья и сапогъ, чтобы одѣть своего барина. Платье его по цѣлымъ недѣлямъ бывало не чищено, и выходилъ онъ обыкновенно изъ своихъ трущобъ, осыпая бранью возмутителей его покоя. Александръ Языковъ, встрѣтивъ подобно мнѣ препятствія къ серьезному занятію по своей службѣ въ канцеляріи Кикина, менѣе подда-

вался комнатной халатной жизни, погружался въ глубокое мысленное чтеніе и, если не ошибаюсь, брать частные уроки у трехъ замѣчательныхъ тогда Петербургскихъ профессоровъ, Германа, Арсеньева и Галича, которые вмѣстѣ съ Раупахомъ подверглись потомъ извѣстнымъ гоненіямъ отъ Магницкаго и Рунича. Профессоръ Галичъ даже посвятилъ своему ученику Александру Языкову книгу о философіи — ту самую, за которую пострадалъ. Меньшой, Николай, начинать въ это время быть извѣстнымъ своею бойкою разгульною поэзіей. Да, кажется, я немного напуталъ; въ 1823 году чуть ли не былъ онъ въ Дерптскомъ университетѣ, и я видѣлъ его тогда у братьевъ въ вакансіи передъ новымъ годомъ и пасхой. Всѣ трое были они очень красивы собою. Беззаботная и лѣниво-сонная жизнь старшихъ лучше сберегала цвѣтушія ихъ здоровья, чѣмъ потраченные жизненные силы студенческимъ разгуломъ меньшого, поэта Николая.

Петра Языкова, какъ отличнаго воспитанника, въ которомъ министерство финансовъ хотѣло имѣть дѣльнаго человѣка, причислили къ департаменту, обѣщали ему видное штатное мѣсто, но онъ выпросился въ отпускъ въ симбирское свое имѣніе, совсѣмъ позабылъ про свою службу и, что всего курьезнѣе, его служба забыла про него на цѣлыхъ десять лѣтъ. По пріѣздѣ въ Симбирскъ его женили — кто и какъ, врядъ ли и онъ самъ про то зналъ — въ семьѣ генерала Иванова на сестрѣ декабриста этой фамиліи, дѣвушкѣ образованной и рѣшительной. Будучи еще очень молодою — не помню, еще въ дѣвицахъ или уже замужемъ — ѣздила она повидаться съ сосланнымъ братомъ въ самую глушь Сибири, и это путешествіе совершила безъ позволенія правительства, тайкомъ и подъ чужимъ именемъ.

Петръ Языковъ проснулся къ жизни лишь тогда, когда поѣхалъ съ истощеннымъ болѣзною братомъ Николаемъ за границу. Тамъ на минеральныхъ водахъ въ Гаштейнѣ встрѣтился онъ съ единственнымъ ученымъ нашимъ министромъ финансовъ, графомъ Канкринымъ, и обратилъ на себя вниманіе этого замѣчательнаго государственнаго человѣка своими основательными познаніями въ горныхъ наукахъ. Министръ выразилъ ему сожалѣніе, что онъ не служитъ по этой части. Тутъ только Петръ Языковъ вспомнилъ, что онъ, служа именно по этой части, находится въ такомъ продолжительномъ отпуску, и озадачилъ министра своею беззаботностью и бездѣйствіемъ въ отношеніи къ нему самого министерства финансовъ, которому принадлежалъ горный департаментъ. Поѣздка за границу, которую онъ повторилъ, совсѣмъ переродила Петра Языкова. Изъ увальня и лежебока сдѣлался онъ прелюбезнымъ, презабавнымъ подъ 30-ть лѣтъ, человѣкомъ холоднымъ и насмѣшливымъ. Бывая иногда по зимамъ въ Москвѣ для посѣщенія брата, здоровье котораго явно разрушалось, вдохновилъ онъ ненствою злобою нервознаго поэта противъ враговъ славянофильства. Поэтъ Языковъ сочувствовалъ этому направленію по исключительной любви своей къ русской литературѣ, въ которой онъ занималъ уже весьма почетное мѣсто, и сверхъ того по родственнымъ связямъ своимъ съ Алексѣемъ Степановичемъ Хомяковымъ, женатымъ на меньшей сестрѣ Языкова.

Чтобы не возвращаться въ моихъ «Запискахъ» къ тѣмъ изъ трехъ братьевъ, старшему и меньшому, которые такъ рано сошли со сцены, я скажу здѣсь все, что о нихъ знаю. Старшій Петръ, недовольный судьбой, преслѣдовавшей его воплощенною фигурой

бойкой супруги, могъ бы найти успокоеніе въ служебной и полезной дѣятельности, но на это, несмотря на встрѣчу свою съ Канкринымъ, онъ не рѣшился. Началъ хозяйничать и въ то же время собирать минералогическій кабинетъ, который, какъ утверждаютъ знатоки этого дѣла, слѣдовало бы его сыновьямъ и наслѣдникамъ привести въ порядокъ и гдѣ-нибудь, въ какомъ-либо музеѣ, сдѣлать доступнымъ любопытству ученыхъ специалистовъ. Подъ конецъ жизни, ранѣе пятидесяти лѣтъ, вздумалъ онъ купить какое-то значительное имѣніе, запутался въ долгахъ на его приобрѣтеніе и умеръ послѣ кратковременной болѣзни. У него были двѣ дочери, баронесса Шеннингъ и графиня Биландъ; первая, болѣзненная, живетъ въ Москвѣ, а вторая, напротивъ, цвѣтушая здоровьемъ и перевоспитанная славнымъ своимъ мужемъ голландцемъ, графомъ Биландомъ, вполне достойна семейнаго счастья и благоразумно имъ пользуется. Трое сыновей Петра Языкова пережились, живутъ теперь въ Симбирскѣ и, кажется, служатъ по земству. Мать ихъ скоро по смерти мужа умерла въ чахоткѣ.

Много было говорено, писано и печатано о поэтѣ Николаѣ. Знаменитѣйшіе изъ его пріятелей не разъ собирались издавать его біографію, но почему-то, собравъ всевозможные о немъ матеріалы, встрѣчали, какъ видно, затрудненія. Я началъ знать его съ ранней его молодости и въ то время, когда онъ переходилъ изъ горнаго корпуса въ инженерный институтъ въ 20-хъ годахъ, онъ за отсутствіемъ братьевъ, жилъ мѣсяца два со мною. Отличительною чертой его характера были необыкновенная доброта и любовь къ ближнему. Въ каждомъ человѣкѣ видѣлъ онъ

брата, но природная Языковская дикость мѣшала ему сближаться съ людьми. Женщинъ боялся онъ, какъ огня, и вмѣстѣ съ тѣмъ мечталъ о нихъ постоянно. Образъ женской красоты воспламенялъ его воображеніе; онъ воспѣвалъ ихъ не одну, а многихъ, и былъ, кажется, пресерьезно влюбленъ въ Воейкову, родственницу Жуковского и жену профессора. Кромѣ страсти къ женщинамъ, въ полномъ смыслѣ платонической, по примѣру Анакреона и другихъ эротическихъ поэтовъ имѣлъ онъ слабость къ дарамъ Бахуса. Вино одушевляло его поэзію. Разгульная дерптская жизнь и гулявшее съ нимъ и опивавшее его товарищество изъ русскихъ дерптскихъ студентовъ воспрпятствовали ему заниматься какъ слѣдуетъ въ университетѣ. Сладострастные грезы и частыя возліянія во славу отчизны, женщинъ и поэзіи скоро истощили его здоровье и заставили, не выдержавъ ни одного изъ студенческихъ экзаменовъ, переселиться въ Москву подъ кровъ Елагиныхъ и Кирѣевскихъ. Въ послѣднія 10 лѣтъ его жизни муза его отрезвилась, выработала и усвоила и высокую мысль и вѣскій звучный стихъ, такъ строго вѣрный мысли, которымъ такъ рѣзко отличается вся его поэзія. Если первая его стихотворенія прельщали читателей легкостью и благозвучіемъ, но не имѣли въ себѣ серьезнаго содержанія; если первая его манера была только художественная, то послѣднія произведенія Языкова поражаютъ величіемъ представляемыхъ имъ образовъ и увлекаютъ невольно, наприм. хоть бы меня, своею искреннею религіозною и народною восторженностью. Таковы, по моему мнѣнію, стихи Языкова: «Землетрясеніе», «На памятникъ Карамзина», «Пророкъ», «Псалмы» и проч.

Говоря собственно про себя и о впечатлѣніи на меня поэзіи Языкова, я долженъ сознаться, что даже два-три стихотворенія, которыя Николай Языковъ тщательно скрывалъ отъ меня, раздраженнаго его нападками на уважасмыхъ мною личностей: Чаадаева, Грановскаго и тогдашняго Герцена, — что даже и эти, до сихъ поръ не обнародованные нигдѣ комически-бранные стихи имѣютъ неоспоримую красоту и достоинство. Славянофилы раздражили въ немъ религіозное и народное чувство и поставили противъ названныхъ мною трехъ главныхъ нашихъ западниковъ; но рѣшительно неспособный кого бы то ни было ненавидѣть, поэтъ не разразился бы надъ ними въ громахъ своего поэтическаго негодованія, если бы старшій братъ его Петръ, великій охотникъ до всякихъ споровъ, за недостаткомъ у насъ пѣтушинаго и кулачнаго боевъ не вздумалъ стихами брата вызвать на публичную драку славянофиловъ съ западниками и никто, какъ мефистофель Петръ Языковъ, не торжествовать такъ открыто этотъ починъ нашихъ литературныхъ браней.

Въ это время отношенія мои къ истощаемому уже болѣзнию Николаю Языкову были очень неловки. Онъ не только искренне любилъ меня, но, какъ старшему по лѣтамъ, всегда изъявлялъ мнѣ особенное уваженіе. Зная мою терпимость къ западникамъ и нерасположеніе къ исключительному, къ другимъ народамъ (народностямъ) враждебному народному чувству, никогда не предавался онъ при мнѣ обнаруженію своихъ убѣжденій, моимъ противоположныхъ. И вотъ почему мы ни разу промежъ себя не говорили съ нимъ о его задорныхъ стихахъ. Не только молчать онъ о нихъ самъ передо мною, но и уговорилъ рукоплескавшихъ имъ славянофиловъ при немъ ничѣмъ не напоминать

мнѣ о существованіи его поэтическихъ проклятій за-
падникамъ.

Я уже разсчитывалъ окончить здѣсь воспоминанія
мои о Н. М. Языковѣ, но, прочитавъ въ только что
вышедшемъ № 7 и 8 «Русскаго Архива» за 1871 г.
небольшую статейку къ двумъ, нигдѣ не напечатан-
нымъ стихотвореніямъ Языкова, возвращаюсь опять въ
оживленномъ воспоминаніи къ этому, милому мнѣ поэту.
Г. В. К—ръ (какъ жаль, что я не зналъ полного его
имени), какъ видно, былъ очень къ нему близокъ и
въ немногихъ словахъ вѣрно и мѣтко опредѣлилъ его
характеръ. По его словамъ, вѣрнымъ во всемъ моимъ
воспоминаніямъ, Языковъ въ 1823 году жилъ въ Дерп-
тѣ въ квартирѣ синдика тамошняго университета
Борха. Въ первый годъ вступленія своего въ универ-
ситетъ уважаемое всѣми въ городѣ семейство Борхъ
предоставляло ему полную свободу для занятій, и тогда
онъ учился чрезвычайно прилежно, но, побывавъ на
вакаціонное время въ своей симбирской деревнѣ и воз-
вратясь оттуда, остановился онъ уже не у Борха, а на
особой квартирѣ, чтобы имѣть болѣе свободы. Изъ
деревни писалъ онъ къ этому пріятелю, что деревен-
ская жизнь въ Россіи отупляетъ молодыхъ людей и
что едва ли онъ когда-нибудь туда воротится. Къ со-
жалѣнію, при всей возродившейся въ немъ жадѣ
труда, при всей желаніи подвергнуть себя строгому
ученію, найденная имъ въ Дерптѣ свобода въ чужой
семьи вмѣсто того, чтобы способствовать его заняті-
ямъ, ему помѣшала, а застѣнчивость и робость не до-
пустили его даже выдержать перваго студенческаго
экзамена. Нѣсколько студентовъ товарищей нашли
очень пріятнымъ для себя пользоваться его добро-
душіемъ и широкимъ русскимъ гостепріимствомъ, и

вотъ въ другомъ письмѣ къ тому же пріятелю онъ горько на это жалуется и говоритъ, что у него ежедневныя оргіи, въ которыхъ самъ онъ не принимаетъ участія, но отъ которыхъ отдѣлаться не можетъ. Не надѣясь уже выдержать экзамень, Языковъ выѣхалъ изъ Дерпта *безпачетный*, какъ самъ упоминаетъ о томъ въ одномъ стихотвореніи. Вотъ два отрывка изъ его посланія къ г-ну В. М. К—чу, служащія объясненіемъ сказаннаго этимъ неизвѣстнымъ мнѣ его пріятелемъ. Я подтверждаю эту характеристику, какъ самую вѣрную.

„Младой поклонникъ суеты,
На лирѣ, дружбой ободренный,
Чуть знаемый молвой и славою забвенный,
Я пѣлъ безопасности мечты;
Но гордость пламеннаго нрава
На новый путь меня звала,
Чего-то лучшаго душа моя ждала...
Хвала друзей еще не слава.

.
Очистивъ юный умъ въ горнилѣ просвѣщенья,
Я стану пѣть дѣла воинственныхъ славянъ,
И яркіе лучи святаго вдохновенья

Прорѣжутъ древности туманъ.
Ты, радуясь душой, услышишь пѣснь свободы
Въ живой гармоніи стиховъ,
Какъ съ горной высоты внимаешь сынъ природы
Побѣдоносный крикъ орловъ“.

Я уже сказалъ выше, что позднѣйшія стихотворенія Языкова были дѣйствительно яркими лучами его святаго вдохновенья вѣрою и народнымъ чувствомъ, но, къ сожалѣнію, какъ сказалъ онъ, не одна деревенская жизнь отупляетъ молодыхъ людей. Къ такому слишкомъ строгому замѣчанію поэта я беру смѣлость прибавить выводы моихъ прозаическихъ наблюденій.

И молодыхъ, и взрослыхъ, и разгульныхъ, и строго аскетическихъ притупляетъ въ Россіи жизнь въ особыхъ, замкнутыхъ кружкахъ, особливо московскихъ, людей самыхъ даровитыхъ. Постараюсь доказать это; не знаю, докажу ли въ продолженіе моего труда, а теперь доскажу о Языковѣ.

Изъ Дерпта переселился онъ въ Москву, въ лоно литературной семьи тѣхъ Кирѣевскихъ-Елагиныхъ, въ которой царил ласковою любовью и нѣжно внимательнымъ добродушіемъ мать этой семьи, другъ Жуковского, все еще милая и въ настоящее время, хотя уже въ преклонной старости, Авдотья Петровна Елагина. Она и ея сыновья Кирѣевскіе тотчасъ же стали баловать, лелѣять, обогрѣвать настрадавшуюся неудачами поэзію Языкова. Крылья поэта встрепенулись, и этимъ годамъ московской жизни принадлежатъ едва ли не лучшіе его стихи. Но и въ это время образы женской красоты все еще ему грезились и его воспаляли. Подъ вліяніемъ этого чувства написалъ онъ нѣсколько стиховъ тогдашней безпримѣрной красавицѣ Кирѣевой, совсѣмъ ей лично, можно сказать, не зная. Но эту московскую знаменитость онъ, по крайней мѣрѣ, встрѣчалъ и хотя рѣдко, робко восхищался ею издали; другой же красавицѣ, кн. Голицыной, урожденной Балкъ, написать онъ не менѣе звучные стихи по одному моему приглашенію, никогда ея не видавъ и не имѣя о ней никакого понятія. Когда я, возвратясь изъ-за границы, уже женатый, нашелъ въ этой московской средѣ Языкова, я, къ сожалѣнію, убѣдился въ томъ, что его уже слишкомъ ублажали. Всѣ его странности, всѣ его недостатки не только извиняли, но находили особенно привлекательными. Такъ однажды привело меня въ негодованіе предложеніе довести до

опьянѣнія Языкова въ небольшомъ нашемъ обществѣ и заставить его въ этомъ положеніи читать нашему небольшому кружку какое-нибудь особенно торжественное произведеніе его музыки. Какъ я ни упрасивалъ этого не дѣлать, меня не послушали. Языкова накатили шампанскимъ; онъ прочелъ стихи съ изступленіемъ, какъ помѣшанный. Я любилъ Языкова любовью болѣе строгой, мнѣ больно было видѣть, какъ дѣлають изъ него какого-то шута.

По понятіямъ того времени каждому дворянину, каковымъ бы великимъ поэтомъ онъ ни былъ, необходимо было служить или, по крайней мѣрѣ, выслужить себѣ хоть какой-нибудь чинишко, чтобы не подписываться недорослемъ. Безнатентный Языковъ понималъ эту потребность, и даже заоблачная семья Елагиныхъ признавала такую необходимость. Я думалъ, что одинъ родъ службы въ Москвѣ, къ которой его тогда приковали разными оболыщеніями, можетъ доставить ему нѣкоторое занятіе и полезное развлеченіе. Въ это самое время былъ я главнымъ смотрителемъ комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, отдѣльно учрежденной при архивѣ иностранныхъ дѣлъ стараніемъ и иждивеніемъ покойнаго графа Николая Петровича Румянцева. Однимъ изъ чиновниковъ этой комиссіи и подъ моимъ вѣдомствомъ былъ извѣстный собиратель русскихъ пѣсенъ, Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, сынъ А. П. Елагиной. Я предложилъ Языкову записать его туда же на службу, обѣщая доставлять ему любопытные древніе наши матеріалы для занятій и не требовать отъ него никакого усиленнаго труда. Семья Елагиныхъ перетревожилась, выдумала, не знаю почему, что я его буду притѣснять, — мой поэтъ испугался и нашелъ себѣ, покровительствуемый Елагиными, пріютъ въ межевой

канцеляріи. Онъ вступилъ въ нее, не входя ни однимъ шагомъ. Годъ отъ году здоровье его разстраивалось, поѣздки въ чужіе края были безплодны, для лѣченія безуспѣшны. Напрасно Иноземцевъ, другъ и товарищъ его по Дерпту, лѣчилъ его съ горячимъ участіемъ, какъ родного брата; ослѣпленный этимъ чувствомъ, онъ не хотѣлъ видѣть опасности и за полчаса до кончины увѣрялъ меня въ его выздоровленіи. Языковъ умеръ 26-го декабря 1846 года, не доживъ до 45-лѣтняго возраста. За нѣсколько часовъ до смерти онъ заказать похоронный себѣ обѣдъ и требовалъ, чтобы на немъ было много вина. Я былъ хозяиномъ на этой тризнѣ, и вспомнили мы одинъ изъ стиховъ Языкова, гдѣ онъ завѣщевалъ своимъ друзьямъ:

«И пьянствуйте о имени моемъ».

Похоронная оргія продолжалась слишкомъ долго. Разогорченные и еще болѣе разгоряченные гости не удалялись, несмотря на то, что и старшій братъ покойника, и я, распорядитель тризны, оба мы удалились въ нижній этажъ. Когда все было выпито, шумная бесѣда потребовала меня къ себѣ и заставила посылать еще за виномъ и ромомъ, начала вариться жженка и продолжалась за полночь, когда я уже давно былъ у себя дома. Главными запѣвалами на этой попойкѣ были Павелъ Нащокинъ, забубенный пріятель Пушкина, и Николай Филипповичъ Павловъ, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ скромно при этомъ присутствовать. Языкова похоронили мы рядомъ съ могилой умершаго за годъ передъ этимъ племянника его, Валусева, такъ много обѣщавшаго и такъ рано, къ 23-му году, скошеннаго смертью, а прахъ самого Валусева пріютили къ могилѣ Венелина, того Венелина, который первый изъ славянофиловъ призвалъ къ жизни

болгарскій народъ, предметъ теперешнихъ церковныхъ распрей. Кстати я долженъ прибавить, что о Венелинѣ совсѣмъ уже забыли и какъ-то слегка, и то однимъ только словомъ, вспомнили на Славянскомъ съѣздѣ въ Сокольникахъ. Кстати заявлю здѣсь и о томъ, что Николоай Языковъ имѣлъ намѣреніе издавать журналъ и выбрать О. В. Чижова изъ редакторы, назначивъ на это 30.000 руб. Братья-наслѣдники не согласились, и воля поэта не была исполнена.

Давно сказано: «De mortuis aut bene, aut nihil»; это, пожалуй, не совсѣмъ такъ. Отжившіе подлежатъ суду исторіи. Гораздо труднѣе, напротивъ, историку и даже хроникеру говорить о пребывающихъ. У меня, напр., на очереди стоитъ теперь первый изъ всѣхъ моихъ пріятелей, Александръ Языковъ. Какъ же мнѣ поступить съ нимъ? Говорить о немъ одно хорошее, онъ оскорбится самъ и приметъ это за месть, а всѣ остальные, которые уже попадались здѣсь, будутъ, пожалуй, оскорблены моимъ пристрастіемъ. Выставлятъ какія-нибудь отличительныя странности въ характерѣ моего задумшевнаго пріятеля (кто же безъ нихъ бываетъ!), оскорбится собственное мое чувство дружбы. Замѣчу покуда одно—его во всѣхъ важныхъ и мелкихъ случаяхъ нерѣшительность, повредившую и, можетъ быть, испортившую ему всю жизнь. Оба мы съ нимъ на концѣ нашего пути: если суждено пережить меня ему, то завѣщаю здѣсь Александру Языкову нарисовать мою фигуру, насколько онъ ее знаетъ, прося всѣхъ другихъ убѣдительно оставить память мою въ покоѣ; если же я переживу его, то обѣщаю себѣ насколько могу вѣрно представить его изображеніе *).

*) Александръ Михайловичъ Языковъ умеръ за нѣсколько недѣль до смерти моего отца. Отъ изд.

Въ началѣ іюня 1823 г. собрался я наконецъ оставить Петербургъ и очень медленно спѣшилъ въ Бернъ, къ мѣсту моего назначенія. Для совершенія этого длиннаго пути запаса я чрезвычайно удобной, помѣстительной, но слишкомъ тяжелой двухмѣстной коляской, заказанной мною славному каретнику Іоахиму за 3 т. р. И то сказать, въ ней могъ помѣщаться цѣлый домъ. У меня была съ раннихъ лѣтъ, не скажу, страсть, а наклонность къ хорошимъ экипажамъ. Первый, который я имѣлъ, былъ дормезъ отъ Фробеліуса, тоже славнаго петербургскаго каретника, и за него заплачено было слишкомъ 5.000 руб. За то и прослужилъ онъ мнѣ лѣтъ болѣе 20. Въ коляскѣ же я ошибся, она была тяжелѣе дормеза, а я рассчитывалъ ѣхать черезъ Германію въ ней парой, на чемъ и настоялъ, подвергаясь проклятіямъ всѣхъ и каждаго нѣмецкихъ почтальоновъ. Разстаться съ Петербургомъ мнѣ было не грустно, прощаться почти не съ кѣмъ. Никольскій, оставивъ службу, отправился къ одному изъ своихъ пріятелей, саратовскому откупщику, помогать ему управлять откупомъ. Языковы сами отъѣзжали въ симбирскую деревню, семья Кикиныхъ запоздала перѣздомъ своимъ на дачу по причинѣ тяжкой послѣдней болѣзни Марьи Саввишны Перекусихиной. Она уже не показывалась въ гостиной и потребовала меня къ своей постели, чтобы со мной проститься. «Прощай, мой милый, — сказала она мнѣ, осѣняя крестнымъ знаменіемъ, — врядъ ли я еще разъ тебя увижу, старость приходитъ». — «Проходитъ, Марья Саввишна». — «Какъ, голубчикъ?.. — не слышу. Я говорю: старость моя приходитъ». Я имѣлъ непростительную злость и дерзость повторить свой неумѣстный каламбуръ, на который она отвѣтила: «Ты все такой же шутникъ;

ну, да Богъ тебя простить»,—и нѣжно со мной поцѣловалась; однакожь смѣясь домашнимъ своимъ на меня пожаловалась, и я получилъ порядочное головомытіе за эту выходку отъ Петра Андреевича.

За нѣсколько времени передъ отъѣздомъ, являясь по временамъ въ иностранную коллегію, послѣднюю изъ всѣхъ уничтоженныхъ коллегій до настоящаго образованія этого министерства, и являясь въ собственную канцелярію графа Нессельроде, встрѣтился я въ ней съ пренадменнымъ чиновникомъ этой канцеляріи, графомъ Викторомъ Никитичемъ Панинымъ, который, вспомнивъ, что видалъ меня, когда мы оба были еще мальчиками, въ Отрадѣ, у дѣда своего графа Орлова, почему-то захотѣлъ возобновить знакомство и пригласилъ зайти къ нему на чашку чаю въ день своего дежурства въ канцелярію. Тогда, а вѣроятно и теперь, дежурство ихъ продолжалось цѣлыя сутки, но нынѣшніе чиновники имѣютъ болѣе удобствъ для своего ночлега. Тогда все было просто, неприхотливо и даже не комфортабельно. Упоминаю я о встрѣчѣ моей съ Панинымъ въ 1823 г. только потому, что въ это время, несмотря на все свое классическое образованіе, онъ не владѣлъ русскимъ языкомъ, затруднялся на немъ вести бесѣду и требовалъ, чтобы я говорилъ съ нимъ по-французски. Мнѣ, какъ чиновнику министерства, выдали отъ него особый заграничный паспортъ съ приложеніемъ государственной печати. Снабженный имъ, пользовался я во все продолженіе моего пути, а тѣмъ паче за границей, особенной внимательностью и почти не подвергался осмотру на своей и иностранной таможнѣ. На полудорогѣ изъ Петербурга въ Москву приказалъ я моему камердинеру разсчитываться ночью съ смотрителями и ямщиками и

сна моего не тревожить. Вдругъ на какой-то станціи, на самомъ разсвѣтѣ, какое-то долговязое привидѣніе, все въ бѣломъ, махаетъ, какъ крыльями вѣтряной мельницы, длинными своими руками и меня будить. Я никогда еще не былъ такъ чѣмъ-нибудь напуганъ. Вышло, что это былъ тотъ же гр. Панинъ, возвращавшійся изъ Москвы и требовавшій отъ меня какихъ -нибудь интересныхъ дипломатическихъ извѣстій, отъ меня сокровенныхъ. Онъ напоилъ тутъ меня на станціи чаемъ, и это было послѣднее мое съ нимъ свиданіе; послѣ, черезъ много лѣтъ я встрѣчалъ его уже министромъ юстиціи, и мы другъ друга болѣе не признавали. Я думаю, что онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собою страшное усиліе, чтобы, продолжая потомъ дипломатическую свою службу то въ Испаніи, то резидентомъ въ Греціи при гр. Каподистріа, и не имѣя никакой нужды во все это время обращаться съ русскимъ языкомъ,—вдругъ появиться однимъ изъ первыхъ тогдашнихъ ораторовъ и говорить, конечно по-русски, съ замѣчательнымъ талантомъ. Въ этомъ отдавали ему справедливость и тѣ его недоброхоты въ государственномъ совѣтѣ, которые, напр., остроумный Бахтинъ, считали Панина нелѣпѣйшимъ изъ смертныхъ.

Не заставъ тетку мою Елену Яковлевну уже въ Москвѣ, я, желая передъ долгой разлукой пожить съ нею и устроить ее попрочнѣе, остался въ городѣ не надолго и видѣлся только съ самыми короткими изъ московскихъ знакомыхъ. У Новиковыхъ-Долгорукихъ зимнія забавы замѣнились тогда горѣлками, хороводами, качелями и всевозможными лѣтними играми то на обширномъ дворѣ, то на полугорѣ передъ главнымъ фасадомъ дома съ красивымъ видомъ на Мо-

скву рѣку. Хозяева называли это мѣсто садомъ. Старый князь Балконъ и тутъ не отставать отъ молодыхъ и любилъ горѣть, стоя впереди длинной вереницы паръ, и, какъ сатиръ вакханокъ, любилъ изловить какую-нибудь молоденькую женщину. На одномъ изъ такихъ вечеровъ, чуть ли для меня не послѣднемъ, здоровенный Загоскинъ вздумалъ передъ нами и на насъ пробовать свою силу, бороться, перепрыгивать, подымать тяжести и т. д. Меня онъ уговорилъ, и я имѣлъ глупость его послушаться, стать обѣими ногами на каменную тумбу подъѣзда съ тѣмъ, чтобы ему, взявъ меня за ноги, пронести въ вертикальномъ положеніи до извѣстнаго разстоянія, на границѣ котораго стала Варвара Ивановна. Загоскинъ поднималъ меня очень ловко, но на половинѣ дороги бросилъ на землю и самъ повалился на колѣни, я же упалъ плашмя. Всѣ перепугались, бросились ко мнѣ. Громкимъ хохотомъ успокоилъ я тотчасъ публику, но не находилъ возможности стать на ноги: лѣтнія мои панталоны поперекъ совсѣмъ лопнули и спустились, а я былъ во фракѣ. Старый князь разразился хохотомъ и на силу то убѣдилъ я его пригласить отъ себя прекрасный полъ удалиться въ комнаты. Меня посадили въ коляску, дали хламиду и отправили домой, чтобы переодѣться и воротясь заключить прощальный вечеръ. Загоскинъ краснѣлъ съ досады отъ неудачи своего опыта.

Не имѣя ни желанія, ни случая говорить въ моихъ «Запискахъ» о какихъ-либо важныхъ въ то время событіяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ, держа себя вдаль отъ замѣчательныхъ людей того времени и самого тогдашняго общества, я и не разсчитываю на возможность сдѣлать мои «Записки» любопытными въ этомъ

отношеніи. Довольно будетъ съ меня, если мнѣ удастся сколько-нибудь представить здѣсь достаточно вѣрный очеркъ крестьянскаго и помѣщичьяго быта. И вотъ почему на этотъ разъ попробую рассказать съ нѣкоторыми подробностями объѣздомъ послѣднемъ, почти двухмѣсячномъ моемъ пребываніи въ подмосковной, о которой съ ея окрестностями я не успѣлъ еще распространиться, насколько за немного страницъ передъ этимъ говорилъ уже о моемъ главномъ имѣніи Новосильскаго уѣзда.

Красивое мое Солнышково по кончинѣ отца въ 1814 г. было постояннымъ лѣтнимъ пребываніемъ тетки моей Елены Яковлевны. Она жила тамъ въ длинномъ деревянномъ домѣ, перестроенномъ еще бабюшкою изъ маленькаго первобытнаго домика. Этотъ нашъ домъ, въ которомъ живаль и я, былъ одноэтажный, съ большимъ мезониномъ и двумя или тремя саженьми длиннѣе теперешняго двухъэтажнаго, построеннаго мною въ 1835 г. на томъ самомъ мѣстѣ. Расположеніе его было—какое я называлъ и называю казеннымъ, т.-е. проходная угольная зала, вся въ окнахъ, за нею двѣ гостиныя и большая угольная, гдѣ была и спальная тетушки, изъ нея длинный коридоръ, въ немъ лѣстница на мезонинъ, а за нимъ три комнаты, обращенныя во дворъ. При залѣ былъ небольшой буфетъ и большая передняя, съ чуланами у главнаго входа. Какъ было при отцѣ, такимъ и оставалось все это жилище до новаго въ 1835 г. образованія усадьбы. Бревенчатый домъ снаружи не былъ ни оштукатуренъ, ни обшитъ тесомъ; внутреннія его стѣны не имѣли также ни обоевъ, ни штукатурки. Изъ голыхъ обтесанныхъ бревень, потемнѣвшихъ отъ времени, высовывалась пакля. Снаружи главнаго фа-

сада, обращеннаго къ рѣкѣ и къ Лопаснѣ, былъ балконъ, на который изъ гостиной собиравлись 20 лѣтъ прорубить дверь, но се за какимъ-то недосугомъ сдѣлать не успѣли. За то изъ моего балкона на мезонинѣ, сообщеннаго съ комнатами дверью, какъ слѣдуетъ, былъ чудный видъ, несравненно болѣе красивый, чѣмъ теперь, потому что деревья въ передѣ домомъ къ рѣкѣ было гораздо меньше, да и тѣ, посаженные моимъ отцомъ, а потомъ и мною, еще не слишкомъ выросли и не мѣшали видѣть извилистую нашу Лопасню, огнивающую полуостровъ до самой мельницы, которая, какъ бѣльмо на глазу, досаждала владѣтелямъ Солнышкова тѣмъ, что принадлежала не имъ, а богатому сосѣду, князю Щербатову, несмотря на то, что врѣзалась почему-то угломъ въ солнышковскую дачу. При всемъ стараніи моемъ объяснить себѣ, какъ могло произойти такое вторженіе небольшого уголка земли, изъ трехъ-четырехъ десятинъ, въ чужую, вездѣ окруженную дачу, причины этого я не доискался, такъ же точно, какъ и тому, что рядомъ съ этой мельницей принадлежали намъ пять десятинъ полуострова съ рошей, примкнутыхъ къ дачамъ В...ыхъ на противоположномъ берегу рѣки Лопасни. Тутъ явно обнаруживалось капризное размежеваніе. Но какъ бы то ни было, оно утверждено было межевыми книгами и генеральнымъ планомъ. Долго передъ самымъ домомъ пролежала обширная, для всѣхъ проѣзжая, старая дорога и отдѣляла его собой отъ склона горы, называемаго садомъ. Наконецъ-то такую, по всему неудобную для насъ дорогу еще при батюшкѣ уничтожили, несмотря на жалобы крестьянъ, и перевели за рошу на другую сторону дома. Все это происходило по причинѣ довольно долгой борьбы съ крестьянами,

потому что тамъ, гдѣ была построена господская усадьба, были прежде крестьянскія, и остальные избы изъ этого поселка долго еще стояли при мнѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь каменный флигель управляющаго, наши сараи и конюшни. Не мало годовъ хлопоталъ я отбить у крестьянъ застроенный ими уголъ по теченію рѣки Лопасни, за дорогой въ это село, гдѣ теперь мой лугъ и огородъ, отдаваемый внаймы. На этомъ мѣстѣ, часто наводняемомъ отъ весенняго разлитія, въ пяти дворахъ жили самые зажиточные изъ солнышковскихъ крестьянъ, и, какъ видно, тамъ былъ старинный поселокъ, что доказывается найденными на мѣстахъ въ землѣ кладами въ глиняныхъ горшкахъ и кувшинахъ, до верха наполненныхъ серебряными копеечками, начиная со временъ Іоанна Грознаго. Въ этомъ именно уголкѣ одинъ изъ крестьянъ имѣлъ красильное заведеніе и былъ при деньгахъ. Случившееся съ нимъ происшествіе въ концѣ 20 годовъ стоитъ подробнаго разсказа.

Солнышковскіе крестьяне испоконъ вѣка были на оброкѣ и до тѣхъ поръ, пока я не взялся за нихъ какъ должно, никогда не платили въ сроки, на нихъ всегда накопились довольно значительныя недоимки. И тогда еще большая часть мужиковъ жила въ Москвѣ по разнымъ мастерствамъ, пьянствовала, можетъ быть, менѣе теперяшняго, за то роскошничала и харчила болѣе. Доходами съ подмосковныхъ деревень пользовалась отчасти моя тетушка. Анекдотъ о богатомъ Кузмѣ-красилицкѣ, здѣсь слѣдующій, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ крѣпко сплочена наша сельская община, или «міръ», и какъ въ однихъ случаяхъ упорно стоитъ за себя, употребляя при этомъ (въ самыхъ важныхъ случаяхъ) не явное

сопротивленіе какой-либо власти, а могучую силу бездѣйствія, «инерціи». Однажды пріѣхать я къ теткѣ, проѣздомъ въ Михайловское, въ это имѣніе и, чтобы по жалобѣ ея заставить недоимщиковъ заплатить просроченный оброкъ, собралъ сходку. Узнавъ отъ старосты, что и Кузьма-красильщикъ наравнѣ съ другими въ недоимкѣ, я сталъ его стыдить; онъ кланяться въ ноги и божиться, что черезъ недѣлю, не позже, заплатитъ; всѣ прочіе насказали мнѣ разные туры на колесахъ и также обѣщали расплатиться. Все это, сколько помню, происходило въ сентябрѣ; я спѣшилъ въ степь къ хлѣбной уборкѣ. Въ началѣ декабря является ко мнѣ Кузьма-красильщикъ уже въ Москвѣ; едва успѣвъ перекреститься на образъ, бухъ въ ноги. На приказаніе мое встать, онъ все-таки не приподнимался и стоялъ упорно колѣнопреклоненный. «Да что съ тобой случилось?»—Батюшка, спасите, помогите, меня въ конецъ разорили!—«Какъ? кто? когда?»—Обокрали вчистую, и деньженки и все, что у насъ было.—«А денегъ много?»—Красильщикъ всталъ и началъ почесывать затылокъ.—Да, многонько, батюшка Дмитрій Николаевичъ, и выговорить-то даже страшно и совѣстно.—«Сколько же?»—Охъ, батюшка, цѣлыхъ шесть тысячъ рублей и все на монету, больше золотомъ.—«Ну, любезный, крѣпко мнѣ тебя жаль. Небось ты еще съ недѣлю потерялъ съ твоими поисками о пропажѣ. А въ городѣ былъ? Исправнику докладывалъ?»—Колн не такъ; да вотъ прошло ужъ сколько времени, а ничего не нашли.—«Развѣ давно случилась пропажа?»—Да почитай ужъ цѣлыхъ четыре мѣсяца.—«Ну, братъ, я не думалъ, чтобы ты былъ такой осель. Зачѣмъ же ты ко мнѣ сюда пріѣхалъ?»—Смилуйтесь, батюшка, надъ нами! Нельзя ли вамъ попросить кого-нибудь изъ на-

большихъ, хотъ губернатора, авось онъ прикажетъ отыскать.—«Да когда же пропажа то случилась?»—Передъ самымъ Никитой. Я уже собрался было на ярмарку въ Серпуховъ (15 сентябрю).—«Ну, а теперь Рождество на дворѣ и ты, братъ, просишь, чтобы тебѣ отыскали твою пропажу черезъ три мѣсяца! Отчего же ты не бросился въ Москву прежде? Тебѣ бы слѣдовало, побывавъ у исправника, прямо ѣхать ко мнѣ, я бы выхлопоталъ приказъ земскому суду твоихъ воровъ отыскать неотмѣнно, а теперь ихъ и слѣдъ простылъ! Что молчишь-то? Не мудрено было бы догадаться». Тутъ у Кузьмы-красилыщика зудъ въ затылкѣ сталъ нестерпимый, онъ началъ чесать его съ какимъ-то остервенѣніемъ, какъ бы вырывая ключья волосъ съ корнемъ. Послѣ мгновеннаго молчанія, страшно зарыдавъ, бросился онъ опять на колѣни: Виновать, батюшка! Простите Христа ради, я не смѣлъ вамъ тотчасъ объявиться.—«Это почему?»—Да видишь ты, насъ обокрали на другой аль на третій день послѣ проѣзда вашего здоровья.—«Такъ что жъ?»—Да вы развѣ изволили запомнить? Я просилъ васъ тогда обождать мою недоимку, всего-то 15 рублей, ну, мнѣ и совѣстно было заявить объ украденныхъ тысячахъ—«Да отчего-жъ ты не заплатилъ?»—Убоялся міра. Всѣ зарокъ дали просить тебя обождать, вотъ и уговорили меня имъ не перечить.

Воровъ, конечно, не отыскали, а два сына обокраденнаго глухаго, простого и пьяненькаго мужичка унаслѣдовали послѣ него, должно быть, тысячъ десятокъ, ибо два-три года спустя откупились за 6000 рублей. Меньшой изъ братьевъ поселился тотчасъ же на шоссе, на отданныхъ ему двухъ десятинахъ земли, а старшій, Михайлъ Кузьминъ, первая жена котораго была

кормилца дочерн мосй Екатерины, тотчасъ же вышелъ въ купцы, имѣеть въ каретномъ ряду свой собственный домъ и большую лавку съ экипажами, считаясь не послѣднимъ въ Москвѣ каретникомъ.

Въ этотъ же, кажется, осенній мой проѣздъ черезъ Солнышково былъ и другой случай (я иногда въ моемъ разсказѣ года перемѣшиваю), рѣзко объясняющій невинность и простоту нашихъ сельскихъ нравовъ того времени. Тетушка моя въ своихъ высокихъ хоромахъ начинала зябнуть отъ первыхъ сентябрьскихъ заморозковъ, довольно чувствительныхъ. У нея было въ обычаѣ, какъ и у многихъ старушскъ, на все про все жаловаться. «Кто жъ вамъ мѣшаетъ топить?»—Посмотри, такъ и увидишь, что дровъ еще не припасено.—И вотъ той же самой сходкѣ приказалъ я сейчасъ же отправиться за дровами въ пустошь Таласвку, верстахъ въ 12 отъ Солнышкова, и тамъ нарубить трехаршинныхъ дровъ, подтвердивъ крестьянамъ позволеніе взять на себя, по заведенному порядку, валежнику и сучья на собственное ихъ отопленіе. Ровно черезъ день, и уже никакъ не больше полутора сутокъ, староста доложилъ мнѣ, что болѣе десяти сажень трехполѣнныхъ дровъ уже привезено и сложено на барскомъ дворѣ. «Какъ же успѣли вы такъ скоро оборотиться,—спросилъ я,—по дорогѣ, небось, грязь страшная?»—Не что. Да мы догадались нарубить не въ Таласвкѣ, а въ Щербатовскихъ лѣсахъ, они поближе.—«Какъ, всѣ десять сажень?»—Извѣстно, всѣ. Въ даль-то собраться не приходилось, вотъ мы и перевезли.—«И вамъ не стыдно и не грѣшно пользоваться чужимъ добромъ?»—А у насъ-то развѣ не рубятъ? Тоже воруютъ сплошь да рядомъ.—Я ожидалъ жалобы на такое расхищеніе отъ сосѣда, князя Щербатова,

хозяина, казись, строгаго и до всего дошлаго, однако не дождался. Видно и у его крестьянъ и лѣсниковъ велись подобные порядки, да и лѣсу - то было въ то время такое обиліе, что отъ Серпухова до самой Москвы, забравъ немного вправо отъ почтовой тогдашней дороги, тоже черезъ Лопасню и Молоди, можно было пройти пѣшкомъ, или пробраться верхомъ все это пространство, слишкомъ 90 верстъ, непроходимыми лѣсами. А теперь?..

Было ли хуже, было ли лучше — рѣшить трудно. Крестьяне на видъ были бѣднѣе. Оброчные, по сравненію съ нынѣшнимъ курсомъ и вообще цѣнностью денегъ у добрыхъ помѣщиковъ, вносили оброчныя суммы не болѣе нынѣшнихъ, но за то пользовались они пастбищами по всей дачѣ, большими покосами и отопленіемъ. Другихъ, земскихъ, волостныхъ и сельскихъ поборовъ у нихъ, почитай, совсѣмъ не было. Разныхъ прихотей настоящаго времени также и въ заводѣ не было: самоваровъ не знали, баранокъ въ Лопаснѣ не покупали, папушиковъ и пшеничныхъ пироговъ не ѣдали, жили сѣро, избы были курныя, за то у многихъ водились денежки и первыми изъ добытчиковъ по деревнямъ этого края были подобные моему пресростому Кузымѣ-красильщику. Сукна въ краску брали они такъ-же, какъ и женскія понявы, по-близости, а за шерстяной пряжей, суровьемъ ѣзжали въ Москву. Красильныхъ фабрикъ да и бумагопрядильныхъ тогда еще не бывало. Большая часть помѣщичьихъ крестьянъ состояли на оброкѣ и жили относительно въ довольствѣ. Немногимъ барщинскимъ и особливо мелкопомѣстнымъ было несравненно хуже и тяжелѣе, но послѣдніе за то, насильственно прикрѣпленные къ землѣ, безъ выхода на

сторону были здоровѣе и нравственнѣе проживающихъ по городамъ и особенно въ Москвѣ. Эти, несмотря на тяжелую барщину, всегда пробавлялись своимъ хлѣбомъ, имѣя его постоянно въ запасѣ. Оброчные же при малѣйшемъ недостаткѣ въ урожаѣ должны были покупать муку на ѣмины, а при большомъ недородѣ и зерно на сѣмены. Тогдашніе помѣщики, можно сказать объ нихъ сообща и вообще, были капризнѣе, взыскательнѣе, суровѣе всѣхъ тѣхъ, послѣднихъ, которыхъ застигла эмансипація, но прежніе были все-таки до крестьянина, даже до оброчнаго, добрѣе, ихъ и съ оброчными связывали тѣ же патриархальныя отношенія, какія, вѣроятно, завязались между владѣльцами и крѣпостными въ самомъ началѣ прикрѣпленія. Въ Серпуховскомъ уѣздѣ лучшимъ и образованнѣйшимъ изъ всѣхъ помѣщиковъ жилъ до 30-хъ годовъ, въ продолженіе, быть можетъ, полувѣка меньшей изъ пятерыхъ братьевъ Орловыхъ, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ.

23 мая 1872 года, Солнышково.

Остановился я на солнышковскихъ сосѣдяхъ и pendant къ повѣсти о Михайловскомъ и уже назвать графа Орлова. Между тѣми и другими была великая разниѣа. Лучшимъ изъ всѣхъ подмосковныхъ сосѣдей былъ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ. Онъ не былъ родовитѣе другихъ серпуховскихъ помѣщиковъ, между которыми были и Рюриковичи, князья Щербатовъ и Вяземскій, и Еропкины, утратившіе свое княжество, и потомки древнихъ боярскихъ и дворянскихъ родовъ: Нащокины, Васильчиковы, Псленевы, даже Дурновы и Чуфаровскіе, но всѣхъ ихъ Орловъ превосходилъ новѣйшею чиновною знатностью, богат-

ствомъ, несравненно высшимъ передъ всѣми образованіемъ и достойнымъ глубокаго уваженія высокимъ своимъ характеромъ. Оживить его память для современниковъ слѣдовало бы давно одному изъ его прямыхъ потомковъ, либо графу Панину, либо тому Давыдову, которому перешло самое имя гр. Орлова. Съ ранней молодости меньшей изъ пяти братьевъ Орловъ, не увлекаемый честолюбіемъ, сошелъ съ дороги той бурной служебной дѣятельности, которая привела бы его, безъ сомнѣнія, скорѣе, чѣмъ кого-нибудь, на большую дорогу знаменитости и почести. Онъ выбралъ для себя болѣе скромную тропинку и шелъ по ней до глубокой старости. Образованіе его было широкое, въ полномъ смыслѣ европейское, но, судя по тому, какимъ я видѣлъ его въ моемъ отрочествѣ и какимъ опять увидалъ передъ самой его кончиной, уже тогда, когда я совсѣмъ выбрался изъ чужихъ краевъ, графъ Орловъ, европеецъ, знавшій въ своей молодости въблизи и Руссо и Вольтера, не заглушалъ въ себѣ русскаго человѣка, какъ то случалось со многими его современниками. Кажется, при Екатеринѣ былъ онъ нѣсколько времени президентомъ нашей академіи наукъ. Не можетъ быть, думаю я, чтобы на такомъ видномъ мѣстѣ не оставилъ онъ себѣ никакого слѣда, и, однако, мы до сихъ поръ не имѣемъ на то никакихъ указаній. Знаемъ одно, что онъ, вѣроятно, въ началѣ царствованія Павла, враждебнаго ко всѣмъ братьямъ Орловымъ, вышелъ въ отставку въ чинѣ генерала-поручика и въ званіи камергера; по крайней мѣрѣ онъ въ торжественные дни и въ праздники у себя въ Отрадѣ носилъ на фалдахъ фрака голубой бантъ отъ камергерскаго ключа. Никакихъ орденовъ онъ не имѣлъ и украшалъ себя одною грошевою

мѣдною медалью на Владимірской лентѣ 1812 года, которою брезгали почти всѣ, въ томъ числѣ и я, имѣвшій право ее носить. Отличительной, а по моему высокой и еще никѣмъ не оцѣненной чертой его характера именно было то, что онъ, сойдя съ дѣятельнаго поприща, будучи еще въ силахъ, почти цѣлыя сорокъ лѣтъ предавался скромной семейной жизни и благотѣльному управленію своей сотни тысячъ крѣпостныхъ, считая женщинъ. Не служа съ тѣхъ поръ уже нигдѣ, онъ не игралъ никакой роли въ той оппозиціи правительству, которая во времена Павла разыгрывалась удаленными отъ двора честолюбцами въ Москвѣ или по провинціи, а въ началѣ царствованія Александра косилась, роптала, подобно РаSTOPчину и другимъ, на свободолюбивыя мѣропріятія Александра Перваго и его либеральныхъ единомышленниковъ. Орловъ передъ всѣми болѣе или менѣе крупными людьми тѣхъ временъ отличался тѣмъ, что никогда не становился ни на какой пьедесталъ, не ходилъ на ходуляхъ и даже не предавался тогдашнему модному мистицизму, отъ котораго произошелъ религіозный космополитизмъ и, какъ противодѣйствіе оному, реакціонное православное ханжество въ церковномъ и гражданскомъ смыслѣ Шишкова и родившихся отъ него изувѣровъ. Такимъ представляется мнѣ старѣйшій и умнѣйшій изъ моихъ подмосковныхъ сосѣдей. Я полюбилъ эту симпатичную фигуру, рослую, худую, не отягченную помѣщичьимъ жиромъ живущихъ по деревнямъ баръ, всегда кроткую и благодушную. Съ ранней весны графъ удалялся съ семьей въ серпуховское свое помѣстье, Отраду, и жилъ тамъ до перваго пути; несмотря на устроенную имъ, какъ бы противъ воли, широкую барскую усадьбу, и въ

ней выразилась, по собственнымъ его словамъ, мудрая умѣренность его характера. Отецъ меня возилъ туда два раза въ лѣто, и объ моихъ этихъ поѣздкахъ я уже говорилъ прежде, рассказывая о дядкѣ Варѳоломеевичѣ. Но мнѣ какъ будто слышатся еще и теперь собственные слова графа моему отцу о его устройствѣ въ этомъ имѣніи. Запомнивъ, не знаю самъ почему, простодушныя слова этого рассказа, я получилъ уже гораздо послѣ подтвержденіе имъ изъ устъ долго жившаго съ нимъ князя Ивана Петровича Оболенскаго (Оболенскій былъ дядя женѣ моей, жилъ по лѣту у графа въ Отрадѣ, самъ будучи женатъ на родной племянницѣ графа Орлова, Штакельбергъ). Привожу самый рассказъ: «Старшему нашему братцу, князю Григорію, дано было матушкой-государыней дворцовое село Хотунь со многими деревнями и большими дачами *). Ему захотѣлось, что-

*) Большое и богатое село Хотунь имѣетъ нѣкоторое значеніе и извѣстность въ новѣйшей нашей исторіи. Оно, если не ошибаюсь, принадлежало дворцовому вѣдомству, т.-е. было не просто казенное, а государево. Было, по мѣстнымъ слухамъ, намѣреніе сдѣлать изъ него городъ и назвать Любимомъ. Императоръ Петръ II, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, по удаленіи своемъ изъ Петербурга въ Москву, вышедъ изъ-подъ опеки сосланнаго въ Сибирь князя Меншикова, перешелъ въ руки молодого своего фаворита, князя Ивана Долгорукаго, которому, какъ извѣстно, удалось сосватать его на своей сестрѣ. Этотъ царскій любимецъ, овладѣвъ юнымъ государемъ, отбилъ его отъ учебныхъ занятій и приучилъ къ псовой охотѣ. Чаше всего охотились они въ окрестностяхъ села Хотуни, которое тогда же пожаловано было Долгорукому, и до сихъ поръ сохраняется преданіе въ этомъ красивомъ селеніи на крутомъ берегу Лопасни о посѣщеніяхъ его Петромъ II. Когда при Аннѣ Иоанновнѣ послѣ ужасныхъ казней послѣдовала и опала на всю фамилію Долгорукихъ этого рода, село Хотунь отошло въ казну. Екатерина II-я пожаловала онымъ, вмѣстѣ съ другими деревнями, князя Григорія Григорьевича Орлова, а отъ второго брата Алексѣя Орлова-Чесменскаго Хотунь перешла къ его дочери. Давно бы слѣдовало собрать и обнародовать, насколько это возможно, нѣкоторыя подробности изъ замѣчательной во многихъ отношеніяхъ жизни дѣвицы графини Анны Алексѣевны, скончавшейся въ тайномъ постриженіи инокини Агніа.

бы каждый изъ насъ могъ со временемъ около него поселиться. Вотъ и пожаловалъ онъ мнѣ по моей женитьбѣ село Семеновское, теперь Отрада, съ деревнями; племянницѣ, графинѣ Орловой - Чесменской, отъ отца перешла самая Хотунь, а двумъ другимъ братьямъ достались тутъ же вблизи другія села, которыя прозвались потомъ Благодатнымъ и Неразстаннымъ. Началъ я селиться въ своемъ помѣстьѣ, выбралъ для усадьбы берегъ красивой Лопасни, окру-

Не только вся жизнь этой безответной послушницы фанатика архимандрита Фотія отличается какою-то странною характеристикой, но и обильное ея приношеніе (по 50 тыс. на каждую лавру и по 5 тыс. на каждый монастырь въ Россіи) въ пользу мѣстныхъ и восточно-православныхъ церквей и обителей, равно какъ и духовное ея завѣщаніе съ распоряженіемъ по ея громадному движимому и недвижимому имѣнію могли бы, будучи приведены въ извѣстность, возбудить всеобщій интересъ. Самая ея смерть у гроба духовника и наставника Фотія была поразительна своею внезапностью. Не вполнѣ довѣряя слышанному обо всемъ этомъ, предлагаю другимъ, болѣе знающимъ, собрать свѣдѣнія. Скажу только, что знаю достоверно: иноки Иверскаго монастыря, зная о ея тайномъ постриженіи, готовились уже совершить надъ нею отпѣваніе, какъ надъ монахиней, но императоръ Николай, знавшій о существованіи ея завѣщанія, замѣтилъ, что графиню должно хоронить по мірскому обычаю, ибо законное признаніе ея тайнаго постриженія воспрепятствовало бы исполненію ея послѣдней воли, такъ какъ монашествовавшіе ничего завѣщать послѣ себя права не имѣютъ. Не знаю, какъ распорядилась она при жизни и по духовному завѣщанію съ своими въ разныхъ губерніяхъ имѣніями и съ крѣпостными, но задолго еще до своей смерти съ селомъ Хотунью и съ ревизскими при немъ душами, въ числѣ 4 тыс., поступила слѣдующимъ образомъ. Заложивъ ихъ по тогдашней оцѣнкѣ въ сохранный казнѣ московскаго опекунскаго совѣта за 1.000.000 слишкомъ руб. асс., она обратила ихъ въ свободныхъ хлѣбопашцевъ, предоставивъ имъ все безъ остатка принадлежащія къ этому имѣнію земли и въ томъ числѣ лѣсную дачу болѣе 10 тыс. десятинъ береженаго крупнаго бора строевого и даже мачтоваго, почему и боръ этотъ, въ которомъ, какъ видно, водились лоси, извѣстенъ былъ въ нашей мѣстности подъ названіемъ „Лосинаго острова“. До совершенія законнаго акта на отчужденіе, по взаимному соглашенію крестьянъ, отъ помѣщичьей власти и поступленія ихъ въ свободные хлѣбопашцы сохранная казна московскаго опекунскаго совѣта отнеслась въ то время, въ 1836 или 1837 году, ко мнѣ, какъ къ предводителю, официально требуя отъ меня удостовѣренія въ томъ, что будущіе вольные хлѣбопашцы могутъ исправно и безнедоимочно выплачивать сохранной казнѣ проценты. Я

женный старымъ краснымъ боромъ и другихъ породъ лѣсами. Я былъ охотникъ—не страстный, впрочемъ—гонять собакъ. Призвалъ я лучшаго въ то время архитектора, и указалъ онъ мнѣ мѣсто на высокой горѣ построить тутъ трехъэтажный барскій замокъ и церковь. Планъ мнѣ полюбился; однако исполнилъ я его не совсѣмъ въ точности. Церковь на высокой горѣ, на открытомъ отъ лѣсовъ мѣстѣ, построилъ, а для постройки дома спустился пониже, къ берегу рѣки, между лѣсами; тамъ, я думаю, будетъ осенью и въ

отвѣчалъ не утвердительно, представляя, впрочемъ, съ моей стороны, что большое количество земли и особенно лѣсной дичи и, сверхъ того, настоящее положеніе крестьянъ должны дать имъ возможность выплачивать проценты по перешедшему на нихъ долгу. И, однако, вскорѣ потомъ предоставленное вольнымъ хлѣбопашцамъ самоуправленіе начало ихъ запутывать; они сейчасъ же приступили къ истребленію своего „Лосинаго острова“ и начали продавать безъ толку малыми и большими участками. Изъ крупныхъ, какихъ теперь едва ли найдешь, сосновыхъ бревенъ, срубленныхъ на полудесятинѣ, выстроилъ я себѣ весь, довольно изрядный, двухъэтажный домъ въ моемъ Солнышковѣ; такъ-же сдѣлалъ другой сосѣдній помѣщикъ, Арцыбашевъ, въ своемъ селѣ Туровѣ, недавно купленномъ И. С. Аксаковымъ. Какъ, куда и на что менѣ чѣмъ въ 10 лѣтъ пошелъ этотъ „Лосинный островъ“, не знаю, но его давнымъ давно уже нѣтъ, а крестьяне гораздо прежде эмансипаціи были въ недоимкахъ у сохранной казны, подвергались отъ нея полицейскимъ взысканіямъ и, какъ говорятъ, разорялись, а теперь, какъ сказываютъ, разорены вдосталь. Конечно, между ними есть нѣсколько богачей-мироѣдовъ, которые держатъ бѣдняковъ въ крѣпости. Судьба хотунскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, совершавшаяся на моихъ глазахъ, отрезвила собственные мои стремленія къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, и я, смотря на нихъ, убѣдился окончательно, что замышляемое и мной ихъ такого рода освобожденіе было бы для нихъ вредно, и что предоставленіе имъ самоуправления безъ постоянного строгаго надъ ними наблюденія, однимъ словомъ, безъ опеки, будетъ непременно не только имъ, но и всему государственному строю пагубно. И съ этого времени, т.-е. со второй половины 30-хъ годовъ, дѣятельно началъ я собирать свѣдѣнія по крестьянскому вопросу, рѣшаясь было, но не удачно, поднять его въ Московской губерніи лѣтъ черезъ 10, а потомъ еще черезъ 10 лѣтъ совершенно отстранилъ себя отъ officialнаго въ немъ участія, нисколько не сочувствуя новымъ принципамъ освобожденія, рѣшительно противоположнымъ всѣмъ моимъ убѣжденіямъ, выработаннымъ мною въ цѣлыя 20 лѣтъ. Обо всемъ этомъ говорено будетъ въ свое время.

первозимье теплѣе и отъ буйныхъ вѣтровъ защита, хотя замокъ, выстроенный на возвышенности, былъ бы виднѣе и великолѣпнѣе. Начавши строить, я опять не послушался архитектора, — вмѣсто трехъ, выстроилъ только два этажа».

Такимъ стоитъ въ Отрадѣ графскій домъ и теперь. Впослѣдствіи пристроены были флигеля для гостей и большіе дома для преобладающей дворни. Отъ неизбежнаго множества дворовыхъ при всей своей умѣренности и скромности, выказанныхъ имъ въ началѣ своихъ построекъ, графъ не могъ избавиться. Главная его контора вотчиннаго управленія всѣми имѣніями переѣзжала съ нимъ изъ Москвы въ Отраду, и въ ея общее присутствіе ежедневно являлся хозяинъ и принималъ тамъ къ суду и къ расправѣ каждаго изъ крѣпостныхъ, имѣвшихъ до него дѣло, изъ тутошнихъ крестьянъ и приѣзжавшихъ для свиданія съ графомъ другихъ крѣпостныхъ изъ отдаленныхъ имѣній. Къ 10.000 ревизскимъ душамъ, перешедшимъ ему отъ братьевъ, прикупилъ онъ до 20.000. Когда онъ умеръ за нимъ было всего 46 т. душъ муж. пола. Накупалъ онъ помѣстья въ разное время на слѣдующихъ либеральныхъ гуманныхъ началахъ. Графъ, конечно, кончилъ свою долгую жизнь, не подозревая существованія ни гуманности, ни либеральности, — ни такихъ словъ, ниже такихъ понятій въ ходу еще не было, — но онъ былъ добръ и никогда не отказывалъ депутатамъ, или, просто сказать, ходакамъ къ нему отъ крестьянъ, которымъ добродушные мотоватые владѣльцы позволяли самимъ прискивать себѣ покупателей-помѣщиковъ. Продаваемымъ предлагалось отъ графа выплачивать, какъ оброкъ, шесть коп. съ рубля на капиталъ, употребленный на ихъ приобрѣтеніе; послѣ этого разъ на-

всегда положенный оброкъ въ 6% съ капитала никогда не возвышался, какъ бы ни были обширны по-земельныя удобства и самое количество купленной дачи. Вся земля предоставлялась въ пользованіе крестьянамъ, за исключеніемъ по соразмѣрности количества лѣсовъ, часть коихъ графъ Орловъ бралъ за себя, предусматривая будущее безлѣсье, теперь нами уже претерпѣваемое. Въ этомъ отношеніи хозяинъ Орловъ былъ неумолимъ, вездѣ строго смотрѣлъ за своими лѣсами, не дарилъ изъ нихъ ни прутика, помогая погорѣльцамъ деньгами и отказавъ однажды навсегда всѣмъ церковнымъ причтамъ въ ихъ притязаніяхъ на господскіе лѣса: «бери деньги, а лѣсу не дамъ ни прута». Такой же совѣтъ передалъ онъ моему отцу, предсказывая ему угрожающее всѣмъ намъ безлѣсье. Батюшкѣ моему графъ далъ въ руководство составленное имъ довольно обширное уложеніе по управленію его имѣніями, которыя всѣ безъ исключенія были у него оброчныя, несмотря на плодородность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почвы. Давно бы слѣдовало напечатать это уложеніе, въ свое время весьма полезное, въ наше поучительное для исторіи нашего крѣпостничества, несмотря на неизбѣжныя въ немъ недостатки.

Графскій главный домъ въ Отрадѣ удобствомъ и отсутствіемъ широкаго русскаго чванства и самою скромною своею мѣстностью вѣрнѣе всего свидѣтельству-етъ о благоразумной во всемъ умѣренности мудраго хозяина. Бережливый, можетъ быть, до излишества (*tout homme malheureusement a les défauts de ses qualités*), графъ, кромѣ семьи, принималъ здѣсь безъ излишняго великолѣпія наѣзжавшихъ къ нему гостей и всѣхъ безъ исключенія помѣщиковъ и чиновниковъ. Тѣ,

которые изъ нихъ были покрупнѣе, почему-то отъ него сторонились. Его почитали почему-то гордымъ. Многимъ, наприм., не нравилась привычка его выходить каждый день изъ-за стола, чтобы выпить наединѣ рюмку вина или стаканъ пива. Ему случилось какъ-то разъ сильно поперхнуться и чуть не кончить отъ того жизнь; съ тѣхъ поръ онъ не могъ пить при всѣхъ. Я помню праздничные отрадинскіе обѣды, которые казались мнѣ очень вкусными и хорошими, но другіе посѣтители находили, что они у богатаго барина могли бы быть лучше. Больше всего лакомился я разными фруктами, которыхъ, впрочемъ, говорили другіе, было, судя по длинному ряду оранжерей, не вдоволь. Однажды за такимъ обѣдомъ сидѣлъ возлѣ меня въ мундирѣ какой-то судейскій или земскій тѣхъ временъ чиновникъ и много потѣшилъ меня тѣмъ, что началъ было поглощать невѣдомые ему артишоки и ананасы съ колючими ихъ иглами. Громкій мой хохотъ обратилъ на него сейчасъ глаза общества.

Моя теща, княгиня Щербатова, и вся ея семья Оболенскихъ была въ дружескихъ отношеніяхъ съ гр. Орловымъ и его семействомъ, поэтому и я по женитьбѣ охотно возобновилъ знакомство съ этимъ домомъ. Престарѣлый графъ (ему было гораздо за 80 лѣтъ) приближался уже къ концу, но сохранялъ свой здравый умъ и свою память. Благодушно бесѣдуя со мною, какъ съ стариннымъ знакомымъ, онъ спрашивалъ меня съ участіемъ о моемъ хозяйствѣ и о моихъ средствахъ и, вѣрный всегда своей благоразумной умѣренности, совѣтовалъ не предаваться обычной русской распушенности и обращать болѣе вниманія на домашній семейный бытъ, нежели на служебное поприще. Онъ умеръ въ 1830 году.

Прочіе мои подмосковные сосѣди, потомки Рюрика и старинныхъ дворянскихъ родовъ, ни въ чемъ не походили на изображеннаго здѣсь гр. Орлова. Старѣйшій изъ первыхъ и по лѣтамъ и по чину, владѣлецъ подгороднаго села Пущина, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Сергѣй Ивановичъ Вяземскій памятенъ мнѣ только потому, что на своемъ фракѣ, сюртукѣ, шинели и шубѣ онъ всегда носилъ какія-то двѣ звѣзды. Два сына его были уже сами въ чинахъ, старшій былъ уже женатъ на богатой, урожденной Тащицевой. Мужъ ее разорилъ. Второй, князь Михаилъ, былъ тоже генераль-майоромъ, былъ въ опалѣ и выключенъ изъ службы, хотя и рассказывалъ всѣмъ, что при Екатеринѣ II былъ посланъ ею въ Карлсруэ по переговорамъ о сватовствѣ Александра Павловича на баденской принцессѣ, впослѣдствіи императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

Племянникъ знаменитаго спасителя Москвы отъ чумы, Петра Дмитріевича Еропкина, Мих. Иван. Еропкинъ жилъ отъ моего Солнышкова въ 2-хъ верстахъ. Онъ былъ очень не глупъ, остеръ, на языкъ не скромнъ и злорѣчивъ.

За полверсты отъ него, въ Лопаснѣ, гдѣ поселены были и собственные его крестьяне, были два помѣщичьи дома, бокъ о бокъ, В—хъ. Въ старыхъ, еще нынѣ существующихъ, но уже немного передѣланныхъ каменныхъ палатахъ съ претолстыми стѣнами и сводами я еще засталъ старика камергера В. С. В — а. Домъ возлѣ старинной церкви и часть села Лопасни наслѣдоваль онъ послѣ брата, екатерининскаго фаворита. Самъ онъ былъ по этому случаю и женатъ на Разумовской, дочери графа Кириллы, впоследствии инокинѣ Ростовскаго монастыря. Она была

и въ преклонныхъ лѣтахъ, когда я ее узналъ, очень красива и величественна. Въ его домѣ увидѣлъ я еще ребенкомъ, лѣтъ 7-ми или 8-ми, чопорную боярскую прислугу; помню церемонію вечерняго чаепитія, которое впрочемъ производилось еще съ большею торжественностью у послѣдняго московскаго вельможи, князя Сергѣя Михайловича Голицына. Длинную чайную процессію открывалъ сановитый, пузатый, напудренный и съ косою офиціантъ и несъ на серебряномъ подносѣ стариннаго саксонскаго фарфора чашки, за нимъ другой, еще осанистѣе, несъ огромный чайникъ, третій второй чайникъ съ кипяткомъ, четвертый сахарницу, пятый шель со сливками, шестой съ графиномъ рому, лимонами, вареньемъ и морсомъ, седьмой и осьмой съ сухарями, кренделями и пр. Камергеру В—у, умершему, кажется, въ 1812 г., наслѣдовалъ одинъ изъ его сыновей, Кириллъ, отставной гвардейскій полковникъ. Онъ свою часть въ Лопаснѣ продалъ живущему рядомъ черезъ дорогу въ скромномъ деревянномъ домѣ дядѣ, полковнику, а самъ переселился въ близкую отъ Лопасни деревеньку Манушкино, перекрестивъ ее въ Monplaisir, но и тутъ не могъ на долго удержаться, давая на послѣдніе гроши пиры и фейерверки. Человѣкъ онъ былъ очень кроткій, что называется у насъ добрый малый, а потому нѣсколько трехлѣтій былъ нашимъ предводителемъ. Проданное мнѣ сельцо Манушкино утратило тогда-же свое иностранное прозвище, и въ послѣдствіи владѣтелями его сдѣлались вышедшіе изъ крестьянъ села Крюкова въ купцы, которые до сихъ поръ выдѣлываютъ овчины и торгуютъ тулупами. Этимъ ремесломъ портятъ они воды въ рѣчкѣ Сухой Лопаснѣ, противоположный берегъ которой

принадлежитъ мнѣ, и я давно имѣю намѣреніе въ этомъ воспрещенномъ санитарными законами злоупотребленіи своего ремесла воспрепятствовать. Если же при себѣ не успѣю, поручаю сдѣлать это будущимъ владѣльцамъ Солнышкова.

Сосѣдъ и родственникъ, прикупившій часть Лопасни у предводителя Кирилла, перешелъ въ палаты продавца, былъ тоже предводителемъ и передалъ свои имѣнія сыну, вдова и дѣти котораго живутъ тамъ еще и теперь. Генераль В—въ былъ тоже предводителемъ. Я замѣнилъ его на два года, но онъ и послѣ меня отслужилъ еще разъ цѣлое трехлѣтіе. Не далеко отъ Лопаснинскихъ жили еще два брата В—хъ, въ Кулаковѣ бригадиръ Василій, въ Шараповѣ Григорій Николаевичъ, первый тоже бывший предводителемъ, извѣстный псовый охотникъ.

Обо всѣхъ этихъ сосѣдяхъ я долженъ замѣтить одно, что всѣ они, и даже самъ Еропкинь, были добрые помѣщики, и крестьяне ихъ никогда на господъ своихъ не жаловались да и не имѣли на это никакой причины. Разорившійся сынъ старика Еропкина, который оттого и продалъ свою Лопасню, въ управленіи своими крестьянами у меня на глазахъ былъ для крѣпостныхъ покруче, нежели помянутые доселѣ мною Серпуховскіе помѣщики старшаго передо мною поколѣнія, не говоря уже о гр. Орловѣ, который, конечно, былъ примѣрнымъ и, можетъ быть, единственнымъ въ этомъ отношеніи помѣщикомъ во всей Россіи, не потому что онъ былъ всѣхъ богаче и добрѣе, но потому что былъ несравненно образованнѣе.

Въ противоположную отъ Лопасни сторону, ко-

торуя я беру для себя центромъ нашей мѣстности, верстахъ въ 7-ми, была довольно затѣйливая, чистенько прибранная усадьба богатаго и чрезвычайно оригинальнаго помѣщика, полковника князя Дмитрія Михайловича Щербатова, село Рождествено—Васькино тожъ. Послѣ Орлова онъ былъ сравнительно зажиточнѣе, многоземельнѣе всѣхъ и, конечно, въ совершенно противоположную сторону всѣхъ оригинальнѣе. Князь Щербатовъ, котораго я зналъ коротко, былъ чужакомъ не послѣдній. Отецъ его былъ исторіографъ, мать, урожденная также княжна Щербатова, родилась и воспитывалась въ Англіи и 18-ти лѣтъ отъ роду пріѣхала въ Россію. Нѣтъ никакой нужды распространяться объ отцѣ моего сосѣда, князѣ Михаилѣ Михайловичѣ Щербатовѣ. За него и за его ученое образованіе говоритъ его 15-ти-томная исторія, и своеобразность его характера видна изъ собственныхъ его записокъ, недавно обнародованныхъ. Въ нихъ выражается весь авторъ съ его крайне аристократическими замашками и олигархическими тенденціями. Послѣднія естественнымъ путемъ могли перейти къ Щербатову отъ верховниковъ временъ воцаренія Анны Іоанновны. Я приведу только одно семейное преданіе, дошедшее до меня отъ его внучки, еще здравствующей нынѣ княжны Елизаветы Дмитріевны Щербатовой. Однажды онъ до того разгнѣвался на Екатерину II, что, возвратясь домой изъ общаго собранія сената, въ которомъ предсѣдательствовала сама государыня, разбилъ въ куски бюстъ Екатерины въ своей гостиной. Изъ ея же рассказовъ видно, что жена историка, княгиня Наталья Ивановна, сохранила привязанность къ своей родинѣ, Англіи, и не скоро пріучила себя къ обстановкѣ тогдашняго русскаго быта. Оно немудрено:

отецъ ея, князь Иванъ Андреевичъ Щербатовъ *), вѣроятно, былъ изъ тѣхъ Петровыхъ птенцовъ, которые посланы были имъ учиться въ чужіе края, и коимъ наука пошла въ прокъ. Въ послѣдствіи былъ онъ при Петрѣ посланникомъ въ Испаніи, Турціи и, наконецъ, въ Англіи. Въ 1820 году князь Иванъ Андреевичъ увлекся сочиненіемъ гениальнаго Ло, надѣлавшаго столько шума во времена регенства во Франціи своимъ преобразованіемъ на новыхъ началахъ финансовой системы и бѣжавшаго послѣ своихъ неудачъ изъ Парижа. Князь Иванъ Андреевичъ перевелъ сочиненіе Джона Ло «*Considérations sur le numéraire et le commerce*» и посвятилъ свой переводъ Петру Великому. Изъ помѣщенныхъ недавно объ этомъ свѣдѣній въ Современныхъ Извѣстіяхъ, № 152 за 1872 г., мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, былъ ли когда нибудь напечатанъ этотъ переводъ. Начиная съ заглавія книги въ переводѣ **), весь онъ любопытенъ, и въ особенности его посвященіе Петру, крайней странностью русскаго своего слога, въ то время еще не обработаннаго и, безъ сомнѣнія, недоступнаго выраженію нисколько не существовавшихъ тогда мыслей въ русской головѣ и, слѣ-

*) Я имѣю право остановиться на имени этого дипломата временъ Петра и Елизаветы, не только какъ составитель «Записокъ», но еще и потому, что князь И. А. Щербатовъ былъ родной братъ прадѣда моей жены, Федора Андреевича Щербатова; его сынъ, а ея дѣдъ, былъ тотъ самый Щербатовъ, который, принявъ за смертью А. И. Бибикова по старшинству начальство надъ войсками, посланными для усмиренія Пугачевского бунта, замедлилъ, какъ нѣкоторые догадываются, продолжать наступательныя противъ бунтовщиковъ движенія, лишенъ былъ команды и сосланъ былъ Екатериной на житье въ деревню. Впрочемъ о немъ, какъ и о бракѣ его дочери съ фаворитомъ Мамоновымъ, будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

**) Приводимъ выписку изъ перевода: «Деньги и купечество. Разсуждено съ предлогами къ присовокупленію въ народѣ денегъ, черезъ господина Ивана Лауса, нынѣ управителя королевскаго банка въ Парижѣ. (Переведено на російскій языкъ черезъ князя Ивана Щербатова)». 1720 г.

довательно, въ ея рѣчи. Но понятливость переводчика и, такъ сказать, чутье его къ идеямъ, плохо понимаемымъ въ то время въ самой Франціи, изумительны. Князь Щербатовъ, судя по приведенному Совр. Извѣст. отрывку изъ его перевода, усвоилъ, по крайней мѣрѣ собственно для себя, вѣрное понятіе о кредитѣ, (*) о заемныхъ письмахъ или векселяхъ, даже о лажѣ (aggio).

Полное право будутъ имѣть тѣ мои читатели, которые и здѣсь станутъ упрекать меня въ нескончаемыхъ отступленіяхъ, но, воля ваша, я не могу отъ нихъ удержаться, встрѣчая въ современныхъ изданіяхъ отрывки изъ нашей старины. Собственно о Ло я думаю, что онъ былъ доведенъ до шарлатанства преувеличенными надеждами какъ регента, такъ и первыми восторженными послѣдователями его системы и уступалъ имъ по неволѣ въ ея развитіи. Обманутые въ своихъ надеждахъ они противъ него возстали и принудили бѣжать изъ Франціи. Въ Россіи переведенная Щербатовымъ книга Ло также слишкомъ увлекла великаго нашего преобразователя **).

*) *Вотъ опредѣленіе поземельнаго банка:* „Земляны банкъ называется понеже общательныя письма даваны, а брана подъ закладъ земля. Земляныя деньги называютъ понеже земля вмѣсто денегъ будетъ заложена въ банкѣ, а по цѣнѣ заложенной земли будутъ даваны письма изъ банка, которыя въ платежахъ будутъ ходить за деньги“.

Лажъ опредѣляется такъ: «Ажіо—слово, употребляемое въ обмѣнѣ и банкѣ. Оное говоритъ о переходѣ, который берется или платится у нѣкотораго числа для награды въ потерѣ, которая могла бы тамъ учиниться“.

**) Петръ далъ наказъ асессору Бергъ-мануфактуръ коллегіи Габріэлю Богарету де-Пресси, чтобы онъ предложилъ Джону Ло, названному по наказу Лаусу, княжескій титулъ, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званіе оберъ-гофмаршала, Андреевскій орденъ, 2.000 крестьянскихъ дворовъ (по меньшей мѣрѣ 6.000 ревизскихъ душъ), и замѣтите, съ огромнымъ количествомъ земли, право строить укрѣпленные города, населять ихъ иностранными мануфактуристами. При этомъ дозволялось съ охотою Джону Ло, если онъ рудокопныя дѣла, также и персидскую торговую компанію въ Россійскомъ государствѣ самъ сочинить и учредить. За всѣ вышеписанныя достоин-

Возвращаюсь къ моему сосѣду, владѣльцу села Ро-
жественна.

Мало было въ Россіи такихъ счастливицевъ, вышед-
шихъ на Божій свѣтъ въ началѣ первой половины
XVIII вѣка или немногимъ ранѣе, у которыхъ были
бы такіе родители и въ особенности такой дѣдъ. По-
этому-то родитель позаботился объ образованіи попа-
дающаго теперь подъ перо мое князя Дмитрія Ми-
хайловича. Я узналъ почти случайно, что онъ учился
въ Кенигсбергскомъ университетѣ во времена всесо-
крушающаго философа Канта. Не такимъ бы, по всѣмъ
вѣроятіямъ, слѣдовало ему вытти на поприще жизни,
какимъ я началъ его помнить съ 1817 г. и какимъ
коротко зналъ до самой его смерти. Впрочемъ нельзя
отрицать и того, чтобы въ его личности, въ его умѣ,
въ его характерѣ, и даже его образованіи не остава-
лось на всю жизнь никакого слѣда отъ семейныхъ
преданій и даже отъ его университетскаго воспита-
нія. Единственнаго сына и своихъ двухъ дочерей онъ
ввелъ въ сферу науки, и послѣднія долго пользова-
лись уроками лучшихъ профессоровъ московскаго уни-
верситета. Фишеръ училъ ихъ ботаникѣ, Страховъ
физикѣ, Шлецеръ чуть ли не политической экономіи
и даже жилъ у нихъ. Самъ же князь всякую науку
держалъ отъ себя въ сторонѣ и постоянно молчалъ
о томъ, что въ своей юности входилъ въ ея храмъ
какъ студентъ одного изъ тогдашнихъ лучшихъ гер-
манскихъ университетовъ. О Кантѣ онъ даже и не
упоминалъ. При всемъ томъ онъ нисколько ни въ чемъ

ства и дѣйствительныя пользы Его Царское Величество отъ него, господина
Лауса, больше не требуетъ, токмо одного милліона рублей (тогда 1.000.000
рублей равнялся 6 милліон. франковъ) или по той цѣнѣ серебромъ въ Его
Царскаго Величества казну.

не похожъ былъ ни на богатаго помѣщика, ни на потомка Рюриковичей, ни на сына и внука людей родовитыхъ и чиновныхъ.

Какъ бы нарочно въ одномъ отношеніи параллельно, въ другомъ отношеніи протестомъ выросалъ подъ его родственнымъ кровомъ родной племянникъ его, Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ, своего рода знаменитость, преувеличенная современной на него модой.

Не легко было вполнѣ понять и опредѣлить умъ и убѣжденія этого нашего сосѣда, хотя видалъ его я часто, когда самому мнѣ было уже лѣтъ подъ 40. Князь Шербатовъ былъ человѣкъ преимущественно во всемъ сдержанный, опрятный, щеголеватый, чуждый ухватокъ и нашихъ русскихъ баръ и разныхъ помѣщиковъ средней руки. Да, кажется, онъ съ ними и не якшался, а жилъ болѣе въ тѣсномъ своемъ семейномъ кружкѣ, съ тремя дѣтьми, съ сыномъ и двумя дочерьми, благосклонно допуская въ свой домъ нѣкоторыхъ родственниковъ и посѣтителей гораздо моложе себя, которымъ онъ могъ благоволить и ласково покровительствовать. Онъ никогда ничего изъ своей жизни не рассказывалъ, никогда не упоминалъ о своихъ современникахъ, о прежней своей службѣ, и я только передъ его смертью смутно началъ догадываться, что онъ въ молодости былъ въ чужихъ краяхъ, учился въ Кенигсбергскомъ университетѣ, гдѣ однимъ изъ профессоровъ, какъ уже было сказано, былъ всесокрушающій Кантъ. Князь Шербатовъ рѣшительно не говорилъ о томъ ни слова, впрочемъ, можетъ быть, онъ и не зналъ его имени.—Всѣ эти подробности узналъ я изъ статьи Жихарева о Чаадаевѣ. Иногда, и то очень рѣдко, случалось мнѣ замѣтить изъ его разговора несочувствіе къ правленію императора Александра и рѣз-

кое, хотя и сдержанное, въ немногихъ словахъ выражаемое осужденіе царствованія Николая I. Послѣднее впрочемъ было и извинительно и понятно. Единственный его сынъ, очень образованный офицеръ стараго Семеновскаго полка, кажется, уже послѣ отставки вмѣшанъ былъ въ Семеновскую исторію, находился подъ судомъ и выключенъ изъ службы. Оскорбленный отецъ потребовалъ, чтобы онъ все-таки служилъ. Его послали солдатомъ на Кавказъ, гдѣ онъ и умеръ. Всякое ожесточеніе отца становится послѣ этого понятнымъ. Зять его, мужъ меньшей дочери, также бывший Семеновскій офицеръ, отданъ былъ уже отставнымъ подъ верховный уголовный судъ за 14 декабря, гдѣ на площади его совсѣмъ и не было, и сосланъ въ Сибирь за прежнее участіе въ тайномъ обществѣ. Изъ Сибири воротили его скоро и перевели въ Суздальскій монастырь съ отмороженными ногами и въ помѣшательствѣ. Въ этомъ заточеніи онъ скоро умеръ, и старикъ Щербатовъ пережилъ слишкомъ 20 годами и сына и зятя. Князь былъ помѣщикомъ домовитымъ, по своему хозяйству не скупымъ или отсталымъ,—напротивъ, съ замашками и поползновеніями вводить рациональныя перемѣны и улучшенія. Съ крестьянами же былъ онъ строгъ, хотя не былъ никогда капризно жестокимъ. По Серпуховскому уѣзду едва ли не у него одного изъ всѣхъ зажиточныхъ помѣщиковъ околота ссылаемы были люди съ семьями на поселеніе. Отъ него изъ серпуховскаго имѣнія бѣжали въ Крымъ и Одессу крестьяне. Надо замѣтить, что у насъ до 20-хъ годовъ часто бѣжали туда крѣпостные. Такіе побѣги начались съ покоренія Крыма и основанія Одесскаго порта. Извѣстно, что весь край еще при Потемкинѣ сталъ заселяться бѣглецами, которыхъ правитель-

ство подъ рукой принимало подъ свою защиту. И изъ нашего Солнышкова и Чудинова убѣжали три или четыре семьи. Князь Щербатовъ былъ тоже предводителемъ и въ самое критическое время, въ 1812 г. Сосѣди, которые его почти всѣ не любили, хотя и выбирали, рассказывали по секрету, якобы онъ въ то время нисколько не смущался вторженіемъ Наполеона, но будто бы его ожидалъ и готовился въ Серпуховъ встрѣтить. Я никогда этому не вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что въ то время родительское его сердце не было еще такъ жестоко поражено правительствомъ. Разсказъ мой о кн. Щербатовѣ заключаю любимымъ ежедневнымъ его выраженіемъ, дозволяющимъ мнѣ догадываться, что оригинальный мой сосѣдъ не любилъ ни власти, ни народа, и всякій разъ, когда ему не угодить въ чемъ-нибудь самодержавіе или чѣмъ-нибудь прогнѣваетъ крестьянинъ, называлъ онъ и тѣ и другіе поступки всемилоствѣйшимъ разореніемъ. Ко мнѣ онъ былъ добръ, и память его я храню съ чувствомъ искренней благодарности.

Итакъ, представимъ въ заключеніе характеристики представителей этой семьи. Дипломатъ Щербатовъ, тестъ историка, былъ воспитанникъ и сторонникъ Великаго Петра, литераторъ и даже финансистъ, такъ недавно сдѣлавшійся для насъ извѣстнымъ. Историкъ былъ строгій критикъ царствованія Екатерины, пламенный своего рода патріотъ и, если не ошибаюсь, преданный сынъ православной церкви. Князь Дмитрій Михайловичъ, сынъ историка, непричастный наукѣ, но уважавшій ее для своихъ дѣтей, завелъ у себя весь утонченный европейскій комфортъ, порядокъ и управленіе въ своемъ хозяйствѣ и былъ равнодушенъ, чтобы не сказать болѣе, къ родинѣ, къ народу и къ правитель-

ству. Его индифферентизмъ къ религіи считалъ я, можетъ-быть, и несправедливо, слѣдствіемъ вліянія на него философскихъ мнѣній XVIII вѣка. Затѣмъ, послѣдняя и единственная отрасль этого рода по женскому колѣну, Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ *), на воспитаніе котораго въ первые годы дядя имѣлъ вліяніе, былъ по общему признанію замѣчательный мыслитель, склонявшійся къ католицизму и относившій къ отсутствію у насъ ультрамонтанизма историческій нашъ строй. Умалчиваю о рано умершемъ сынѣ князя Дм. Мих., князѣ Иванѣ, о которомъ можно, однако, сказать то небольшое, что о немъ знаю, т.-е. указать на службу его въ либеральномъ Семеновскомъ полку, гдѣ до возмущенія онъ былъ ротнымъ командиромъ, на преданіе его суду и несчастный конецъ его на Кавказѣ.

Примѣровъ жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами на моей памяти было не слишкомъ много.

Во время предводительства моего отца, въ 1805 и 1806 годахъ, боролся онъ, какъ слѣдователь, противъ злоупотребленій помѣщичьей власти съ богатымъ помѣщикомъ Жуковымъ, котораго защищало губернское начальство, но отцу моему удалось однаковъ отстоять крестьянъ. Дурными помѣщиками до моего времени считались по справедливости два брата Дурновыхъ. Въ мое же предводительство очень дурные были: полякъ Кушель и вдова сенатора Шешукова, у которыхъ я, по жалобѣ ихъ крестьянъ, производилъ, какъ предводитель, слѣдствіе, и еще одинъ, нѣкто Гижилинскій, до котораго я не добрался, потому что на него, хитрѣйшаго хохла, жалобъ ни тайныхъ, ни явныхъ отъ крестьянъ не было. Время моего короткаго предводи-

*) См. Приложенія, ст. I.

тельства будетъ, надѣюсь, самое интересное въ моихъ «Запискахъ», авось доживу до него, а теперь записываю мои сказанія о послѣднемъ изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, стоящихъ вниманія моихъ читателей.

Кромѣ большого и богатаго села Семеновскаго на красивомъ берегу Лопасни съ двумя церквами, одной на высокой горѣ, другой на ея склонѣ въ густомъ бору, служащей усыпальницей членовъ семейства графовъ Орловыхъ, было еще другое село, также Семеновское, на живописномъ берегу Нары. Какъ первое прозвано было Отрадой, такъ, подобно сему, второе для отличія послѣ названо было Раемъ. Само собою разумѣется, что, кромѣ господъ и духовенства, никто изъ народа и не подозрѣвалъ этихъ причудливыхъ и пышныхъ названій, и невозможно до сихъ поръ добиться отъ сосѣднихъ крестьянъ, чтобы они указали проѣзжему, гдѣ тутъ Отрада или гдѣ тутъ Рай. Первымъ изъ обитателей этого Рая былъ украсившій его владѣлецъ, отставной гофмаршалъ временъ Павла, Александръ Петровичъ Нащокинъ. Будучи ребенкомъ, я засталъ еще тамъ въ живыхъ престарѣлаго его отца, доживавшаго свой вѣкъ у сына, полновластнаго уже хозяина. Рассказывали, что жена послѣдняго была одною изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ, необыкновенно любезная и умная. Какую роль игралъ Нащокинъ при дворѣ Павла, мнѣ не извѣстно, но онъ съ перваго раза показался мнѣ бойкимъ придворнымъ человѣкомъ, ласковымъ хозяиномъ, любившимъ повѣствовать о лучшемъ времени своей жизни при дворѣ и о своихъ заграничныхъ путешествіяхъ. Не одинъ разъ бывалъ онъ въ Берлинѣ и видалъ тамъ Фридриха Великаго. Овдовѣвъ въ первые годы царствованія Александра, переселился онъ въ эту деревню и, имѣя

5000 или 6000 душъ, близъ дома началъ украшать свою подмосковную. У него было чрезвычайно много вкуса, много въ началѣ денегъ, а еще болѣе тщеславія. Церковь, построенная имъ въ Раѣ-Семеновскомъ, дѣйствительно одна изъ самыхъ изящныхъ по селамъ, какія мнѣ удалось видѣть на Святой Руси. Наружная ея архитектура въ итальянскомъ стилѣ, съ легкимъ куполомъ и высокой красивой колокольной, которая не обезображивается, какъ это бываетъ часто съ колокольнями, а краситъ все зданіе; отличается сверхъ того безупречной изящностью внутри. Нижняя церковь служить семейнымъ склепомъ; въ ней передъ памятниками родителей Нащокина, вскорѣ умершаго старика, котораго я видѣлъ, и его жены, стоятъ иконы ихъ тезоименитыхъ святыхъ, меня поразившія нигдѣ не виданной мною странностью. Передъ изображеніемъ апостола Петра живописецъ, конечно, по желанію владѣльца, представилъ на колѣняхъ отца Нащокина въ московскомъ дворянскомъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ и обшлагами, на полу видна шляпа съ плюмажемъ; старикъ умеръ статскимъ совѣтникомъ. Передъ гробницей матери храмоздателя написана была на иконѣ передъ одной изъ св. угодницъ преклонныхъ лѣтъ женщина, также на колѣняхъ, въ пудрѣ и старомодномъ платьѣ съ фижмами. Впрочемъ, это была только одна барская затѣя, которая портила хорошее впечатлѣніе на молящагося въ этомъ изящномъ храмѣ. Верхняя церковь, высокая, свѣтлая, легкій куполъ которой поддерживался красивыми колоннами Коринтскаго Ордена изъ мѣстнаго мрамора, особенно поражала изящностью иконостаса. Онъ былъ весь изъ чистѣйшаго бѣлаго мрамора, добываемаго въ Каррарѣ, и былъ привезенъ изъ Италіи; мѣстныхъ образовъ было очень немного.

Нерукотворенный образъ Спасителя, не очень большой, горѣлъ золотымъ окладомъ и не мѣшалъ гармоніи стили и итальянской весьма хорошей живописи остальныхъ образовъ. Мѣстнымъ образомъ Божіей Матери была копія извѣстнаго въ то время художника, исполненная въ Римѣ съ одной изъ Мадоннъ Рафаэля. Надъ царскими дверьми было сіяніе изъ желтаго, необыкновенно чистаго и толстаго хрусталя. Хозяинъ увѣрялъ иныхъ легковѣрныхъ своихъ гостей, что сіяніе это было изъ янтаря. Въ одномъ изъ большихъ оконъ устроена была дверь на небольшой балкончикъ, съ котораго видъ на красивое село, на рѣку Нару и за нею столѣтній боръ былъ превосходный.

Архитектура барскаго дома была подражаніемъ одной изъ итальянскихъ виллъ. Впослѣдствіи были пристроены къ главному дому двѣ огромныя залы для баловъ и спектаклей. Пристройка не нарушала симметріи, но въ этомъ домѣ негдѣ было жить удобно самому хозяину, который, впрочемъ, и жилъ только на показъ, для эффекта. Чего только у него не было? И очень порядочный оркестръ изъ крѣпостныхъ, съ капельмейстеромъ изъ нѣмцевъ, понимавшимъ музыку, и домашняя капелла съ удовлетворительными пѣвчими и цѣлая труппа своихъ же актеровъ съ двумя очень красивыми и талантливыми актрисами и примадоннами. Вдовый хозяинъ заботливо воспитывалъ своихъ актрисъ; изъ нихъ составлялъ онъ свой гаремъ.

Трое сыновей не дѣлали его счастливымъ. Старшій, красивый и храбрый лейбъ-гусарскій полковникъ, рано умеръ; второй, штатскій, отъ него отшатнулся; третій, выгнанъ былъ изъ гвардіи и только ходатайствомъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны воз-

вращено ему императоромъ Николаемъ право служить, и то на Кавказѣ, армейскимъ корнетомъ.

Много гостей пріѣзжало къ нему изъ Москвы, Серпухова и самыхъ дальнихъ окрестностей. Празднества его отличались большою изобрѣтательностью и безукоризненнымъ во всемъ вкусомъ. У него между прочимъ, и только у него одного, я видѣлъ прехорошенькія картинки, которыя тутъ же на мѣстѣ составлялъ какой-то художникъ изъ разныхъ цвѣтовъ песка, и всегда любовался рисунками его иллюминацій отъ дома къ Нарѣ по горѣ, обдѣланной террасами. Съ легкой руки Людовика XIV вездѣ, сперва въ Германіи, а потомъ и у насъ, завелись большею частью неудачныя подражанія этимъ версальскимъ террасамъ, начиная съ Петергофа, съ дворцоваго сада Александрія въ Москвѣ до заросшихъ и совершенно разрушенныхъ террасъ, бывшихъ когда-то дрянными садишками въ деревушкѣ Филчаковой, возлѣ Кузменокъ, отъ насъ къ Новоселкамъ, гдѣ во время оно я еще засталъ груды каменныхъ развалинъ, принадлежавшихъ какой-то г-жѣ Зыбиной. Этимъ клочкомъ земли владѣетъ теперь княжна Щербатова. И у насъ въ Михайловскомъ не обошлось безъ террасъ, которыхъ теперь никто, кромѣ меня, не знаетъ и не отыщетъ. Наше подражаніе версальскому саду художника Ленотра было устроено, я и самъ не помню какъ и когда, по горѣ къ сажалкѣ.

Мало-по-малу разорился Нащокинъ, такъ что долженъ былъ терпѣть нужду въ вещахъ необходимыхъ, и между тѣмъ все-таки давалъ праздники. Послѣ 1812 г. открылъ онъ небывалый въ Россіи способъ разбогатѣть и въ то же время жить эффектно и постоянно на людяхъ. Въ Раѣ-Семеновскомъ отыскалъ онъ какой то желѣзный источникъ. Московскій профессоръ

химіи Рейсъ подвергъ эту воду химическому анализу, а нѣкоторые изъ врачей опредѣлили ихъ минеральную цѣлительность. И вотъ, нимало не медля, Нащокинъ принялся устраивать эти воды на заграничный манеръ, гдѣ также съ выгодной стороны выказалъ много вкуса въ постройкахъ бесѣдокъ и во всей отдѣлкѣ красиваго мѣстечка, гдѣ подъ легкой ротондой былъ обдѣланъ минеральный колодезь. Воды вошли въ моду, многіе, и къ великому горю мой отецъ, повѣрили ихъ цѣлебной силѣ, и я уже говорилъ въ моихъ «Запискахъ», какъ я вмѣстѣ съ Никольскимъ и батюшкой прожилъ тамъ недѣль шесть въ опрятной, большой крестьянской избѣ. Отецъ мой пилъ эти воды въ іюль и августъ, но такъ неудачно, что сильно разстроенный ими пріѣхалъ въ Москву въ сентябрѣ и въ послѣднихъ числахъ слѣдующаго мѣсяца кончилъ жизнь. Мало пользы принесли эти воды ихъ изобрѣтателю и хозяину. Онѣ скорѣе довершили его разореніе: ожидаемой имъ широкой извѣстности воды не получали, а постройки всякаго рода стали дорого. Вмѣсто больныхъ пріѣзжали къ Нащокину гости нахлѣбники; иной, какъ напр., бригадиръ Исленьевъ, прозванный Тюльпаномъ, переселялся къ Нащокину, на его хлѣбы, на девяти лошадахъ съ прислугой изъ полдюжины слугъ и съ 3-мя или 4-мя дочерьюми-невѣстами, которыя вмѣстѣ съ отцомъ надѣялись набрести тамъ на жениховъ. Дѣйствительно, туда являлись, когда я тамъ былъ, два прекрасныхъ раненыхъ офицера 1812 года, безрукихъ, изъ хорошаго рода, съ состояніемъ и воспитаніемъ: кавалерійскій ротмистръ Бибииковъ, бывшій при императорѣ Николаѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и какой-то чрезвычайно красивый кавалеристъ графъ Татищевъ. Лѣтъ черезъ пять съ 1820 г.

прекратилось совершенно существованіе этихъ водъ. Хозяинъ Рая-Семеновскаго старѣль, бѣднѣль, жилъ въ одиночествѣ, но все еще предводительствовалъ и зазывалъ кой-какихъ изъ Серпухова купцовъ и угощалъ ихъ до положенія ризъ.

Оставшійся послѣ него въ живыхъ одинъ сынъ, Петръ, прослужилъ, или скорѣе прогулялъ, на Кавказѣ недолго. Женился онъ на одной изъ Еропкиныхъ, очень доброй женщинѣ, и поселился въ своемъ Раю; тамъ предался онъ псовой охотѣ, съ нею и съ роговой музыкой разѣзжалъ по уѣзду.

Въ августѣ 1823 г., и какъ теперь помню 4-го числа, отправился я въ дальнѣйшій путь по знакомой дорогѣ, черезъ Кіевъ, Радзивиловъ, къ мѣсту моего назначенія. Съ главнымъ моимъ имѣніемъ, съ нашею кормилицей, какъ называлъ Михайловское покойный мой сынъ Николай, разставался я на неопредѣленное время съ нѣкоторою грустью и почти со слезами простился съ оставаемою тамъ мною семьей Тарасовыхъ.

Между Радзивиловымъ и Лембергомъ встрѣтился я съ однимъ молодымъ человѣкомъ, слегка пораженнымъ параличомъ: то былъ Николай Θεодоровичъ Бахметевъ, такой же москвичъ, какъ и я. Онъ былъ въ военной службѣ, и мнѣ встрѣчать его въ Москвѣ не удавалось, а слыхалъ я о немъ много хорошаго отъ общихъ нашихъ знакомыхъ Львовыхъ, и потому я сейчасъ же поспѣшилъ навѣстить его, пріѣхавшаго въ какую-то гостиницу. Дальше на дорогѣ гдѣ-то настигъ я шумливаго московскаго, знакомаго мнѣ и по Петербургу, полковника Григорія Корсакова, который бѣсился на австрійцевъ и ругалъ ихъ придирчивыя таможни: отъ самой границы до Вѣны подвергался онъ раза три таможенному осмотру именно за то, что на каждый

вопросъ досмотрщика всегда отвѣчалъ онъ крупною бранью; у него перерыли весь чемоданъ въ самой Вѣнѣ.

Въ этомъ городѣ, мнѣ совершенно неизвѣстномъ, пробылъ я, кажется, дней пять или съ недѣлю. Мнѣ надобно было явиться въ посольство, которымъ управлялъ тогда дальній мой родственникъ, Обресковъ, бывший потомъ въ Персіи при князѣ Паскевичѣ и умершій министромъ въ Неаполѣ.

Пришлый со стороны въ министерство иностранныхъ дѣлъ и не умѣвший, по неловкости и застѣнчивости, стать твердо на ноги въ этомъ вѣдомствѣ, я не имѣлъ никакого понятія о заведенныхъ издавна въ нашемъ дипломатическомъ мірѣ порядкахъ и обычаяхъ и, надѣлавъ много глупостей въ Петербургѣ передъ моимъ отправленіемъ на службу, сдѣлалъ самую крупную глупость въ Вѣнѣ. До сихъ поръ я отъ нея краснѣю и никому не рассказываю, ощущая въ себѣ тяжкое угрызеніе совѣсти, какъ будто бы дѣло шло о какомъ-то преступленіи или проступкѣ, и все отъ того, что въ общественномъ отношеніи быть смѣшнымъ или неприличнымъ гораздо хуже, чѣмъ быть порочнымъ. Мнѣ пришло въ голову соблюсти при первомъ представленіи какому-либо посольству строго парадную форму. Вотъ и вырядился я въ бѣлые штаны и шелковые чулки, что было дѣйствительно формою парадной, но бальной. Обресковъ принялъ меня съ изумленіемъ, какъ какую-то чучелу. Дмитрій Павловичъ Татищевъ, знаменитый нашъ дипломатъ того времени, слава Богу, меня не принялъ; являлся же я къ нему потому, что послѣдній считался при особѣ австрійскаго императора, такъ какъ посла отъ Австріи у насъ не было.

Въ это самое время, т.-е. въ послѣдней половинѣ

1823 г., Татищеву поручено было вести въ Вѣнѣ переговоры съ Меттернихомъ по восточному вопросу послѣ того, какъ онъ вмѣстѣ съ графомъ Нессель-роде много содѣйствовалъ удаленію отъ императора Александра гр. Каподистріа. Въ Вѣну перевели его изъ Мадрида, гдѣ Дмитрій Павловичъ успѣлъ подчинить свосму вліянію слабоумнаго Фердинанда VII и тѣмъ возбудилъ противъ себя зависть другихъ при этомъ дворѣ агентовъ. Русскіе либералы Татищева не терпѣли, какъ закадычнаго друга Меттерниха; но упоминаніе его имя, слѣдуетъ вспомнить прекрасную черту его характера, примѣръ благородства и независимости, которому послѣдовали у насъ весьма немногіе. Нѣсколько разъ предлагаемо ему было графское достоинство, онъ не согласился принять титулъ, ссылаясь на то, что Татищевы происходятъ отъ смоленскихъ удѣльныхъ князей, хотя и не пользуются вмѣстѣ со многими захудалыми Рюриковичами княжествомъ. Чтобы этотъ отказъ увѣковѣчить, для своего герба подъ княжеской мантией принялъ онъ въ девизъ надпись: «Не по Грамотѣ». Во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, а вѣроятно и въ Мадридѣ, Татищевъ, не имѣя самъ по себѣ большого состоянія, жилъ чрезвычайно пышно, и правительство не одинъ разъ приходило ему на помощь. Въ этомъ отношеніи онъ хотя и не могъ сравняться съ предмѣстникомъ своимъ, княземъ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, первымъ нашимъ полномочнымъ посломъ на вѣнскомъ конгрессѣ, который имѣлъ свои собственныя палаты и построилъ мостъ въ столицѣ Австріи, доселѣ извѣстный подъ его именемъ, но и Татищева въ Вѣнѣ еще помнятъ, какъ представителя Россіи, поражавшаго своимъ великолѣпіемъ.

Я позволяю себѣ обратить особое вниманіе на эту отличительную черту всѣхъ нашихъ при главныхъ европейскихъ державахъ агентовъ, которые носили чисто русское имя, принадлежали къ знатымъ фамиліямъ. Такимъ былъ, наприим., князь Куракинъ при Наполеонѣ I въ Парижѣ, о коемъ я расскажу нѣкоторыя подробности далѣе, говоря о Крюднерѣ. О преемникѣ его, графѣ Петрѣ Александровичѣ Толстомъ и о его щедрости расскажу одинъ примѣръ. Придворному французскому возницѣ, который привезъ ему подарокъ Наполеона I—карету и четверню лошадей, далъ онъ, по нашему на водку или на чай, 50 тыс. франковъ. О Татищевѣ же приведу слѣдующее. Однажды давалъ онъ обѣдъ австрійскимъ чиновникамъ и дипломатическому корпусу. Пріѣхавшій къ столу князь Меттернихъ выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что въ этотъ же вечеръ англійскій или французскій посолъ долженъ по семейному трауру отказаться у себя балъ, не имѣя времени дать знать приглашеннымъ, что бала у него не будетъ, что, прибавилъ Меттернихъ и другіе, будетъ очень обидно всему обществу. «Все это можно поправить,—отвѣчалъ хозяинъ Татищевъ,—если вы согласитесь,—обращаясь къ князю,—принять мое предложеніе и согласно съ нимъ распорядиться: прикажите вашей полиціи отсылать ко мнѣ всѣхъ пріѣзжающихъ къ послу, дающему балъ. Мы живемъ такъ близко другъ отъ друга, а общество у насъ одно». Всѣ остались очень довольны. Татищевъ тутъ же за столомъ объявилъ своему мажордому, чтобъ все было къ балу готово, и праздникъ былъ великолѣпный. Современники Татищева въ Парижѣ и Лондонѣ, графъ Поццо-ди-Борго и князь Ливень, не обременяли своими долгами

правительство, но зато и не представляли его съ такимъ достоинствомъ. Хотя я и врагъ всякой роскоши, но для дипломатовъ дѣлаю исключеніе, находя ее умѣстной, и сожалею, что въ наше время скорѣе копятъ остатки изъ жалованья, нежели издерживаютъ его на поддержаніе достоинства представляемаго ими правительства. Теперь, какъ кажется, одинъ князь Орловъ любитъ и можетъ подражать примѣрамъ добраго стараго времени.

У Обрескова съ Татищевымъ провелъ я вечеръ. Мнѣ предлагали съ нимъ партію въ вистъ, но я и тутъ одурачился, отказавшись изъ бережливости играть по червонцу point. Меня замѣнилъ подѣхавшій князь Горчаковъ, Андрей Ивановичъ. Зато и Татищевъ и Обресковъ не обратили уже на меня никакого вниманія, и весь этотъ вечеръ прохлопалъ я глазами.

Осмотрѣвшись въ Вѣнѣ и побывавъ въ ея окрестностяхъ, пришелъ я опять въ посольство для прописанія моего паспорта. Мнѣ дали курьерскій до мѣста, а до Мюнхена отправили со мной огромный пакетъ, или, лучше сказать, посылку, къ нашему послу, графу Воронцову. Если бы я не надѣлалъ въ Вѣнѣ такихъ глупостей при моемъ появленіи, то очень легко могъ бы остаться съ помощью Обрескова подольше. Мы сочлись съ нимъ родствомъ, особливо о имени моей родной, а его двоюродной тетушки Марьи Васильевны, но, убѣдившись не въ особенномъ расположеніи ко мнѣ всего посольства, я рѣшился поневолѣ оставить понравившуюся мнѣ Вѣну, городъ самый оживленный и веселый, осмотрѣвъ великолѣпный Шенбруннъ, Лаксембургъ съ его небольшимъ стариннымъ замкомъ въ рыцарскомъ вкусѣ и минеральныя

въ Баденѣ, подъ Вѣной, воды. На прощанье Обресковъ рекомендовать хранить, какъ зѣницу ока, его официальную экспедицію, т.-е. пакетъ съ депешами, имѣть его всегда на глазахъ, какъ какую-нибудь святыню, и въ Мюнхенѣ прямо, никуда не заѣжая, вручить его послу Воронцову - Дашкову. Только гораздо послѣ догадался я, что такими строгими наставленіями Обресковъ поднялъ на смѣхъ мое педантство. Хорошо еще, что я недоумился, пріѣхавъ за полночь въ Мюнхенъ, не будить нашего министра и не лѣзть ему съ пакетомъ прямо на глаза и, остановившись до утра въ мюнхенской гостиницѣ, отложить мое представленіе и врученіе до болѣе приличнаго часа.

Поездка моя курьеромъ изъ Вѣны до Мюнхена оказалась не совсѣмъ выгодною для моего кошелька. Въмѣсто пары потребовалось брать три лошади и платить болѣе почтовыхъ прогоновъ, чѣмъ обыкновенно. Зато курьерскій мой паспортъ освободилъ меня отъ всѣхъ платежей *chausseplaster* и *Thorgeld*. Такое право, однако, добыть себѣ я съ бою. При первой дорожной заставѣ стражъ, не поднимая шлагбаума, требовалъ платы и продолжалъ задерживать, просмотрѣвъ паспортъ; по обычаю онъ былъ на русскомъ и на французскомъ языкахъ, неизвѣстныхъ, конечно, взимателю этой скучной подати. Я настаивалъ, онъ бранился и выпустилъ изъ своихъ рукъ только тогда, когда я, записавъ карандашомъ на паспортѣ часъ моего прибытія къ заставѣ, увѣрилъ его, что останусь за шлагбаумомъ, сколько ему угодно будетъ меня продержатъ, и что онъ за свое сопротивление будетъ смѣненъ. Онъ, наконецъ, махнулъ рукой и, не пожелавъ мнѣ *Glückliche Reise*, пропустилъ. Я торжествовалъ мою побѣду, потому что если бы съ перваго раза ее проигралъ, то мнѣ бы

пришлось поплатиться и на всѣхъ другихъ заставахъ почтенною моихъ дорожныхъ расходовъ суммою. Хотя нѣмецкіе почтальоны тѣхъ годовъ возили васъ и тихо, обыкновенныхъ путешественниковъ въ своихъ экипажахъ по одной милѣ, или по 7 верстѣ въ часъ, а курьеровъ съ побужденіями, впрочемъ, на словахъ, согласно съ Положеніемъ, по 10 верстѣ въ часъ, но уже неизвѣстное тогда русскимъ шоссе было само по себѣ большимъ для меня утѣшеніемъ, а нѣмецкія почтовые гостиницы, которыхъ нечего и сравнивать съ нынѣшними, отличались отъ всѣхъ нашихъ всевозможными удобствами и пріятностями.

Въ Мюнхенѣ часовъ въ 10 утра отвезъ я графу Воронцову мой пакетъ, съ которымъ возился всю дорогу, вынося его изъ экипажа въ каждую гостиницу, именно храня его цѣлость, яко зѣницу ока. Глупой моей ошибки съ костюмами въ Вѣнѣ я тамъ не понималъ и опять, какъ дуракъ, нарядился. И опять подивился мнѣ, какъ чуду, подобно Обрескову, Воронцовъ, а открывая посылку, на извиненія мои, что не осмѣлился будить его ночью, захохоталъ громкимъ смѣхомъ, открывъ старые русскіе журналы и газеты. Но Воронцовъ былъ добрѣе и радушнѣе Обрескова, на этотъ же вечеръ пригласилъ меня въ свою ложу, а также и обѣдать на все время пребыванія моего въ Мюнхенѣ.

Тутъ же познакомился я со старшимъ секретаремъ, безрукимъ барономъ Крюднеромъ, который послѣ былъ женатъ на побочной сестрѣ императрицы Александры Ѳеодоровны, вышедшей послѣ вдовства за графа Адлерберга, и возобновилъ еще университетское мое знакомство съ поэтомъ Ѳеодоромъ Тютчевымъ, отцомъ Аксаковой. Съ нимъ я въ продолженіе трехъ или че-

тырехъ дней осматривать музей, бывать въ театрѣ и вечера оканчивать у него *).

Въ 1823 году въ Баваріи царствовалъ первый ея король Максимиліанъ, возведенный въ королевское достоинство Наполеономъ изъ нѣмецкихъ курфирстовъ. Много ходило разсказовъ о его веселомъ и шутиломъ обращеніи, о его нелюбви къ придворному этикету, о томъ, какъ онъ любилъ покушать и выпить, особливо пива. Онъ, если не ошибаюсь, служилъ сперва во Франціи, потомъ княжилъ въ небольшой землицѣ Цвейбрюкенъ, принадлежавшей младшей линіи баварскаго дома, разъѣзжалъ по нѣмецкимъ минеральнымъ водамъ и наводилъ ужасъ, какъ сказывали, на посѣтителей въ Карлсбадѣ. «Бывало на утрени, — разсказывать мнѣ одинъ нѣмецъ въ 1857 году, — встрѣтитъ его королевское величество кого-нибудь изъ знакомыхъ ему, проглотившихъ не одинъ стаканъ шпруделя, схватитъ за пуговицу и начинаетъ разговоръ. Съ тѣмъ дѣлаются судороги отъ боли въ желудкѣ, а онъ все держитъ за пуговицу и все бесѣдуетъ. Наконецъ, такое мученіе становится нестерпимымъ, и король милостиво, замѣтивъ это на лицѣ имъ придержаннаго, на всю толпу гуляющихъ, отпуская его, кричитъ:

*) Въ Баваріи гораздо менѣе, нежели въ другихъ частяхъ Германіи, начали въ то время (въ 20-хъ годахъ) развиваться революціонныя начала. Тамъ царствовалъ ультрамонтанскій католицизмъ, господствовали бароны феодалы и добрый, конечно, нисколько не либеральный, но очень популярный первый король. Все это узналъ я, споривши вмѣстѣ съ Тютчевымъ цѣлый вечеръ съ однимъ изъ второстепенныхъ, хотя и замѣчательныхъ депутатовъ Баварскихъ штатовъ. Наши съ Тютчевымъ религіозныя убѣжденія и политическія мнѣнія приводили его въ неистовство, а политическое мнѣніе о томъ, что не только народная интеллигенція, но и весь народъ имѣетъ право участвовать въ правительствѣ, представлялось этому барону феодалу-католику равносильнымъ съ ученіемъ французскаго Террора; онъ отстаивалъ вопреки намъ наше крѣпостное право. Наша же вѣротерпимость казалась ему атеизмомъ.

«ну, теперь бѣгите, бѣгите какъ можно скорѣе». Всѣ хохочутъ и король первый. Оно хоть и забавно, а въ этой глупой шуткѣ видна забава царская, самодержавная. Ничего подобного никѣмъ уже изъ вѣнценосцевъ не дѣлается.

Мюнхенъ того времени не былъ еще изукрашенъ великолѣпными зданіями музеевъ съ памятниками различныхъ искусствъ—статуями и торжественными воротами. Все это настроилъ, воздвигъ, собралъ и выставилъ на показъ Европѣ сынъ Макса, король-поэтъ, попавшій на удочку прельстившей его извѣстной танцовщицы Лоллы Монтезъ, которую возмущившіеся противъ пивного закона баварцы выгнали изъ столицы. Вскорѣ за нею удалился и король-стихотворецъ, отрекся отъ престола и умеръ, какъ отшельникъ-артистъ, въ Римѣ.

Мюнхенъ и въ то время былъ одной изъ первыхъ столицъ Германіи, послѣ Вѣны и Берлина третьимъ городомъ. Дипломаты жалуются, однако, на сильные въ немъ холода. Изъ него выѣхалъ я черезъ Аугсбургъ въ Констанцъ, принадлежащій баденскому герцогству. Тамъ и тогда все напоминало о сожженномъ на соборѣ славянскомъ мученикѣ Іоаннѣ Гусѣ, первомъ реформаторѣ, котораго наши славянофилы хотятъ католикамъ чехамъ выдать за православнаго. Мнѣ припомнились тутъ два о немъ выраженія, одно самого Гуса, сказанное имъ уже стоящимъ на кострѣ объ одной простодушной, богобоязненной старушкѣ, которая, набравши щепочекъ, подкидывала ихъ на костеръ, какъ лепту православнаго своего усердія: «Sancta simplicitas», сказалъ онъ, обративъ на нее умирающіе взоры. Другое выраженіе, также собственно Іоанна Гуса, передавалъ намъ, студентамъ, нашъ забавный профес-

соръ церковной исторіи Мих. Матвѣевичъ Снѣгиревъ, слѣдующими словами: «Теперичко жарите вы гуся, но прилетитъ къ вамъ лебедь, того не закарите». Иоганнъ Гусъ дѣйствительно такъ выражался съ своего костра, но, вѣроятно, не употреблялъ любимого профессора слова «теперичко». Тутъ припомнилъ я и простодушное невѣжество мое того времени: нисколько не подозревалъ я, что богемецъ Гусъ былъ чехъ и славянинъ. Долго не понималъ я, почему нѣмецкій Гусъ заговорилъ о лебедѣ, предсказывая въ немъ Лютера.

Приближаясь къ Констанцскому озеру, я уже могъ восхищаться восторженно любимыми мною снѣжными Альпійскими горами. Въ предѣлахъ Швейцаріи вѣхалъ я въ маленькій городокъ, столицу кантона, Шафгаузенъ, и нашелъ башенныя его древнія ворота закрытыми. Меня взволновала непостижимая дерзость маленькаго городишка предъ курьеромъ могущественной Всероссійской имперіи. Стража на мои требованія отворить ворота не уступала. Разгнѣванный выскочилъ я изъ своей коляски и чуть ли не съ поднятыми кулаками налетѣлъ на старшаго изъ сторожей. Убѣжденный мною, онъ предложилъ мнѣ идти въ Дом-Кирхе, или соборную церковь, гдѣ верховный правитель города и кантона, бургомистръ, слушалъ вмѣстѣ съ жителями проповѣдь и держалъ на это время ключи отъ трехъ или четырехъ вѣздныхъ въ городъ воротъ, которыя всѣ по обыкновенію и въ этотъ воскресный день были закрыты на все время отправляемаго богослуженія. «Впрочемъ, — почтительно доложилъ онъ мнѣ, взглянувъ на часы, — не успѣете вы дойти до собора, проповѣдь кончится, и ключи отъ нашихъ воротъ будутъ присланы бургомистромъ. Не угодно ли

вамъ дойти до лучшей нашей гостиницы, которая отсюда близехонько; дойдите пѣшкомъ. Экипажъ вашъ немедленно за вами пріѣдетъ». Меня, запыленного пѣшехода, приняли какъ нельзя хуже, лучше сказать, совсѣмъ не приняли. Одинъ изъ самыхъ послѣднихъ кельнеровъ, заспанный, лѣнливо отвѣчалъ мнѣ, что врядъ ли найдется для меня комнатка, развѣ на дворѣ, и то въ третьемъ этажѣ. Я этому повѣрилъ: въ концѣ августа или въ первыхъ числахъ сентября и тогда уже было нашествіе на Швейцарію англичанъ; но не успѣлъ я подняться на указанное мнѣ поднебесье и бѣгло взглянуть на отведенную мнѣ скромнѣйшую изъ всѣхъ комнатъ, какъ послышались по высокой лѣстницѣ ускоренные шаги трехъ служителей и впереди ихъ униженно преклонившагося передо мною самого хозяина отеля съ извиненіями, что онъ, не вѣдая моего «характера», не отвелъ мнѣ приличнаго моей особѣ «аппартамента». Три кельнера понесли за мной кто мою шинель, кто мой зонтикъ и шляпу, а самъ хозяинъ растворилъ мнѣ просторныя двѣ комнаты въ первомъ этажѣ съ прелестнымъ видомъ на Рейнъ, стремящійся тутъ подъ окнами къ великолѣпному своему водопаду. По предложенію хозяина я предоставилъ ему, не спрашивая цѣны, угостить меня прихотливымъ обѣдомъ, а самъ пошелъ созерцать этотъ водопадъ, передъ которымъ за четверть вѣка прежде становился на колѣни умиленный до слезъ этимъ величественнымъ зрѣлищемъ чувствительный русскій путешественникъ Карамзинъ.

Таково было мое вторичное вступленіе на швейцарскую землю, на то служебное поприще, которое я считалъ за нѣчто знаменательное, а оно на самомъ-то дѣлѣ было одно изъ ничтожнѣйшихъ.

Не легко по прошествіи почти 50 лѣтъ оживить и собственно для себя тогдашнія свои впечатлѣнія, однако постараюсь. Но, чтобы привести ихъ въ постепенный порядокъ, я долженъ поневолѣ воротиться назадъ и начать мою повѣсть издалика.

Я уже упоминалъ въ моихъ «Запискахъ» о томъ моемъ положеніи младшаго чиновника нашего посольства въ Швейцаріи, которое сложилось обстоятельствами, отъ меня не зависѣвшими, говорить о довольно странныхъ отношеніяхъ моихъ къ вліятельнымъ лицамъ бернскаго правительства, въ коемъ участвовали тогда одни патриціи. Почти со всѣми съ ними, несмотря на разницу лѣтъ и мое скромное положеніе, сошелся я потому, что ежедневно посѣщать ихъ аристократическій кругъ (*la grande société*) и играть съ ними въ карты. Часто до игры и между партіями бесѣдовали они между собою о своей швейцарской и вообще о европейской политикѣ. Видая меня ежедневно, они ко мнѣ привыкли, какъ и я къ нимъ. Мало-по-малу вводили они и меня въ свои разговоры, и не скоро замѣтилъ я, что они меня, такъ сказать, щупали, пытали и испытывали. Начальникъ мой, баронъ Крюднеръ, жилъ съ ними дружно, но бернскіе аристократы видѣли въ немъ искуснаго дипломата, все еще зараженнаго либерализмомъ, и понимали въ немъ такого чиновника русскаго посольства, который, находясь еще при гр. Каподистрія, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ нимъ противъ швейцарской аристократіи вообще и бернской въ особенности; послѣдняя, по вліянію гр. Каподистрія на императора Александра, вынуждена была выпустить изъ своихъ желѣзныхъ рукъ подвластные Берну Ааргау и Ваатландъ (*Pays de Vaud*). *Conservateur né*, я имъ понравился, мои юношескія убѣжденія прилипли имъ по

сердцу. Баронъ Крюднеръ, слыша отъ нихъ хорошіе обо мнѣ отзывы и узнавъ черезъ нихъ же ультраконсервативныя мои убѣжденія, съ своей стороны началъ понемногу мною пользоваться, меня эксплуатировать, и такъ искусно, что я не скоро догадался, какую роль заставлялъ онъ меня разыгрывать. Въ небольшомъ городкѣ и еще въ меньшемъ кружкѣ высшего общества, состоявшаго изъ дипломатовъ и лицъ правительства, всѣ выдаются между собою почти ежедневно, знаютъ другъ друга насквозь, и, какъ бываетъ всегда, каждый преувеличиваетъ свое о другомъ мнѣніе. Всѣ, какъ бываетъ опять всегда, смотрятъ на людей своего кружка то въ увеличительное, то въ уменьшительное стекло: въ сочувственной себѣ личности увеличиваютъ добрыя свойства и хорошія ея стороны, во враждебной ихъ уменьшаютъ и почти сводятъ, по простонародному выраженію, совсѣмъ *на нѣтъ*. Мнѣ въ этой средѣ дипломатовъ-консерваторовъ болѣе поневолю, чѣмъ по искреннему убѣжденію, и туземцевъ аристократовъ, заклятыхъ враговъ либерализма, сразу посчастливилось. Я прослылъ между ними молодымъ человѣкомъ нравственнымъ, строгимъ къ самому себѣ по своему поведенію и какимъ-то образчикомъ русскаго консерватизма. До меня доходили даже рассказы обо мнѣ набожныхъ піетистовъ, что будто я przygotowляю себя къ званію священника. Такъ догадывались русскія бернскія барыни, потому что я носилъ коротко обстриженные волосы и не любилъ никакой пестроты въ одеждѣ. Предполагаю, что насмѣшливый и не совсѣмъ хорошо расположенный ко мнѣ секретарь посольства, Фурманъ, своимъ молчаніемъ подтверждалъ ихъ обо мнѣ предположенія. Въ шутку говаривалъ я и самъ Фурману, что завидую нашему бернскому священнику:

живетъ онъ въ великолѣпномъ живописномъ замкѣ, кромѣ службъ по воскресеньямъ дѣла у него нѣтъ никакого (тогда еще къ заграничнымъ нашимъ священникамъ не приставали наши набожные путешественники съ разными молебнами и панихидами). «Я бы, — говорилъ я не одинъ разъ Фурману, — охотно согласился взять мѣсто на всю мою жизнь отца Разумовскаго, если бы возможно было быть попомъ и секретаремъ посольства съ двумя жалованьями, и если бы не было необходимости сейчасъ же при посвященіи жениться; завести попадью, сколько-нибудь приличную и удобную, не легко». Мимолетныя мои мечты такъ и остались, но сдѣлались предметомъ обо мнѣ толковъ и разсказовъ.

Надо сказать, что всѣ иностранные министры въ Бернѣ, французскій посолъ Marquis de Mouthier и посланники: австрійскій — генераль Шраутъ, прусскій — графъ de Meuron, Сардинскій — Chevalier Basin, баварскій — Chevalier d'Olri, испанскій — Монъ, неаполитанскій — герцогъ Кастельчичкала, — всѣ принадлежали той европейской политикѣ, во главѣ которой стоялъ Меттернихъ и основаніемъ коей были торжественно провозглашенные Императоромъ Александромъ мистико-политическія начала священнаго союза. Одинъ представитель Великобританіи, Mr. de Waughan, былъ между ними исключеніемъ и стоялъ отъ нихъ въ сторонѣ. Онъ во всѣхъ случаяхъ и дѣйствовалъ и выражалъ свои мнѣнія согласно тому либеральному направленію, какое высказывалось повсюду сентъ-джемскимъ кабинетомъ, во всемъ противоположнымъ вѣнскому и нашему петербургскому. Затруднительное положеніе Крюднера, либерала въ душѣ и защитника принципа священнаго союза по обязанности, облегчалось тѣмъ.

что этотъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ, самый послѣдній изъ всѣхъ министровъ по своему іерархическому между ними положенію, былъ глухъ, рѣдко посѣщалъ общество, не вступалъ въ разговоры и только игралъ въ большую игру. Въ Швейцаріи его любили за то, что онъ былъ искрененъ и простодушенъ, и преимущественно за то, что онъ обжился въ этой странѣ и самъ любилъ ее. Мои дипломаты и аристократы боялись его какъ опаснаго либерала и подозрѣвали въ немъ краснаго волка въ бѣлой овечьей шкурѣ, сшитой по выкройкѣ Меттерниха.

Впрочемъ, политика того времени императора Александра, что бы о ней ни говорили, нося въ себѣ всѣ неудоборазумѣаемыя начала священнаго союза, была несравненно увѣреннѣе политики Меттерниха. Петербургскій кабинетъ и его агенты во Франціи искренно отстаивали неприкосновенность конституціонной хартии; въ Испаніи совѣтовали Фердинанду VII сдерживать свой неистовый абсолютизмъ и кровожадную мстительность за возстаніе противъ него кортесовъ; въ Италіи—амнистію бунтовщикамъ; въ Турціи—умѣренность относительно возставшихъ грековъ и, наконецъ, въ самой Австріи убѣждали Меттерниха не поднимать слишкомъ отчаянной, слишкомъ рѣшительной борьбы съ духомъ времени и съ общественнымъ въ Европѣ мнѣніемъ.

Крюднеръ зорко наблюдалъ за всѣми дѣйствіями крайняго абсолютизма, сеиды коего ходили между нами въ лицѣ французскаго посла, баварскаго посланника *Chevalier d'Olri*, котораго подозрѣвали, и едва ли не справедливо, что онъ былъ болѣе шпиономъ Меттерниха, чѣмъ министромъ Баваріи. Баронъ Крюднеръ не только не мѣшалъ моему сближенію съ

начальниками миссій и съ нѣкоторыми членами бернского совѣта, но, напротивъ, часто совѣтовать не пропускать ни одного обѣда у министровъ и ни одного вечера у бернскихъ патриційсъ. Ему нужны были всевозможныя свѣдѣнія о разныхъ толкахъ въ этомъ обществѣ, которыя онъ по глухотѣ своей самъ собирать не могъ. Къ тому же онъ зналъ, что никто въ этихъ кружкахъ не скрывалъ отъ меня своихъ политическихъ надеждъ, желаній и стремленій. Одинъ разъ, совершенно случайно, удалось мнѣ пріобрѣсти особенное благоволеніе французскаго посла, маркиза де Мутье, ультра-роялиста, сторонника графа д'Артуа, впослѣдствіи Карла X, который еще до воцаренія своего велъ тайно отъ дряхлѣющаго брата своего Людовика XVIII интригу противъ французской хартіи и надѣялся возстановить неограниченную монархію во Франціи. На зимніе мѣсяцы пріѣзжала женеvская труппа актеровъ и играла въ небольшомъ гризномъ театрѣ два раза въ недѣлю. Дипломатическій корпусъ имѣлъ свою довольно обширную ложу. Отъ нечего дѣлать, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь убить время въ длинные и скучные вечера, въ нее сходились всѣ дипломаты отъ французскаго посла, старшаго изъ нихъ, до нашей братіи, *attachés aux légations*. Тутъ бывала и единственная наша дипломатическая дама, *madame de Meuron*, еще не старая и свѣжая, съ своей хорошенькой племянницей, *mlle de Roeder*, и ся подругой, *m-lle Meissner*. Маркизь де-Мутье былъ предметомъ общей ненависти за свою надменность и слишкомъ вольное обращеніе съ женщинами. Въ спектаклѣ 21 января, не помню какого года, всѣ были въ сборѣ, кромѣ маркиза; онъ какъ бы нарочно пришелъ поздно. Появленіе его въ ложу встрѣчено было все-

общимъ изумленіемъ и косыми взглядами. Я въ этотъ день обѣдалъ въ прусскомъ посольствѣ, и тамъ между прочимъ всѣ мы вспомнили, что это была годовщина всенародной казни Лудовика XVI, что вся Франція отправляетъ официальные о немъ поминовенія и покрывается въ этотъ день трауромъ, что въ Парижѣ всѣ театры заперты и проч. Какъ ни надмененъ былъ маркизь де-Мутье со всѣми, но тотчасъ же замѣтить особенно враждебную отъ всѣхъ встрѣчу и вмѣсто того, чтобы сѣсть въ свои кресла, рядомъ съ прусскою посланницей, приютился на постѣдней скамейкѣ нашей семьи, къ своему юному пріятелю, т.-е. ко мнѣ. «*Qu'est-ce-donc? Que veulent dire ces regards et cet accueil?*»—сказалъ онъ мнѣ шопотомъ.—«*Monsieur l'Ambassadeur, veuillez bien m'excuser*»,—сказалъ я ему на ухо,—«*mais il paraît que Votre Excellence a oublié que c'est le 21. . . .* Я еще не договорилъ, онъ закрылся обѣими руками и, какъ угорѣлый, выскочилъ изъ логи. На другой день, раннимъ утромъ, получилъ я отъ него прелюбезную пригласительную записку обѣдать у него запросто. Кромѣ меня обѣдалъ еще одинъ баварскій министръ Chevalier d'Olri, своего секретаря Буркене, впрочемъ, для него весьма непріятнаго, онъ подъ какимъ-то предлогомъ на этотъ день отъ себя удалилъ. Кстати тутъ рассказать о странномъ обычаѣ двухъ иностранныхъ дипломатовъ въ Бернѣ, французскаго и австрійскаго. Они оба обязаны были давать столъ своимъ секретарямъ и въ мое время оба, будучи въ открытой враждѣ съ ними, ежедневно обѣдывали, когда не было гостей, не произнося другъ съ другомъ ни одного слова. У насъ, по счастью, этого обычая нигдѣ не было. Зато мы и наговорились вдоволь, и я наслышался такихъ откровенностей обо всемъ,

чего желали и надѣялись, къ чему стремились тогдашніе ультрамонтаны и ультрароялисты и всевозможные защитники абсолютизма. Не много ни мало дѣло дошло до того, чтобы уничтожить конституціонную хартію во Франціи, чтобы поддержать въ Испаніи силою французскаго оружія и цѣною испанской крови деспотизмъ Фердинанда VII, чтобы занять всю Италію австрійскими войсками, чтобы во всей Германіи, начиная съ Пруссіи, уничтожить навсегда попытки въ пользу всѣхъ возможныхъ конституцій, обѣщанныхъ нѣмцамъ ихъ крупными и мелкими владѣтелями, чтобы уничтожить вездѣ свободу печати и истребить всякое свободомысліе, обративъ особенное вниманіе на нѣмецкіе университеты *), гдѣ этотъ злой духъ,

*) Нѣмецкіе университеты, исключая австрійскихъ, сдѣлались страшнымъ пугаломъ тройственного союза и всѣхъ большихъ и малыхъ владѣтелей Германіи, особенно со времени ахенскаго конгресса въ 1818 г. Въ это время чиновникъ канцеляріи гр. Каподистрія, близкій его сердцу по своему восточному происхожденію, равно какъ и по религіознымъ и политическимъ убѣжденіямъ, составилъ для императора Александра меморію о враждебномъ направленіи всѣхъ университетовъ, упрекая ихъ въ безбожіи и въ духъ противленія всякой предрекающей власти, установленной Богомъ. По приказанію нашего государя „Записка“ Стурдзы на французскомъ языкѣ напечатана была только для однихъ государей и членовъ ахенскаго конгресса. Немногіе ея экземпляры выкрадены были изъ типографіи либералами и пущены въ ходъ между студентами. Тѣ изъ нихъ, которые узнали настоящее имя автора, вызвали на дуэль Стурдзу, долго его преслѣдовали и отыскивали по отеламъ на его возвратномъ пути въ Россію. Извѣстный своими остроумными кляксами Меншиковъ надписывалъ въ то время на дверяхъ своей комнаты въ отелѣхъ Германіи: „Sturdza wohnt nicht hier“. Другіе студенты прирейнскихъ университетовъ наклепали составленіе этой „Записки“ на старика Коцебу, извѣстнаго въ свое время драматическаго нѣмецкаго писателя, вызваннаго въ прошломъ столѣтіи въ Россію, сосланнаго Павломъ въ Сибирь и поселившагося потомъ въ Германіи на нашемъ содержаніи, данномъ ему за напрасныя гоненія, съ обязанностию быть нашимъ литературнымъ у нѣмцевъ агентомъ. Студентъ-фанатикъ Зандтъ убилъ Коцебу вмѣсто Стурдзы, и Пушкинъ, скажу мимоходомъ, написалъ на обѣихъ злое четверостишіе. Къ сильнѣйшему раздраженію противъ университетовъ царствовавшихъ и господствовавшихъ особъ послужило новое убійство студентомъ какого-то юстицъ-рата или

несмотря ни на какія усилія правительствъ, слишкомъ часто проявлялся. Я, конечно, больше молчалъ и внимательно, съ какимъ-то испугомъ слушалъ моихъ двухъ зловѣщихъ собесѣдниковъ. *Inter pocula, entre la poire et le fromage*, разговоръ ихъ длился до поздняго вечера. Если память мнѣ не измѣнила, то, кажется, договорились они до того, что или явно обнаружили или дали мнѣ подозрѣвать, что не только на европейскомъ континентѣ, но даже въ самой Великобританіи существуютъ тайныя общества, скрытно дѣйствующія противъ свободы народовъ, и что между ними существуетъ повсюду тайная связь адептовъ-заговорщиковъ въ обратномъ смыслѣ. Однимъ словомъ, абсолютисты съ своей стороны дѣйствовали во имя деспотической власти точно такъ же, какъ противники ихъ карбонары работали во имя свободы. Пособниками первыхъ были іезуиты; намъ было уже извѣстно, что однимъ изъ нихъ былъ *jésuite en robe courte*, баварскій посланникъ *Chevalier d'Olri*, мой собесѣдникъ. Посоль, отпуская меня, повторилъ, что все это, конечно, между нами и еще разъ, обнявъ меня, увѣрялъ, что никогда не забудетъ той услуги, которую я ему оказалъ, напомнивъ ему роковой для Франціи день.

За воспоминаніями о послѣ необходимо вспомнить и тогдашняго его секретаря, короткаго моего пріятеля, Буркене, ни въ чемъ не похожаго на своего начальника. Умершій въ Парижѣ въ концѣ 1869 года графъ Буркене довольно извѣстенъ, какъ замѣчательный французскій дипломатъ того времени. Онъ былъ посломъ Наполеона III въ Константинополь и потомъ

профессора и студенческая сходка на празднествѣ близъ Франкфурта, въ Гамбахѣ, гдѣ праздновали Лютера и реформацію съ возмутительными то-стами и спичами.

въ Вѣнѣ и въ послѣднемъ городѣ принималъ дѣятельное участіе въ конференціяхъ, бывшихъ тамъ передъ началомъ Крымской войны, на коихъ съ нашей стороны такъ неуспѣшно боролись со всею Европою представители Россіи: теперешній государственный канцлеръ, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, и членъ государственнаго совѣта Владиміръ Павловичъ Титовъ. Моимъ воспоминаніямъ о Буркене принадлежатъ молодые его годы и начало его дипломатической карьеры. Отецъ Буркене находился въ дружескихъ связяхъ съ г. Бертенъ, старшимъ, главнымъ издателемъ *Journal des Débats*. Даровитый сынъ его вслѣдствіе такихъ связей по окончаніи своего образованія въ *Collège de France* познакомился съ вліятельнѣйшими доктринерами и умѣренными роялистами временъ реставраціи: виконтомъ Шатобріаномъ, Hyde de Neuville, Гизо и прочими. Со вторымъ изъ нихъ отправился онъ въ Соединенные Штаты, какъ *attaché* французскаго посольства, оттуда перевелъ его Шатобріанъ младшимъ секретаремъ своего посольства въ Лондонъ. Въ октябрѣ 1822 года по дѣламъ Греціи, Италіи и Испаніи были обсуждаемы на веронскомъ конгрессѣ мѣры къ подавленію всѣхъ вообще революцій. По вліянію графа д'Артуа рѣшено было отправить въ Испанію французскія войска на защиту Фердинанда VII, и предложившій такое вмѣшательство Франціи, *intervention*, въ дѣла чужой державы Шатобріанъ, съ согласія императора Александра, получилъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ, но сохранилъ его не надолго. Казалось, трудно было бы найти во всей Франціи другого, подобнаго Шатобріану защитника законной монархіи, но и знаменитый этотъ писатель навлекъ на себя подозрѣніе ультрароялистской

партіи благоразумною умѣренностью своего легитимизма и былъ самымъ грубымъ образомъ выгнанъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Буркене долженъ былъ оставить Лондонъ и въ 1823 г. назначенъ былъ вторымъ секретаремъ въ Бернъ, гдѣ маркизь де Мутье, отчаянный роялистъ, назначенъ былъ посломъ вмѣсто добродушнаго графа Таллейрана, родного племянника извѣстнаго политическаго хамелеона. Удаленію сего простодушнаго дипломата много содѣйствовало то, что этотъ добрякъ предлагалъ всѣмъ странное въ его положеніи пари, оговариваясь, впрочемъ, что онъ держитъ его не какъ *ambassadeur de France*, а просто какъ графъ *Auguste Talleyrand*. «Французскія войска, отправленныя въ Испанію», — говорилъ швейцарскій Таллейранъ, предлагая пари, — «никогда не возьмутъ Мадридъ». Мадридъ былъ взятъ, а посолье было отставлено.

Въ Бернъ пріѣхалъ я въ 1823 году почти въ одно время съ Буркене и коротко съ нимъ познакомился. Онъ никогда не умѣлъ, а, можетъ быть, не хотѣлъ прятать свои умѣренныя политическія мнѣнія, противоположныя убѣжденіямъ посла, при которомъ находился, открыто и въ нашемъ дипломатическомъ кружкѣ, и въ обществѣ порицалъ своего начальника, называя его отчаяннымъ абсолютистомъ школы іезуитовъ. Переписывая депеши маркиза де-Мутье изъ Берна въ Парижъ въ смыслѣ ультрамонтановъ и роялистовъ, онъ въ то же время велъ отъ себя переписку съ представителями другихъ началъ и не только обнаруживалъ передъ ними всѣ замыслы своего патрона, но и въ весьма невыгодномъ свѣтѣ выставлялъ его характеръ и его политическое и общественное поведеніе. Буркене съ самага пріѣзда особенно подружился съ

первымъ секретаремъ нашего посольства Фурманомъ, который съ своей стороны былъ зараженъ русскимъ либерализмомъ. Оба они жили въ одномъ домѣ, французъ въ четвертомъ этажѣ, Фурманъ внизу въ rez de chaussée. Подъ предлогомъ, что Буркене было слишкомъ высоко лазить къ себѣ по нѣскольکو разъ въ день, онъ перенесъ къ Фурману свой письменный столъ, часто у него работалъ и текущія свои бумаги оставлялъ запертыми въ своемъ бюро. Мы съ Фурманомъ не очень-то вѣрили словамъ француза, думая, что онъ предпочитаетъ писать не у себя дома, потому что боится, какъ бы его принципаль не выкралъ подкупомъ тайной его переписки. Обо всемъ этомъ узналъ Крюднеръ и почти ежедневно повторять при мнѣ Фурману, какъ бы любопытно и даже какъ бы полезно было для нашего кабинета кое-что узнать изъ такой довольно рѣзко противоположной официальной корреспонденціи посла къ своему двору и частной переписки секретаря, врага перваго и сторонника противныхъ убѣжденій. Какъ Фурманъ, такъ и я соглашались съ Крюднеромъ, что дѣйствительно было бы очень любопытно узнать кое-что изъ подобныхъ корреспонденцій...

Такими-то разными путями, то изъ откровенныхъ бесѣдъ, то изъ пересмотра чужой корреспонденціи приходили въ наше посольство тѣ многостороннія свѣдѣнія о ходѣ европейской политики, которыя, будучи обработаны искуснымъ дипломатическимъ перомъ Крюднера, читались съ большимъ интересомъ въ Петербургѣ графомъ Нессельроде и самимъ императоромъ Александромъ. Начальникъ нашей миссіи мастерски писалъ свои депеши и однимъ этимъ держался на своемъ мѣстѣ, и получалъ за свою дѣятельность, если не чины

и ордена, на которые для него скупилась, то по крайней мѣрѣ денежные пособія. Онъ въ Петербургѣ считался либераломъ. Ему въ особенности нужно было выйти изъ того ложнаго положенія, въ которое онъ себя поставилъ на веронскомъ конгрессѣ. Гр. Нессельроде вызвалъ его изъ Швейцаріи и поручилъ ему составить для государя меморію о современномъ положеніи политики Европы. Давно находясь за границей, мало и почти ничего не зная о рѣзкомъ измѣненіи политическихъ убѣжденій государя и увлекаясь либеральнымъ образомъ собственныхъ своихъ мыслей и убѣждений, Крюднеръ изложилъ политическую свою записку о дѣлахъ Европы съ точки зрѣнія слишкомъ свободолюбивой и представилъ въ черномъ цвѣтѣ всѣми почти кабинетами принятыя мѣры къ воздержанію народныхъ стремленій. Его тотчасъ же отправили назадъ къ своему посту со внушеніемъ исправиться и придерживаться началъ монархическихъ, а отнюдь не революціонныхъ. Подобныхъ внушеній было слишкомъ для него достаточно. Строгіе критики нашей дипломатіи, безусловно согласные съ тѣмъ общественнымъ поверхностнымъ мнѣніемъ цѣлой Европы, на основаніи котораго считаются вредными всѣ установленныя временемъ и обычаемъ сношенія между кабинетами, будутъ, вѣроятно, изумлены моею откровенностью, между тѣмъ я едва приподнимаю уголокъ закулиснаго занавѣса и не имѣю никакого желанія извинять маленькія хитрыя продѣлки моего времени. Прошу читателей представить себѣ, какое бы жалкое значеніе имѣлъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ небольшой Швейцаріи, если бы онъ ограничился въ своихъ донесеніяхъ одними текущими дѣлами миниатюрной республики. Къ счастью для моего даровитаго начальника Швейцарія сдѣлалась мѣстомъ

серьезныхъ наблюденій за всеобщей европейской политикой, постоянно изобилующей вѣрной путанней враждебныхъ интересовъ.

Буркене оставался въ Бернѣ недолго. Его вдругъ призвали въ Парижъ и тамъ оставили. На его мѣсто прислали къ маркизу де-Мутъ разомъ двухъ секретарей, уже пожилыхъ, *Vicomte de la Passe et Chevalier d'Ореръ*. Отецъ послѣдняго былъ эмигрантомъ въ Россіи, сынъ тамъ родился, служилъ въ военной службѣ, былъ воспитателемъ графа Тормасова, бывшаго въ Москвѣ главнокомандующимъ. Впослѣдствіи д'Ореръ съ женой, петербургской уроженкой, изъ извѣстнаго тамъ семейства Рашетъ, перешелъ на службу во Францію и, будучи ревностнымъ католикомъ и роялистомъ, явился въ Швейцарію вторымъ секретаремъ французскаго посольства. Іезуитъ, эмигрантъ и дѣлецъ, онъ гораздо болѣе своего посла дѣйствовать въ пользу той политической партіи ультралегитимистовъ, которая въ послѣдніе дни царствованія Людовика XVIII получала свои инструкціи изъ марсенскаго павильона, а уже не изъ кабинета умирающаго короля.

Съ д'Ореромъ тотчасъ сблизился я какъ съ русскимъ, якобы любящимъ и коротко знающимъ Россію. Достаточно сказать, что въ Петербургѣ друженъ онъ былъ съ графомъ Местромъ, что въ свое время, заискивая у императора Александра, посвятилъ онъ ему свой французскій переводъ мессіады Клопштокъ и написалъ слѣдующую оригинальную надпись: *A Sa Majesté l'Empereur et Souverain de toutes les Russies*,—такъ перевелъ онъ слово самодержавецъ. Въ разговорахъ со мною ставилъ онъ въ упрекъ нашему государю недостатокъ самодержавія и приписывать, какъ и многіе, этотъ въ немъ мнимый порокъ вліянію Лагарпа. Сближеніе мое

съ д'Ореромъ помогало мнѣ продолжать мои наблюденія, по желанію Крюднера, за интригами французскаго посольства.

Изъ сношеній нашей миссіи съ Петербургомъ мы видѣли, что и тамъ начали подозрѣвать реакціонное движеніе крайнихъ легитимистовъ противъ французской хартіи, которую нашъ кабинетъ, несмотря на всѣ свои антилиберальныя убѣжденія, желалъ сохранить во Франціи. Наша политика, во многомъ согласная съ Меттернихомъ, отстаивая повсюду святость правъ законныхъ монарховъ, никогда однако не выходила за предѣлы благоразумной умѣренности. Вліятельнѣйшій изъ представителей Россіи того времени графъ Поццоди Борго боролся постоянно за неприкосновенность хартіи во Франціи. Когда же войска ея подъ предводительствомъ герцога Ангулемскаго, впослѣдствіи дофина, вступили въ Испанію, нашъ государь приказалъ этому своему послу отправиться въ главную квартиру герцога съ совѣтомъ дѣйствовать какъ можно великодушнѣе и по возможности миролюбивѣе противъ испанскихъ революціонеровъ, останавливать и умѣрять кроваваго мстителя Фердинанда VII. Нашъ императоръ выразилъ въ то время свое желаніе, чтобы король Фердинандъ, безумный абсолютистъ, тотчасъ послѣ подавленія мятежа далъ своему народу конституцію, конечно въ монархическомъ смыслѣ, но по возможности самую умѣренную.

Въ это время въ Бернѣ продолжались конференціи дипломатовъ съ федеративною директоріей объ удаленіи политическихъ выходцевъ. Общій заключительный протоколъ, составленный конференціей, слѣдовало отправить въ высшую надъ нею совѣщательную конференцію въ Парижъ. Крюднеръ отправилъ меня туда

курьеромъ съ протоколомъ бернскаго собранія и тутъ отдать мнѣ не задолго полученную изъ Варшавы отъ цесаревича шифрованную депешу для ея прочтенія, такъ какъ у насъ въ Бернѣ не было ключа варшавскому шифру. Дѣло шло о какомъ-то господинѣ Сожъе, служившемъ при великомъ князѣ въ Варшавѣ въ польской гвардіи, а теперь проживающемъ съ Нюнѣ (Nyон) на Женевскомъ озерѣ. Крюднера спрашивали о его политическомъ образѣ мыслей.

Въ Парижъ пріѣхалъ я позднимъ вечеромъ. Посольство наше было тогда при герцогѣ Ангюлемскомъ въ Испаніи. Я расчелъ, что врученныя мнѣ депеши не стоили того, чтобы будить изъ-за нихъ повѣреннаго въ дѣлахъ Шрёдера, и, отправляясь въ посольство часу въ 9 утра на другой день, зашелъ позавтракать въ Palais Royal. Тамъ вмѣстѣ съ чашкой кофе и дюжиной устрицъ подали мнѣ № журнала «Constitutionnel»; въ немъ къ крайнему моему удивленію прочелъ я отъ строки до строки тотъ самый заключительный протоколъ бернской конференціи о выходахъ, съ которымъ я прискакалъ изъ Берна въ Парижъ. Такъ и въ то уже время печать перегоняла дипломатическихъ курьеровъ. Шрёдеръ, посмѣявшійся за своимъ завтракомъ вмѣстѣ съ другими членами посольства, Лабенскимъ и другими, надъ моимъ курьерствомъ за такими пустяками, какими занимались тогда и парижская и наша бернская конференціи о бѣглецахъ, очень любезно предложилъ мнѣ поскакать тоже съ депешами къ Pozzo di Borgo въ Испанію. Я бы охотно на это согласился, если бы онъ тутъ же не рассказалъ мнѣ, какъ въ разныхъ мѣстахъ въ Испаніи стрѣляли тамошніе бунтовщики по нашему курьеру отъ Поццо ди Борго въ Петербургъ, Унгернъ-Штернбергу, который едва могъ спасти отъ

нихъ свою особу и свои депеши! «Можетъ случиться это и со мною?» спросилъ я.—Очень легко!—«Въ такомъ случаѣ я повинуюсь, какъ солдатъ, вашимъ приказаніямъ, но, говоря откровенно, никакой охоты подвергать себя такимъ опасностямъ не имѣю».—Ну, такъ мы,—отвѣчалъ онъ,—пошлемъ лучше послѣдняго приmissii фельдъегеря. Не правда ли, господа?—Такъ и рѣшили.

Въ Парижѣ въ этотъ разъ пробылъ я около мѣсяца.

По возвращеніи въ Бернъ, видя, что тамъ дѣлать было мнѣ нечего, а скучать надобно, выпросился я съѣздить въ Женеву, гдѣ предстояло мнѣ исполнять новое порученіе Крюднера. Порученіе, прошу замѣтить, скорѣе мною отгаданное, чѣмъ рѣшительно на меня возложенное. Баронъ Крюднеръ просилъ меня вести съ нимъ еженедѣльную переписку обо всемъ, что можетъ быть достойно его вниманія, а какъ въ это время ученикъ Ламенне, аббатъ Vuarin Curé de Genève, вступилъ въ отчаянную борьбу съ правительствомъ женевского кантона и его церковью, то и поручилъ мнѣ стараться узнать подробности этой открытой и въ то же время тайной войны, которая была ведена не безъ примѣси въ нее политики при участіи крайнихъ легитимистовъ Франціи. Съ другой стороны и въ средѣ реформатской церкви Женевы поселились раздоры и расколы. La vénérable Compagnie des Pasteurs, церковное управленіе пасторовъ, признаваемое верховнымъ правительствомъ кантона, издавна мало-по-малу начинало уклоняться отъ догматическаго ученія, основаннаго Кальвиномъ. Въ XVIII вѣкѣ ученые и образованные женевцы, а такихъ въ этомъ городѣ было, сравнительно по народонаселенію, болѣе, нежели въ другихъ европейскихъ городахъ, подвер-

гались вліянію надъ собою духа времени, то-есть философскому и историческому ученію энциклопедистовъ. Не даромъ о бокъ съ Женевою въ Фернеѣ долго жилъ Вольтеръ, разрушавшій всѣ основы всѣхъ религій. Не даромъ и собственный ихъ Руссо, столь пнаткій въ своихъ догматическихъ убѣжденіяхъ, но далеко не лишенный внутренняго религіознаго чувства, то переходилъ изъ вѣры въ вѣру, отъ протестанства къ католицизму и обратно, то, раздраженный гоненіями женеvesкихъ пасторовъ, съ дерзостью требовалъ отъ нихъ отвѣта: «вѣруютъ ли они въ божественность Христа». Не помню, отвѣчали ли ему рѣшительно на этотъ вопросъ представители женеvesкой церкви, но сомнѣніе Руссо въ ихъ вѣру въ этотъ главный догматъ христіанства, осталось и остается доселѣ неопровержимымъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ и до сего времени самые ученые и краснорѣчивые проповѣдники Женевы, съ весьма немногими исключеніями, всячески стараются не обнаруживать ни мыслями, ни словомъ своихъ убѣжденій относительно второго Лица Святой Троицы и нарицають Его въ своихъ проповѣдяхъ и бесѣдахъ Спасителемъ міра и Божественнымъ Испытателемъ, Сыномъ Божіимъ, но никогда Богомъ. Интеллигенція Женевы была съ давнихъ поръ въ духовной связи съ англійской. Методисты послѣдней имѣли на нее значительное вліяніе; въ высшихъ и низшемъ слояхъ общества эта англійская секта имѣла много послѣдователей, и болѣе ревностные и менѣе образованные изъ нихъ составили промежду себя особенную свою секту, которая прозвана сектою *Momnier*. Главою этого общества былъ въ мое время пасторъ *Malland*. Онъ возсталъ противъ своихъ коллегъ, сдвигая не всѣхъ пасторовъ, и дошелъ до того, что тор-

жественно съ каѳедры сталъ обличать ихъ въ ереси (аріанство). Ему запретили проповѣдывать и выгнали изъ города, но, уступая конференціи пасторовъ, la vénérable compagnie des pasteurs, правительство не могло ему воспретить продолжать свою проповѣдь въ собственномъ домѣ, въ близкомъ разстояніи отъ города aux eaux vives. Баронъ Крюднеръ, въ то время равнодушный ко всевозможнымъ религіознымъ убѣжденіямъ и не обращавшій никакого вниманія на церковныя распри въ Швейцаріи, несмотря на то, что его мать такъ много, такъ сильно въ нихъ участвовала, а можетъ быть и возбуждала, подозрѣвалъ въ пасторѣ Malland какого-то политическаго дѣятеля и просилъ меня послушать проповѣди этого новаго женевскаго учителя.

Братъ сего проповѣдника, замѣчательнаго неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ, пламеннаго ревнителя догмата божественности Христа, воспитывалъ тогда сына нашего малороссійскаго генераль-губернатора, князя Репнина. Но гувернеръ ни въ чемъ не похожъ былъ на отрѣшеннаго пастора. Прослушавъ нѣсколько его проповѣдей, я убѣдился, что его ученіе не имѣло никакой политической цѣли, равно какъ и въ томъ, что воспитатель Репнина, его братъ, съ своей стороны не заботился ни о какихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и нисколько не могъ быть подозрѣваемъ за свой политическій образъ мыслей, а имѣлъ одну цѣль — стяжаніе благъ житейскихъ. Въ это же время у одного изъ преданныхъ своей правительственной церкви пастора Bouvier, жившаго нѣкогда въ Россіи, воспитывались пансіонерами четверо русскихъ, три сына нашего посла въ Неаполѣ графа Штакельберга и юноша — москвичъ, графъ Девіеръ. Съ однимъ изъ Шта-

кельберговъ встрѣтился я спустя много лѣтъ въ Рагацѣ, а потомъ въ Парняѣ. Въ долгій промежутокъ времени я совсѣмъ потерялъ его изъ виду и совсѣмъ бы забылъ о немъ, если бы этотъ нашъ дипломатъ, славный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, самъ о себѣ мнѣ не напомнилъ. Пасторъ Bouvier, благодарный за гостепріимство Россіи, поддерживалъ въ своихъ воспитанникахъ чувство вѣрности къ престолу и любви къ отечеству.

Оставляя на нѣкоторое время Бернъ, я имѣлъ всего болѣе въ виду покороче познакомиться съ пребывавшимъ въ Женевѣ графомъ Каподистріа, которому за нѣсколько времени прежде былъ представленъ и лично вручилъ данное мнѣ къ нему рекомендательное письмо отъ Петра Андреевича Кикина, его искренняго пріятеля и сторонника.

Не знаю, удастся ли мнѣ нарисовать по моимъ воспоминаніямъ сколько-нибудь похожій портретъ этого великаго мужа, этого доблестнаго героя свободы, пожертвовавшего жизнью для блага своего народа. Боюсь за себя; едва ли достанетъ у меня памяти и еще менѣе дарованія на изображеніе такого человѣка, которому подобнаго и по возвышенности ума и благородству характера я уже не встрѣчалъ въ продолженіе всей моей долгой жизни. Первый разъ видѣлъ я графа Каподистріа осенью 1817 г. Онъ пріѣхалъ тогда въ Москву съ императоромъ Александромъ и находился при немъ въ званіи статсъ-секретаря по министерству иностранныхъ дѣлъ. Мнѣ минуло 17 лѣтъ, я только что поступилъ въ канцелярію Кикина. Двоюродный братъ мой, Василій Обресковъ, женатый на княжнѣ Хованской, будучи московскимъ полицеймейстеромъ, заискивалъ у всѣхъ пріѣзжихъ съ госуда-

ремъ, чтобы поставить себя въ болѣе приличное положеніе въ отношеніи къ обществу, чѣмъ то, которымъ пользовались тогда въ нашемъ обширномъ городѣ начальники его полиціи. Особенно заботилась объ этомъ его супруга, которая до замужества вмѣстѣ съ своими сестрами, Соковниной и Булгаковой, стояла на самомъ верху высшаго московскаго кружка и принимала въ гостепріимномъ домѣ чваннаго князя Хованскаго знаменитостей, *особенно же иностранныхъ*.

Каподистрія былъ въ дружескихъ связяхъ съ петербургскимъ почтъ-директоромъ Константиномъ Яковлевичемъ Булгаковымъ, а потому братъ его, московскій Булгаковъ, Александръ, женатый на сестрѣ Обрескова, былъ, такъ сказать, пришитъ къ особѣ второго послѣ графа Нессельроде двигателя нашей политики на все время пребыванія его въ Москвѣ. Этотъ-то Александръ Булгаковъ и залучилъ графа на небольшой вечеръ своей свояченицы, что было не совсѣмъ легко, потому что дипломатъ, занятый своимъ дѣломъ, избѣгалъ собраній или, по крайней необходимости, являлся на нихъ мелькомъ. Конечно, и до моей неразвитой юности дошло уже значительное въ высшихъ сферахъ общества имя графа Каподистрія и увеличивало нетерпѣливое ожиданіе его появленія на этотъ вечеръ. И дѣйствительно, онъ поразилъ меня своею строгою и въ то же время привлекательною наружностью. Ему было тогда не болѣе 40 лѣтъ; онъ родился въ одинъ годъ съ императоромъ Александромъ, въ 1777 году. Стройный, довольно высокій ростомъ, одѣтый весь въ черномъ, блѣдный лицомъ, которое представляло, какъ бы на древнемъ антикѣ или медали, изящный типъ греческой мужской красоты, обратилъ онъ на себя оживленные

горячимъ любопытствомъ взоры полдюжины молодыхъ красивыхъ дамъ, украшавшихъ небольшую, скромно убранную гостиную. Опъ не только въ ней, но и вездѣ, куда бы ни появлялся, рельефно отдѣлялся отъ толпы, но никто, конечно, не сталъ бы упрекать его желаніемъ производить эффектъ. Его черный костюмъ, который тогда еще не былъ въ обычаѣ, ибо мы, мужчины, носили обыкновенно на вечерахъ и на балахъ разноцвѣтные фраки и разнопестрые жилеты, не смѣя надѣвать чернаго цвѣта, который, какъ предзнаменованіе смерти, никогда не надѣвался иначе какъ въ трауръ,—этотъ костюмъ и эта блѣдная античная фигура оживлялись выразительными, большими черными глазами, смягчались въ своей строгости бѣлизной высокаго галстука и волосъ, причесанныхъ à la vergette и тщательно напудренныхъ. Не знаю, какъ въ другихъ салонахъ, но въ этой, ему необычной средѣ съ перваго взгляда графъ показался мнѣ слишкомъ сдержаннымъ, какъ будто чѣмъ-то связаннымъ и смущеннымъ. Въ немъ совсѣмъ не было замѣтно отличающей всѣхъ дипломатовъ черты свѣтской развязности и изящной ловкости въ манерахъ, которая нигдѣ и никогда ихъ не оставляетъ и которой они, надо отдать имъ справедливость, никого въ то же время не оскорбляютъ, какъ то дѣлаютъ обыкновенно равночинные имъ военные люди и другіе гражданскіе сановники. Даже накрахмаленные дипломаты-юноши сноснѣе въ обществѣ сверстниковъ своихъ гвардейскихъ нашихъ офицеровъ. Это мое замѣчаніе отношу я не къ одному нашему высшему обществу, но и ко всѣмъ европейскимъ. Вездѣ безъ исключенія въ избранныхъ обществахъ эполеты и сабли нравственно и умственно, даже и по наружности, уступаютъ

скромному фраку и бѣлому галстуку. *Arma cedant togae.*

Добавлю еще одну скромную особенность гостя Обресковой, которой онъ отличался отъ другихъ мужчинъ: на немъ не было никакого знака отличія, тогда какъ прочіе украсили себя звѣздами, разноцвѣтными ошейниками и петличными висюльками, у кого что было. Впрочемъ, всѣ благовоспитанные, замѣчательные умомъ или характеромъ люди временъ Александра рѣдко нашивали ордена и даже звѣзды, кромѣ парадныхъ случаевъ и въ дорогѣ. Графъ Каподистрія не походилъ на другихъ дипломатовъ нашихъ и чужихъ еще тѣмъ, что не игралъ въ карты. Злая его судьба не дозволила ему дожить до такой скорбной старости, которую предсказывалъ хитроумный Таллейранъ одному молодому человѣку, отказавшемуся при немъ по неумѣнію отъ предлагаемой партіи. «*Jeune homme, vous vous préparez une triste vieillesse*». Таково было предвѣщаніе Таллейрана всѣмъ не играющимъ. Разговоръ въ этотъ вечеръ не клеился, да это и не могло быть иначе. Едва ли при всемъ своемъ умѣ графъ могъ вести общую пустую бесѣду; врядъ ли при его скромности, переходившей въ застѣнчивость, умѣлъ онъ любезничать на виду всѣхъ съ свѣтскими московскими, но отнюдь не европейскими дамами; однимъ словомъ, какимъ-то чужимъ издалика показался онъ мнѣ въ этомъ кружкѣ. Наконецъ, хозяйка догадалась посадить его съ Булгаковымъ за шахматный столикъ, но ей не удалось задержать его до ужина съ вѣчными стерлядями и трюфелями. Послѣ этого вечера, вѣзавшагося, какъ видите, въ мою память, мнѣ ни разу не случилось встрѣтить графа Каподистрія. Я не бывалъ въ петербургскихъ гостиныхъ, а онъ не показывался ни въ

театрахъ, ни въ концертахъ, ни на гуляньяхъ. За то много говорили о немъ въ гостинной Кикина, особливо когда дошелъ до Петербурга слухъ о внезапномъ возстаніи грековъ. И лишь только касалось до моего слуха имя Каподистрія, фигура его отчетливо и привѣтливо рисовалась въ моемъ воображеніи.

Прошло пять лѣтъ, и я въ 1823 году нашелъ графа Каподистрія, живущаго въ Женевѣ, въ нижнемъ этажѣ (*rez de chaussée*) одного изъ тѣхъ аристократическихъ домовъ или палатъ, которые имѣютъ входъ съ улицы *de la Cité* и главный фасадъ на террасу или гулянье *la Treille*, съ видомъ на *Jardin des Plantes* и *Plain Palais*. Хотя и старая, менѣе доступная часть города, она по-моему удобнѣе для постоянного пребыванія въ Женевѣ, нежели всѣ вновь воздвигнутыя великолѣпныя набережныя. Тамъ почти не чувствуется проклятая женевская биза и грѣтъ благотѣльно осеннее и зимнее солнце. Въ обширной комнатѣ, въ кабинетѣ и гостиной вмѣстѣ, устроено было графомъ два помѣщенія (*deux établissements*): у одного окна на солнечную сторону и съ каминомъ—зимнее, у другого, затѣненнаго цвѣтами и тропическими растеніями—лѣтнее съ выходомъ, какъ помнится, на террасу. Входили къ нему въ эту комнату черезъ небольшую, служившую столовой.

Домашняя его жизнь была самая простая. Прислуга состояла изъ одного старичка-корфіота, съ которымъ онъ никогда не разставался, и который замѣнялъ ему *bonpe* и очень ловкаго и приличнаго камердинера. Изъ всего получаемаго имъ ежегоднаго дохода 90.000 франковъ издерживалъ онъ на себя 10.000, остальные 80.000 отдавалъ въ пользу боровшихся съ турками своихъ соотечественниковъ. Свой образъ жизни, какъ

видите, весьма умѣренный, подвергалъ онъ строжайшему контролю. Онъ, напр., высчитывалъ и привелъ въ точную извѣстность, сколько должно выходить масла на каждую лампу и сахару на кофе, и сколько въ фунтѣ сахара кусковъ, и т. д. Экипажа онъ не держалъ. Была, говорятъ, у него верховая лошадь и до меня часто видали его верхомъ, гуляющаго по городу и окрестностямъ, но когда я пріѣхалъ въ Женеву, верховой лошади уже не было, и онъ ежедневно дѣлалъ предписанныя ему врачомъ длинныя прогулки, по 10 верстъ и болѣе въ день, пѣшкомъ. Женевцы еще издавна его узнавали по всегдашнему костюму, сверхъ котораго носилъ онъ въ холодное время мохнатую бурку, постоянное его походное одѣяніе, въ коемъ онъ сопутствовалъ прежде Чичагову, а потомъ Барклаю.

Его длинныя пѣшія прогулки всего болѣе меня съ нимъ сблизили. Пѣшеходовъ-товарищей, кромѣ меня, у него не было, и когда я въ послѣднее время, въ 1825 и въ началѣ 1826 гг., жилъ подолгу въ Женевѣ, такія прогулки дѣлали мы почти ежедневно. Не менѣе знаменитый въ новѣйшей исторіи князь Адамъ Чарторыйскій, бывшій постоянно въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ графомъ, вызвался однажды прогуляться съ нами, но онъ былъ слишкомъ тученъ и не могъ продолжать возвратнаго пути въ городъ отъ деревеньки Шенъ (Chêne), гдѣ жилъ ученый Сисмонди, и долженъ былъ возвратиться оттуда въ шарабанъ. Въ эту длинную прогулку между моими знаменитыми спутниками шелъ, между прочимъ, разговоръ о томъ, что для обоюдной пользы Имперіи и Царства, соединенныхъ подъ однимъ державствомъ, полезно бы было увеличить число нашихъ дипломатическихъ аген-

товъ, хотя бы на первый случай второстепенныхъ, изъ царства Польскаго, чему были уже немногіе примѣры, какъ-то: графъ Матушевичъ, одинъ изъ главныхъ редакторовъ особенной канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, и молодые графы: Залусскій и Со-болевскій при заграничныхъ нашихъ миссіяхъ. Не имѣвшій никакого особаго значенія этотъ разговоръ привожу я единственно потому, что, припомнивъ о немъ случайно, дѣлаю изъ него два, нынѣ современные, вывода: 1) что графъ Каподистрія никогда не былъ враждебенъ царству Польскому; 2) что тѣмъ еще менѣе враждебенъ онъ былъ князю Адаму Чарторыйскому, котораго часто посѣщалъ, принималъ у себя и дружелюбно встрѣчалъ уженевскихъ патриціевъ, гдѣ и я видалъ ихъ изрѣдка вмѣстѣ, напри-Мм., раза три четыре вечеромъ по средамъ у ученаго историка итальянскихъ республикъ и политико-эконома Сисмонди.

Не думаю, основываясь на этихъ воспоминаніяхъ, чтобы было справедливо сообщенное мнѣ г. Бартеневымъ указаніе на какую-то «Записку» графа Каподистрія, поданную будто бы вмѣстѣ съ его автобіографіей противъ самобытнаго существованія царства Польскаго Николаю Павловичу. Бартеневъ утверждалъ, что такая «Записка» не была напечатана въ «Историческомъ Сборникѣ» по интригамъ сторонниковъ нынѣшней издыхающей Польши. Я утверждаю, что небывалое существованіе такой «Записки» графа Каподистрія измышлено было заклятыми врагами сокрушенной Польши, которые, въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо признавая Чарторыйскаго измѣнникомъ Россіи, пятнають упрекомъ въ такой же измѣнѣ и память императора Александра I. Сколько мнѣ удавалось слы-

шать, а теперь припоминать, графъ Каподистрія, не чуждаясь князя Адама и князя Сантъги, постоянно отзывался о полякахъ съ хорошей стороны и ожидалъ отъ времени искренняго сліянiя обоихъ государствъ подъ личнымъ управленіемъ единой верховной власти.

Обхожденіе графа со всѣми было одинаково просто и добродушно; таково было отношеніе его и ко мнѣ. Лицо и особенно большіе, черные, одушевленные его глаза выражали рѣдко встрѣчаемую въ политическихъ дѣятеляхъ кротость и благоволеніе.

Если утренняя наша прогулка направлялась по условію изъ города въ сторону мимо моей квартиры, онъ стучался въ дверь моей квартиры на Place Saint Antoine (нижній этажъ) дома Törfer, заходилъ ко мнѣ на полчаса и бралъ съ собой. Мнѣ особенно памятни два его посѣщенія. Однажды за отсутствіемъ слуги, котораго я куда-то услалъ, давалъ я, сидя за чаемъ, аудіенцію моей прачкѣ, отчетливо по запискѣ принималъ отъ нея вымытое бѣлье и выложилъ на полъ черное. Неожиданно позвонили у двери; я догадался, что это былъ графъ, и вышелъ встрѣтить его съ извиненіемъ въ прихожую комнату. «Je ne demande pas mieux que de voir votre Dame»,—отвѣтилъ онъ мнѣ съ обычной своей привѣтливой улыбкой и, взявъ какую-то со стола книгу, предложилъ намъ обоимъ продолжать наше занятіе, не стѣсняясь его присутствіемъ, прибавивъ, что онъ самъ намѣренъ сдѣлать предложеніе моей посѣтительницѣ. Потомъ онъ разсмотрѣлъ со вниманіемъ обоюдныя наши записки на стирку бѣлья, увидѣлъ, что цѣны моей прачки ниже цѣнъ, которыя онъ платить, и назначилъ ей часъ свиданья у него, пригласивъ и меня къ имѣющей быть конференціи. Дѣйствительно, на другой день пришелъ

я къ графу за полчаса ранѣе прачки. Мы сравнили его и мои цѣны по этому предмету и утвердили ихъ на тѣ предметы, которые не могли существовать въ моихъ условіяхъ, напр., столовое и постельное бѣлье.

Другое изъ частыхъ его посѣщеній было серьезнѣе. Онъ нашелъ меня за чтеніемъ послѣдняго номера *Journal des Débats*, гдѣ было напечатано официальное согласіе испанскаго кабинета на отчужденіе отъ этого правительства всѣхъ колоній его въ Южной Америкѣ и предоставленіе ихъ самимъ себѣ; это было въ началѣ 1825 г. За независимость существованія колоній отъ метрополіи долгое время боролся сентъ-джемскій кабинетъ и первый англійскій министръ лордъ Каннингъ. Права Испаніи на южные, уже давно *de facto* образовавшіеся отдѣльные штаты всѣми мѣрами отстаивалъ императоръ Александръ. Ни одно, сколько могу припомнить, дѣйствіе великобританскаго кабинета и его двухъ главныхъ представителей, лорда Веллингтона и особенно Каннинга, не находилъ нашъ Государь столь лично для себя оскорбительнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ россійской политикѣ враждебнымъ, какъ это упорное со стороны Англіи нравственное и даже матеріальное участіе англичанъ въ возстаніи южанъ американцевъ противъ древнихъ законныхъ ихъ властителей. Не одинъ разъ оба кабинета мѣнялись между собою самыми энергическими нотами въ продолженіе спора. Въ одной изъ своихъ депешъ, которая и теперь сохраняется въ памяти новѣйшей дипломатіи, лордъ Каннингъ употребилъ одно, не только въ высшей мѣрѣ оскорбительное, но и угрожающее европейскому монархическому континенту выраженіе, всего болѣе оскорбившее императора Александра. «У меня, — говорилъ Каннингъ, — есть ключъ отъ Золотой пещеры

еще немного и мое терпѣніе истощится, я выпущу всѣ вѣтры, сдерживаемые подъ этимъ замкомъ. Они забушуютъ по Европѣ, и тогда увидимъ, что въ ней уцѣлѣетъ». Я, конечно, поспѣшилъ вручить вошедшему ко мнѣ графу мою газету и сообщить ему, что вношу изъ нея извлеченіе въ мой журналъ. Онъ одобрилъ меня и, измѣняя своей обычной сдержанности въ первый разъ, изъявилъ свою радость по поводу великаго событія освобожденія колоній. Послѣ часто припоминалъ я себѣ едва ли оправданный временемъ восторгъ либераловъ по поводу этого освобожденія колоній. Прошло полвѣка, и послѣ длиннаго безпрерывнаго ряда всевозможныхъ мятежей и революцій, послѣ эфемернаго учрежденія двухъ Мексиканскихъ имперій и возмутительной казни послѣдняго императора Максимилиана южныя колоніи, а теперь государства Америки, влечать свое жалкое существованіе донинѣ на пути прогресса въ средѣ независимыхъ гражданскихъ обществъ обоихъ полушарій древняго и новаго свѣта. Никогда еще графъ Каподистрія не увлекался при мнѣ, одномъ своемъ собесѣдникѣ, не останавливался такъ долго ни на одномъ политическомъ вопросѣ. Меня поразило въ то же время и нарушившее его постоянную сдержанность сочувствіе къ разрѣшенію узъ испанскихъ колоній отъ ея метрополіи, поразило тѣмъ болѣе, что оно вызываемо было съ давнихъ лѣтъ и поддерживаемо происками Англіи. Я робко выразилъ графу, что изъ послѣднихъ циркулярныхъ депешъ нашего министерства было мнѣ извѣстно все негодованіе Александра на политическое поведеніе въ этомъ отношеніи перваго англійскаго министра Каннинга. Ни одно изъ всѣхъ послѣднихъ событій не возмущало нашего государя такъ сильно

и такъ глубоко не парализовало его преднамѣренія. Дѣйствительно, послѣ этой неудачи начали замѣчать въ немъ какое-то охлажденіе и къ дѣламъ внѣшней политики, подобное той апатіи, которая начала преобладать имъ въ дѣлахъ внутренняго управленія.

Графъ замѣтилъ, что я былъ изумленъ его сочувствіемъ въ этомъ отношеніи къ враждебной Англіи. Онъ самъ казался мнѣ, противъ обыкновенія, нѣсколько возбужденнымъ, хотѣлъ было, казалось мнѣ, объяснить свое разнорѣчіе съ мыслями государя, но, умалчивая о колоніяхъ и о метрополіи, кончилъ довольно долгій свой монологъ выраженіемъ собственнаго своего негодованія, своихъ жалобъ на эгоизмъ и коварство лондонскаго кабинета. «Никто,—заклучилъ онъ,—не можетъ сравниться въ возвышенности, справедливости, нравственности съ англичаниномъ, разумѣется, образованнымъ и развитымъ; но ничто не можетъ, къ несчастію, сравниться съ узкимъ своекорыстіемъ и безграничною наглостію англійскаго министерства позднѣйшихъ временъ. То и другое я изучилъ въ исторіи и испыталъ на себѣ». Что же касается до ожидаемаго мною отъ него отвѣта насчетъ его разногласія съ императоромъ, отвѣтъ этотъ я придумалъ за него для себя самъ. Онъ коротокъ и ясенъ: *A chacun son métier. Votre Maître est Souverain, et ce qui est plus—Autocrate, moi je suis fils d'une République et frère des opprimés.* Иногда слова эти слышались мнѣ какъ бы произнесенныя самимъ графомъ.

Вотъ и опять приходится мнѣ говорить объ одномъ и томъ же, все о нашихъ прогулкахъ. Какъ-то въ воскресенье звалъ онъ меня къ себѣ обѣдать; случилось это рѣдко, очень рѣдко. Графъ отдавать полную справедливость утонченной скромности своихъ обѣдовъ.

Онъ при разстроенномъ своемъ здоровьѣ былъ на діэтѣ, ѣлъ очень немного, и то простыя и легкія кушанья. «У меня вы будете голодны», прибавлялъ онъ въ своемъ приглашеніи, и точно бывалъ я голоденъ. При двухъ-трехъ собесѣдникахъ кромѣ меня столъ былъ обильнѣе, но все-таки умѣренный. Хороши были одни ликеры съ острова Занта и вино съ острова Кипра. Скудость пищи, объясняемая діетою, поддерживалась, конечно, еще болѣе тою бережливостію, которой задался графъ для вспоможенія успѣхамъ Греціи.

Итакъ, въ одно воскресенье, когда я, приглашенный на этотъ день, всего менѣе могъ ожидать у моего звонка графа поутру, онъ не засталъ меня дома. «Гдѣ это вы такъ долго гуляли цѣлое утро?» сказалъ онъ мнѣ, когда я пришелъ къ обѣду. «Я былъ въ церкви St. Pierre, слушалъ проповѣдь пастора Шеневьера (лучшаго проповѣдника того времени, одного изъ близкихъ женевскихъ пріятелей графа, умершаго въ глубокой старости съ годъ тому назадъ). «А вы часто слушаете проповѣди?»—Да, въ мѣсяцъ раза три.—Замѣчу тутъ, что онъ никогда не разспрашивалъ меня, что я дѣлаю или гдѣ бываю, кромѣ иногда о посѣщаемыхъ мною лекціяхъ и кой-когда о спектаклѣ. «Говорятъ, что г. Шеневьеръ, со которымъ вы сегодня у меня обѣдаете, замѣчательный проповѣдникъ».—Да развѣ вы его никогда не слыхали?—«Нѣтъ. Это покажется вамъ очень страннымъ, и вотъ вамъ мое объясненіе. Престарѣлый мой отецъ, всю душою преданный православной нашей церкви и всѣмъ вѣковымъ нашимъ преданіямъ, отправляя меня въ чужую землю, завѣщалъ мнѣ и заставилъ дать ему зарокъ никогда не молиться съ иновѣрными, которыхъ греки болѣе

нежели кто-нибудь считаютъ еретиками, и не ходить въ ихъ церкви, которыхъ всѣхъ они чуждаются. Я до сихъ поръ, какъ вы видите, свято соблюдаю заповѣданіе моихъ родителей и во всю мою жизнь не бывалъ въ иновѣрныхъ церквахъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда при извѣстныхъ торжествахъ присутствіе мое требовалось офиціальнымъ моимъ положеніемъ. У меня, какъ вы знаете, много пріятелей между здѣшними пасторами, но я, къ великому сожалѣнію, ни одного изъ нихъ и до сихъ поръ не слыжалъ и не услышу. Вы, русскіе, въ этомъ случаѣ вѣротерпимѣ насъ, грековъ; но не забудьте, что у насъ вѣра неразрывна съ нашей бѣдствующей родиной. Въ ней и наше отечество».

Въ одномъ изъ №№ «Русскаго Архива» за 1871 годъ я помѣстилъ небольшую статейку о свиданіи моемъ съ аббатомъ Vuarin, curé de Genève по порученію начальника нашей миссіи, барона Крюднера. Каподистрія узналъ объ этомъ отъ женеvскаго пастора Vouvier, сидѣвшаго у меня въ то самое время, какъ мнѣ сказали о приходѣ этого наперсника Ламенне. Я разсказалъ графу о данномъ мнѣ порученіи, и такъ какъ послѣ довольно откровенной бесѣды графа со мною объ испанскихъ колоніяхъ онъ сталъ разговорчивѣе и часто дотрогивался до тѣхъ вопросовъ, которые тогда занимали его умъ и сердце, то я убѣдился, что онъ наконецъ смотритъ на меня уже не какъ на совѣтъ пустого молодого человѣка. Отчаянная борьба грековъ съ турками въ то время была въ самомъ разгарѣ, переговоры наши съ Австріей о восточномъ вопросѣ продолжались въ Вѣнѣ, императоръ Александръ не измѣнялъ ни насколько своей политики невмѣшательства, Австрія и Англія поддерживали султана. Князь

Меттернихъ во всѣхъ своихъ политическихъ сношеніяхъ и особенно передъ императоромъ Александромъ представлялъ возмущившихся грековъ, какъ самыхъ опасныхъ для спокойствія Европы революціонеровъ, графъ Нессельроде поддерживалъ это мнѣніе.

Повидимому, графъ Каподистрія прекратилъ всѣ сношенія свои съ Россіей. Не одинъ разъ выражалъ онъ мнѣ свои жалобы на то, что его у насъ совсѣмъ забыли, что ни одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, которые пользовались въ свое время его покровительствомъ и получили теперь въ министерствѣ особое значеніе, ни одной строчкой его не вспоминали въ его уединеніи. Упомянувъ имена неблагодарныхъ, Матушевича, Сѣверина и др., и считая ихъ своими врагами, онъ объ одномъ только графѣ Панинѣ, младшемъ изъ всѣхъ чиновниковъ, отзывался съ добрымъ чувствомъ и предсказывалъ ему значительную будущность. Дѣйствительно, Панинъ одинъ не убоился изрѣдка напоминать о себѣ графу. Безъ сомнѣнія, не могло оставаться сокрытымъ отъ графа и то, что изъ Вѣны доносили въ Петербургъ о его зловредной дѣятельности въ Женевѣ въ пользу грековъ, о томъ, что этотъ городъ сдѣлался центромъ филэллиническихъ обществъ подъ предсѣдательствомъ графа, что туда къ банкиру Эйнару изъ Франціи и Англіи присылались значительныя суммы въ пользу возстанія, что тамъ закупалось оружіе и оттуда высылались и пожертвованія и волонтеры, стремившіеся въ Грецію служить ей лично. Общественное мнѣніе въ пользу грековъ по мѣрѣ упорнаго, отчаяннаго ихъ сопротивленія, коего не могло рѣшительно одолѣть все могущество Порты, возрастало, несмотря на всю враждебность правительствъ Англіи и Австріи;

тюльерійскій кабинетъ далеко этой враждебности не раздѣлялъ и относился къ восточному вопросу и умѣреннѣе и сдержаннѣе. И не одни уже карбонары и заклятые враги всякаго порядка, а уже и лучшіе изъ консерваторовъ и даровитѣйшіе изъ писателей, передовые ораторы представительныхъ палатъ въ Лондонѣ и Парижѣ перешли на сторону грековъ и защищали ихъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ и брошюрахъ: Шатобрианъ, Сень Маркъ Жирарденъ, Ламартинъ, Делавинъ и др. Въ Швейцаріи, разумѣется, всѣ безъ исключенія были за грековъ, даже бернскіе патриціи. Дошло до того, что враги ихъ свободы не осмѣливались высказываться, кромѣ, разумѣется, дипломатовъ. Наши собственно подозрѣнія на солидарность филлэллиновъ и ихъ главнаго женевского комитета съ карбонарами и революціонерами всѣхъ цвѣтовъ ничѣмъ не могли поддерживаться.

Въ женевскомъ благотворительномъ комитетѣ членами были всѣ безъ исключенія тамошніе аристократы, управлявшіе тогда республикой, всѣ капиталисты, всѣ пасторы и профессоры, и несправедливо бы было назвать хотя бы одного изъ нихъ сторонникомъ карбонаровъ. Говоря объ этомъ со мною, графъ Каподистрія желалъ, какъ мнѣ казалось, убѣдить меня въ справедливости и святости своего дѣла. Насколько было мнѣ это возможно, я самъ начиналъ склоняться на сторону грековъ, а въ томъ, что главные члены женевского комитета отнюдь не были революціонерами, я давно уже убѣдился. Графъ однажды пришелъ ко мнѣ; послѣ двухъ-трехъ вопросовъ о томъ, что я дѣлаю въ Женевѣ и зачѣмъ живу въ ней, выложилъ изъ кармана и положилъ на мой столъ толстый свертокъ бумаги и сказалъ шутливо: «Je ne Vous prie pas

de me répondre, mais il me semble que Vous êtes ici pour m'espionner, et voici, mon cher, toute la collection des protocoles de notre comité philhellène. Je Vous laisse le choix d'agir comme Vous voulez. Envoyez les à Krüdner sans faire mention de moi, ou bien nommez moi». Я, конечно, отнѣкивался отъ наблюдательнаго за нимъ надзора, на который, впрочемъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго officialнаго порученія. Крюднеръ, замѣтивъ, что я скучалъ въ Бернѣ, что частыя посѣщенія меня русскими шли въ разрѣзъ съ положеніемъ моимъ при посольствѣ, что такіе посѣтители мѣшали мнѣ, а отчасти и ему, что пребываніе въ Женевѣ будетъ и пріятнѣе и полезнѣе для меня, чѣмъ мое пребываніе въ Бернѣ, предложилъ мнѣ пожить тамъ и съ нимъ оттуда переписываться обо всемъ, что могло быть для него интересно. Прочее подразумѣвалось и отгадывалось. Я поблагодарилъ графа за сообщеніе журналовъ ихъ комитета и отъ его имени отпраздновалъ ихъ въ Бернѣ, но не по почтѣ, а съ кѣмъ-то изъ нашихъ путешественниковъ. Не довѣрять женевской почтѣ въ Бернѣ я имѣлъ полное право. Цѣлые три мѣсяца не доходило до меня въ Женеву изъ Берна порученіе Крюднера къ аббату Vuarin, и много нужно было сдѣлать справокъ, чтобы получить это письмо. Мы тогда рѣшили, что всѣ эти затрудненія въ перепискѣ на такомъ краткомъ разстояніи встрѣчаемъ мы по происку Австріи и главнаго ея агента, баварскаго министра Chevalier d'Olri. Каподистрія еще болѣе убѣдилъ насъ тѣмъ, что съ перваго его пребыванія въ Женевѣ тотчасъ начали перехватывать его письма, и что онъ ни съ кѣмъ иначе уже не переписывается, какъ, выражаясь по-русски французскимъ словомъ, съ окаяніемъ.

Въ тогдашнее время не много бывало, а еще менѣе

проживало нашихъ соотечественниковъ въ Швейцаріи. Не было почти никого изъ нѣмцевъ и ни одного американца, но зато тысячи англичанъ, ибо въ Бернѣ, можетъ быть и преувеличенно, насчитывали на каждое лѣто до ста тысячъ туристовъ. Изъ всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ русскихъ, семейно-путешествовавшихъ, я могу назвать только двухъ: нашего неаполитанскаго посланника, графа Штакельберга, и старѣйшаго изъ всѣхъ дипломатовъ, князя Андрея Кирилловича Разумовскаго. Оба извѣстили графа о своемъ прибытіи и просили его позаботиться о ихъ помѣщеніи. Онъ меня взялъ съ собою по гостиницамъ, и въ этотъ разъ я замѣтилъ въ немъ новую черту его характера, которая меня немного удивила,—внимательную заботливость бывшаго подчиненнаго о своихъ прежнихъ начальникахъ. Женевскія гостиницы того времени такъ мало походили на нынѣшнія, что только въ одномъ, теперь всѣми оставленномъ Hôtel de la Balance могли мы найти для такихъ важныхъ посѣтителей сколько-нибудь удобныя 3—4 комнаты. Я уклонился отъ предложенія представиться графу Штакельбергу по слухамъ о его не въ мѣру взыскательномъ, а часто и дерзкомъ обращеніи съ чиновниками его посольства. Выходка съ графомъ въ Вѣнѣ мнѣ и тогда была известна. Тѣмъ болѣе странно и почти обидно было мнѣ за Каподистрія по нѣскольку разъ въ день (въ теченіе трехъ или четырехъ) встрѣчать его на заднемъ мѣстѣ въ коляскѣ съ четой Штакельберговъ *leur faisant les honneurs de la ville et des environs*. Но когда пріѣхалъ въ Женеву князь Разумовскій, то, увѣдомивъ меня объ этомъ запиской раннимъ утромъ, графъ объявилъ мнѣ *que s'il n'avait pas trop insisté sur ma présentation au Comte Stackelberg, il exige que j'aille avec lui chez le Prince*

Razoumovski, doyen de notre diplomatie, personnage éminent et considéré comme tel dans toute l'Europe. Allez mettre Votre habit, mon cher, cravattez Vous de blanc et allons. Vous y êtes déjà annoncé. Дѣлать было нечего, мы отправились. Онъ оставилъ меня на площадкѣ лѣстницы и взошелъ обо мнѣ доложить. Прошло минутъ пять, дверь отворилась; по знаку Каподистрія я взошелъ, и длинная, старческая, впрочемъ стройная фигура князя съ фizioноміей южно-казацкаго типа предстала передо мной у самой двери. «Vous êtes attaché à la mission?»—Oui Votre Altesse.—«Charmé», и только. Въ комнатѣ была и княгиня, вѣнка одной изъ знатнѣйшихъ фамилій (графиня Тунъ), которой я отвѣсилъ мой поклонъ. Когда князь, взявъ Каподистрія подъ руку, сталъ прохаживаться съ нимъ по большой комнатѣ и началъ какой-то разговоръ, въ который вмѣшалась и княгиня, мнѣ показалось, что бесѣда ихъ продолжается уже слишкомъ долго, и мое безмолвное стояніе у притолки начинало мнѣ надоѣдать и меня сердить. На мое счастье заговорили они о какой-то новой книгѣ, которую Каподистрія совѣтовалъ имъ прочесть. Я воспользовался книгой, чтобы выйти изъ пресквернаго положенія, и рѣшился идти впередъ на пропалую. «Si Monseigneur désire avoir ce livre je pourrais avoir l'honneur de le lui apporter tout de suite». «Merci, mon cher, le Comte me l'a déjà promis».—«Monseigneur j'attends les ordres de votre Altesse».—«Encore merci. Dites à Krüdner quand Vous lui écrirez mes regrets de ne pas le voir». Тѣмъ и кончилось. Ничто не можетъ быть конфузнѣе для человѣка малонзвѣстнаго и молодого, а иногда и гораздо перешедшаго за половину жизни, какъ эти появленія передъ особами. Они, не будучи вашими начальниками, по принятому этикету не счи-

таютъ себя, подобно лицамъ царствующей фамиліи въ правѣ сами откланяться, а вы, молодой, или пожалуй немолодой человѣкъ, тоже не считаете себя въ правѣ удаляться отъ нихъ экспромтомъ, и, надо сказать правду, тѣ и другіе, особенно русскіе, испытываютъ и обнаруживаютъ обоюдную неловкость. Такого чувства князь Разумовскій, конечно, не имѣлъ въ отношеніи ко мнѣ: мало ли кого случалось ему встрѣчать и провожать. Каподистрія, какъ видно, понялъ всю неловкость того положенія, въ которое онъ меня поставилъ. «Comment avez vous trouvé votre Boïar Russe par excellence?» сказалъ онъ мнѣ. «Que voulez vous! c'est toujours ainsi chez vous. Quant à moi je crois avoir observé en vous peu d'ambition, mais suivez mon conseil: continuez votre service plus ou moins, devenez Excellence, obtenez une plaque et c'est alors seulement que vous serez dans votre pays à votre aise».

Двѣ—три послѣднія страницы переносятъ меня въ моихъ воспоминаніяхъ къ началу второй половины 1825 года. Вслѣдъ за полученіемъ протоколовъ филлэллинскаго комитета Крюднеръ пріѣхалъ въ Женеву и, объѣхавъ со мной двухъ синдиковъ (такъ назывались главные правители Женевского кантона) и членовъ правительственнаго совѣта, ѣздилъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ на вечера, которые для него давались. Женева, какъ и всѣ 22 кантона, управлялась тогда однимъ своими аристократами. Но аристократія женева́ская не походила ни на какую другую швейцарскую. Первая, подобно итальянской, выходила не изъ рыцарей, не изъ бароновъ, а подобно флорентинскимъ Медичисамъ изъ разбогатѣвшихъ купцовъ и капиталистовъ. Въ скромной столицѣ реформатскаго кальвинизма господствовали надъ всѣми *messieurs Selon, Fab-*

res, Calandrini, Saussure и проч. Къ кругу аристократовъ, вопреки всѣмъ обычаямъ остальныхъ кантоновъ, принадлежали многіе ученые профессора академіи, получившіе европейскую извѣстность. На этихъ вечерахъ познакомился я съ прелюбезнымъ и преученымъ старикомъ, бернскимъ аристократомъ, Бонштетеномъ, платоническимъ другомъ историка Іоанна Мюллера и авторомъ «Записокъ о Лаціумѣ». Александръ Ивановичъ Тургеневъ въ своихъ письмахъ къ брату, недавно изданныхъ, много говоритъ объ этомъ миломъ и сходномъ съ самимъ Тургеневымъ своею любезною общительностью человѣкъ. На вечерахъ у Сисмонди и спесивѣйшей аристократки *mademoiselle Fabres*, къ которой получилъ я доступъ черезъ Бонштетена, встрѣчалась мнѣ *m-me Necker de Saussure*, извѣстная и любимая у насъ писательница о воспитаніи. У этой *mademoiselle Fabres* было несносно скучно; она была важности и чопорности непомѣрной, и однако всѣ къ ней просились, и немногимъ бывать удавалось.

Цѣлую недѣлю кружились мы съ барономъ Крюднеромъ по гостинымъ *messieurs du haut* и ихъ загороднымъ вилламъ, а по ночамъ начальникъ мой готовилъ свою курьерскую экспедицію въ Петербургъ съ запоздавшими мѣсяца на четыре депешами въ министерство. Я же, состоя при немъ одинъ, занимался перепиской греческихъ протоколовъ и донесеній самого Крюднера, которыя онъ пекъ какъ блины. Сначала дѣло у меня шло худо—Крюднеръ писалъ съ сокращеніемъ словъ невозможнымъ; надобно было половину отгадывать, а я все еще во французскомъ языкѣ и орфографіи былъ не очень твердъ. Провѣривъ лично переданныя ему мною свѣдѣнія по восточному вопросу,

внимательно перечитавъ протоколы двигающаго греческое возстаніе женевского общества, переговоривъ съ графомъ, президентомъ онаго, и съ другими членами, Крюднеръ рѣшился, наконецъ, послѣ долгихъ со мною разсужденій убѣждать графа Нессельроде въ той несомнѣнной уже для насъ истинѣ, что общество филэлловъ, по крайней мѣрѣ въ открытыхъ ея главныхъ членахъ, не имѣло ни малѣйшей связи со всѣми другими разрушительными обществами, какъ наприм., предсѣдательствуемымъ Лафайетомъ *Comité Directeur*, существованіе коего подразумѣвалось въ Парижѣ, или съ вентами итальянскихъ карбонари и скрывающихся въ Германіи ихъ адептовъ. вмѣстѣ съ депешами посылались и упомянутые протоколы, о которыхъ по долгомъ колебаніи Крюднеръ доносилъ министерству, что онъ получилъ ихъ прямо изъ рукъ графа Каподистрія. Признать откровенно этотъ источникъ нашихъ свѣдѣній было отчасти затруднительно и почти неловко. Такимъ признаніемъ передъ министерствомъ, такъ упорно нерасположеннымъ и къ Каподистрія и къ его грекамъ, могла быть заподозрѣна искренность прилагаемыхъ документовъ; умолчать о непосредственномъ полученіи ихъ отъ графа казалось намъ обоимъ слишкомъ уже безсовѣстнымъ. Послѣ многихъ толковъ мы положили всю нашу надежду на пронизательность самого государя. Я увѣрилъ Крюднера, или, лучше сказать, утвердилъ въ немъ моими словами собственную его увѣренность въ томъ, что благородное и великодушное сердце Александра узнаетъ въ этомъ поступкѣ благородное сердце Каподистрія, а министръ, какъ ему будетъ тамъ угодно, пусть себѣ гнѣвается на миниатюрную свою швейцарскую миссію.

Изъ Петербурга и отовсюду стали доходить къ намъ

слухи о разстроенномъ здоровьѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны, о предпринимаемомъ по совѣту сблизившагося съ нею государя путешествіи въ Крымъ на цѣлую зиму, о намѣреніи Александра соединиться съ нею въ Таганрогъ по осмотрѣ войскъ второй арміи, расположенной въ Малороссіи, на Волыни, въ Подоліи и на границахъ княжествъ. Вѣсти эти особенно занимали графа Каподистрія; изъ нихъ выводилъ онъ заключеніе, что императоръ, упорно подозрѣваемый Австріей и Англіей въ покровительствѣ грекамъ и также упорно осуждаемый общественнымъ мнѣніемъ, какъ у себя въ Россіи, такъ и въ Европѣ, за равнодушіе къ судьбѣ христіанъ, своихъ единовѣрцевъ, доходилъ до предѣловъ своего долготерпѣнія и начиналъ уже склоняться на сторону грековъ. Въ одно прекрасное утро наступающей осени Каподистрія пришелъ ко мнѣ съ совѣтникомъ нашего константинопольскаго посольства, Сергѣемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, который считался въ отпуску по удаленіи барона Стрѣганова. Познакомивъ меня съ Тургеневымъ, графъ поручилъ мнѣ показывать ему Женеvu и ея окрестности, и отъ этого-то Тургенева узналъ я много подробностей о восточномъ вопросѣ, который самъ собою по сложившимся отовсюду обстоятельствамъ требовалъ неизбѣжнаго разрѣшенія и исходъ котораго грозилъ не однимъ бѣднымъ грекамъ, но и всей Европѣ многими непредвидѣнными послѣдствіями, неожиданно враждебными. Тургеневъ, сочувствовавшій грекамъ, былъ со мною добродушно откровененъ. Въ политикѣ онъ былъ мечтателенъ подобно своимъ двумъ старшимъ братьямъ, которыхъ я такъ коротко узналъ послѣ, но, не раздѣляя всѣхъ его восторженныхъ мнѣній о судьбахъ человѣчества, не могъ я не убѣдиться въ томъ, что

возстаніе грековъ и вопросъ о великихъ перемѣнахъ въ самой Портѣ идетъ къ развязкѣ.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ отъѣзда Тургенева изъ Женевы графъ сообщилъ мнѣ, что онъ составилъ записку о восточныхъ вопросахъ для императора Александра, что имѣетъ намѣреніе передать ее черезъ императрицу Елисавету Алексѣевну государю и потому желаетъ переслать вѣрнѣйшимъ путемъ этотъ свой ртудъ въ Таганрогъ графинѣ Эдлингъ, урожденной Стурдза. Она, родная сестра нашего дипломата, столь близкаго къ графу Каподистрія, долго была любимой фрейлиной государыни, сохраняла близкія съ ней сношенія и изъ Одессы пріѣзжала къ ея величеству въ Таганрогъ. Я припомнилъ тутъ, что въ Петербургѣ поговаривали о нѣжныхъ чувствахъ Каподистрія къ этой дамѣ. Довольно объемистая тетрадь, написанная связной рукой графа, была имъ мнѣ прочитана; въ заключеніе повторились для меня всѣ тѣ новые взгляды на европейскую политику вообще по дѣламъ Востока, которые изложены были прежде мнѣ Тургеневымъ. Графъ краснорѣчиво взывалъ къ челоуѣколюбивому Александру о спасеніи восточныхъ христіанъ отъ конечной гибели и въ то же время умслялъ его воспрепятствовать возникновенію магометанскаго владычества въ лучшей окраинѣ Европы. Я тотчасъ угадалъ, что графъ желалъ бы поручить именно мнѣ доставленіе въ Бернъ этой «Записки», но, не вызываясь на поѣздку, выждалъ его предложенія. «Я, конечно,—сказалъ онъ мнѣ,—охотно принялъ бы на себя ваши издержки, но боюсь оскорбить вашу деликатность». — «Проѣхаться отсюда доерна, — отвѣчалъ я, — на пароходѣ до Лозанны, а оттуда доерна въ дилижансѣ станетъ очень не дорого. Чтобы намъ не затруднять другъ друга пу-

стымъ великодушіемъ, подарите мнѣ турецкаго табаку, котораго здѣсь нѣтъ, а я приготовлюсь въ эту недалѣнную дорогу. Надолго ли? Это зависѣтъ будетъ отъ Крюднера. Квартиру мою оставляю за собою и въ ней моего слугу».

Пріѣхавъ въ Лозанну поздно вечеромъ, я взялъ себѣ лучшее мѣсто въ дилижансѣ, въ углу допотопной почтовой кареты, въ которой помѣщалось внутри 6 человѣкъ, и уже при свѣтѣ фонаря, освѣщавшаго наше отправленіе, часу въ 12, съ place St. François, закутавшись въ плащъ, засѣлъ въ мой уголъ, какъ вдругъ услышалъ знакомые женскіе голоса двухъ бернскихъ барынь: графини d'Erlach и m-me Guntenbergen. Онѣ очень мнѣ обрадовались и прелюбезно предложили уступить имъ мой уголокъ, а самому сѣсть между ними. Меня покорило, но дѣлать было нечего. Мы начали сплетничать, перебрали все наше бернское общество; одна изъ дамъ задремала и склонилась головой ко мнѣ на плечо. Мнѣ становилось нестерпимо жарко, но не то, что вы думаете, не отъ головки на плечѣ, которая не была ни молодою, ни красивою, и не отъ закрытыхъ оконъ, а отъ двухъ горѣлокъ съ кипяткомъ, которыя эти зябкія барыни поставили подъ свои и мои ноги, такъ что я не зналъ, куда дѣваться. На бѣду при спертomъ воздухѣ распространялся духъ пачули и всякихъ другихъ благовоній. Въ Пайернѣ, на половинѣ дороги, упросилъ я кондуктора посадить меня съ собою въ кабріолетъ, а между двухъ дамъ посадить сидѣвшаго съ нами блузника. «Наши аристократки разсердятся,—отвѣчалъ мнѣ кондукторъ,—и на васъ, и на меня».—«Какъ вы тамъ хотите, а я изъ-за нихъ умирать не намѣренъ».

Часу въ десятомъ, прозябши до костей, вошелъ я

къ Крюднеру съ конвертомъ отъ графа и переписанной мной для барона меморіей. Крюднеръ предложилъ мнѣ сейчасъ отправиться съ ней курьеромъ во Франкфуртъ къ Анштету; я полѣнился, и былъ отправленъ Бондаревскій, нашъ пѣвчій и прислужникъ при канцеляріи, попросту говоря, *garçon de bureau*.

Недолго размышляли мы промежъ себя, Крюднеръ, Фурманъ и я, будетъ или нѣтъ имѣть вліяніе на государя отправленная Анштетомъ въ Таганрогъ меморія Каподистрія. Съ понятнымъ любопытствомъ слѣдили по газетамъ за путешествіемъ Александра, обозрѣвавшаго южную свою армію и направлявшагося въ Таганрогъ для свиданія съ своей супругой съ тѣмъ, чтобы послѣ объѣхать Крымъ, какъ вдругъ нашъ бернскій банкиръ, г. Марквартъ, пришелъ къ Крюднеру съ извѣстіемъ о кончинѣ императора въ Таганрогѣ. До банкира роковая для насъ вѣсть дошла одновременно изъ Гамбурга и Франкфурта. Въ коммерческомъ мірѣ, управляющемъ денежными рынками, важнѣйшія политическія извѣстія получались тогда гораздо ранѣе, чѣмъ посольствами. Въ ту же минуту вѣсть эта разошлась по городу, и всѣ имѣвшіе близкія сношенія съ Крюднеромъ, члены правительства и дипломаты, въ тотъ же день у него перебивали.

Наконецъ, получили мы офіціальное о смерти государя извѣщеніе. Циркулярная депеша графа Нессельроде возвѣщала о восшествіи на престолъ Константина Павловича, о принесенной ему присягѣ в. к. Николаемъ Павловичемъ, сенатомъ, гвардіей и всѣми жителями и предписывала намъ также присягать, но, къ удивленію барона, депеша эта тѣмъ и ограничивалась. Къ ней, какъ бы слѣдовало ожидать, не было приложено никакой вѣрительной грамоты барону Крюд-

неру отъ новаго государя Швейцарскому союзу, не было даже повелѣно извѣстить официально Vorort о кончинѣ царствовавшего императора и, сверхъ того, не было сообщено рѣшительно никакихъ подробностей. Такое молчаніе министерства вопреки всѣмъ обычаямъ не могло не навести на насъ тягостныхъ сомнѣній. И вотъ опять, сперва отъ банкира, а потомъ изъ нѣмецкихъ журналовъ, начали ходить слухи, что Константинъ Павловичъ царствовать у насъ не будетъ, что онъ задолго передъ этимъ отрекся отъ престола, и что въ Берлинѣ извѣстно стало уже всѣмъ, что императоромъ Россіи будетъ зять прусскаго короля, Николай. Между тѣмъ посольство не получало рѣшительно никакихъ свѣдѣній, ни къ одному изъ насъ во все это время не доходило и писемъ, а намъ всѣ надоѣдали, не только посѣтители, которыхъ мы условились къ себѣ не допускать, но всѣ уличные и встрѣчные и все, что попадалось намъ подъ бернскими аркадами, не исключая содержателей магазиновъ и всякихъ лавочниковъ, болѣе или менѣе по необходимости намъ знакомыхъ. Ихъ разспросамъ о томъ, что у насъ дѣлается, не было конца, и мы, во избѣжаніе затрудненій что отвѣчать, опять условились показываться на Божій свѣтъ какъ можно рѣже, рѣшительно запереться ото всѣхъ, не являться въ Grande Société, сообщаться только между собою и ходить другъ къ другу не иначе, какъ по боковымъ улицамъ. Болѣе всѣхъ насъ смущень былъ Крюднеръ, онъ не зналъ навѣрное, оставлять ли его на его постѣ. Онъ еще не могъ забыть, что такъ еще недавно, въ 1823 году, былъ онъ подозрѣваемъ въ крайнемъ либерализмѣ, и всѣ свои сомнѣнія и страхи сообщилъ въ Женеву графу Каподистрія. Не думаю, чтобы кто-либо изъ самыхъ при-

ближенныхъ къ императору Александру болѣе графа пораженъ былъ неожиданною смертію государя. Несмотря на ихъ разлуку, графъ живо чувствовалъ, что въ Александрѣ лишился онъ своего вѣнценоснаго благодѣтеля и друга, преисполненнаго къ нему искреннею сердечною привязанностью. Ихъ обоихъ раздѣляла политика, ихъ соединяло человѣческое чувство.

Вслѣдъ за слухами объ отреченіи Константина отъ престола началъ распространяться вездѣ темный слухъ о бунтѣ въ Петербургѣ, о революціи въ Россіи. Перетревоженный всѣмъ этимъ Каподистрія былъ уже не въ состояніи выдерживать свое женеvское уединеніе, неожиданно пріѣхалъ прямо къ Крюднеру и у него остановился. Онъ чувствовалъ потребность раздѣлиться съ нами, хотя и полурусскими (чисто русскимъ былъ одинъ я), тяжкія заботы свои о судьбахъ Россіи. Пробыvавшая въ то время въ Эльфенау, близъ Берна, великая княгиня Анна Ѳеодоровна, разведенная жена в. к. Константина Павловича, не менѣе насъ мучилась такою продолжительною неизвѣстностью. Она также, несмотря на продолжительное отсутствіе изъ Россіи, чтитъ и любила императора Александра и, кромѣ того, находилась въ постоянныхъ, самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ императрицей Елисаветой Алексѣvной, съ которой изрѣдка переписывалась.

1825 года 31 декабря нашего стиля, т.е. наканунѣ нашего Новаго года, графъ Каподистрія, Крюднеръ, Фурманъ и я—всѣ приглашены были къ обѣду въ Эльфенау и къ встрѣчѣ у хозяйки его, великой княгини, нашего новолѣтія. Графу, разстроенному нервами, нездоровилось, и онъ отъ этой поѣздки отказался, меня оставили при немъ для развлечения. Раннимъ вечеромъ пришелъ къ намъ, т.е. къ Каподистрія,

французскій посолъ, графъ Ренваль, преемникъ маркиза де-Мутье, переведеннаго въ Испанію поддерживать Фердинанда VII въ смыслѣ крайняго абсолютизма. Ренваль незадолго былъ старшимъ секретаремъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ, женился тамъ на m-ле Влодекъ, дочери нашего генерала (мать ея была урожденная княжна Вяземская); по этимъ семейнымъ связямъ и по долгому своему пребыванію въ Россіи онъ былъ, кажется, коротко знакомъ съ Каподистрія. Долго вели они въ моемъ присутствіи между собою бесѣду, и я дивился во все время почти сверхъестественной ихъ сдержанности. Они говорили о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ: о философіи права, о прогрессивномъ движеніи народовъ, о враждебныхъ для всѣхъ ихъ принципахъ революціи, о застоѣ, къ которому ведетъ слишкомъ охранительная реакція, о томъ, о другомъ, обо всемъ, но ни разу не коснулись они какого-нибудь частнаго вопроса, а о событіяхъ въ Россіи, о доходящихъ оттуда слухахъ, которыми, какъ у всѣхъ, должны были быть въ это время переполнены ихъ собственные умы и помышленія, о такихъ угрожающихъ Европѣ событіяхъ не произносили ни одного звука, и, несмотря на такое долгое и постоянное упражненіе въ фигурѣ умолчанія, оба они, казалось мнѣ, другъ друга понимали и все, что имъ хотѣлось высказать, въ сдержанныхъ формахъ другъ другу все-таки высказали *).

*) Года два тому назадъ я былъ пораженъ изумительнымъ сдержаннымъ молчаніемъ графа Каподистрія. Въ „Русскомъ“ г. Погодина напечатано было письмо его къ Карамзину отъ 9 января новаго стиля, слѣдовательно, дня за два до полученныхъ нами подробностей о бурномъ восшествіи на престолъ Николая Павловича. Въ письмѣ къ другу своему Карамзину, съ которымъ соединены они были благоговѣйною любовью къ императору Александру, графъ Каподистрія съ одушевленнымъ краснорѣчіемъ увлекательнаго своего

поучительнымъ приложеніемъ къ практикѣ извѣстнаго до пошлости принципа Таллейрана: «La parole est donnée pour déguiser la pensée». Толпа непосвященныхъ видитъ въ этихъ словахъ совѣтъ скрывать, искажать мысль; понимающіе дѣло, напротивъ, думаютъ, что ее, эту мысль, надобно прикрывать. Политическіе писатели либеральныхъ партій въ строгое цензурное время вполне усвоивали себѣ это правило, особенно у насъ, хотя всѣ они предають вѣчному проклятію Таллейрана и ангеловъ его. Къ сожалѣнію не могу вспомнить, который изъ двухъ собесѣдниковъ кончилъ разговоръ мыслью, что главные политическіе дѣятели суть орудія, иногда и самимъ имъ невѣдомыя, совершающей, зримой для немногихъ исторіи, которая вызоветъ ихъ на судъ отдаленнаго потомства.

По удаленіи отъ насъ графа Ренваля я нашелъ, что Каподистрія успокоился нервами и что мнѣ, какъ мы сговорились о томъ съ утра, не придется посылать для него за нашимъ докторомъ; но спокойствіе наблюдаемаго мною нашего гостя было не надолго. Въ то время какъ я сталъ съ обыкновенною моею неловкостью распоряжаться чаемъ, Каподистрія безмолвно ходилъ по комнатѣ и началъ жаловаться на холодъ, что было и не мудрено, термометръ къ вечеру опустился и уже показывалъ 20 градусовъ мороза, а въ комнатахъ не было и 10 градусовъ тепла и сносно было только пе-

пера выражалъ всю полноту скорби по общему ихъ благодѣтелю, но несмотря на то, что онъ былъ встревоженъ почти вѣрными опасеніями за будущее Россіи, затаилъ ихъ даже передъ Карамзинымъ, самымъ близкимъ въ Петербургѣ другомъ ему. Прочитавъ въ печати это письмо отъ 9 января нов. стilia, я припомнилъ, что самъ же отправлялъ его въ Петербургъ, и все еще сомнѣваясь въ такой непонятной сдержанности, спрашивалъ кн. Вяземскаго, передаващаго письмо это Погодину, не было ли чего изъ него выпущено. Князь отвѣчалъ мнѣ „нѣтъ“, и это рѣшительное „нѣтъ“ есть для меня новое и послѣднее доказательство *поклоняемой* мною сдержанности графа.

редъ каминомъ. Я предложилъ ему надѣть утренній свой халатъ, великолѣпную соболью шубу, крытую зеленымъ бархатомъ. Не успѣлъ онъ его надѣть, какъ не лучше самой нервной женщины залился слезами: шубка ему подарена была императоромъ Александромъ. Ухаживать за нервными больными я и до сихъ поръ не способенъ, а тогда я отъ нихъ бѣгалъ и терялся. Судорожно вставалъ я изъ-за чайнаго стола, чтобы послать за докторомъ, какъ вошелъ камердинеръ барона, Antoine, и объявилъ о прибытіи фельдъегеря. Не успѣлъ я выбѣжать къ нему навстрѣчу и взять огромный пакетъ съ депешами, какъ по моимъ пятнамъ прибѣжалъ въ пріемную и графъ съ нетерпѣливымъ вопросомъ: «*Et bien, et bien, quoi donc?*» Я объяснилъ, что не имѣю никакого права вскрывать пакета, и предложилъ ему самому распечатать, онъ также отказался, и мы тотчасъ послали нарочнаго въ Эльфенау за Крюднеромъ. На мои отрывочные вопросы къ прибывшему, усталому отъ пути и окованному отъ холода фельдъегерю, «все слава Богу»—отвѣчалъ онъ мнѣ, «имѣю честь поздравить съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ».—Какъ? Что?—«Ничего, все обошлось благополучно. Убили только графа Милорадовича да немногихъ изъ черни, которая вздумала было пошумѣть вмѣстѣ съ толпой хмельныхъ солдатъ на Сенатской площади». Почти совсѣмъ не знавши порусски, графъ Каподистрія просилъ передавать цѣлый рядъ тревожныхъ его вопросовъ фельдъегерю, я въ нихъ путался, а пріѣзжій курьеръ не меньше моего путался въ своихъ отвѣтахъ, настойчиво успокаивая насъ тѣмъ, что въ Петербургѣ все идетъ какъ нельзя лучше. Не добившись отъ него никакого путнаго послѣдовательнаго разсказа, я выпроводилъ его къ камер-

динеру, совѣтуя отогрѣваться чаемъ и часа на два заснуть.

Скоро пріѣхали Крюднеръ и Фурманъ, и всѣ мы предались съ якимъ-то любопытствомъ чтенію депешъ и обстоятельныхъ, подробныхъ, въ приложеніи къ нимъ, официальныхъ описаній всего, что ровно за двѣ недѣли передъ тѣмъ совершилось въ Петербургѣ. Баронъ Крюднеръ скорѣе всего ухватился за вѣрительную грамоту къ федеральной директоріи Швейцарскаго союза за собственноручнымъ подписаніемъ императора Николая I, которою онъ аккредитовался вновь въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ, и тутъ послать за почтовыми лошадьми, чтобы сейчасъ же ѣхать вмѣстѣ съ Фурманомъ въ Люцернъ для представленія своихъ новыхъ полномочій федеральной директоріи, которая тогда, по существовавшей преемственной между тремя кантонами очереди, находилась въ Люцернѣ. Онъ такъ спѣшилъ отъѣздомъ и краткимъ о немъ донесеніемъ графу Нессельроде, что едва успѣлъ прочесть всю книгу присланныхъ приложений и предоставить графу вмѣстѣ со мною заняться, если хотимъ, ихъ болѣе внимательнымъ чтеніемъ, а между тѣмъ въ такой морозъ, да еще черезъ горы, поѣздка въ Люцернъ была не шуточное дѣло, и имъ приходилось обоимъ запастись теплою одеждой и разными одѣялами. Отъѣзжая, Крюднеръ далъ мнѣ слѣдующія порученія: обойти въ городѣ правительственные лица Бернскаго кантона, т.-е. двухъ, какъ они назывались по-французски и въ официальныхъ съ дипломатами сношеніяхъ, Авоует-овъ, а именно: господъ Мюллинена и Ватвилля, государственнаго казначея Бернскаго кантона, совѣтника Муральта и второго совѣтника Фишера, изъ которыхъ составлялась федеральная директорія, когда она переходила въ

свою очередь въ Бернъ. Послѣ этихъ двухъ визитовъ въ мундирномъ траурномъ облаченіи отправиться въ Эльфенау и, испросивъ аудіенцію у великой княгини, извѣстить ее о восшествіи на престолъ императора Николая Павловича и представить ея высочеству на словахъ отчетъ о полученныхъ нами свѣдѣніяхъ. Наконецъ, сдѣлать визиты начальникамъ всѣхъ иностранныхъ миссій при Швейцарскомъ союзѣ съ тѣмъ же извѣщеніемъ.

Пожелавъ счастливаго пути нашимъ путешественникамъ, я привелъ въ порядокъ разбросанную кипу бумагъ и собирался уйти къ себѣ, предполагая, что и графу послѣ всѣхъ потрясеній дня нуженъ былъ отдыхъ, но Каподистрія съ нѣжными извиненіями упрасивалъ меня остаться еще, чтобы помочь ему прочесть все полученное нами. И, во-первыхъ, приступили мы къ чтенію съ трогательнымъ краснорѣчіемъ написаннаго, какъ утверждаю, митрополитомъ Филаретомъ посмертнаго манифеста императора Александра о назначеніи наслѣдникомъ престола брата Николая вслѣдствіе тутъ же возвѣщаемаго отреченія великаго князя Константина. Манифестъ этотъ, хранившійся, какъ государственная отъ всѣхъ тайна, въ государственномъ совѣтѣ и на престолѣ московскаго Успенскаго собора, оканчивался умилительнымъ воззваніемъ отошедшаго уже въ вѣчность императора ко всѣмъ его вѣрноподаннымъ молиться о упокоеніи души его, усопшаго ихъ монарха. Графъ зарыдалъ при чтеніи мною этихъ умилительныхъ строкъ, я тоже расчувствовался и черезъ силу прочелъ ихъ. Тутъ чтеніе наше поневолѣ прекратилось, и мы едва успѣли взглянуть на описаніе мятежа 14 декабря, и оба, какъ тотъ, такъ и другой, искренно порадовались самоотверженному муже-

ству новаго государя, который рѣшительнымъ усмирениемъ бунта спасъ свою Россію.

Отправляясь домой на сонъ грядущій, я съ трудомъ разбудилъ фельдгегера и, надписавъ на его русскомъ маршрутѣ часъ прибытія и отбытія, приказалъ ему сейчасъ же отправляться далѣе по назначенному министерствомъ маршруту — въ Туринъ, откуда онъ долженъ былъ развезти свои циркулярныя депеши нашимъ миссіямъ во Флоренцію, Римъ и Неаполь и, возвращаясь черезъ Бернъ, взять отъ насъ депеши въ Петербургъ.

Дома у себя нашелъ я смертельную стужу. Незадолго передъ тѣмъ перешелъ я въ небольшія двѣ комнаты, которыя уступилъ мнѣ секретарь испанскаго посольства Далліонъ, отозванный въ Мадридъ (впослѣдствіи былъ онъ посланникомъ въ Вѣнѣ и на короткое время испанскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ). Укутавшись всѣми одѣялами въ ледяной постели (въ комнатѣ не было и трехъ градусовъ тепла), долго не могъ я заснуть и невольно предался тяжкимъ размышленіямъ. Мнѣ смутно приходили въ голову довольно странныя сомнѣнія: «а что если возмутившіеся офицеры и возмущенные ими солдаты, зачинщики произведеннаго ими возстанія на площади, имѣли право сомнѣваться въ законности требуемой отъ нихъ новой присяги вслѣдъ за той, которую они принесли передъ этимъ прямому наслѣднику престола Константину Павловичу? А что если все послѣдовавшее было изобрѣтено коварною интригой? Какъ бы и намъ на чужой сторонѣ не испытать надъ собою чего-либо подобнаго тому, что послѣдовало со всѣми испанскими дипломатами, которые по повелѣнію Фердинанда VII, захваченнаго кортесами, присягнули вынужденной

у него конституціи, а потомъ, по освобожденіи того же короля изъ-подъ власти кортесовъ, были имъ отрѣшены отъ мѣста и вызваны къ уголовному суду. Долго объ этомъ я думалъ и рѣшилъ самъ въ себѣ поступить такъ, какъ поступить графъ Каподистрія. Зная его, я былъ увѣренъ въ томъ, что онъ лучше всѣхъ отгадаетъ, возможно ли допустить существованіе во всемъ этомъ происшествіи какой-либо интриги. У

На другой день и правительственныя лица Швейцаріи и всѣ иностранные министры, мною посѣщенные, выражали мнѣ въ немногихъ словахъ общую ихъ радость, что узнали, наконецъ, несомнѣнный и болѣе благопріятный, чѣмъ ожидали, исходъ нашихъ колебаній и смуть. Въ Эльфенау великая княгиня держала меня довольно долго, спрашивая съ живымъ участіемъ о всѣхъ подробностяхъ; я приготовился къ отвѣту, зашедши наканунѣ въ канцелярію, чтобы пересмотрѣть все, намъ сообщенное. Обѣдня и молебень въ новый годъ, на которые всѣ мы съ Каподистрія были приглашены ея высочествомъ, за всѣми тревогами были отмѣнены, но великая княгиня не рѣшилась отказать въ приѣмъ бернскимъ правителямъ и дипломатамъ, которые всегда имѣли обыкновеніе приносить ея высочеству на вечерней аудіенціи свои поздравленія, и, провожая меня, гофмаршалъ ея, Шиферли, объявилъ, что онъ будетъ принимать всѣхъ, кому вздумается приѣхать и что поэтому и мнѣ слѣдуетъ быть на приѣмъ.

Графъ за обѣдомъ казался гораздо спокойнѣе и бодрѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что хотя и не зналъ лично новаго нашего государя, встрѣчая его рѣдко, но надѣется, что гибельное для Греціи и, по мнѣнію его, для Россіи вліяніе Меттерниха на нашу политику

ослабнетъ, что общественное мнѣніе многихъ вліятельныхъ просвѣщенныхъ лицъ въ Петербургѣ и Россіи смягчитъ охранительный абсолютизмъ и произведетъ реакцію, лишь бы не слишкомъ крутую, во всѣхъ нашихъ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. А какъ всѣ его мысли сосредоточивались на Востокѣ, то и надежды его на участіе Россіи и дѣятельное покровительство новаго государя грекамъ оживились, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ, сколько помнится, отвѣтъ отъ графини Эдлингъ съ увѣреніемъ, что императрица Елисавета Алексѣевна, прочитавъ его меморію, изъявила желаніе вліять на покойнаго императора въ пользу ищущихъ независимости нашихъ единовѣрцевъ.

Черезъ два—три дня возвратился въ Бернъ баронъ Крюднеръ, и тотчасъ послѣдовала новая присяга новому государю. Увидавъ, что графъ Каподистрія чуждъ всякаго сомнѣнія, я не смѣлъ и намекнуть о собственныхъ моихъ колебаніяхъ, но самъ онъ колебался, въ какомъ смыслѣ приносить ему свою присягу, и требовалъ отъ насъ справиться въ законахъ, существуетъ ли присяга не на подданство, а на вѣрную службу. Несмотря на наши справки съ законами, такого рода присяги мы въ нихъ не отыскиали, и Каподистрія пришлось вмѣстѣ съ нами подписать по формѣ наши клятвенныя обѣщанія на вѣрность. Мнѣ поручено было отъ Крюднера привести на другой день къ присягѣ въ нашей церкви двухъ воспитанниковъ Гофвильскаго института, младшаго князя Суворова (Константина) и еще какого-то русскаго.

Еще гораздо прежде читали мы въ газетахъ о торжественныхъ поминовеніяхъ, т.-е. панихидахъ, отправленныхъ по кончинѣ императора Александра Павловича нашими главными миссіями въ Германіи, Вѣнѣ,

Парижѣ и Лондонѣ, и рѣшено было подражать ихъ примѣрамъ и устроить печальную эту церемонію въ нашей загородной церкви. Великая княгиня, безъ которой у насъ ничего торжественнаго произойти не могло, пожелала присутствовать при богослуженіи; набожный Каподистрія сердечно такому христіанскому изъявленію сочувствовалъ, а любившій по временамъ официальную пышность и выставку баронъ Крюднеръ съ великою охотой приступилъ къ приготовленію. Надобно было обить трауромъ стѣны и полъ нашей убогой церкви и убрать флеромъ неказистый иконостасъ, т.-е. просто ширмы съ образами, отдѣляющій алтарь, какъ это обыкновенно бываетъ въ полковыхъ походныхъ церквахъ.

Баронъ Крюднеръ взялъ меня съ собою въ Бренгартенъ, чтобы осмотрѣть на мѣстѣ, какъ все это устроить. Встрѣченный отцомъ Разумовскимъ, баронъ скорымъ ходомъ побѣжалъ прямо въ церковь. Къ попу, котораго онъ не любилъ и не уважалъ, по приглашенію зайти ему не хотѣлось, я поспѣшилъ за нимъ вслѣдъ и едва успѣлъ удержать его за фалды фрака, чтобы вытащить изъ самыхъ царскихъ дверей, имъ уже растворенныхъ: до такой степени доходило его незнаніе нашихъ обрядовъ, его крайнее къ нимъ равнодушіе. Когда я ему объяснилъ, что у насъ царскія врата мірянами не растворяются, что свѣтскому, хотя бы и послу, приближаться къ престолу возбранено, мой Крюднеръ переконфузился и, пренабожно перекрестясь, поцѣловалъ просфору, поднесенную ему не менѣе смущеннымъ священникомъ. Великолѣпному барону хотѣлось суконную черную драпировку украсить вышитымъ изображеніемъ Россійскаго герба и какими-то серебряными по мѣстамъ штучками, которыя при погребаль-

ныхъ церемоніяхъ, если не ошибаюсь, называются по-французски слезами, *les larmes*, а посрединѣ церкви, по обычаю католиковъ, выставить подъ балдахинномъ и чернымъ бархатнымъ покровомъ, тоже съ гербомъ и слезами, гробъ. Мы вмѣстѣ съ священникомъ доложили ему, что и этого у насъ не бываетъ. «Чѣмъ же вы все это замѣняете при подобныхъ служеніяхъ?»—«А вотъ чѣмъ, ваше превосходительство»,—отвѣчалъ ему по-русски священникъ, таща изъ угла столикъ, покрытый черною плюшевою, закапанною воскомъ пеленой,—«на этотъ столикъ поставимъ мы кутю, то-есть блюдо съ варенымъ сарацинскимъ пшеномъ, и украсимъ оное кусками сахару и изюмомъ, да засвѣтимъ тутъ около три восковыя свѣчки».—«*Fi! Horreur! Quelle mesquinerie!*» Я успокоилъ барона предложеніемъ заказать столикъ гораздо больше, накрыть его бархатной одеждой съ серебряными галунами, заказать вызолоченный крестъ большого размѣра, а неизбѣжную кутю скрыть отъ зрителей канделябрами, изъ-за которыхъ крестъ будетъ отчасти виденъ. На этомъ и остановились.

На меня, какъ на единственнаго православнаго и кстати младшаго чиновника, возложено было устройство всего этого и обязанность церемоніймейстера, т.-е. принимать, разставлять и провожать приглашенныхъ. Страніями барона Крюднера въ три-четыре дня траурное убранство нашей церкви приведено было къ концу; на эти приготовленія употребилъ онъ Бондаревскаго; я съ своей стороны вмѣстѣ съ священникомъ заставилъ производить спѣвки и убѣдилъ пѣвчихъ, какъ уставщиковъ или регентовъ, пропѣть и обѣдню, а тѣмъ паче панихиду какъ можно тише, à l'unisson и въ самомъ минорномъ тонѣ. При этомъ священникъ сообщилъ мнѣ свое мнѣніе, что по церковно-гражданскому

уставу и повсемѣстному въ Россіи обычаю слѣдовало бы прежде панихиды по усопшемъ государѣ отправить торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о восшествіи на престолъ новаго императора и начать нашу вѣрноподданническую молитву, во-первыхъ, за здравіе, а потомъ уже и за упокой. Я сообщилъ объ этомъ Крюднеру, его испугала продолжительность 3-хъ службъ, но все уладилось предложеніемъ начать молитвословіе молебномъ, къ которому баронъ можетъ и опоздать, лишь бы пріѣхалъ Фурманъ, итобы не быть мнѣ совѣмъ одному. Къ назначенному дню разосланы были отъ имени російскаго посольства при Швейцарскомъ союзѣ печатныя приглашенія членамъ бернскаго правительства и всему дипломатическому корпусу. Великую княгиню, двухъ *Avouers*, французскаго посла, *comme Doyen de la diplomatie*, баронъ приглашалъ лично.

Часовъ въ 10 утра мы наскоро отслужили молебенъ и такъ съ нимъ поспѣшили, что православный въ обоихъ смыслахъ, религіозномъ и государственномъ, Каподистрія, несмотря на свое желаніе присутствовать на немъ, опоздалъ. Все время обѣдни въ церкви меня не было. Я встрѣчалъ на крыльцѣ пріѣзжающихъ по приглашенію и безъ приглашеній государственныхъ мужей Берна, равно какъ и дипломатовъ, вводилъ въ церковь и устанавливалъ ихъ по лѣвой сторонѣ. Великая княгиня, авуайэры и французскій посолъ, Каподистрія и Крюднеръ стали противъ самага алтаря, имѣя передъ собой уже не столикъ, а продолговатый столъ, освѣщаемый множествомъ канделябровъ, изъ-за которыхъ смущавшая насъ кутья не была видна. На мою обѣду пріѣхали позже всѣхъ два юныхъ дипломата, мои короткіе пріятель, *Rackenhart*, англійскій секретарь

посольства, и баронъ de Blonnaу, сардинскій; за отсутствіемъ начальниковъ миссіи они были повѣренные въ дѣлахъ *ad interim*. Такъ какъ по лѣвую сторону показалось мнѣ слишкомъ людно, то я и поставилъ ихъ по правую, за пѣвчими, нисколько не подозрѣвая, что такимъ образомъ могу оскорбить ихъ официальное достоинство и вызвать на себя жалобу. Пѣвчіе наши, хотя и весь ихъ хоръ состоялъ изъ троицъ, пѣли умирительно; великой княгинѣ чуть-чуть не сдѣлалось дурно, потребовался и стаканъ холодной воды и одеколонъ. Каподистрия всю почти панихиду простоялъ на колѣняхъ и навзрыдь плакалъ. Возвращаясь отъ службы въ Бернъ, онъ посадилъ меня съ собой, и тутъ въ первый разъ узналъ я отъ него, что большая часть пѣснопѣній, нами слышанныхъ, и длинный канонъ за усопшаго, который у насъ обыкновенно опускается, написанъ былъ однимъ изъ великихъ отцовъ восточной церкви, Іоанномъ Дамаскинскимъ, и былъ имъ написанъ по смерти оплакиваемого имъ друга. Станнымъ казалось мнѣ, а можетъ быть и не мнѣ одному, а многимъ, которые однако всѣ объ этомъ молчали, отсутствіе всякаго участія Лагарпа во всеобщей между европейскими консерваторами скорби по императорѣ Александрѣ. По крайней мѣрѣ воспитатель покойнаго ничѣмъ не обнаружилъ своего горя, и только недавно въ письмахъ Александра Тургенева къ брату Николаю прочелъ я, что Лагарпъ августѣйшаго ученика своего горько оплакивалъ. Все однако объясняется очень просто тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, въ которое по силѣ обстоятельствъ поставилъ себя этотъ замѣчательный старецъ и въ отношеніи къ своему отечеству и господствовавшей въ немъ партіи аристократовъ, и въ отношеніи къ усопшему госу-

дарю. Какъ главный участникъ швейцарскаго переворота послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, онъ возбудилъ негодованіе всѣхъ Швейцарцевъ, стоявшихъ во главѣ фѣдеральнаго правительства, и всѣхъ лицъ, правившихъ 22-мя кантонами. Не только родовитые патриціи Берна, Люцерна и Цюриха, но и старинныя купеческія фамиліи Женевы и Базеля, и правители малыхъ кантоновъ: Ури, Швица и Альтдорфа, гордые тѣмъ, что они первые избавили Швейцарію отъ габсбургскаго ига, чуждались Лагарпа, его ненавидѣли, проклинали какъ измѣнника, призвавшаго на Швейцарію революціонеровъ Франціи. Ему сочувствовали только два кантона—Ааргау и Ваатландъ. Ни въ какомъ случаѣ, а слѣдовательно и въ этомъ, Лагарпъ не могъ въ Бернѣ ни къ кому показаться, и всякій швейцарецъ, съ которымъ пришлось бы ему встрѣтиться, стать рядомъ въ нашей церкви, отъ него бы отсторожился, какъ это разъ было уже съ нимъ въ Лозаннѣ передъ обѣдомъ у англійскаго посланника лорда Стратфорта Каннинга десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Берна, по исполненіи скорбнаго долга, графъ Каподистрія обѣдалъ у великой княгини; я тоже былъ приглашенъ какъ не бывшій на ея обѣдъ, данномъ Крюднеру. Не кстати ли будетъ сказать тутъ о нашихъ бернскихъ сношеніяхъ съ этимъ маленькимъ дворикомъ, не чуждымъ этикета, надъ которымъ нѣкоторые иногда посмѣивались и которымъ мы подъ часъ тяготились, а бернскія аристократки, напротивъ, восхищались. Видно, и республиканцамъ не претитъ имѣть около себя золотого тельца для поклоненія хотъ изрѣдка. Въ царствованіе императора Александра, а потомъ и въ послѣдовавшее не

разъ предписывалось воздавать Аннѣ Ѳеодоровнѣ всѣ ей, какъ російской и германской принцессѣ, подобающія почести. Императоръ Александръ лично, какъ кажется, любилъ ее, и считалъ своего буйнаго брата болѣе передъ женой виноватымъ, нежели была она передъ своимъ мужемъ. Покойный государь особенно любилъ и отличалъ ея брата, того принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, который долго служилъ, и служилъ храбро, въ ряду русскихъ войскъ, въ войну 1812 года былъ нашимъ корпуснымъ генераломъ и командовалъ русскими войсками подъ главнымъ начальствомъ наслѣднаго принца шведскаго Бернадота. Нашъ государь много способствовалъ браку принца Леопольда съ англійской принцессой Шарлоттой, единственной дочерью и наслѣдницею короля Георга IV, болѣе извѣстнаго въ новѣйшей исторіи подъ именемъ принца регента. До смерти принцессы Шарлотты на принца Леопольда смотрѣли, какъ на соправителя будущей королевы, да и нынѣшняя королева Великобританіи была родная племянница нашей Анны Ѳеодоровны, и было время, и еще такъ недавно, когда принцевъ Кобургскаго дома приглашали по интригамъ Англіи на разные упраздненные и упраздняемые престолы или хлопотали женить ихъ на разныхъ наслѣдныхъ принцессахъ. Великая княгиня, принцесса Кобургская, умѣла сохранить родственныя свои связи въ Германіи и Англіи и дружбу съ подругой своей по замужеству, нашей императрицей. По разводѣ ея съ Константиномъ Павловичемъ ей предоставили всѣ преимущества ея званія, дали 200 т. р. пенсіона и хотя выключили у насъ изъ царской ектеніи, но въ Бернѣ въ ея, отчасти въ нашей, церкви, считавшейся придворною, предписали возносить ея имя и встрѣчать ее

при входѣ въ храмъ съ крестомъ, производя ей и троекратное кажденіе. Гофмаршалъ ея двора Шиферли вскорѣ по выѣздѣ моемъ изъ Швейцаріи умеръ нашимъ статскимъ совѣтникомъ и былъ замѣненъ въ качествѣ гофмаршала другимъ нашимъ статскимъ совѣтникомъ, женеvцемъ Vaucher, тоже докторомъ, который перевезъ свою августѣйшую паціентку въ свою родную Женеву, гдѣ она не такъ давно и скончалась. Надобно отдать должную справедливость великой княгинѣ въ томъ, что она умѣла сохранить все свое достоинство и любезнымъ, привлекательнымъ обхожденіемъ привязывать къ себѣ всѣхъ и каждого. Она долго сохраняла красоту и всю прелесть гибкаго стана и обольстительной осанки. Часто видалъ я ее между многими женщинами, и она царила надъ ними всѣми, и, не знаяши ея, каждый отгадалъ бы въ ней царственную особу. Во всемъ Бернѣ, кажется, у нея одной и была собственная карета да еще съ придворной ливреей и съ императорскимъ гербомъ. Зато и принимали ее хозяева съ великими почестями. У авуайэра Мюллинена только за тотъ столъ, за которымъ она играла, ставились 4 восковыя свѣчи, когда всѣмъ прочимъ давали сальныя. Съ нами, русскими, и въ особенности съ графомъ Каподистріа, великая княгиня умѣла сочувственно бесѣдовать о Россіи и о модномъ тогдашнемъ вопросѣ, кое - когда вмѣшивала въ разговоръ русское словечко, потчевала кулебяками и квасомъ и даже будто бы любила наши русскія пѣсни; однажды цѣлый вечеръ провелъ я у нея въ пѣніи съ княгиней Голицыной, бывшей прежде замужемъ за сыномъ великаго Суворова, съ ея вторымъ мужемъ княземъ Голицынымъ и дочерью, тоже княгиней Голицыной, родною матерью незабвенной моей графини Корняни. При великой

княгинѣ была очень милая фрейлина изъ Кобурга, Гильдратъ, большая моя пріятельница особливо съ тѣхъ поръ, какъ я на общемъ катанѣ изъ Берна въ Тунъ вывалилъ ее изъ саней.

Графъ Каподистрія спѣшилъ и къ своему камину и къ своему дѣлу въ Женеву и ждалъ только проѣзда черезъ Бернъ изъ Италіи нашего фельдъегеря. Съ нимъ то отправилъ онъ то замѣчательное письмо къ Карамзину, которое все печатающій Погодинъ оттиснулъ въ своемъ *«Русскомъ»*. Отправленное изъ посольства при моемъ участіи 9 января 1826 года, оно преисполнено было выраженій глубокой скорби о кончинѣ государя, котораго и Карамзинъ любилъ такъ же искренно и безкорыстно.

Послѣ всѣхъ этихъ происшествій, какъ и всегда послѣ чѣмъ-либо, хотя и грустнымъ, оживленнаго времени, становилось мнѣ невыносимо скучно, и я тоже рвался въ Женеву къ своему камину и къ своему бездѣлю. Тамъ было у меня тепло, спереди отъ солнца, сзади отъ огня неугасимаго, а въ Бернѣ мерзъ я на своей квартирѣ и денно и нощно въ комнаткѣ на Schattenseite (тѣневой сторонѣ) главной улицы. Кромѣ того я чувствовалъ потребность съ кѣмъ-нибудь поболтать о Россіи и откровенно по возможности высказываться о томъ, что тамъ произошло и что еще грозило послѣдствіями, а въ Бернѣ поговорить мнѣ было не съ кѣмъ. Баронъ заботился о прочности своего положенія, которое зависѣло отъ прочности положенія при новомъ государѣ графа Нессельроде, и въ это время уже поговаривали, что новый императоръ начинаетъ коситься на Меттерниха, нераздѣльнаго, какъ думали, хотя и несправедливо, по единомыслію съ нашимъ министерствомъ. Фурманъ, съ которымъ

и никогда не бывалъ въ большой дружбѣ, былъ какъ-то со мной еще загадочнѣе. Онъ, вообще говоря, казался мнѣ однимъ изъ тѣхъ нашихъ дипломатовъ-космополитовъ, въ которыхъ не было ничего русскаго, не было даже и искренняго сочувствія къ славѣ и величію представляемаго иміи государя и его державы; сверхъ того онъ мнѣ по политическому образу мыслей казался неблагонадежнымъ, и въ немъ, на мои глаза, всегда проглядывалъ германскій петербургскій кадетъ-буршъ, доучившійся въ Берлинѣ, я же, напротивъ, тогда былъ почти вполнѣ русскимъ и не успѣлъ еще депенизироваться, какъ косвенно внушалъ мнѣ графъ, говоря вообще: «*Tout jeune Russe selon moi doit être pour quelque temps dépaycé*».

Наконецъ воспользовался я первымъ пойманнымъ мною случаемъ выпроситься домой. Въ Бернѣ начинали поговаривать по газетнымъ слухамъ, подтверждаемымъ коммерческими, о новыхъ заговорахъ карбонарскихъ вентъ противъ всемогущества австрійскаго вліянія на Италію. Крюднеру желалось слѣдить за этимъ движеніемъ всего болѣе для того, чтобы заинтересовать государя своими депешами и обратить на себя вниманіе. Я уже упоминалъ, что Женева, равно какъ и вся французская Швейцарія, служила гнѣздомъ всѣхъ революціонныхъ интригъ внѣ ихъ собственнаго средоточія. Въ Лозаннѣ въ это время журналистъ Lamé былъ замѣтнымъ органомъ консерваторовъ и пытался поддерживать абсолютизмъ священнаго союза. Крюднеру хотѣлось сдѣлать изъ него орудіе нашей болѣе сносной, болѣе умѣренной политики, попросту сказать, нашимъ органомъ. Я предложилъ познакомиться съ этимъ господиномъ для того, чтобы по желанію барона сдѣлать его для насъ полезнымъ. — «Берегитесь,

вы можете встрѣтить такія непріятности, которыхъ по вашей молодости и неопытности и не ожидаете; можете повредить и себѣ лично и самому дѣлу». — «Будьте покойны, — отвѣчалъ я ему, — дайте мнѣ полученное вчера подробное описаніе новаго военнаго мятежа, поднятаго Муравьевымъ - Апостоломъ и, благодареніе Богу, усмиренаго, разрѣшите мнѣ напечатать это извѣстіе въ «Nouvelliste Vaudois» и дайте 1.000 франковъ на выпускъ этого журнала въ Россію въ столькихъ экземплярахъ, сколько по суммѣ придется. Остальное сдѣлается само собою тихо и дружелюбно, лишь бы monsieur Lamé взялъ отъ меня деньги на подписку». Такъ и случилось. Журналистъ съ тѣхъ поръ открылъ свои сношенія съ нашей миссіей, учтиво поблагодаривъ меня за посѣщеніе и пріятное для него со мной знакомство.

Дорогой, на ночлегѣ въ Лозаннѣ, я сильно простудился въ нетопленной квартирѣ и прехолодной, какъ ледъ, постели и, пріѣхавъ въ Женеву, долженъ былъ обратиться къ сыну знаменитаго тамошняго врача Vitiḡny, также доктору. Въ Женевѣ встрѣтило меня солнце, и если хотите — дружба, по крайней мѣрѣ — болѣе участія. Каподистрія принялъ меня съ изъясненіемъ удовольствія. Въ подобныхъ случаяхъ онъ не былъ сдержанъ. Я нашелъ его бодрѣе, дѣятельнѣе, оживленнѣе въ своихъ надеждахъ на успѣхъ отчаянныхъ борцовъ за свободу Эллады, которыхъ ободряло пламенное сочувствіе Европы. Безпрестанно появлялись брошюры и болѣе объемистыя сочиненія лучшихъ по духу и мысли европейскихъ писателей. Никто не говорилъ противъ мятежниковъ-христіанъ, а трибуны французскаго и англійскаго парламентовъ оглашались постоянно упреками правительствамъ за равнодушіе

къ истребленію чтителей креста. На всѣхъ французскихъ изданіяхъ того времени, даже постороннихъ политикѣ, можете и теперь еще видѣть виньетку съ крестнымъ изображеніемъ и другими атрибутами христіанства и надписью къ ней: «Aidez-moi».

Женевскіе филэллины по внушенію графа начинали уже мечтать объ избраніи въ короли Греціи принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, который схоронилъ прелестную свою супругу, принцессу Шарлотту, и съ ней надежду стать во главѣ Англіи; но и по своемъ недавнемъ вдовствѣ онъ отрекся отъ шаткаго, непрочнаго престола еще воюющей Греціи, тѣмъ болѣе, что долженъ былъ бы тогда отказаться отъ блистательнаго, обезпеченнаго значительнымъ пенсіономъ положенія своего въ Англіи, и въ то же время сомнѣвался, чтобы великія державы отстояли когда-либо въ пользу Греціи возможныя для ея существованія границы и чтобы согласилась на то Турція.

Въ Парижѣ явно открылась подписка въ пользу грековъ, и графъ Каподистрія началъ думать о поѣздкѣ туда, чтобы ошупать политическій пульсъ Франціи и пробраться въ Англію для личныхъ сношеній съ принцемъ Леопольдомъ.

Я началъ подумывать о томъ же, узнавъ о намѣреніи Крюднера ѣхать въ отпускъ въ Петербургъ. По отъѣздѣ его Фурманъ сдѣлался само по себѣ моимъ прямымъ начальникомъ. Предупредивъ графа о моемъ намѣреніи побывать въ Парижѣ, я получилъ отъ него приглашеніе ему туда сопутствовать, но вскорѣ потомъ прочитанное имъ въ какой-то газетѣ ничтожное извѣстіе о собственномъ его намѣреніи выѣхать изъ Женевы для совѣщанія съ филэллинами Франціи и Англіи навело на него сомнѣніе. «Если мы,—сказалъ

онъ,—пойдемъ вмѣстѣ, то дадимъ поводъ къ новымъ нелѣпымъ догадкамъ, почему, для чего и зачѣмъ ѣдетъ со мною чиновникъ русской миссіи? Лучше побѣжайте одни и возьмите отъ меня письма къ Стурдзѣ и Гульянову».

Собираясь въ Парижъ, зашелъ я въ контору Генна и предупредилъ его сыновей, моихъ пріятелей, что возьму у нихъ изъ хранившихся въ конторѣ банка моихъ денегъ небольшую сумму. «Не хотите ли поѣхать съ нашимъ отцомъ? Онъ ѣдетъ на-дняхъ и ищетъ попутчика на половинныхъ издержкахъ». Мнѣ показалось страннымъ, что старый толстѣйшій банкиръ, капиталъ котораго считался въ 10 милліоновъ франковъ, экономничаетъ до такой степени. «Это дѣлаетъ онъ отъ скуки, чтобы не путешествовать одному». Старикъ былъ очень радъ имѣть меня своимъ товарищемъ и, несмотря на всю свою скупость, согласился везти меня въ Парижъ не за половину, а за треть дорожныхъ издержекъ, такъ какъ онъ ѣхалъ съ камердинеромъ, а я своего за неимѣніемъ мѣста въ коляскѣ долженъ былъ отправить въ дилижансѣ, и по такому расчету онъ долженъ былъ платить за двѣ, а я за одну лошадь. Такимъ образомъ въ общедорожный мѣшокъ положилъ онъ 600, я же 300 франковъ. Дѣдушка Геншъ былъ въ Женевѣ въ великомъ почетѣ и считался первымъ изъ тамошнихъ финансистовъ. Онъ былъ лично извѣстенъ Наполеону I, имѣлъ съ нимъ сношенія по финансовой части, когда Женева принадлежала Франціи и была одной изъ префектуръ имперіи. Ежегодно на своей дачѣ aux Eaux vives давалъ онъ пиръ на весь женевскій міръ въ день праздника навигаціи—Fête de la navigation, на которомъ женевцы постоянно выбирали его въ короли

этого праздника. Мелочная расчетливость соединялась въ немъ, какъ это часто бываетъ, съ широкою роскошью въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Ежегодныя поѣздки свои въ Парижъ, всегда съ неизбѣжнымъ, какимъ бы то ни было, попутчикомъ, совершалъ онъ со всѣми прихотями, и я ни разу во всей моей жизни не путешествовалъ съ такими изысканными удобствами.

Время нашего отъѣзда онъ приурочилъ къ отъѣзду какого-то знатнаго англійскаго семейства и ихъ курьеру поручилъ заготовлять намъ на почтовыхъ станціяхъ лошадей и заказывать для ночлега по гостиницамъ комнаты съ затѣйливыми ужинами, теплыми постелями и яркимъ освѣщеніемъ. По этой дорогѣ уже всѣ его знали, любили и называли рара Hentsch. Выѣхавъ съ мѣста въ 8 часовъ утра, безостановочно скакали мы во всю лошадиную прыть до 8 часовъ вечера; на всѣхъ французскихъ таможахъ, а ихъ было тогда цѣлыхъ три, одна за другой, неумолимые аргусы этихъ управленій съ нами только почтительно раскланивались. Подъѣзжая къ гостиницѣ, назначенной для ночлега, встрѣчаемы мы были съ радостными привѣтствіями хозяиномъ и всѣмъ его семействомъ. Насъ вводили въ прекрасныя комнаты. Отличный ужинъ съ двумя бутылками лучшаго мѣстнаго вина стоялъ уже на столѣ, каминъ пылалъ. Въ 7 часовъ утра отправлялись мы дальше, забравъ съ собой на цѣлый день холодной провизіи. Такъ было во всѣ три дня пути и что стоило, я не спрашивалъ. Изъ своихъ денегъ я не издержалъ ни одного су, и когда въ Санлисѣ позвалъ цирюльника, то отослалъ его къ дѣдушкѣ Геншю за расплатой. Приѣхавъ на мѣсто, мы перечли деньги и на мой пай возвратилъ онъ мнѣ 20 или 30 франковъ.

Узнавъ прежде, что въ Парижѣ живутъ мои знакомые: бывший мой университетскій товарищъ Голохвастовъ, сосѣдъ по Михайловскому Шатиловъ и юноша Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, вмѣстѣ и сообщая я помѣстился въ ихъ же отелѣ, въ любимой моей улицѣ rue de Richelieu, на углу довольно большой площади, образовавшейся послѣ срытія до основанія зданія большой французской оперы, или, какъ ее тогда называли, Académie Royale de musique.

Отдавъ письма Каподистрія Гульянову и Стурдзѣ, я приглашенъ былъ вмѣстѣ съ ними отыскивать приличную квартиру для графа. Мы нашли ему три большія комнаты на итальянскомъ бульварѣ. Пріѣхалъ онъ скоро послѣ меня и, какъ помнится, это было во время нашего Великаго поста; знаю навѣрное, что его не было у заутрени Свѣтлаго Воскресенія, и потому думаю, что онъ тогда уже уѣхалъ въ Англію. Въ Парижѣ видалъ я его рѣдко, не болѣе двухъ или трехъ разъ, но помню, живо помню тотъ обѣдъ съ нимъ у нашего посла Поццо-ди-Борго въ самый день получения официального извѣстія о паденіи крѣпости Миссолунги, гдѣ греки послѣ отчаяннаго сопротивленія взорвали укрѣпленія и всѣ до единого погибли; туркамъ достались однѣ развалины. Весь Парижъ пришелъ въ ужасъ. Впечатлѣніе, произведенное такою геройскою защитою на весь королевскій дворъ, на французскій кабинетъ, на палаты, общество и весь дипломатическій корпусъ не могло не быть благоприятно греческимъ инсургентамъ, какъ называли ихъ до этого времени въ официальныхъ журналахъ. Съ этихъ поръ въ глазахъ всѣхъ и каждаго признаваемы они были законными борцами за вѣру и угнетенную родину. Нашъ посолъ, сообщившій передъ обѣдомъ

роковую вѣсть разрушенія Миссолунги графу Каподистрія, объявилъ передъ всѣми своими гостями, что Европа не можетъ болѣе отказывать грекамъ въ своемъ покровительствѣ и должна принудить турокъ дать миръ на возможно выгодныхъ для независимости ихъ условіяхъ. На этомъ обѣдѣ, на которомъ только и говорили, что о Миссолунги и грекахъ, были другія замѣчательныя лица: домашній докторъ посла и его другъ, френологъ Галль, извѣстный тогда всему Парижу старикъ итальянецъ Альтести, который еще при Екатеринѣ II вмѣстѣ съ Орловымъ-Чесменскимъ поднималъ къ бунту грековъ Мореи противъ Турокъ, а потомъ и двѣ наши знаменитости—Стурдза и Гульяновъ. Дѣйствующими лицами безъ рѣчей были три гостя: молодые люди Убри, чиновникъ нашего посольства въ Италіи, поселившійся со мною Бергъ, вашъ покорнѣйшій слуга и всѣ чины парижскаго посольства, которые за столомъ посла подобно намъ безмолствовали по заведенному у нихъ обычаю.

Дня черезъ два простился я съ графомъ, которому было не до меня, а потому и разставанье наше было очень равнодушное. Въ послѣднемъ, впрочемъ, могъ быть виноватъ я и самъ, увлекшійся Парижемъ и рѣдко посѣщавшій графа, съ которымъ Стурдза и Гульяновъ были неразлучны.

Въ бытность свою въ Англіи Каподистрія получилъ рѣшительный отказъ отъ принца Леопольда Кобургскаго и самъ былъ избранъ народнымъ правителемъ Греціи подъ скромнымъ титуломъ президента. Въ 1826 году изъ Женевы представилъ онъ свою меморію государю Николаю Павловичу. Въ 1827 году имѣлъ онъ личное свиданіе съ императоромъ и былъ имъ принятъ не только съ чрезвычайнымъ благоволеніемъ,

но и съ выраженіемъ ему искренняго и глубокаго отъ государя уваженія. Встрѣтившій ихъ вмѣстѣ П. А. Кикинъ говорилъ мнѣ, что новый государь, державшій себя со всѣми съ неприступнымъ почти достоинствомъ своего высокаго сана, въ обхожденіи съ графомъ былъ, противъ обыкновенія, ласковъ и привѣтливъ, какъ ни съ кѣмъ изъ иностранцевъ, за исключеніемъ развѣ герцога Веллингтона. Императоръ безпрекословно согласился на избраніе Каподистрія правителемъ возрождающейся націи, призналъ его въ этомъ достоинствѣ и обнадежилъ своимъ покровительствомъ. Дальнѣйшая мученическая судьба сего мужа, напоминавшаго своею доблестью древнихъ героевъ Греціи, всѣмъ извѣстна. Онъ жилъ съ ранней молодости однимъ чувствомъ, одною мыслью, одною дѣятельностью для спасенія своихъ единоплеменниковъ и былъ умерщвленъ освобожденными имъ дикими варварами. когда съ тѣмъ же самоотверженіемъ и мужествомъ началъ вводить у нихъ законный порядокъ и гражданственность.

Въ заключеніе моихъ о немъ воспоминаній прибавлю, что въ бытность свою въ Петербургѣ графъ обо мнѣ вспомнилъ и поручилъ Кикину и другу моему Языкову написать ко мнѣ, уже женатому и деревенскому жителю, не пожелаю ли я, чтобы онъ выпросилъ для меня у государя какос-нибудь повышеніе по службѣ. Я имѣлъ глупость отвѣчать, что, вполне довольный новымъ моимъ положеніемъ на родинѣ, не желаю никакихъ успѣховъ по службѣ и даже не догадался письмомъ отъ себя поблагодарить графа за его обо мнѣ память. Напрасно однако стали бы упрекать меня въ безчувственности и равнодушіи къ этой памяти. Я дорожу ею вотъ уже полвѣка, а было вре-

мя, когда я былъ безусловнымъ поклонникомъ этого великаго мужа и, несмотря на отсутствіе во мнѣ всякаго увлеченія, готовъ былъ отправиться по его указанію на край свѣта.

Теперь буду говорить о своемъ начальникѣ.

Баронъ Крюднеръ былъ сынъ нашего посланника въ Берлинъ; мать его, урожденная Фиттинггофъ, была извѣстная мистическая знаменитость. Въ ранней молодости приписанъ онъ былъ къ посольству своего отца, о которомъ, кажется, совсѣмъ забыли въ исторіи нашей дипломатіи и забыли напрасно. Въ царствованіе императора Павла, не соблюдавшаго никакихъ приличій въ сношеніяхъ своихъ съ другими монархами, барону Крюднеру посчастливилось одержать побѣду надъ своенравнымъ государемъ и совершить рѣдкій для дипломатовъ подвигъ гражданскаго мужества. Въ тотъ самый день, когда онъ давалъ балъ прусскому королю и всему королевскому дому, въ самый разгаръ вечера, когда, начиная отъ двора, все берлинское общество у него веселилось, получаетъ онъ изъ Петербурга съ курьеромъ повелѣніе немедленно потребовать паспортовъ и объявить Пруссіи войну по какому-то маловажному случаю, разсердившему Павла. Можно себѣ представить, до какой степени возмущенъ былъ нашъ представитель такою неожиданностью. Не теряя ни одной минуты, не выходя изъ кабинета, тотчасъ же и съ тѣмъ же курьеромъ отвѣчалъ онъ въ своемъ донесеніи Павлу, что въ эту самую минуту у него на балѣ король, весь дипломатическій корпусъ и все берлинское общество, что требовать паспортовъ и объявлять войну невозможно, да онъ ся и не объявитъ, а причины

своего дерзкаго неповиновенія волѣ государя всеподданнѣйше объяснить послѣ бала съ другимъ курьеромъ, котораго на другой же день отправить въ Петербургъ. Вторымъ своимъ донесеніемъ Крюднеръ успокоилъ государя, и дружескія наши отношенія съ Пруссіей ни въ чемъ не измѣнились, а будь на мѣстѣ остзейскаго барона другой, менѣе нѣмецъ и болѣе русскій, война, пожалуй, была бы неизбѣжна. Нечего говорить о томъ, что случившееся на балѣ было скрыто отъ присутствовавшихъ и во все павловское время оставалось для всѣхъ тайной. Легко можетъ быть, что и весь этотъ эпизодъ остается и до сихъ поръ никому неизвѣстнымъ и сохраняется только въ семейныхъ преданіяхъ. Дипломаты тѣхъ временъ были скромнѣе нынѣшнихъ. Тщательно оберегая достоинство своихъ правительствъ и свое собственное, они почитали недостойнымъ своего званія препираться публично и дѣйствія даже отдаленнаго своего прошлаго передавать страстной, а потому и не всегда пристойной газетной гласности.

Барона Крюднера (сына), о которомъ начинаю разсказъ, въ первый годъ молодости, при самомъ началѣ карьеры, поразило одно роковое событіе. На одномъ придворномъ берлинскомъ балѣ прусскій гвардейскій офицеръ, видный и рослый, имѣлъ дерзость потребовать отъ бѣлокураго, тщедушнаго, робкаго юноши, облеченнаго въ нашъ смиренный, почти траурный мундиръ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, чтобы онъ, т.-е. Крюднеръ, уступилъ ему, широкоплечему гвардейцу, свое мѣсто въ кадрили и вышелъ изъ нея съ своею дамой. Получивъ робкій, хотя и весьма понятный отказъ, могучій гвардеецъ взялъ Крюднера за воротникъ и вышвыр-

нуль его изъ кружка. Крюднеръ убилъ на поваль насильника на дуэли, условіемъ которой была смерть одного изъ соперниковъ. Такой конецъ поединка отразился на его жизни; она вся этимъ была для него испорчена.

Въ первый годъ Французской имперіи овдовѣвшая баронесса Крюднеръ уже начинала быть извѣстною въ парижскихъ литературныхъ салонахъ, но въ то время, гоняясь за эффектомъ или за знаменитостію, она далеко еще не дошла до пріобрѣтенія себѣ мірской славы подвигами мистическихъ откровеній. Воспріимчивая, образованная, мечтательная и притомъ, какъ говорили, не безстрастная, вошла она въ модные литературные кружки, чтобы посмотреть на парижскихъ литераторовъ и чтобы имъ и себя показать. По принятому всѣми синечулочными дамами обыкновенію напечатала она свой небольшой, пренеприятный романъ «Valérie». Современники догадывались, что въ немъ рассказала она свою собственную исторію— платоническую любовь жены стараго дипломата къ одному изъ его секретарей.

Не знаю, въ какое именно время ея сынъ перешелъ секретаремъ нашего посольства въ Парижъ, знаю только то, что онъ былъ тамъ въ одно время съ графомъ Нессельроде, когда будущій канцлеръ былъ совѣтникомъ. Во Франціи Крюднеръ оставался при князѣ Куракинѣ до разрыва съ Россіей. Въ 1811 году присутствовалъ онъ на томъ знаменитомъ балѣ, который австрійскій посолъ, князь Шварценбергъ, давалъ высокимъ новобрачнымъ, Наполеону I и эрцгерцогинѣ Маріи Луизѣ, его супругѣ. Подробные рассказы барона Крюднера объ этомъ злополучномъ праздникѣ были очень интересны. Онъ живо описывалъ,

какъ нашъ пышный посолъ, князь Куракинъ, Александръ Борисовичъ, совоспитанникъ Павла, сохраняя, какъ святыню, всю строгость придворнаго этикета, заведеннаго его царственнымъ другомъ, простиралъ свою вѣжливостъ и рыцарское чувство къ дамамъ до того, что оставался почти послѣднимъ въ огромной, объятай пламенемъ залѣ, выпроваживая особъ прекраснаго пола и отнюдь не дозволяя себѣ ни на одинъ шагъ ихъ опереживать. Слѣдствіемъ такой утонченной учтивости даже подѣ страхомъ смерти было то, что Куракина сбили съ ногъ, повалили на полъ, черезъ него и по немъ ходили и едва могли спасти. На немъ еще во время проводовъ загорѣлся великолѣпный французскій кафтанъ стариннаго покроя, и скоро раскалились и золотые эполеты, пуговицы и орденъ, залитые брилліантами. Всего болѣе пострадали у него пальцы отъ разгорѣвшихся перстней и колець. Куракинъ долго страдалъ отъ обжоговъ по всему тѣлу, и не прежде конца лѣта знаменитые врачи Парижа дозволили ему выѣхать изъ своихъ посольскихъ палатъ, чтобы поселиться на дачѣ, но такого передвиженія не въ силахъ онъ былъ совершить въ экипажѣ, и вотъ устроены были великолѣпныя носилки подѣ навѣсомъ въ родѣ балдахина, на которыхъ императорскій русскій посолъ, родовитый князь изъ дома Гедиминовъ, ближайшій другъ покойнаго императора и уважаемый по всѣмъ этимъ связямъ императоромъ Александромъ, — однимъ словомъ, въ полномъ смыслѣ русскій бояринъ во всемъ своемъ величій и во всей своей дикости, торжественно перенесенъ былъ среди бѣлаго дня съ подobaющимъ его особѣ великолѣпіемъ на дачу въ Клиши, гдѣ тогда были одни загородные дома,

сады и парки и гдѣ теперь выстроился новый городъ. Все народонаселеніе громаднаго Парижа изумлено было подобнымъ зрѣлищемъ. Торжественное шествіе восточнаго сатрапа (нельзя же иначе: *Grattez le Russe, vous y trouverez un Tatar*) открывалось многочисленной ливрейной прислугой по два въ рядъ, посольскіе сгери въ охотничьей пышной одеждѣ съ разноцвѣтными султанами несли носилки и надъ нимъ балдахинъ. По сторонамъ въ ненарушномъ порядкѣ шествовали въ своихъ мундирахъ съ соблюденіемъ старшинства чиновники посольства. Шествіе открывалось и замыкалось коннымъ отрядомъ гвардіи или жандармовъ столько же для порядка, сколько и для почета. Вѣроятно Наполеонъ охотно согласился угодить тщеславію нашего посла, выставивъ его на показъ парижанамъ. Но самое зрѣлище описано было французскими журналистами съ отгѣнками французскаго юмора, который прикрывался приличіями цензуры, строгой, какъ извѣстно, въ тогдашнее время. Весь рассказъ Крюднера объ этомъ великомъ дипломатическомъ событіи отъ начала и почти до конца морилъ со смѣху его слушателей. Но самъ рассказчикъ никогда не могъ выдержать насмѣшливаго своего тона и начиналъ выходить изъ себя, какъ скоро приходилось ему коснуться своей жалкой роли; тогда онъ сейчасъ же переходилъ къ изверженію упрековъ памяти своего нелѣпо пышнаго начальника.

Когда передъ началомъ войны 1812 года великолѣпный князь Куракинъ и присланный отъ государя къ Наполеону ненавистой памяти князь Чернышевъ выѣхали изъ Парижа, младшіе секретари нашего посольства оставлены были тамъ на короткое время, чтобы сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія къ выѣзду

канцеляріи и покончить нѣкоторыя дѣла по счетамъ посольства. Пока они этимъ дѣломъ съ большимъ спѣхомъ занимались, открылось похищеніе Чернышевымъ секретныхъ бумагъ французскаго военнаго министерства и вся мерзость этого поступка, котораго даже не умѣлъ скрыть похититель. При обыскѣ его квартиры тайной полиціей гдѣ-то отыскали собственно-ручныя записки французса, чиновника военнаго министерства, который продалъ тайныя бумаги Чернышеву, за что и былъ немедленно разстрѣлянъ. Къ сожалѣнію въ общемъ ходѣ международныхъ сношеній иногда встрѣчаются подобныя преступныя предательства и неблаговидные, никогда не допускаемые международнымъ правомъ къ содѣянію ихъ подкупы.

Съ своей стороны Наполеонъ, раздраженный поведеніемъ присланнаго отъ нашего государя флигель-адъютанта, не преминулъ воспользоваться правомъ возмездія, *droit de représailles*, и заключилъ двухъ оставшихся нашихъ секретарей, бароновъ Моренгейма и Крюднера, въ крѣпость близъ Ліона, если не ошибаюсь—au Fort de l'Ecluse. Первому отворились двери заточенія при вступленіи союзныхъ войскъ во Францію, второй изъ него убѣждалъ нѣсколькими мѣсяцами ранѣе и по назначеніи графа Каподистрія въ Швейцарію посланникомъ былъ при немъ секретаремъ посольства, а потомъ и его преемникомъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, оставаясь въ Швейцаріи до коронаціи Николая Павловича.

Прежде чѣмъ описывать свое продолжительное жителство въ Женевѣ, слѣдуетъ, конечно, рассказать о пребываніи въ Бернѣ. Начну съ того, что въ личныхъ моихъ сношеніяхъ съ добрымъ для меня барономъ Крюднеромъ изрѣдка встрѣчались кое-какія отъ него

помѣхъ и внушенія. Сколько могу припомнить, расскажу ихъ, не щадя моего самолюбія. Я стараюсь особенно опираться на мою смиренную откровенность, дабы имѣть право съ такою же откровенностью говорить о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которые попадались мнѣ на моей длинной дорогѣ.

Пріѣхавъ въ Бернъ, я съ первыхъ дней думалъ похвастаться передъ Крюднеромъ и старшимъ секретаремъ Фурманомъ прежнимъ моимъ знакомствомъ съ генераломъ Лагарпомъ и изъяснялъ желаніе посѣтить его въ Лозаннѣ. Крюднеръ, подозреваю я, прикинулся, что онъ всего этого моего рассказа не прослушалъ, и отвѣта никакого не далъ, а дня три спустя внушительно объявилъ мнѣ, что наша миссія по предписанію свыше давно уже прекратила всѣ сношенія съ Лагарпомъ, потому что самъ императоръ Александръ былъ недоволенъ поведеніемъ своего наставника и друга, который, какъ предполагалъ Крюднеръ, вѣроятно отправилъ государю слишкомъ смѣлое замѣчаніе на дѣйствія своего воспитанника въ царствѣ Польскомъ. Кромѣ того врачи Лагарпа, бернскіе патриціи, повторяли вездѣ, и особливо Крюднеру, упреки государю отъ Лагарпа за его безцеремонное обращеніе съ поляками и частыя нарушенія данной Польшѣ конституціи. Между прочимъ рассказывали, будто въ кабинетѣ Лагарпа находился мраморный бюстъ съ надписью: «Alexandre I Citoyen», и что будто бы этотъ самый бюстъ хозяинъ обратилъ лицомъ къ стѣнѣ, какъ бы въ наказаніе за измѣну либеральному направленію, которое въ нашемъ государѣ было такъ долго результатомъ даннаго ему воспитанія. Въ заключеніе разговора моего съ Крюднеромъ о Лагарпѣ посовѣтовано мнѣ было рѣшительно отказаться отъ посѣще-

нія всей этой симпатичной мнѣ ссмы. — Другое начальническое внушеніе было сдѣлано по случаю одной продолжительной бесѣды съ членами федеральной директоріи, моими старыми пріятелями, бернскими патриціями. Это было въ то самое время, когда начальники миссіи вели свои корреспонденціи о преслѣдованіи политическихъ выходцевъ, и когда мы, мелочь дипломатическая, эту корреспонденцію переписывали. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что правители-аристократы нисколько не сочувствовали разнороднымъ политическимъ бродягамъ, но они отстаивали, и то по приличію, а не по доброй волѣ, древнее право убѣжища, съ давнихъ временъ присвоенное Швейцаріи. Однажды, покончивъ довольно рано мои 4 роббера съ совѣтниками директоріи, ни съ того ни съ сего впутался я въ разговоръ съ ними объ этихъ несчастныхъ перебѣжчикахъ, которые горько надоѣдали мнѣ нескончаемою изъ-за нихъ перепиской. Я выразилъ этимъ господамъ внезапно тутъ же изобрѣтенное мною положеніе, что если Швейцарскій союзъ пользуется даруемымъ ему всею Европою нейтралитетомъ, то онъ съ своей стороны, по моему мнѣнію, вознаграждать долженъ за него Европу воспрещеніемъ для всѣхъ враговъ общественнаго порядка скрываться въ Швейцаріи и въ ней составлять заговоры противъ законныхъ правительствъ; въ короткихъ словахъ: Швейцарскій союзъ долженъ платить Европѣ за нейтралитетъ отреченіемъ отъ права убѣжища и выдачею политическихъ преступниковъ. Мнѣ до сихъ поръ такое положеніе кажется разумнымъ и справедливымъ, но оно возмутило моихъ старцевъ-товарищей по зеленому столу, которые, выслушавъ этотъ тезисъ моей философіи правъ, между собою переглянулись, встали съ покойныхъ своихъ гряз-

ныхъ кресель и оставили вмѣстѣ со мной гостиную нашего клуба Grande Société. Черезъ день послѣ Крюднеръ призываетъ и спрашиваетъ меня: «Что это вы наговорили нашимъ общимъ пріятелямъ? Вчера вечеромъ приходилъ ко мнѣ совѣтникъ Мюральтъ и канцлеръ директоріи г. Муссонъ и выспрашивалъ меня, правда ли, что всѣ мы, дипломатическіе агенты, за исключеніемъ m-r Vaughan, англійскаго посланника, стараемся добиться отъ Швейцарскаго союза, чтобы онъ отказался отъ права на убѣжище». — «Съ чего вы все это взяли? — отвѣчалъ я, — ни одному изъ насъ такого желанія не приходило въ голову, и никакое правительство не давало подобной инструкціи». Слово за слово и Мюральтъ и Муссонъ открыли мнѣ, что подобное непріятное для нихъ заключеніе вывели они изъ откровенныхъ вашихъ бесѣдъ съ ихъ товарищами по директоріи». Затѣмъ послѣдовало мнѣ строгое внушеніе играть съ вліятельными старцами сколько и по чемъ мнѣ угодно, но политическія мои предположенія сообщать имъ съ величайшею осмотрительностью, «ибо, — прибавилъ Крюднеръ, — только одна долготѣющая дружба моя съ Мюральтомъ и Муссономъ могла пріостановить переговоры и переписки по этому случаю съ другими дипломатами».

Встрѣчались и другіе случаи, доставлявшіе мнѣ по временамъ удовольствіе получать отъ моего принципала болѣе или менѣе легкія предостереженія, которыя дѣлалъ онъ вѣжливо, добросердечно, съ постояннымъ желаніемъ выработать изъ состоявшаго при немъ молодого человѣка настоящаго и со временемъ очень дѣльнаго дипломата. Если я, не сдѣлавшись дипломатомъ, и обманулъ надежды Крюднера, то все-таки совѣты его много прибавили разныхъ данныхъ въ мой

запасъ житейской мудрости. Предметами внушеній иного рода бывали для меня встрѣчаемые мною соотечественники, прогуливающіе себя по Швейцаріи. Тогда ихъ бывало, слава Богу, немного, не то что теперь. Самъ я на нихъ не напрашивался, но земляки, особливо изъ Москвы, мнѣ и моимъ знакомымъ знакомые легко меня отыскивали. Не было, кажется, между ними ни одной такой персоны, которая бы чѣмъ-нибудь не наводила на меня смущенія, не ставила въ какое-нибудь ложное положеніе. Неоспоримо, что по стиху Державина:

„И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“,
особливо на чужой сторонѣ, но поневолѣ признаешься, что отъ такого дыма бываетъ иногда непріятный, тяжелый запахъ и рѣзь въ глазахъ. Такъ было и со мною не одинъ разъ.

Посольская церковь учреждена была графомъ Каподистрія и, служа тремъ цѣлямъ, находилась за городомъ, то сперва въ Рейхенбахскомъ, а потомъ въ Бремгартенскомъ замкахъ, на живописныхъ берегахъ Арвы, невдалекѣ отъ города, отъ виллы Эльфенау и Гофвиля, гдѣ былъ институтъ Фелленберга. Она была въ одно и то же время посольскою, домовою для великой княгини Анны Ѳеодоровны и, какъ бы сказать, образовательною средой для русскихъ воспитанниковъ института, основаннаго преемникомъ Песталоцци, Фелленбергомъ. Графъ Каподистрія вмѣстѣ съ Лагарпомъ предложили императору Александру отправлять русскихъ дѣтей въ это заведеніе, раздѣлявшееся на двѣ школы—высшую реальную и опытную земледѣльческую для туземцевъ изъ простого народа, и чтобы наши воспитанники не были совсѣмъ отчуждены отъ отечества, то постановлено было, чтобы въ нашемъ берн-

скомъ священникѣ имѣли они наставника въ законѣ Божіемъ, въ русскомъ языкѣ и исторіи. Государь одобрилъ это предложеніе графа Каподистрія и предоставилъ ему снестиcя съ петербургскимъ митрополитомъ, дабы сей владыка, избравъ отличнѣйшаго студента изъ духовной академіи, посвятилъ его туда во священники. Съ нимъ отправлена была очень порядочная русская библіотека—учебная, историческая и литературная, и выбраны были также будто бы отличные и нравственные трое молодыхъ придворныхъ пѣвчихъ, изъ коихъ одинъ есть тотъ самый Бондаренко, который съ 1818 года находится и по сей день уже не пѣвчимъ, а статскимъ совѣтникомъ при нашемъ посольствѣ въ Швейцаріи.

Живо представляются мнѣ ежедневныя наши прогулки верхомъ изъ города въ церковь въ продолженіе всей страстной недѣли. Весна была чудесная, воздухъ благорастворенный, земля зеленѣла, цѣпь высочайшихъ Альпійскихъ горъ, и между ними царица—дѣва Юнгфрау, блистала своими ледяными вершинами; несчетное множество каштановыхъ, вишневыхъ, грушевыхъ деревьевъ и яблонь покрыты были полнымъ цвѣтомъ. Все вокругъ насъ благоухало и вмѣстѣ съ нами радовалось. Тутъ, на этомъ роскошномъ просторѣ и мой московскій юноша на время забывалъ объ отечествѣ. За то на церковныхъ стояніяхъ предавался онъ съ жаромъ своему религіозному и народному чувству земными поклонами.

Въ началѣ лѣта 1824 года, лишь только началось ежегодное переселеніе черезъ Альпы на югъ странствующаго люда, подобно періодическому перелету птицъ, отыскалъ меня въ Бернѣ генераль Александръ Александровичъ Волковъ, женатый на Римской-Корсаковой.

Онъ давно зналъ меня по Москвѣ, бывши тамъ во время губернаторства моего дяди Обрескова полицей-мейстеромъ (потомъ, кажется, комendanтомъ, наконецъ до смерти начальникомъ жандармскаго округа). Въ нашей швейцарской того времени, какъ и теперь, столицѣ Волковы намѣревались пробыть одинъ день, много два, но когда попросили они меня показать имъ окрестности, во время этой прогулки встрѣтили мы Крюднера, съ которымъ я ихъ и познакомилъ; они рѣшились принять приглашеніе барона на обѣдъ и остались на цѣлую недѣлю. Чета Волковыхъ была, *humainement parlant*, т.-е. говоря по-московски, люди безукоризненно приличные, изъ высшаго круга, но эта изъ высшаго круга дама не заблагоразсудила отпирать свои чемоданы и разгуливала по окружающимъ городъ прогулкамъ въ дорожномъ платьѣ, измятомъ и не выглаженномъ, въ пелеринкѣ, рукавчикахъ и воротничкахъ подозрительной бѣлизны и свѣжести; генераль, ея мужъ, — въ поношенномъ сюртукѣ и военной фуражкѣ, а сопутствовавшій имъ племянникъ ихъ, юноша, тоже въ какой-то фантастической полудѣтской одеждѣ, изъ которой онъ успѣлъ уже вырасти. Велико-свѣтскія барыни-бернки, каждый день по нѣсколько разъ встрѣчаясь со мной въ ихъ обществѣ, съ злой улыбкой спрашивали, какая это была русская барыня, принадлежала ли она аристократическому кругу, и угадывали, что она, конечно, не изъ Петербурга. Передъ этимъ я только что получилъ отъ Языкова въ рукописи комедію «Горе отъ ума» и тутъ же, при такихъ разспросахъ, съ патріотическою злобой вспомнилъ извѣстные два мѣткіе Грибоѣдовскіе стиха:

Отъ головы до пятокъ

На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.

Тогда я еще не потерялъ привычки краснѣть и страдать за нашу матушку, неряшливую старушенцію. Этимъ, однако, не кончилось негодование мое на путешствующихъ земляковъ, которые не сочли нужнымъ сколько-нибудь приодѣться на обѣдъ у Крюднера. Мы четверо, начиная съ хозяина, т.-е. Крюднеръ, Фурманъ, жившій тогда со мною Бергъ и я, были въ полномъ парадѣ, въ башмакахъ и бѣлыхъ галстукахъ, и, войдя въ гостиную барона минутъ за 20 до назначеннаго часа, нашли Волковыхъ и съ ними ихъ племянника, уже расположившихся въ ожиданіи хозяина, который не рассчитывалъ на раннее нашествіе гостей и былъ непріятно удивленъ ихъ безцеремонными костюмами. Элегантное убранство стола и такая же ливрея одного изъ служителей, внушающая и разфранченная фигура метръ д'отеля и мы, чопорные и накрахмаленные, представляли такой контрастъ съ гостями, что въ первую минуту всѣмъ, даже до слугъ, было неловко. Но генералъ Волковъ былъ добрякъ и человѣкъ не глупый, а жена его красива, по-московски бойка и по-французски рѣчиستا безукоризненно. Скоро все обошлось какъ нельзя лучше. Я проводилъ гостью на знаменитую платформу передъ соборомъ, угостилъ ее мороженымъ и отвелъ домой, а генералъ съ Крюднеромъ отправились въ Grande Société и засѣли въ карты. Таково было первое на меня въ Бернѣ нашествіе двадцати единоплеменниковъ.

Вскорѣ потомъ, въ одно прекрасное утро, докладываетъ мнѣ мой камердинеръ, Тимоша, отворивъ настежъ двери въ кабинетъ, что какой-то, кажется, русскій лакей меня спрашиваетъ. «Кто же онъ? и зачѣмъ?» — «Не говоритъ-съ». Я вышелъ и увидалъ нѣкоего члена англійскаго клуба (московскаго) С. Н. Б., котораго за

его быстрыя движенія и по говору съ запканьемъ, тоже поспѣшному, прозвали тамъ стрѣлою. Стрѣла эта служила прежде въ балтійскомъ флотѣ, оставила его, не вытерпѣвая качки, спрѣчь морской болѣзни, въ некрупномъ чинѣ лейтенанта, стала московскою крупной извѣстностью по крупной игрѣ и отправилась странствовать по бѣлому свѣту на выигранныя деньги. Волковъ передъ Б-мъ былъ франтъ и щеголь; новый мой посѣтитель могъ бы, подставляя измятую свою шляпу, просить милостыню: такъ онъ былъ обиженъ Богомъ и собственнымъ безвкусіемъ. Несмотря на это, я по сочувствію къ землякамъ, отъ котораго еще отстать не успѣлъ, и по добротѣ не безъ глупости (доброта всегда бываетъ съ этою примѣсю) предложилъ ему обычную мою по бернскимъ валамъ утреннюю прогулку, надѣясь, что въ такое время никакой копрометирующей мнѣ встрѣчи не будетъ, что все обойдется благополучно; вышло не то. Не успѣли мы выйти за городъ, повстрѣчалъ я англійскаго министра, который по чему-то очень былъ ко мнѣ расположенъ. Его особенное вниманіе я объясняю себѣ тѣмъ, что онъ не умѣлъ произносить моего имени и что всякій разъ, когда я къ нему приходилъ, камердинеръ, возвѣщавшій меня, перековеркивалъ на разные лады мою фамилію, а хозяинъ, выслушавъ странное какое-нибудь имя, сейчасъ угадывалъ, что это долженъ быть я. На мою бѣду на запканномъ суртукѣ Б. въ петличкѣ были двѣ ленточки, т.е. медали 1812 года, голубая военная и дворянская грошевая. Фешенебельный англичанинъ, спросивъ меня о здоровьѣ, отвѣтъ немногу въ сторону и предложилъ вопросъ о моемъ спутникѣ. «Мой знакомый, отставной флотскій офицеръ». — «Откуда?» — «Изъ Москвы». — «Я люблю вашу

Москву», сказалъ англичанинъ. «Проѣздомъ изъ Персін я жилъ въ ней нѣсколько времени и помню радушное гостепріимство вашего стариннаго города.» Все это было мнѣ давно извѣстно, и я спѣшилъ какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него, но онъ потребовалъ, чтобы я представилъ его Б. Дѣлать было нечего. Моя стрѣлка какъ-то особенно заострилась и раскраснѣлась отъ неожиданнаго удовольствія. Б. уѣзжалъ послѣ обѣда, и я былъ увѣренъ, что все это тѣмъ и кончится. Мы забрались вдаль, и когда часа черезъ два пришли въ гостиницу, нашли у Б. въ номерѣ карточку министра и пригласительный печатный билетъ на другой день у него обѣдать. «Такъ какъ вы ѣдете сегодня, — сказалъ я, — я отнесу вашу карточку и за васъ извинюсь». «Помилуйте, я непременно хочу обѣдать; такая честь случается мнѣ впервые. Я непременно буду». «Да у васъ нѣтъ приличнаго костюма». «У меня есть фракъ, почти не ношенный». «А шляпа, бѣлый галстукъ, шелковые чулки, башмаки? Вѣдь этого навѣрно у васъ нѣтъ, да и зачѣмъ вамъ таскать съ собою такіе наряды?» «Да развѣ всего этого нельзя купить въ Бернѣ съ вашей помощью?» «Вотъ охота! увѣряю васъ, что обѣдь будетъ для васъ прескучный». «Нѣтъ, батюшка, нѣтъ. Я былъ два дня въ Плимутѣ и знаю самъ, что англичане ѣдятъ хорошо, а пьютъ еще лучше». «Да помилуйте, мы за третью часть тѣхъ денегъ, которую вы издержите на вашъ нарядъ, можемъ отлично пообѣдать и даже съ выпивкой. Намъ вдвоемъ въ гостиницѣ, гдѣ меня знаютъ, обойдется все это очень недорого». «Опять-таки нѣтъ! Я у министровъ никогда не обѣдалъ и, можетъ статься, такого случая и не будетъ. Пойдемте-ка покупать». Зайдя по дорогѣ домой, я, разумѣется, на-

шелъ и у себя приглашеніе на обѣдъ, а покуда мой охотникъ до министерскихъ обѣдовъ примѣривалъ себѣ башмаки и выбиралъ шляпу и пр., заѣзжалъ я къ Крюднеру узнать, приглашенъ ли онъ. «Что это значитъ, — встрѣтилъ меня такими словами баронъ, — третьяго дня мы, кажется, съ вами обѣдали въ Англіи, а завтра опять?» «Эта бѣда на мою голову!» Я рассказалъ ему и какая была встрѣча, и что за чудакъ былъ встрѣченный мною и приглашенный. «*Qui nous délivrera des grecs et des romains?* Когда же, наконецъ, избавите вы меня и себя отъ вашихъ пріятелей?» сказалъ мнѣ баронъ. «Бога ради извините, а теперь дѣлать нечего. Не могу же я сломить ему шею или переломить ногу! Онъ непременно хочетъ обѣдать у министра. А вамъ, баронъ, я посоветовалъ бы не быть на этомъ обѣдѣ. Я предчувствую, что онъ безъ отечественнаго скандала не обойдется; пусть же одинъ я буду жертвою, не имѣя права сказать—невинною». — Баронъ меня послушался и на обѣдѣ не былъ.

Я съ моимъ московскимъ чудачкомъ пришелъ ранѣе другихъ посѣтителей въ пріятной надеждѣ, что никакихъ и не будетъ. Не успѣли мы уѣхать, какъ дверь à deux battants растворилась: «*L'Ambassadeur de France!*» возгласилъ дворецкій Vaughan'a, и вошелъ маркизъ де-Мутъ съ обычною своею важностью. Затѣмъ возвѣщаемы были: графъ Таллейранъ - Перигоръ, отставной посолъ Франціи, проигравшій свои пари и потерявшій мѣсто, и іезуитъ d'Olri, сардинецъ Базень (Bazin) и, кажется, кто-то изъ бернцевъ. Послѣдовало обычное представленіе моего моряка всѣмъ этимъ знаменитостямъ. Я поспѣшилъ, отведя въ сторону англійскаго секретаря Пакенгама, сказать ему,

что омываю руки отъ всего, что онъ увидить и услышитъ отъ моего милаго соотчича, и не могу понять сдѣланнаго ему приглашенія. Хитрый и ловкій на всякую злую шутку французъ де-Мутье, не слишкомъ-то дружелюбно расположенный къ хозяину, тотчасъ, какъ видно, придумалъ, что изъ этого обѣда можетъ онъ сдѣлать себѣ и другимъ потѣху и, когда пошли въ столовую, уступилъ всегда и вездѣ принадлежащее ему первенство русскому гостю, какъ виновнику обѣда, а мой дикарь, не подозрѣвая насмѣшки, пренахально вопреки всѣмъ обычаямъ пошелъ первый и сѣлъ по правую руку хозяина. Я по обыкновенію усѣлся на концѣ стола рядомъ съ Пакенгамомъ. Сѣли мы за столъ часа въ четыре, рассчитывая на лакомый обѣдъ. Б. съ утра, какъ сказывалъ онъ, приготовился лишеніемъ себя завтрака и длинною прогулкой. «*Quelle excellente soupe*», было его первое слово хозяину. «И что за мадера! И что за портеръ!» Радужный хозяинъ принялся потчевать его по-московски, вспоминая тамошнія ему самому угощенія; и четверти часа не прошло, какъ моимъ гостемъ овладѣла какая-то восторженность. Маркизь накинута на него съ вопросами о Россіи, въ чемъ помогалъ ему и простодушный Таллейранъ. До меня доходили, несмотря на то, что я не старался слушать и завелъ длинный разговоръ съ секретаремъ, отвѣты заикающагося Б., который вдругъ началъ объяснять имъ во всѣхъ подробностяхъ, какое значеніе имѣютъ у насъ и государственный совѣтъ, и комитетъ министровъ, и сенатъ, и синодъ. Не понимая нисколько различія между высшими правительственными учрежденіями, въ отвѣтахъ своихъ онъ все болѣе и болѣе путался, не владея французскимъ языкомъ, сбивался въ словахъ и, по-

степенно упиваясь крѣпкими винами, сердился на самого себя до того, что у него начали прорываться русскія слова, и я, наконецъ, къ ужасу своему, услышалъ одно «чортъ возьми», вырвавшееся изъ устъ его. Такія рѣчи развеселили смутившагося было вначалѣ хозяина и возбудили всеобщій хохотъ, которому, утишивъ мой гнѣвъ, предался и я съ молодыми моими товарищами Фурманомъ и Пакенгамомъ. По милости Б. хмельной разгулъ овладѣлъ всѣми и, чего никогда ни у какихъ министровъ на чопорныхъ обѣдахъ не бывало, нашъ великобританскій амфитріонъ велѣлъ снять со стола приборы и поставить десятокъ бутылокъ съ разными возбуждательными къ питью припасами. Кончилось тѣмъ, что подняли Б. изъ-за стола и отвезли домой, а меня и хозяинъ и гости благодарили за доставленное имъ удовольствіе знакомствомъ съ такимъ интереснымъ русскимъ. Я было понадѣялся, что проспавшемуся Б. будетъ совѣстно оставаться долѣе въ Бернѣ, но онъ наткнулся на генерала Волкова, знакомаго ему также по клубу, и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ играть въ Grande Société, тамъ они встрѣтились съ Крюднеромъ, и всѣ трое, охотники сражаться за зеленымъ столомъ, предались на цѣлую недѣлю этому полезному и пріятному занятію. Сколько помню, Б. очень былъ доволенъ своимъ порядочнымъ выигрышемъ, но недоволенъ былъ тѣмъ, что никто изъ дипломатовъ обѣдовъ ему уже не давалъ.

Послѣ такого образчика русскихъ путешественниковъ я могу и почти обязанъ описать цѣлый рядъ другихъ, ни въ чемъ непохожихъ.

Сколько могу припомнить, всѣ эти посѣщенія въ Бернѣ русскихъ путешественниковъ долженъ я отнести къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 1824 и 1825 гг., и всѣ

почти посятители, начиная съ Волкова, были для меня старыми знакомыми. Въ маленькомъ и скучномъ городкѣ, какимъ былъ тогда Бернъ, натыкались они на меня очень просто. Пріѣзжій отъ нечего дѣлать заведетъ бесѣду съ половымъ или кельнеромъ, и тотъ перечесть ему фамиліи чиновниковъ посольства, ну и давай сюда Свербеева. Барыня за нимъ посылаетъ, а баринъ является самъ. О порядкѣ ихъ появленія прошу не спрашивать. Начну съ Тургеневыхъ и первой встрѣчи съ лучшимъ нашимъ изъ настоящихъ писателей Ив. Серг. Тургеневымъ. Родители его, очень богатые орловскіе помѣщики, путешествовали съ двумя мальчиками, а матушка ихъ, урожденная Лутовинова, считаясь родственницей Марьи Васильевны Обресковой (моей тетушки), вытребовала меня къ себѣ, и мнѣ было очень пріятно съ этою семьей познакомиться, но я не сталъ бы упоминать объ нихъ, если бы черезъ десятки лѣтъ не вспомнилось мнѣ одно обстоятельство, которое выставяетъ отчасти широту русскихъ нравовъ. Въ началѣ эмансипаціи писатель Тургеневъ сказалъ однажды при мнѣ, что очень желалъ бы продать свой серебряный вызолоченный сервизъ, которымъ матушка его хвасталась передо мною въ Бернѣ и что - то изъ него показывала, объявляя, что она заплатила за него въ Парижѣ 20.000 фр.; съ тѣхъ-то поръ хранился онъ почти 40 лѣтъ въ семьѣ и ни разу не былъ въ употребленіи. Въ продолженіе 40 лѣтъ выросло бы 80.000 сер.; когда я указалъ на такой расчетъ поэту, онъ поморщился.

За ними явился ко мнѣ лѣтъ 20 съ небольшимъ юноша, князь Ееодоръ Александровичъ Щербатовъ (старшій братъ моей жены), котораго я зналъ довольно коротко по моимъ родственнымъ связямъ. Онъ

сообщить мнѣ о смерти своей родной, а моей двоюродной по мужу сестры Обресковой, самъ показался мнѣ больнымъ, чахоточнымъ и очень грустнымъ. Я никакъ не могъ подозрѣвать въ то время, чтобы онъ тогда уже былъ завербованъ въ тайное общество, изъ котораго вышли декабристы. О томъ, что принадлежалъ онъ къ нимъ, узналъ я только послѣ его смерти. Въ общество приняли его 19 лѣтъ и когда онъ былъ уже адъютантомъ командующаго всею гвардіей Уварова. Корифеи тайнаго общества не задумываясь губили юношей и преимущественно тѣхъ, которые принадлежали лучшимъ фамиліямъ, имѣли хорошее состояніе и впереди видную карьеру. Князь Осодоръ возвѣстилъ мнѣ скорый пріѣздъ въ Бернъ Чаадаева, своего родственника и мнѣ когда-то знакомаго, и своими разговорами о Россіи далъ мнѣ первый понятіе о нерасположеніи къ правительству всей военной молодежи, о неистовствахъ Аракчесва, о мистической апатіи императора Александра и т. д. Прибыль, наконецъ, и Чаадаевъ и возобновилъ знакомство, сдѣланное мною еще въ моемъ дѣтствѣ, когда самъ онъ былъ 16-тилѣтнимъ юношей. Я тогда имѣлъ обыкновеніе обѣдать ежедневно за небольшимъ общимъ столомъ, за которымъ соединялся нашъ тѣсный кружокъ, состоявшій изъ Фурмана, глухого Guigerd, одного англичанина Story и самого барона Крюднера, а впоследствии Берга. Устраивались эти обѣды у пожилой бернки, носившей полный свой крестьянскій костюмъ, m-me Nops, а потому прозваны они были, хотя весьма непривѣтливые и по цѣнѣ недорогіе, за 3 франка, Nops et Festin. Послѣ обѣда затѣвалась Крюднеромъ игра на большія деньги въ экарте и въ кости. Въ игрѣ участвовали почти по-

стоянно приходившіе къ концу обѣда: Буркене, французскій отставной генераль Шаванъ, префектъ бернской полиціи Герцензе-де-Графенридъ и кое-кто другіе изъ охотниковъ. Часто игра оканчивалась порядочно выпивкой, никогда, однако, не доходившей до безобразія.

Я говорю объ этихъ обѣдахъ такъ долго, потому что они долгой и скучной зимой были для всѣхъ лучшимъ развлеченіемъ, да и начинались и прекращались довольно курьезнымъ образомъ. Когда, бывало, Крюднеръ получить треть своего жалованья, то онъ съ перваго же дня приглашаетъ къ себѣ обѣдать насъ, подчиненныхъ, даже и Бондаревскаго. Пройдетъ недѣли двѣ, баронъ ferme la boutique, запираетъ свою кухню и отправляется съ нами вкушать нашу обычную скромную пищу, убѣдись, что его обѣды съ прихотливымъ угощеніемъ, дорогими винами становились ему не по средствамъ. На эти-то обѣды и въ этотъ-то кружокъ ввелъ я красиваго Чаадаева, который всѣхъ поражалъ недоступною своею важностью, безукоризненною изящностью своихъ манеръ, одежды и загадочнымъ молчаніемъ. Онъ ни на одну минуту не забывалъ держать себя въ заданной позѣ, часто ссидилъ всѣхъ собесѣдниковъ тѣмъ, что, отказываясь отъ предлагаемаго ему вина, за десертомъ требовалъ себѣ бутылку лучшаго шампанскаго, выпивалъ изъ нея одну или двѣ рюмки и торжественно удалялся. Мы, конечно, совѣстились пользоваться начатой бутылкой, хотя на нее, бывало, и покушался Бергъ. По вечерамъ Чаадаевъ и к. Щербатовъ собирались на чай ко мнѣ, а потомъ присоединялись къ нимъ у меня и другіе знакомые русскіе: Григорій Римскій-Корсаковъ, отставной гусарь Молоствовъ и славный человѣкъ, сми-

ренникъ Бахметевъ. Изъ всѣхъ мною поименованныхъ осталось насъ въ живыхъ только трое: Бахметевъ, Бергъ и я. На вчерашъ у меня Чаадаевъ, оставившій службу почти поневолѣ и очень недовольный собой и всѣми, въ немногихъ словахъ выражалъ все свое негодованіе на Россію и на всѣхъ русскихъ безъ исключенія. Онъ не скрывалъ въ своихъ рѣзкихъ выходкахъ глубочайшаго презрѣнія ко всему нашему прошедшему и настоящему и рѣшительно отчаявался въ будущемъ. Онъ обзывалъ Аракчеева злодѣемъ, высшихъ властей военныхъ и гражданскихъ—взяточниками, дворянъ—подлыми холопами, духовныхъ—невѣждами, все остальное—коснѣющимъ и пресмыкающимся въ рабствѣ. Однажды, возмущенный подобными преувеличиваніями, я напомнилъ ему славу нашей отечественной войны и побѣды надъ Наполеономъ и просилъ пощады русскому дворянству и нашему войску во имя его собственнаго въ этихъ подвигахъ участія. «Что вы мнѣ рассказываете! Все это зависѣло отъ случая, а наши герои тогда, какъ и гораздо прежде, прославлялись и награждались по прихоти, по протекціи». Говоря это, Чаадаевъ вышелъ изъ своей тарелки и раздражился до нельзя. Такимъ, иногда выказывался онъ до самой смерти и изрѣдка случалось даже и ему выходить изъ предѣловъ приличія; такъ было и въ этотъ вечеръ. «Вотъ, господа, прославляющіе свою храбрость и свой патріотизмъ, я приведу вамъ въ примѣръ»...—на этихъ словахъ онъ призадумался: «Ну, да, примѣръ моего отца. Въ шведскую войну, при Екатеринѣ, оба они съ Чертковымъ были гвардейскими штабъ-офицерами и за то, что во время жаркаго боя спрятались за скалой, получили георгиевскіе кресты. Имъ какой-то фаворитъ покровительствовалъ, да и надобно почему-то

было, чтобы гвардейскіе полковники воротились въ Петербургъ съ явными знаками отличія за храбрость». Можете себѣ представить, что при подобныхъ взрывахъ негодованія, выражаемаго умнымъ и просвѣщеннымъ Чаадасвымъ говорилось другими моими почитателями и до чего доходили наши крики и ссоры. Ссоръ, однако, не было, хотя чуть-чуть не дошло до двухъ, порядочно крупныхъ, по недоразумѣнію. Однажды исполнилъ между нами по росту и красавецъ по русскому благообразію, Григорій Корсаковъ, выгнанный изъ гвардіи за то, что куда-то появился незастегнутый на всѣ крючки въ воротникъ своего мундира, рассказывалъ что-то о лифляндцахъ нехорошее и получилъ отъ Берга въ отвѣтъ: «вы врите, полковникъ». Странный отвѣтъ объяснился совершеннымъ незнаніемъ Берга русскаго языка. Въ другой разъ, возвратившись изъ небольшой загородной поѣздки, Молоствовъ, недовольный своимъ извозчикомъ, назвалъ его мерзавцемъ-фурманомъ; нашъ секретарь посольства, не разслыхавъ въ чемъ было дѣло, тоже было обидѣлся.

Не знаю, почему Фурманъ не нравился никому изъ русскихъ, особенно же Молостovu. Онъ очень былъ доволенъ, узнавъ, что у нашего секретаря есть братья, и увѣрялъ что ихъ вмѣстѣ нельзя уже называть Фурманами, а во множественномъ—Führleute. Гусарскій полковникъ Молоствовъ былъ родомъ изъ Казани, отецъ у него былъ, видно, большой чудакъ, назывался Христофоромъ и надавалъ странныя имена и своимъ сыновьямъ. Когда для нашихъ бесѣдъ по-русски понадобилось узнать имя и отчество моего доселѣ незнакомаго гусара, онъ назвалъ себя Парфамиромъ Христофоровичемъ; я ему не повѣрилъ и предложилъ парн. «Ну такъ вы еще больше удивитесь, еще менѣ

мнѣ повѣрите, когда я назову одного изъ моихъ братьевъ Экзакустодіаномъ». Я прибавилъ къ предлагаемому пари еще одну бутылку шампанскаго. «Идетъ, только вы проиграете. Есть у васъ адресъ-календарь? Справьтесь между полковниками лейбъ-гусарскаго полка». Оказался онъ правъ, и мы на другой день у m-me Nops мой проигрышъ роспили. Чудакъ былъ этотъ Молоствовъ, вполнѣ, что называется, славный малый и острякъ, а къ тому же по-тогдашнему и либераль. Вотъ, между прочимъ, самимъ имъ рассказанный о себѣ анекдотъ: «Возвращаюсь я не очень давно изъ отпуска въ Петербургъ; разбитый адскою дорогою то по мостовой, то по бревнамъ въ тряской моей бричкѣ и преголодный приѣзжаю на станцію въ Бронницы. Тамъ, вы, господа, знаете, смотритель кормить такъ хорошо, какъ нигдѣ на всемъ пути. Какимъ-то чудомъ онъ женился на англичанкѣ, и она-то приучила всѣхъ проезжающихъ у нихъ останавливаться, отдыхать и прохлаждаться. Вотъ и я заказалъ ей хорошій обѣдъ. Пока его стряпали рядомъ въ небольшой чистенькой кухнѣ, за перегородкой отъ комнаты для проезжающихъ, часто проходила оттуда мимо меня рослая, въ красивомъ сарафанѣ, опрятно одѣтая, ражая дѣвка, такъ что я ею залюбовался. «Что она, родная тебѣ или приемышъ?» спросилъ я у смотрителя. «Какая родня! просто раба. Я ее купилъ на имя моего родственника, вышедшаго въ дворяне». Такой отвѣтъ вывелъ меня изъ терпѣнія. «Какъ ты смѣешь называть кого-либо рабой? не знаешь, что это запрещено закономъ? Рабовъ въ Россіи нѣтъ! Онъ было вздумалъ еще возражать, и я поколотилъ его порядочно».

Надобно было видѣть въ эту минуту Чаадаева. Этотъ нашъ Басманный мудрецъ, (какъ его послѣ назы-

вали въ Москвѣ, когда онъ выставялъ въ началѣ своихъ писемъ, какъ дату, эту улицу), тогда еще не имѣлъ за собою никакого литературнаго авторитета, но Богъ знаетъ почему и тогда уже, послѣ своей семеновской катастрофы, налагалъ своимъ присутствіемъ каждому какое-то къ себѣ уваженіе. Все передъ нимъ какъ будто преклонялось и какъ бы сговаривалось извинять въ немъ странности его обращенія. Люди по-проще ему удивлялись и старались даже подражать неувимымъ его особенностямъ. Мнѣ долго было непонятно, чѣмъ могъ онъ надувать всѣхъ безъ исключенія, и я рѣшилъ, что вліяніе его на окружающихъ происходило отъ красивой его фигуры, поневолѣ внушавшей уваженіе. Вотъ одна изъ его странностей того времени. Возилъ онъ съ собою повсюду своего камердинера, Ивана Яковлевича; онъ былъ созданъ по образу и по подобію своего барина, настоящимъ его двойникомъ, одѣвался еще изысканнѣе, хотя всегда изящно, какъ и самъ Петръ Яковлевичъ, все имъ надѣваемое стоило дороже. П. Я., показывая свои часы, купленные имъ въ Женевѣ, приказывалъ Ив. Як. принести свои, и дѣйствительно выходило, что часы Ивана были вдвое лучше часовъ Петра. О первомъ говорится и въ статьѣ у Жихарева, и мое самое главное возраженіе пріятелю моему, автору этой статьи, уничтожающему сказанія мои о поѣздкѣ Чаадаева въ Троппау увѣреніями, что онъ, курьеръ Чаадаевъ, ѣздилъ на перекладной, а не въ коляскѣ, какъ я сказывалъ, основывается на томъ, что, по словамъ же Жихарева, Петру Яковлевичу сопутствовалъ Ив. Як. и что ни тотъ, ни другой на перекладной ѣхать бы ни за что не согласились, а оба вмѣстѣ и не умѣстились либо не доѣхали, и что, слѣдовательно, ѣхали они въ коляскѣ

и умывались и переодѣвались непременно въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ.

На Крюднера Чаадаевъ наводилъ какой-то страхъ. Баронъ иногда захаживалъ ко мнѣ, чтобы послушать, что между нами говорится, но дѣлалъ онъ это, я въ томъ убѣжденъ, просто изъ одного любопытства. Русскихъ моихъ пріятелей появленіе его не стѣсняло, они не отличались учтивостью и продолжали толковать на отечественномъ языкѣ, не очень-то знакомомъ Крюднеру. То же дѣлали они и тогда, когда кто-либо изъ моихъ товарищей, секретарей другихъ посольствъ, ко мнѣ забѣгалъ. Если же, по моей просьбѣ, заговаривали они по-французски, то ихъ рассказы и мнѣнія о Россіи такъ были противоположны всѣмъ принципамъ Священнаго союза, которымъ всѣ, кромѣ англичанъ, дипломаты тогда еще руководствовались, что я, какъ хозяинъ, рѣзкими сужденіями моихъ соотчичей былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Крюднеръ чаще прежняго повторялъ мнѣ свою фразу: «*Qui nous délivrera des Grecs et des Romains?*» По тѣмъ же причинамъ, т.-е. по ихъ русской привычкѣ отзываться о Россіи и о политикѣ съ излишнею откровенностью, не могъ я водить нашихъ путешественниковъ въ бернскій клубъ или *Grande Société*,—отъ нихъ разбѣжались бы либо самихъ ихъ выгнали мои пожилые благонамѣренные патриціи. Не менѣе невозможно мнѣ было запереть двери моимъ по службѣ товарищамъ, и вотъ, къ великому удовольствію Крюднера рѣшилъ я бѣжать въ Женеву и пригласилъ съ собой смиреннаго Бахметева.

Пора, давно пора, однако, воротиться назадъ къ рассказамъ, до сихъ поръ не начатымъ, о томъ бернскомъ обществѣ, въ которомъ я вращался и въ коемъ, что ни говори, а все-таки игралъ одну изъ ролей, хотя и

второстепенныхъ. Начну съ самихъ бернцевъ и старѣйшихъ между ними по званію авоуг'овъ, графа Мюллинена, вездѣ *графа* кромѣ Швейцаріи, и Ватвилля, обоихъ кавалеровъ прусскаго ордена чернаго орла, по принятому въ Швейцаріи обычаю не украшавшихъ себя этимъ отличіемъ ни въ городѣ, ни во всей своей странѣ; но вѣдь прежде надобно досказать о моихъ не совсѣмъ-то пріятныхъ пріятеляхъ. Я былъ какимъ-то для нихъ магнитомъ: всѣ они разомъ послѣ нашего съ Бахметевымъ переѣзда въ Женеву туда же за нами переселились. Мы рѣшились жить съ Николаемъ Θεодоровичемъ попросторнѣе и въ Escu de Genève кромѣ общей спальни взяли себѣ одну изъ лучшихъ гостинныхъ отеля съ видомъ на бирюзовую Рону и лазуревое озеро. Въ этой же гостиницѣ помѣстились и мои русскіе, и налагавшій на всѣхъ насъ свою державную десницу. Голяеъ Корсаковъ изъ нашей пріемной комнаты учредилъ русскій клубъ, въ который, не дожидаясь приглашенія хозяевъ, изволили приходить съ ранняго утра не только эти знакомые намъ господа, но и ихъ знакомые, и тѣ изъ русскихъ, съ которыми они знакомились на пароходахъ и на гуляньяхъ. Входъ былъ для всѣхъ свободенъ, никто не думалъ спрашивать, дома ли хозяева. Непрошенныхъ гостей встрѣчали мы у себя, приходя къ себѣ. Все бы это было еще сносно, если бы не представляло двухъ неудобствъ, одного съ практической, другого съ нравственной стороны. Давно извѣстно, что цивилизованные русскіе не могутъ жить безъ картъ. Мы съ Бахметевымъ тоже играли по небольшой въ вистъ и покрупнѣе въ экарте. Около полуночи уговаривали мы Корсакова и его свиту дать намъ покой и убираться спать; онъ отвѣчалъ, что намъ никто не мѣшаетъ отправляться въ

нашу спальную, и игра продолжалась безъ насъ до ранняго утра. Каждый требовалъ себѣ изъ буфета, что ему вздумалось, и каждый, конечно, платилъ самъ, но я плохо вѣрилъ въ аккуратность кельнеровъ и предвидѣлъ, что придется и намъ за нихъ поплатиться. Нравственное неудобство выказалось еще рѣзче. Наши насильники обрѣли гдѣ-то русскаго живописца, ѣхавшаго на казенный счетъ въ Римъ, и въ день его отъѣзда въ Италію съ утра завели его къ себѣ, т.-е. къ намъ, и дочиста обыграли. Тутъ не могло быть никакого мошенничества, обыгравшіе не хотѣли даже брать съ него денегъ, но у русскаго художника оказалась амбиція, и обыгранный настоялъ на томъ, чтобы расплатиться, оставивъ себѣ по расчету денегъ въ обрѣзъ, только чтобы добраться до Рима. Узнавъ объ этомъ ночномъ происшествіи въ нашемъ клубѣ, мы рѣшились съ Бахметевымъ разойтись и сборище это уничтожить, и тотчасъ послѣ этого наши перелетныя птицы улетѣли.

Теперь примемся за авоуге'овъ и бернское общество. Очень бы желалъ я вести мой разсказъ въ постепенномъ порядкѣ. Не помню, говорилъ ли я, или нѣтъ, что тотчасъ же по выѣздѣ моемъ въ Бернъ пошелъ я напередъ знакомиться съ Фурманомъ, а не являться начальнику миссіи, Крюднеру, оттого, что я пріѣхалъ вечеромъ. Новый товарищъ по службѣ предостерегъ меня отъ повторенія моихъ неловкостей въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, сказавъ, что мундирнаго представленія не нужно, и въ то же время не скрылъ отъ меня, что я успѣлъ уже сдѣлать съ своей стороны другую непоправимую неловкость, не написавъ отъ себя барону о назначеніи меня къ его миссіи, что всѣми обыкновенно дѣлается. На другой же день по

моемъ приѣздѣ Крюднеръ сдѣлалъ со мною обычные визиты двумъ авоуер'амъ и французскому послу, тогда еще Таллейрану. Оба первые скромно помѣщались въ одномъ, говоря по-нашему, казенномъ домѣ на площади, вблизи отъ кафедральной церкви. Домъ этотъ называли Stift, и теперь передъ нимъ поставленъ памятникъ великому авоуер'у Эрлаху, а соборная древняя готическая церковь, какъ и многія въ Германіи, прозывалась Münster, и передъ ней посреди небольшой террасы или платформы, обсаженной великолѣпными каштанами, воздвигнутъ памятникъ въ 30-хъ уже годахъ основателю Берна герцогу Церингенскому, который въ средніе вѣка былъ обладателемъ большого пространства Южной Германіи, владѣтелемъ Стутгарта, а если не ошибаюсь, то и родоначальникомъ нынѣшней виртембергской династіи. Одинъ изъ двухъ авоуер'овъ, старичокъ Мюллиненъ, еще со временъ прошлаго столѣтія пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ своемъ кантонѣ и во всемъ краѣ и былъ человѣкъ неоспоримо умный и глубоко образованный. Онъ помогалъ Каподистрія въ пересозданіи швейцарской конституціи въ 1814 и 1815 годахъ и, сравнительно съ другими патриціями Берна, смотрѣлъ менѣе враждебно на отдѣленіе, требуемое условіемъ времени, отъ Бернскаго кантона подвластныхъ ему двухъ кантоновъ. О товарищѣ его Ватвиллѣ говорили, какъ о человѣкѣ, несравненно менѣе способномъ занимать такое высокое званіе. Зато Ватвилль въ общественной жизни былъ современнѣе. Въ верхнемъ этажѣ дома, занимаемаго Мюллиненомъ, вся обстановка вмѣстѣ съ хозяевами напоминала старое доброе время Швейцаріи и простоту ея нравовъ. Посѣтителямъ, кто бы они ни были, хотя бы французскій по-

солъ, двери отворяла служанка въ крестьянскомъ костюмѣ, она же о нихъ и докладывала. Точно наши старосвѣтскіе помѣщики выходилъ къ нимъ навстрѣчу невзрачный и нисколько не внушающій, но зато добродушный, привѣтливый старичокъ, привлекавшій всѣхъ своею благовоительностью. За нимъ слѣдовала въ старомодномъ костюмѣ и въ головномъ уборѣ, не совсѣмъ похожемъ на чепецъ, его барыня, *madame l'Avouèrre*, всегда напоминавшая мнѣ мою симбирскую бабушку, Татьяну Ивановну Ермолову. Мюллиненъ былъ по стариннымъ обычаямъ хлѣбосоломъ и на первыхъ же дняхъ позвалъ меня съ Крюднеромъ и Фурманомъ запросто у него отобѣдать. Обѣдъ былъ очень патріархальный, какъ и самый костюмъ хозяина. Онъ носилъ постоянно, не измѣняя ни для какихъ торжествъ, кафтанъ, покроя прошлаго вѣка, изъ чернаго толстаго сукна, такой же камзолъ, короткіе штаны и шерстяные или бумажные черные чулки въ башмакахъ съ пряжкой. Даже его манжеты не отличались ни затѣйливыми кружевами, ни особенною бѣлизной. Такой костюмъ почитался въ то время стариннымъ придворнымъ или траурнымъ, но онъ до такой степени былъ въ обычаѣ между старыми французами, что савойцы, по языку тоже французы, на другомъ берегу Женевского озера, всѣ носили точно такую же одежду, кромѣ развѣ рабочихъ. И теперь, я думаю, можно встрѣтить около Эвіана или Тонона сколько-нибудь зажиточнаго крестьянина - собственника въ его треугольной шляпѣ и въ тяжелыхъ башмакахъ съ мѣдными пряжками. У Ватвилля въ томъ же домѣ, напротивъ, все было по-новому: умѣренный, хотя и неуклюжій и не совсѣмъ опрятный швейцаръ и безвкусно, не безъ претензій одѣтая среднихъ лѣтъ

супруга, старавшаяся занимать гостей умными, немного вычурными современными фразами; за то у Ватвилля не было про меня и угощенія.

Авуайеръ Мюллиненъ на цѣлое лѣто удалялся на свою небольшую виллу на Тунскомъ озерѣ. Эта его дача подъ названіемъ Chartreuse существуетъ и теперь въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ была при немъ, и отличается скромнымъ и вмѣстѣ своеобразнымъ вкусомъ прежняго хозяина. Въ ней замѣчательны среднихъ временъ цвѣтныя стекла съ затѣйливыми на нихъ надписями, а при жизни хозяина хранилась тамъ его библіотека съ первопечатными книгами и старинная мебель съ древней, высокоцѣнной рѣзбой. Тамъ я тоже раза два у него обѣдалъ по его приглашенію—«*venir chez lui dîner dans sa campagne et boire du vin de Madère*». Вмѣсто мадеры онъ потчевалъ виномъ изъ своего виноградника—«*du vin de ma terre*». Противоположность въ характерѣ и въ бытѣ между двумя верховными совѣтниками Берна признавалась всѣмъ, и общественное мнѣніе давало предпочтеніе представителю старины. При всей своей скромности Мюллиненъ вѣрилъ и въ свое личное достоинство и въ достоинство своего званія. Ватвилль, напротивъ, важничалъ передъ всѣмъ и въ каждомъ дипломатѣ подозревалъ желаніе его и представляемую имъ маленькую республику унижить—вѣчная слабость мелкихъ умовъ и мелкихъ характеровъ, понятная и потому извинительная въ людяхъ *новыхъ*, т.-е. выскочкахъ изъ нижняго сословія. Ватвилль по древности своего рода нисколько не былъ *homo novus*, но онъ имѣлъ глупость считать свою небольшую страну слишкомъ ничтожною сравнительно съ другими европейскими державами. Мюллиненъ же думалъ иначе и справедливо

гордился, напротивъ, независимостью и древнею свободой своей націи. Скудное жалованье, получаемое отъ кантона этими правителями, было для одного слишкомъ достаточно, для другого слишкомъ мало.

Когда каждый изъ нихъ становился на одинъ годъ, въ теченіе двухъ, въ которые сосредоточивалась вся федеральная власть союза въ Бернѣ, президентомъ швейцарской діэты, получалъ онъ изъ государственныхъ суммъ на расходы *comme frais de représentations* по 4.000 швейцарскихъ франковъ (т.-е. по тогдашнему счету по 6.000 французскихъ). Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ каждого кантона по 2 депутата засѣдали въ Бернѣ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ дипломатами имѣлъ обычай правительствующій *avoüer* (*avoüer rég-nant*) принимать и угощать. На двухъ или трехъ торжественныхъ обѣдахъ насъ всѣхъ разсаживали по карточкамъ промежду швейцарскихъ кантонныхъ представителей, и я, не зная еще особенностей Швейцаріи, очень былъ изумленъ, узнавъ отъ сидѣвшаго со мною рядомъ гризонскаго депутата изъ *Coire*, что онъ держалъ тамъ гостиницу, и былъ изумленъ еще болѣе, узнавъ потомъ, что этотъ трактирщикъ носилъ древнюю фамилію *Planta*. Депутатами маленькихъ, самыхъ древнихъ кантоновъ были простые земледѣльцы, носившіе иногда историческія имена. Они выбирались обыкновенно цѣлымъ населеніемъ, собиравшимся по звону колокола подъ открытымъ небомъ на площади главнаго своего города, скорѣе мѣстечка.

У патриарха Мюллинена патриархально справлялись и эти пиршества и съ перваго раза напомнили мнѣ тѣ угощенія, которыя, по описанію Вальтеръ Скотта, давались въ Шотландіи родоначальниками клановъ. Длинный столъ помился подъ тяжестью яствъ, за-

здравные тосты подносились въ огромныхъ кубкахъ, все отличалось количествомъ, но отнюдь не качествомъ. Обѣды эти нескончаемо длились и были нестерпимо скучны. Мы, младшіе чиновники посольства, разсаженные между депутатами мелкихъ кантоновъ, не могли даже бесѣдовать съ ними: ихъ нѣмецкій языкъ былъ совершенно мѣстный. Помню, что однажды противъ меня сидѣлъ Буркене, а между нами на столѣ выставлена была съ начала обѣда въ огромнѣйшихъ размѣрахъ часть дикой козы, du chamois, одно изъ самыхъ уважаемыхъ гастрономами блюдъ и довольно рѣдкое, но это жареное, видно, было давно заготовленное и припахивало. Бѣдный Буркене долго краснѣлъ и блѣднѣлъ, и я, наконецъ, убѣдилъ его выйти изъ-за стола, и самъ охотно за нимъ послѣдовалъ, чтобы ухаживать за товарищемъ. Освѣдомленіямъ затѣмъ о здоровьѣ не было конца. Бернъ имѣлъ ту особенность, что самыя ничтожныя происшествія дня тотчасъ же дѣлались общимъ достояніемъ и производили въ городѣ шумъ.

Обѣды у Ватвилля бывали изысканные, но и на нихъ выказывался онъ съ своей супругой какимъ-то *Boisgeois-Gentilhomme*. Долженъ признаться въ своей слабости: открытіе первой при мнѣ діеты подъ предсѣдательствомъ Мюллинена въ церкви *St. Esprit*, Св. Духа, польстило моему самолюбію, еще не вышедшему изъ ребячества, и отгадайте почему? Мнѣ пришлось этимъ утромъ разыграть такую великую роль, какая выпадаетъ весьма немногимъ. Жилъ я тогда въ самой серединѣ города, далеко отъ квартиры барона Крюднера, близко отъ церкви, гдѣ открывалась діета. Фурманъ надѣвалъ свой мундиръ въ канцеляріи, за мной же прислана была открытая коляска съ ливрейнымъ лакеемъ, и

повезла она меня въ это прекрасное раннее лѣтнее утро по всей длинѣ главной улицы, украшенной знаменами всѣхъ кантоновъ и двумя рядами союзнаго войска всѣхъ оружій, и повезла она меня къ Крюднеру. Лишь только завидѣлъ меня первый барабанщикъ, какъ ударилъ въ свой громкій барабанъ, войска взяли подъ ружье и стали отдавать мнѣ, какъ представителю иностранной державы, всевозможныя воинскія почести, даже съ преклоненіемъ знаменъ. Я подозреваю, что такая овація понравилась Антону барона Крюднера и сидящему съ нимъ рядомъ кучеру, и они нарочно поѣхали медленнѣе, нежели слѣдовало. Надѣюсь, что благосклонные мои читатели простятъ мнѣ подробности такого воспоминанія. Впрочемъ, и тогда уже это торжественное открытіе сдѣлало на меня болѣе серьезное впечатлѣніе, такъ что врѣзалось въ мою память, а теперь въ эту минуту наводитъ на мысль, имѣющую великое значеніе въ будущемъ. Не успѣлъ собраться въ церковь весь дипломатическій корпусъ и размѣститься на мѣстахъ, каждому посольству приготовленныхъ (мы, русскіе, съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ должны были занять самое послѣднее), какъ изъ древняго зданія небольшой бернской ратуши началось торжественное шествіе швейцарскаго сейма при колокольномъ звонѣ, при громѣ пушекъ, звукахъ военной музыки и восторженныхъ народныхъ крикахъ. Представителямъ каждаго кантона предшествовали Huissiers, герольды, одѣтые въ разноцвѣтные плащи по своимъ гербамъ. Эта пестрота могла, пожалуй, казаться и неприличною и смѣшною, а обыкновенная черная одежда депутатовъ, измѣнившихъ свой обыкновенный костюмъ одними треугольными шляпами и шпагами, слишкомъ простою, но и тогда

уже предносимое передъ президентомъ сейма, въ заключеніе процессіи, изображеніе его верховной власти: вмѣсто скипетра — *la main de Justice*, и всего болѣе развѣвующійся федеральный бѣлый крестъ на красномъ полѣ торжественно выражали независимость во имя креста республики и ея свободы, охраняемой всѣми европейскими державами. Много было кровавыхъ войнъ, и, благодаря своему нейтралитету, Швейцарія не принимала въ нихъ участія, и ея знамя не показывалось на полѣ кровавыхъ сраженій. Теперь оно въ послѣднюю чудовищную войну, признанное всѣми сильными державами, виднѣется на мѣстѣ кровавыхъ убійствъ, какъ знамя христіанскаго милосердія.

Не позже, какъ вчера, въ одной изъ нашихъ московскихъ газетъ сказано было, что не менѣе 30,000 человекъ, раненыхъ въ франко-германскую войну, были спасены членами общества краснаго креста, который въ наше время, подобно чудесному *Labarum* (знамени царя Константина), содѣлался знаменемъ побѣды надъ варварствомъ успѣховъ человѣческой свободы и христіанскаго милосердія. Мы увѣрены, что Провидѣніе этому рукотворенному кресту дастъ болѣе силы, нежели древнему, явленному Константину, во имя котораго превратно понимаемое христіанство такъ долго оправдывало кровавыя междоусобія.

Къ сожалѣнію, торжественная процессія привела сеймъ не въ древнее готическое зданіе собора, гдѣ производились передѣлки, а въ небольшую по сравненію съ нимъ реформатскую церковь новѣйшаго построенія, совершенно обнаженную отъ всѣхъ величественныхъ остатковъ средневѣковаго католичества и потому мало соотвѣтствующую такому торжеству. Оно началось древнимъ хоромъ на органѣ и торже-

ственнымъ пѣніемъ, краткой молитвой и скоро окончилось присягой, которую всѣ депутаты единогласно повторяли за предѣвателемъ сейма. Эта присяга произнесена была пятьюдесятью голосами съ такимъ восторгомъ и одушевленіемъ и такъ отчетливо, что скептики между дипломатами, и едва ли не первый между ними былъ французскій посоль, насмѣшливо намекали, что присягавшіе дѣлали наканунѣ репетицію. Насмѣшка однако не удалась; первый изъ швейцарцевъ, который ее выслушалъ, готовъ былъ поплатиться за свою правду жизнью, и чуть-чуть не дошло до дуэли. Жаль, что не имѣю самаго текста присяги, ибо увѣренъ, что древняя простота и искренность этой всенародной клятвы сама по себѣ, несмотря на отсутствіе всѣхъ видимыхъ знаковъ торжественности, убѣдила бы моихъ читателей въ высоконравственномъ ея значеніи. При открытіи діэты не обнаруживалось никакого между швейцарцами различія въ народностяхъ и разновѣріи. Швейцарцы, нѣмцы, французы и итальянцы безпрекословно произносили свои клятвенныя обѣщанія на нѣмецкомъ языкѣ, и тогдашніе католики обходились безъ всякихъ внѣшнихъ формальностей. Единственное между ними и реформатами различіе состояло въ томъ, что католическіе депутаты въ день открытія діэты раннимъ утромъ слушали обычную обѣдню, la Messe du Saint Esprit, и что папскій нунцій при сеймѣ признавалъ, какъ видно, неприличнымъ присутствовать вмѣстѣ съ другими дипломатами при торжествѣ открытія въ еретической церкви.

Начиная описаніе моей общественной жизни въ Швейцаріи, за представленными мною очерками двухъ главныхъ лицъ Бернскаго кантона, авуайэровъ, я долженъ упомянуть о тѣхъ членахъ дипломатическаго

корпуса, имена которыхъ не встрѣчались еще въ моихъ разсказахъ; французскаго посла и его двухъ секретарей, такъ между собою несходныхъ,—прежняго Буркене и іезуита д'Опера, и баварскаго министра д'Олри, ультрамонтана и австрійскаго шпіона, я уже представилъ моимъ читателямъ. Коснувшись Таллейрана, говорилъ я о немъ, но ничего не сказалъ о томъ, какою грустною потерей для всего бернскаго общества было удаленіе его изъ Швейцаріи. Домъ его былъ постоянно открытъ для всѣхъ и привлекалъ своимъ радушіемъ, широкимъ гостепріимствомъ все общество. Трудно было ожидать новому посѣтителю этой гостини, что онъ найдетъ во главѣ дипломатическаго корпуса, въ послѣ, играющемъ первую роль въ маленькомъ городѣ, да еще въ господинѣ Таллейранѣ-Перигорѣ, имя котораго соединялось всегда съ понятіями объ утонченной человѣческой хитрости, французса самаго безхитростнаго, не напыщеннаго и не хвастливаго. Жена его была также довольно еще молода и привлекательна. Я не могу вспомнить теперь собственной ея фамиліи, знатной по происхожденію, знаю только, что ея отецъ и мать во время террора погибли на гильотинѣ, что сама она была спасена преданностью слугъ ея родителей, что деревенской дѣвчонкой, долго не знавшей грамоты, ходила она босикомъ за небольшою стаей индѣекъ и потомъ воспитывалась, по возстановленіи Наполеономъ I религіи, монахинями какого-то монастыря. Проведенное ею дѣтство выгодно отразилось на всей ея жизни, а простота нравовъ и манеръ привлекала всѣхъ ее знавшихъ. Напротивъ, новый посолъ, маркизь де-Мутье, находившійся въ разлукѣ съ женою, жилъ одинокимъ, не потому, какъ самъ говаривалъ онъ, чтобы между ними

существовало какое-либо несогласіе, но единственно потому, чтобы размноженіемъ семейства не довести до бѣдности своего аристократическаго рода, чтобы родъ маркизовъ де-Мутъе процвѣталъ во Франціи. Когда у него родился сынъ, который въ свою очередь недавно былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и потомъ дочь, мужъ и жена сдѣлались братомъ и сестрой. Утверждаютъ, что во Франціи подобный обычай издавна существовалъ, а можетъ быть и существуетъ между знатными французами. Англіійскіе аристократы въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, и нравственнѣе и человѣчнѣе.

По удаленіи изъ Берна четы Таллейрановъ и при совершенномъ опустѣніи великолѣпныхъ сравнительно двухъ гостиныхъ французскаго посольства общество перешло въ скромную пріемную министра Пруссіи. Служившій нѣкогда въ военной службѣ, толстый добрякъ, невшателецъ родомъ, графъ Меузонъ былъ посланникомъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма. Извѣстно, что невшательскій кантонъ издавна, не помню уже на основаніи какихъ правъ, до революціи принадлежалъ прусскому дому, потомъ былъ подаренъ Наполеономъ своему любимцу, маршалу Бертье, и парижскимъ трактатомъ 1814 года возвращенъ былъ Пруссіи и въ то же время считался однимъ изъ швейцарскихъ кантоновъ до 1857 года. Пруссіе короли никогда не злоупотребляли въ немъ своею верховною властью и не мѣшали его кантонному управленію. Комендантомъ Невшательской крѣпости, которой пруссаки почему-то дорожили, былъ одинъ постоянный въ городѣ и кантонѣ прусскій чиновникъ. Гражданскими правителями были избираемы люди изъ тамошнихъ древнихъ дворянскихъ родовъ, которымъ Пруссія да-

вала отъ себя графскіе титулы и ордена. Знатнѣйшіе между ними были два семейства богачей графовъ Порталесовъ и очень небогатыхъ графовъ Meuron. Особенностью Невшательскаго кантона было еще то, что онъ отправлялъ въ Берлинъ небольшой батальонъ, имѣвшій всегда почетное мѣсто въ прусской гвардіи. Въ немъ очень усердно и очень охотно служило Пруссіи невшательское дворянство, не имѣя необходимости, подобно другимъ швейцарскимъ дворянамъ, искать себѣ службы на капитуляціяхъ въ швейцарскихъ отрядахъ, находящихся во Франціи, въ Голландіи, въ Испаніи, въ королевствѣ обѣихъ Сицилій или Неаполѣ, и въ швейцарской гвардіи, и въ войскахъ папы.

Итакъ, повторяю, все наше небольшое общество: бернскіе патриціи, дипломатическій корпусъ, примыкавшіе къ нему иностранцы, *des étrangers de distinction*, собирались съ конца осени ежедневно въ прусскомъ посольствѣ, кромѣ, конечно, тѣхъ немногихъ званыхъ вечеровъ, когда оно являлось во всемъ своемъ составѣ въ *Штиффтъ* или палатахъ авуайэровъ, либо у тѣхъ изъ патриціевъ побогаче и поважнѣе, которые вмѣняли себѣ въ обязанность разъ или два въ сезонъ угощать высшее общество въ тѣсныхъ, душныхъ комнатахъ чаемъ и отличными бернскими кондитерскими лакомствами. Случалось раза два въ зиму и танцевать въ театральномъ залѣ *le jour du réveillon*, т.-е. наканунѣ Новаго года, въ семействѣ Кеннеди, у пребогатой, малорослой, горбатой и преничтожной *Lady Frances Compton*, у которой выпрашивался съ бою балъ въ *Hôtel du Fauson*, и на небольшихъ вечеринкахъ у англійскаго генерала Фе, и у красавицы, вдовы или разводной не знаю, *Lady Webster*. Въ мое время во всей Швейцаріи существовали еще отъ среднихъ вѣ-

ковъ оставшіеся законы въ охраненіе нравовъ и обузданіе роскоши, *lois somptuaires*. Ворота нѣкоторыхъ городовъ окружались бастіонами и закрывались въ 8 часовъ вечера. Въ Бернѣ затворялись они для каждаго входящаго въ городъ въ 11 часовъ, въ Женевѣ—въ полночь. Такая постепенность на пути прогресса наблюдалась и въ нравственномъ отношеніи, въ отношеніи къ танцамъ. Въ маленькихъ кантонахъ и даже въ Солотурнѣ и Фрибургѣ, довольно большихъ католическихъ городахъ, дозволялось плясать до 8 часовъ вечера; въ Цюрихѣ и Люцернѣ, городахъ большихъ, куда поочередно переходили, танцовать можно было до 9, въ Бернѣ же до 10 часовъ, а въ Женевѣ до 12. Только однажды въ годъ, наканунѣ Нового года, уже все городское общество, т.-е. наше и высшая буржуазія, справляло праздникъ большимъ баломъ въ редутѣ и имѣло исключительное право веселиться до 3 часовъ утра. Городская полиція не дерзала мѣшать дипломатамъ просиживать у себя съ гостями до глубокой ночи, но, охраняя свои обычаи, она строго исполняла свои законы, подвергая большому штрафу музыкантовъ, если бы они вздумали играть позднѣе опредѣленнаго часа. И большихъ усилій стоило всему дипломатическому корпусу добиться однажды у правительства, чтобы оно дозволило на балѣ *Lady Compton*, который у нея выпросили, оставаться посѣтителямъ до 3 часовъ, какъ это дѣлалось въ редутѣ. Зато и балъ этотъ, сравнительно роскошный, и исключеніе, для него допущенное, описаны были во всѣхъ швейцарскихъ газетахъ, и иными не безъ порицанія.

Я уже говорилъ однажды о бернской французской труппѣ, пріѣзжавшей на мѣсяцъ изъ Женевы. Чтобы оцѣнить ее по достоинству, мнѣ стоитъ повторить

слышанную мною остроту о московской въ 20-хъ годахъ. Кто-то при мнѣ сказалъ: у насъ въ Петербургѣ театръ прескверный, а о московскомъ нельзя сказать и этого.

Въ зимній сезонъ бывали у насъ въ какой-то консерваторіи общественные и любительскіе концерты. На нихъ собиралось все городское общество; наше дипломатическое пользовалось въ немъ особеннымъ преимуществомъ—занимать первые три ряда кресель и входить бесплатно. Въ залѣ бывало и душно и тѣсно. Молодые бернскіе аристократы помѣщались по стѣнамъ и, стоя кучками какъ можно ближе къ оркестру, блистали своими военными мундирами тѣхъ державъ, которымъ по капитуляціямъ служили. Наши три ряда часто рѣдѣли. Старички правители и ихъ старушки, равно и начальники миссій рѣдко либо на одну минуту въ нихъ показывались, зато мы, юные дипломаты, любили тамъ почваниться: преудобно располагались въ своихъ креслахъ, то и дѣло переходили съ мѣста на мѣсто и постоянно нарочно опаздывали на эти концерты, чтобы наслаждаться уступчивостью толпы и возможностью передъ ней поторжествовать, а нашихъ молодыхъ бернцевъ подразнить, когда они стоятъ и потѣютъ, тѣмъ, что мы роскошничаемъ на просторѣ. Однажды послѣ концерта имѣлъ я презабавную сцену. Изъ всѣхъ дипломатическихъ и правительственныхъ дамъ была и осталась до конца одна преманерная аувайэрша, m-me де-Ватвилль, и никого изъ начальниковъ миссій не было. Секретари, мои товарищи, тоже куда-то скоро разбѣжались, и во всѣхъ этихъ трехъ рядахъ видна была одна парочка: я, еще новичокъ въ Бернѣ, и эта, очень пестро одѣтая, первѣйшая дама, «особа» Берна. Прочитавъ

незадолго передъ этимъ напечатанное полиціей распоряженіе, въ какомъ порядкѣ, т.-е. съ какой стороны должны подъѣзжать экипажи къ подъѣзду театра и концертному залу, я еще не успѣлъ узнать, что къ нимъ и всего-то подъѣзжала иногда одна только карета нашей великой княгини, и потому за отсутствіемъ старшихъ нашелъ приличнымъ проводить *m-me de Watvill* до предполагаемаго ея экипажа. По высокой лѣстницѣ сошли мы съ нею въ сѣни въ виду толпы, почтительно уступавшей намъ дорогу, и вмѣсто ливрейнаго лакея молоденькая служанка надѣла на нее мантилью, поспѣшно зажгла фонарь, а мнѣ вручила огромный зонтикъ. Подъ нимъ подъ сильнымъ осеннимъ дождемъ провелъ я черезъ площадку мою даму, все ожидая экипажа. Но вотъ мы съ нею вошли подъ арки бернскихъ домовъ, и горничная пошла впередъ съ своимъ фонарикомъ, а я увидалъ не безъ досады, что долженъ былъ проводить пѣшимъ образомъ мою спутницу до ея жилища, то распуская, то опуская мой зонтикъ на переходахъ черезъ поперечныя улицы. Не мало смѣялись надо мною мои товарищи, поздравляя меня съ такою великою честью и съ такимъ успѣхомъ у *авуайэрши*. Въ этотъ же самый вечеръ позабавились надо мною насчетъ *авуайэрши* и у *m-me de-Meucon*, у которой подъ конецъ вечера нашелъ я запоздалое наше интимное ежедневное общество. Мужъ былъ флегматикъ и, какъ я уже сказалъ, добрякъ, гораздо болѣе швейцарецъ, чѣмъ прусакъ, представитель гогенцоллернской дипломатіи. Графиня жена его, урожденная *m-me Wildich*, была женщина лѣтъ за 40, небольшого роста, довольно полная и симпатичной наружности. Съ ней жили двѣ дѣвочки: родная племянница, премолоденькая, прехо-

рошенькая блондинка, m-lle Emma de-Roeder, и ея подруга, постарше, тоже бѣлокурая, не больно красивая, за то граціозная и премоило насмѣшливая, m-lle Meissner. Къ этимъ тремъ хозяйкамъ дома, какъ пчелы къ цвѣтамъ, слетались сколько возможно чаще юные дипломаты: Фурманъ, я, а потомъ и Бергъ, Буркене, прусскій секретарь и примкнувшій къ намъ глухой Guingens de la Lasarrat, общій всѣмъ пріятель.

Изъ другихъ дамъ сходились на вечернюю бесѣду miss Кеннеди, m-lles Sophie et Jeanne Kennedy. Средняя была очень милая англичаночка. Ею особенно занимался, и даже серьезно, Guingens. Фурманъ былъ въ дружбѣ съ m-lle Meissner, а я, по наговорамъ и сплетнямъ бернскихъ дамъ и двухъ-трехъ старичковъ, чуть-чуть не началъ горѣть любовью къ m-lle Emma, убѣдивъ себя, Богъ знаетъ почему и зачѣмъ, что я моими ухаживаніями обязанъ былъ нѣкоторымъ образомъ исполнить долгъ, налагаемый на меня общественнымъ мнѣніемъ. Изъ этого составилъ цѣлый маленькій эпизодъ моего бернскаго пребыванія.

M-lle Emma de Roeder была прехорошенькая, свѣженькая, какъ только что распустившійся цвѣтокъ, блондинка съ голубыми глазами, много обѣщающими; она была прелестно наивна. Ей много надоѣдалъ своими любезностями угловатый и грубоватый Schafgotsch, и моя съ нею короткость, очень понятная при ежедневныхъ посѣщеніяхъ, началась съ того, что она стала мнѣ жаловаться на его преслѣдованія. Нашу короткость тотчасъ же замѣтили нѣкоторыя дамы и особливо пріятельница Эммы, подруга ея, m-lle Meissner, m-lle Sophie Kennedy и мечтательная Ida Fischer, и начинавшееся между нами сближеніе, весьма невинное, какъ бы сговорясь между собою, пытались развивать до романа.

Когда бывали мы вмѣстѣ съ Эммою на какомъ-нибудь большомъ вечерѣ, непременно одна изъ сочинительницъ романа встрѣчала меня извѣстіемъ, что меня уже ждуть, а ее—что я уже тутъ или сейчасъ буду. Надо было на мою бѣду пристать къ этимъ чувствительнымъ сплетницамъ чувствительному старику Guingens, отцу моего пріятеля. По непрощенной дружбѣ ко мнѣ и по участію къ не совсѣмъ-то, по его мнѣнію, выгодному положенію m-lle Эммы, онъ забилъ себѣ въ голову довести нашъ романъ до развязки и какъ можно скорѣе. Барышни-пріятельницы исподтишка хлопотали о томъ же и меня всячески подталкивали, а въ городѣ стали уже говорить, что между нами съ Эммой уже все улажено. Два ничтожные обстоятельства ускорили ходъ великихъ событій, занимавшихъ отъ нечего дѣлать великосвѣтскую бернскую публику. Одна совѣтница, *madame la conseillère*, какъ ихъ тогда и въ разговорѣ съ ними называли, госпожа Sinner собралась дать свой большой вечеръ и разослала приглашенія. Не знаю, почему глупѣйшій ея супругъ былъ не въ ладахъ съ Крюднеромъ; насъ, русскихъ, на этотъ вечеръ никого не приглашали. Наканунѣ на другомъ вечерѣ барышни-участницы меня начали дразнить, старикъ Guingens принялся за меня грустить, а моя красавица очень застѣнчиво выразила свое сожалѣніе, что меня, обычнаго ея партнера въ экарте, тамъ не увидитъ. «Такъ я же буду!»—утвердительно отвѣчалъ я имъ всѣмъ.—«Нѣтъ, невозможно.»—«Да увидите!»—И дѣйствительно, на другой день, въ самый разгаръ вечера я вошелъ въ душную, небольшую комнату, долго отыскивалъ глазами хозяйку, которая какъ будто не замѣчала моего къ ней нашествія, и пренагло высказалъ ей, что я давно желалъ предста-

виться ей у нея въ домѣ, и, узнавъ, что она сегодня принимаетъ, рѣшился къ ней появиться въ совершенной увѣренности, что она меня отъ себя не выгонитъ. Переконфуженная барыня бросилась со всѣхъ ногъ отыскивать своего супруга, котораго я по глупой его рождѣ и по моей близорукости чуть-чуть не принялъ за лакея и не попросилъ у него, стоявшаго одного, безъ шляпы въ рукахъ, стакана воды, чтобы утишить мое волненіе при такомъ храбромъ приступѣ. Швейцарская крѣпость передо мной сдалась; всѣ со мной были любезны, а знавшіе разговоръ удивлены и похвалили меня за смѣлость. Выходка моя съ разными замѣчаніями разошлась по городу, и тетушка Meuron прикинулась оскорбленною. Я, впрочемъ, такъ упорно молчалъ о всѣхъ моихъ сердечныхъ похожденіяхъ передъ моими товарищами и даже передъ моимъ сожителемъ Бергомъ, что ни одинъ изъ нихъ объ этомъ и не заикнулся.

Пришла весна, начали поговаривать объ удаленіи изъерна графа Meuron. Князь Меттернихъ, недовольный имъ за его холодность къ принципу абсолютизма, интриговалъ противъ него въ Берлинѣ и наущничалъ черезъ своихъ агентовъ противъ него у короля Фридриха Вильгельма. Семья Кеннеди перѣѣхала на лѣто въ Chartreuse авуайѣра Мюллинена и праздновала тамъ свое новоселье большимъ баломъ. Я, избѣгая танцевъ, съ начала вечера засѣлъ съ стариками-совѣтниками въ карты и рѣшился играть до конца, т.-е. до тѣхъ поръ, когда оркестръ, не дерзая ни для кого нарушать строгость закона, заберетъ свои инструменты и отправится въ городъ. Начался нескончаемый котильонъ; m-lle Эмма сидѣла одна посреди залы на стулѣ. Къ ней стали подводить кавалеровъ,

она отказывала имъ, къ изумленію общества отказывала всѣмъ; стали перебирать всѣхъ безъ различія. Все, что могло и не могло танцевать, удалялось съ носомъ; я понялъ, что дѣло доходитъ до меня, и проигрывать, дрожа отъ волненія и страха. Къ нашему столу пришла за мною цѣлая депутація съ Guingens'омъ во главѣ. Мой отвѣтъ былъ рѣшительный: «Не танцую, не могу да и только». — «Не стыдно ли вамъ!» — внушительно сказалъ мнѣ одинъ изъ престарѣлыхъ игравшихъ совѣтниковъ, всталъ изъ-за картъ и предложилъ протанцевать съ нею. Тѣмъ и кончился проклятый котильонъ и ненавистный, болѣе нежели когда-нибудь, мнѣ балъ. Можете вообразить тогдашніе толки и тяжкіе упреки мнѣ отъ ея пріятельницъ и несноснаго старика Guingens. Я начиналъ и самъ понимать, что такимъ поведеніемъ могъ компрометировать Эмму, и не рѣшался цѣлые два дня показываться на глаза Меурон'амъ. Отъѣздъ ихъ изъ Швейцаріи былъ уже почти рѣшенъ. Авуайеръ Мюллингенъ давалъ у себя въ Штифтѣ большой вечеръ. To be or not to be? Итти мнѣ на него или не итти? Долго рѣшалъ я такую для себя задачу и, наконецъ, пошелъ. У входа въ залу встрѣтилъ меня неотвязчивый Guingens съ обычнымъ своимъ словомъ «васъ ждутъ», съ упреками и увѣщаніями. Я былъ смущенъ до того, что видѣлъ въ какомъ-то туманѣ обращенные на меня взоры всего общества. Наша встрѣча была обоюдно робкая, безмолвная, неловкая и потому наблюдаемая зоркими глазами участвующихъ въ изобрѣтенномъ ими же секретѣ. М-лле Эмма, какъ видно и всякая женщина, несмотря на свою юность и наивность, превозмочь лучше меня свою робость и предложила мнѣ болуновъ въ экарте. Я все еще волновался, началъ по-
торый, не

ный говоръ толпы съ извиненій въ моей неучтивости на балѣ; наблюдательницы отъ насъ отхлынули, и, ободренный ихъ отсутствіемъ, я пустился въ нѣжное изліяніе моихъ чувствъ и наговорилъ столько, что мнѣ робко отвѣчали обратиться къ тетускѣ. Лишь только проговорила она въ смущеніи, со слезами на глазахъ эти слова, возлѣ нея очутилась m-lle Мейснеръ и увела ее въ другую комнату. Мнѣ показалось, какъ и всегда это бываетъ съ людьми робкими и застѣнчивыми, что всѣ на меня смотрятъ и за мною наблюдаютъ. Я всячески старался удалиться, не будучи никѣмъ замѣченнымъ, подошелъ къ длинному столу, съ котораго разносили разные угощенія (нѣчто въ родѣ нынѣшняго буфета, только неприбраннаго) и, выпивъ залпомъ стаканъ пуншу, отправился къ себѣ.

Всю ночь не спалось мнѣ на пролетѣ. Къ утру я почувствовалъ жаръ, замѣтилъ, что начинаю бредить и уже думалъ, что у меня будетъ горячка, но, какъ и до сихъ поръ со мною бываетъ, всѣ мои страхи заболѣть кончаются крѣпкимъ сномъ. Успокоившись часа на два и нѣсколько освѣжившись, я опять принялся думать мою крѣпкую думу. Надо было выйти, и поскорѣе, изъ этого нерѣшительнаго, мучительнаго состоянія. Взялъ я два клочка бумажки, написалъ на одномъ *да*, на другомъ *нѣтъ*, свернулъ, бросилъ въ шляпу, перемѣшалъ—вынулось *да*. Если бы Ламартинъ выговорилъ уже тогда знаменитое свое древнее изреченіе, которымъ началась іюльская революція 1848 года, то я, конечно, повторилъ бы его, наставляя къ себѣ: «*alea jacta est*», т.-е. жребій брошенъ. Какъ бы то ни было, я успокоился и нетерпимый ожидалъ приличнаго часа пойти къ Фурмазаламъ на сѣ.

ну и не застать его въ постели. Этому товарищу по службѣ, скорѣе мнѣ враждебному (мы съ нимъ, какъ у насъ говорится, были на политикѣ), поручилъ я переговорить съ m-me Meuron и испросить ея согласія на мое предложеніе m-lle Эммѣ. Фурманъ очень охотно взялся быть моимъ адвокатомъ и увѣрялъ, что зная все давно отъ m-lle Мейснеръ, ручается за успѣхъ. Я не считъ лишнимъ сообщить ему всѣ подробности моего положенія: мое независимое состояніе, мои родственныя и общественныя связи. Мы вмѣстѣ стали дѣлать разные планы, какъ всему быть: ѣхать женихомъ на короткое время въ Россію, потомъ оставаться въ Швейцаріи или, по желанію будущей невесты, перейти въ другое посольство, привезти изъ дому приличные подарки, шаль и соболей и такъ далѣе. Фурманъ пошелъ къ m-me Meuron за отвѣтомъ; я въ ожиданіи ходилъ по платформѣ у соборной церкви, почти передъ самыми окнами его квартиры. Онъ пришелъ ко мнѣ послѣ долгихъ переговоровъ съ тетушкою и принесъ, къ моему изумленію, отвѣтъ рѣшительный и неблагоприятный. Долго маялся онъ, боясь слишкомъ поразить меня отказомъ, путался въ своемъ разсказѣ о подробностяхъ свиданія, извинялъ нерѣшительность m-me Meuron выдать сироту-племянницу, еще такую молоденькую, за иностранца, за неустановившагося еще, по ея мнѣнію, юношу другой вѣры и чуть не католика или, по ея понятіямъ, еще хуже. Я заставилъ его не теряться въ объясненіяхъ и сказать мнѣ прямо и рѣшительно, принесъ ли онъ мнѣ «да» или «нѣтъ». Со словомъ *нѣтъ* я его бросилъ и пошелъ куда глаза глядятъ, за городъ. Возвратясь домой около полуночи, нашелъ я ожидавшаго меня Берга, который, не

говоря ни одного слова о всемъ, что со мною произошло, предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ въ горы.

Съ разрѣшенія Крюднера мы были уже на другой день въ Тунѣ и ночевали въ Интерлакенѣ. Это красивое мѣстечко, гдѣ толпятся тысячи туристовъ и наслаждаются изысканною роскошью прихотливаго комфорта, было тогда вмѣстѣ съ Унтерзееномъ небольшою деревней съ старинными деревянными домами, гдѣ жили мѣстные поселяне и принимали къ себѣ на хлѣба за 3 франка въ день рѣдкихъ туристовъ. Всего было въ этой долинѣ два каменныхъ дома: въ одномъ помѣщался префектъ мѣстечка, совѣтникъ Штейгеръ, въ другомъ—школа. Изъ Интерлакена добрались мы пѣшкомъ въ Гриндельвальдъ и оттуда черезъ Wengernalp въ Мейрингенъ и въ долину Гасли. Вмѣсто всякаго описанія этихъ мѣстностей, которыя давно уже извѣстны, прибавлю одно, что вся эта горная сторона много выиграла, а можетъ быть и много утратила отъ удобствъ, которыми теперь пользуются ея посѣтители. Пустынная дикость почти совсѣмъ исчезла отъ нововведеній, требуемыхъ роскошью всякаго рода.

Дней черезъ 10 возвратились мы съ Бергомъ въ Бернъ, я—много уже успокоенный, онъ—заслужившій вѣчную мою благодарность за его нѣжное ко мнѣ вниманіе и особенно за то, что онъ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не нарушалъ упорнаго моего молчанія о томъ, что было у меня на душѣ.

Mais—но, какъ выражено въ одномъ гдѣ-то стихѣ—*l'amour vrai finit quand l'amour propre commence.*—

Vrai? Полно, такъ ли было со мной?—Мы разохотились съ Бергомъ путешествовать и вскорѣ поѣхали въ Лозанну и оттуда въ шарабанѣ вдвоемъ, безъ кучера, объѣхали кругомъ озера. Онъ возвращался въ Бернъ къ своимъ англичанкамъ, я намѣревался еще разъ побывать въ Шамуни, но Бергъ уговорилъ меня проводить его до Нюна (Nyon), куда приглашала его къ себѣ переѣхавшая изъ Берна m-me de Meuron. Въ Нюнѣ мы должны были ночевать, но добрый мой пріятель, какъ ни старался, не могъ уговорить меня пойти съ нимъ къ графинѣ. Съ тѣхъ поръ послѣ отказа я уже не видалъ Эммы и ничего о нихъ не слыхалъ. Ровно черезъ 10 лѣтъ, въ 1834 году, узналъ отъ выгнаннаго изъ Берна послѣ тамошней революціи префекта *Fremdenreich* и отъ M-lle Иды Фишеръ, что Эмма еще не замужемъ и живетъ въ какомъ то скромномъ уголкѣ Германіи. Вся эта повѣсть, или мой романъ безъ романа, относится къ 1824 году.

Въ августѣ старикъ Guingens, все еще нѣжно обо мнѣ заботившійся, предложилъ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ и его сыномъ небольшую экскурсію въ сѣверную Италію. Я считаю себя рѣшительно неспособнымъ къ какимъ бы то ни было описаніямъ красотъ природы, искусствъ и древностей. На это есть и безъ меня людей достаточно. Стоитъ только запастись разными гидами, и вы легко можете написать ученое путешествіе и издать, пожалуй, съ картинами, какъ это сдѣлалъ Александръ Дмитріевичъ Чертковъ, основатель своей бібліотеки и прославившій за то ученымъ; буду говорить о томъ, что меня особенно поражало. Выѣхали мы изъ Берна втроемъ съ отцомъ и сыномъ Guingens'ами въ моей двумѣстной тяжелой петербургской коляскѣ и отъ Лозанны, откуда только и была

возможность пользоваться почтой, поѣхали мы почтовой тройкой по большому шоссе итальянской линіи, ночевали первую ночь въ Вalezанскомъ мѣстечкѣ Бриксенъ у стѣнъ огромнаго іезуитскаго монастыря. Отсюда съ ранняго утра начался нашъ переѣздъ черезъ Симплонъ. Привыкшаго къ красотамъ горъ въ этихъ мѣстахъ поражаетъ болѣе торжество надъ природой рукъ человѣческихъ и желѣзная воля Наполеона перваго, проложившаго себѣ путь черезъ нейтральную для всѣхъ, кромѣ него, Швейцарію, съ единственною цѣлью — прочно овладѣть Италіей. Молодой Guingens, занимавшійся естественными науками, не одинъ разъ по этой дорогѣ сдѣлалъ барометрическія наблюденія, повѣряя разными измѣреніями высоту горы и наблюдая по термометру температуру. Мы ночевали въ Hospice, уже и тогда довольно удобномъ и достаточно отопленномъ. Быстро начали мы спускаться къ Domodosolla, къ подошвѣ Симплона, съ котораго открывается глазамъ путника панорама итальянскихъ равнинъ Ломбардіи и всѣ красоты юга.

Я съ какимъ-то упоеніемъ чувствовалъ себя въ странѣ, совершенно для меня новой, и тѣмъ болѣе былъ возмущенъ нестерпимо грубой придирчивостью чиновниковъ сардинской таможни, которая пересмотрѣла у насъ все до ниточки и обыскивала по карманамъ. Съ этихъ поръ возненавидѣлъ я систему протекціонизма, идущую наперекоръ и опыту, и наукѣ, принципы коей усвоилъ я прилежнымъ слушаніемъ лекцій политической экономіи знаменитаго парижскаго профессора Jean Baptiste Say. Изъ Domodosolla отправились мы осмотрѣть итальянскія озера, маленькое Варезо, Лугано и Комо, о чемъ я буду говорить послѣ, а теперь кстати о таможняхъ при-

бавлю, что дня черезъ два на австрійской границѣ, въ Sestocalende, обошлись съ нами еще грубѣе, еще возмутительнѣе. При осмотрѣ на границѣ Сардиніи деспотизмъ тамошнихъ досмотрщиковъ смягчался по крайней мѣрѣ нашими увѣреніями, что мы въ ихъ владѣніяхъ будемъ только проѣздомъ, и еще моимъ полудипломатическимъ паспортомъ, тогда какъ въ предѣлахъ Австріи ничто не могло на нашихъ аргументы подѣйствовать. Коснувшись однажды вопроса нетерпимыхъ мною таможенъ, я дамъ мѣсто одному разсказу объ ихъ бесполезности, сообщенному мнѣ первымъ женеvскимъ часовщикомъ, моимъ пріятелемъ старикомъ Боттомъ. Сошелся я съ нимъ близко потому, что онъ обратился ко мнѣ, какъ къ русскому, для отчетливаго исполненія заказанныхъ ему богачемъ Н. Н. Демидовымъ драгоценныхъ церковныхъ сосудовъ, потира и дискаса. Эти сосуды, украшенные бриллиантами, изъ первыхъ золотыхъ слитковъ, найденныхъ въ Перми на первыхъ приискахъ, назначались въ церковь Тагильскаго Демидовскаго завода въ Пермской губерніи. Боттъ просилъ меня провѣрить славянскія на сосудахъ надписи и вообще наблюдать за сохраненіемъ правильности нашего церковнаго рисунка. На мои замѣчанія о затрудненіяхъ, которыя онъ долженъ встрѣчать въ своей громадной торговлѣ часами и разными драгоценными издѣліями при существующей цѣпи разнородныхъ таможенъ, которыми отовсюду окружена Швейцарія, онъ разсказалъ мнѣ, до какой степени въ этой промышленной небольшой странѣ доходитъ контрабанда, доказывая практическими выводами, что безъ нея не могла бы существовать никакая отрасль швейцарской промышленности. И между тѣмъ вопреки всѣмъ стѣсненіямъ отпускная швейцарская

торговля, разумѣется, сравнительно, и тогда уже равнялась, а теперь превосходитъ Англію. «Для примѣра, какъ дѣлается по моей торговой части контрабанда,—сказалъ мнѣ Боттъ,—я расскажу вамъ прошлогодній случай со мной. Приходитъ ко мнѣ въ магазинъ одинъ очень приличный и сановитый господинъ, заявляя, что очень радъ познакомиться со мною, и прямо называя себя графомъ de Saint-Criq, главнымъ директоромъ всѣхъ французскихъ таможенъ. «Я буду съ вами откровененъ—сказалъ Сенъ-Крикъ:—мнѣ бы очень хотѣлось и, какъ вы поймете сами, очень было бы нужно узнать отъ васъ, какъ можете вы, несмотря на нашу тройную цѣпь таможенъ, вести ваши торговые дѣла съ Франціей и особенно съ Парижемъ въ явный вредъ нашимъ многочисленнымъ часовщикамъ и ювелирамъ?»—«Умѣняемъ,—отвѣчалъ ему Боттъ,—сбывать мои произведенія гдѣ бы то ни было во Франціи и даже въ самомъ Парижѣ». «Какъ же вы это дѣлаете?» «Это мое уже дѣло, графъ, а въ доказательство, что я говорю вамъ правду, не угодно ли вамъ будетъ купить у меня по вашему выбору сколько-нибудь часовъ и другихъ вещей на сумму значительную? Вы заплатите мнѣ ее по полученіи вещей, съ меня будетъ достаточно вашего слова, я даже не требую ни расписки, ни задатка». «Странно. Вспомните, что я главный директоръ таможи. Вы, кажется, много рискуете.» «Это опять мое дѣло». Графъ Сенъ-Крикъ отобралъ вещей цѣною на 30,000 франковъ и, возвратясь къ себѣ черезъ недѣлю или двѣ, на третій или на четвертый день своего приѣзда нашелъ у себя въ кабинетѣ всѣ до одной заказанныя имъ Ботту вещи. Нѣтъ нужды говорить, что главный блюститель протекціонной сѣстемы предписалъ всѣмъ своимъ тамо-

женнымъ досматривать какъ можно строже и отыскивать по разосланному реестру закупленные имъ предметы. Кто былъ неизвѣстный, доставившій ему вещи отъ Ботта, доискаться онъ не могъ. Боттъ открылъ мнѣ подъ честнымъ словомъ секретъ. Вещи провезъ черезъ тройныя таможи самъ Сентъ-Крикъ, посредникомъ былъ камердинеръ. Кромѣ того узналъ я изъ рассказовъ самого Ботта и отъ другихъ часовщиковъ, что у нихъ образовалась какъ бы артель или особенное ремесло для передачи безъ нарушенія таможенныхъ законовъ табакерокъ, часовъ съ цѣпочками и брелочками въ какой-нибудь ближайшій пограничный французскій городъ. По уставу каждый пользовался правомъ имѣть при себѣ часы съ цѣпочкой и табакерку, а переѣздъ во Францію съ приличнымъ за трудъ вознагражденіемъ отправителю стоитъ не дорого, и такой способъ сбыта, несмотря на эти издержки, доставлялъ все-таки значительный барышъ. Скоро однако догадались уничтожить такое злоупотребленіе, хотя въ строгомъ смыслѣ нарушенія законовъ никакого тутъ не было.

Контрабандисты вездѣ и всегда поднимаются на всевозможныя хитрости; между прочими послѣ многихъ усилій открыли необыкновенно искусную: провозить золотыя и серебряныя вещи въ бревнахъ, такъ какъ ввозъ строевого лѣса изъ Швейцаріи въ Dauphiné (Дофинэ) допускался. Бревна высверливали и пустоту наполняли товаромъ.

Протекціонная система, долго господствовавшая въ Европѣ и стѣснявшая международныя сношенія, еще недавно начинала было уступать требованіямъ науки и здраваго смысла съ легкой руки поворота въ пользу свободной хлѣбной торговли, начавшагося въ Ан-

гли; но съ одной стороны преувеличиваемое стремленіе въ каждомъ народѣ поддерживать исключительно свою національность и истекающее отсюда нерасположеніе и подозрительность къ чужимъ націямъ, а съ другой — личные интересы сильныхъ монополистовъ перевернули вопросъ о свободѣ торговли въ противную сторону, задержали, кажется, на долгое время результаты, выработанные наукой и опытомъ. Современному человѣку придется, по моему мнѣнію, долго еще жить подъ гнетомъ обновленныхъ старыхъ идей международной ненависти и насильственного разъединенія общихъ для всего міра интересовъ въ пользу мелкихъ, частныхъ. Къ чему же служатъ ускоренные и свободные паровые пути? Не постыдно ли, не грѣшно ли видѣть въ нихъ однѣ стратегическія цѣли и не постыднѣ ли, не грѣшнѣ ли, вмѣсто ожидаемаго такъ давно повсемѣстнаго разоруженія, возбуждать страсти и принуждать быть солдатомъ каждаго мирнаго гражданина! Неужели не предвидятъ, что повсемѣстное ополченіе и построеніе повсюду крѣпостей другъ противъ друга никакъ не могутъ быть средствомъ къ водворенію всеобщаго мира, а скорѣе приведутъ къ разрушительнымъ, кровавымъ международнымъ столкновеніямъ. На дняхъ собираются въ новую пангерманскую столицу для совѣщаній вожди народовъ; увидимъ, что они сдѣлаютъ для блага человѣчества. Мы, русскіе, въ правительственной сферѣ дорожимъ союзомъ съ Пруссіей и въ то же время въ общественной средѣ, — не назову ее всенародной, думая, что народъ нашъ ни о чемъ не думаетъ, — въ нашей средѣ мыслящей — ненавидимъ германцевъ и изобрѣтаемъ за нихъ тайныя небывалыя стремленія завладѣть Остзейскимъ краемъ. Такой разладъ общественнаго мнѣнія

съ предержавною властью рано или поздно приведетъ насъ къ разрыву, неизбежная причина котораго значительно растетъ сверхъ того отъ запретительной системы свободной торговли Германіи съ Россіей. Иная у насъ торгового сбыта, она поневоле станетъ добывать его своею вооруженною силой, что дѣлается и теперь при контрабандныхъ пограничныхъ схваткахъ и что вынуждаетъ насъ содержать на нашей западной границѣ 100.000 войска, болѣе, чѣмъ бы, можетъ быть, слѣдовало. Ко всеобщему несчастью и новый геніальный правитель Франціи Тьеръ, затормозившій на время въ ней неизбежную революцію, — протекціонистъ, и своимъ новымъ покровительственнымъ закономъ уже вынуждаетъ Англію защищать противъ нихъ принципъ свободной торговли. Насъ же, повторяю, доведетъ до борьбы съ Германіей не наше Балтійское поморье, а запретъ нѣмцамъ свободной торговли съ русскими.

Возвращаясь къ моему прогулкѣ по сѣверной Италіи. Изъ Domodosolla, гдѣ ночевали, очутились мы, помнится, проселкомъ, а не шоссею дорогой, — почему и отчего — забыть, — въ маленькомъ городкѣ Варезѣ на небольшомъ озерѣ того же имени. Тамъ что-то осматривалъ и наблюдалъ мой спутникъ, натуралистъ Guingens, а я цѣлый день пробесѣдовалъ съ прескучнымъ старикомъ, его отцомъ. Остановились мы въ какой-то локандѣ или гостиницѣ послѣдняго разряда и съ трудомъ нашли помѣщеніе за недостаткомъ кроватей. Батюшку съ сыномъ помѣстили въ одну комнату и положили на одну кровать болѣе нежели достаточной ширины, подобно всѣмъ кроватямъ въ Италіи. Мнѣ тоже отвели было ночлегъ и указали обширную кровать, на которой спать уже непробуднымъ сномъ какой-то съ

бритою головою монахъ; я возмущился и перешелъ въ чуланъ, гдѣ улегся на голыхъ доскахъ, на которыя бросили соломенный или сѣнной матрацъ. Зато на Lago Maggiore, въ мѣстечкѣ Baveno, противъ Борромейскихъ острововъ пророскошничали мы подъ Итальянскимъ голубымъ небомъ въ виду Isola bella, Isola Madre и del Pescatori цѣлыхъ три дня, и мнѣ почти досадно было убѣдиться самому въ томъ, въ чемъ увѣряли меня прежде, что итальянскія озера прелестнѣе, живописнѣе моего родного Женевского.

Дорога отъ озеръ къ Милану идетъ плоской равниной съ виноградниками. О Миланѣ, его соборной церкви, совершенной въ ней литургіи св. Амвросія Медиоланскаго, напоминающей православные обряды Востока, о картинныхъ галлереяхъ и триумфальныхъ воротахъ, воздвигнутыхъ въ честь Наполеона I, говорить не буду. Въ Веронѣ осматривали мы тамошній колизей, уступающій огромностью и сохраненіемъ своей древности не только римскому, но даже существующему амфитеатру въ Нимѣ. Въ Падудѣ молились у раки не перестающаго и доселѣ чудодѣйствовать падуанскаго чудотворца св. Антонія и посмотрѣли съ любопытствомъ на зданіе древняго университета, изъ стѣнъ котораго, вмѣстѣ со многими греками, вышелъ докторомъ медицины графъ Каподистрія. Въ сумерки, которыя начинаются на Югѣ тотчасъ по захожденіи солнца, приплыли мы на нашей гондолѣ къ великолѣпному палаццу, превращенному въ лучшую гостиницу Венеціи, Hôtel de la Grande Bretagne. Луна уже свѣтила, и я по набережной черезъ двѣ-три минуты дошелъ до Piazzetta съ двумя колоннами, съ колокольною св. апостола Марка и до самаго готическаго храма. Эту площадь и дворецъ Дожей столько уже разъ

описывали, но ни одно изъ описаній не можетъ сколько-нибудь приготовить путешественника къ чудесамъ поражающаго его зрѣлища. Она на меня подѣйствовала несравненно сильнѣе, чѣмъ площадь св. Петра въ Римѣ, и впечатлѣніе это могло сравниться развѣ съ тѣмъ ощущеніемъ величественнаго, которое обдало всего меня при видѣ безбрежнаго моря и снѣжныхъ вершинъ Юнгфрау и Монблана. Вотъ до какой высоты можетъ восходить дѣятельность человѣка, руководимая исторіей его судьбъ. Вотъ какъ искусство, не искажая хода событій, а безсознательно имъ подчиняясь, выражаетъ ихъ гармонію, когда невѣжественному произволу не удастся уничтожить оную. Таковъ могъ бы быть и нашъ московскій Кремль, если бы и его относительно почтенную древность не опощили казарменными постройками.

Въ Венеціи все было нами осмотрѣно. Я не знатокъ и даже не диллетантъ въ живописи, но не могъ довольно налюбоваться картинами Тиціана и Тинторетто и не безъ любопытства увидѣлъ переходъ отъ Византійской живописи къ началу ея возрожденія. Предтечами Рафаэля въ этомъ переходѣ были, какъ извѣстно, Жіотто и Чимабуэ, и въ Венеціи можно прослѣдить, какъ быстро византійская икона Пресвятой Дѣвы, стоящая на престолѣ главнаго алтаря церкви св. ап. Марка, по преданію написанная (подобно многимъ) будто бы евангелистомъ Лукою, преображалась въ Рафаэлеву Мадонну. Жаль было намъ всѣмъ троимъ разставаться такъ скоро съ дивнымъ городомъ, но мои спутники спѣшили домой, и мы, доплывъ до Fusino, взяли путь на Тироль, изъ Ботцена перебрались черезъ тамошнія горы и пробыли дня два въ Инспрукѣ. Эту сторону нашелъ я гораздо патриархальнѣе, чѣмъ

Швейцарію, потому ли, что Тироль, несравненно менѣе посѣщаемый путешественниками, упорнѣе сохранялъ старинные свои обычаи. Замѣчу радушіе, встрѣченное нами вездѣ въ опрятныхъ, неприхотливыхъ гостиницахъ и поразительную дешевизну даже сравнительно съ тогдашними умѣренными цѣнами въ Швейцаріи.

Во многомъ мои бернцы отдавали преимущество этой землѣ надъ своею и, какъ рьяные консерваторы, оплакивали испорченность своихъ нравовъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о моихъ путевыхъ товарищахъ. Guingens-отецъ жилъ еще въ то время, когда бернскіе патриции владѣли Ааргау и Ваатландомъ. Дворянство этихъ двухъ кантоновъ само становилось въ ряды бернскихъ аристократовъ, поэтому и бароны и Guingens de la Lasarrat по мѣсту рожденія и по принадлежащимъ ихъ роду отъ первыхъ среднихъ вѣковъ обширнымъ мѣстностямъ, вмѣстѣ съ замкомъ, хотя и были по языку романскими или французскими швейцарцами, для поддержанія своихъ правъ болѣе принадлежали Берну, чѣмъ своей собственной національности. Старикъ Guingens считался членомъ бернскаго большого совѣта, въ коемъ исключительно засѣдали одни патриции, и потому ненавидѣлъ освобожденіе Ваатланда, несмотря на то, что его тысячелѣтній замокъ Lasarrat, имя коего присоединилъ онъ къ своему фамильному, находился въ Ваатландѣ между Лозанной и Ивердономъ, и несмотря еще на то, что французскій языкъ былъ ему роднѣе бернскаго нарѣчія, а настоящій нѣмецкій и совсѣмъ неизвѣстенъ. У себя дома жилъ онъ только въ Бернѣ, въ наемной квартирѣ, а когда на лѣто переѣзжалъ въ свое дворянское имѣніе, водился только съ одними аристократами, смотря враждебно на каждого человѣка изъ народа и

еще враждебнѣе на ваатландцевъ, участвующихъ въ правительствѣ, равно какъ и на каждаго сколько-нибудь разбогатѣвшаго простолюдина. Guingens-сынъ, принадлежавшій нѣсколько умѣренному обстоятельству поколѣнію, былъ, кромѣ того, и ученъ и образованъ. Надъ нимъ вполне отразилось благотѣльное вліяніе матери, которая и умомъ, и сердцемъ была несравненно выше своего мужа. Когда она, наблюдая за этимъ изъ своихъ сыновей, стала замѣчать, что онъ гложеть, и когда увѣрилась послѣ совѣщаній съ нѣмецкими врачами, что онъ, вырастая, неизбѣжно сдѣлается совершенно глухимъ, она мало-по-малу приучала его понимать по движенію губъ произносимыя слова на всѣхъ языкахъ, которые онъ прилежно изучалъ. Усиливавшаяся глухота, удаляя отъ него всякое разсѣяніе и товарищество, заставила подъ руководствомъ просвѣщенной матери предаться наукѣ. Въ Женевѣ полюбилъ онъ естественную исторію и въ то же время началъ изучать отдаленные памятники отечественные, находившіеся въ неразрывной связи или долговременной исторической борьбѣ съ Франціей и сосѣдственными странами: Бургундіей и Савойей. Всю молодость провелъ онъ въ ученыхъ занятіяхъ. Глухота помѣшала ему занять какое-нибудь дѣятельное мѣсто въ бернскомъ правительствѣ, да и самыя убѣжденія, добытыя образованіемъ, шли у него уже врозь съ закоренѣлыми предразсудками швейцарскихъ аристократовъ, но онъ никогда не рѣшался перейти на другую сторону, никогда не разставался съ тѣми родовыми принципами, которые, по его убѣжденію, должны быть сохранены, какъ полезные общественному порядку и прочному существованію швейцарской независимости и свободы. Кромѣ отечественной исторіи,

надъ которой онъ на своемъ вѣку много потрудился, занимался онъ усердно и не безъ пользы геогнозіей и другими естественными науками. Въ своихъ путешествіяхъ и въ сближеніи съ дипломатами и путешествующими иностранцами пріобрѣлъ онъ болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой бернецъ, свѣтское образованіе и былъ радушно принимаемъ всѣми, какъ любезный, просвѣщенный собесѣдникъ. Изъ всѣхъ швейцарцевъ въ мое время онъ одинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми дипломатами. Сердце у него было самое нѣжное. Онъ горячо полюбилъ вторую дочь въ семействѣ Кеннеди, искалъ ея руки и получилъ отказъ. Вѣроятно, препятствіемъ была его совершенная глухота, а глухъ онъ былъ до того, что ежедневная съ нимъ жизнь не могла не быть крайне неудобной. Мы часто ѣзжали съ нимъ верхомъ, и когда шархалась подъ нимъ его лошадь отъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ на близкихъ маневрахъ, которые за горою или лѣсомъ были намъ не видны, онъ съ ожесточеніемъ ударами шпоръ или хлыста поражалъ своего коня, не подозрѣвая причины, отъ чего онъ шархался. Въ пѣшихъ съ нимъ прогулкахъ мнѣ приходилось запасаться катушками и бросать въ его спину, когда онъ нѣсколькими шагами забѣжитъ впередъ, чтобы онъ обратился ко мнѣ и понялъ, что мнѣ приходилось ему сказать. Путешествуя съ нимъ по Ломбардіи и Тиролю, случалось мнѣ ночевать въ одной комнатѣ; чтобы что-нибудь сообщить ему непремѣнно нужное, или заставить одѣться въ дорогу, надо было все это дѣлать при огнѣ. По смерти отца и послѣ революціи въ Швейцаріи въ началѣ 30-хъ годовъ, вслѣдъ за іюльской въ Парижѣ 1830 г., онъ оставилъ Бернъ, гдѣ партія аристократовъ удалена была, какъ и вездѣ въ

Швейцаріи, отъ участія въ правленіи и жестоко преслѣдуема партіей демократовъ, которые по народному избранію заняли всѣ правительственныя должностныя мѣста. Бернскій avoyer, landamann, Финнеръ, совѣтникъ Muralt и другіе подверглись даже тюремному заключенію и уголовному суду; тогда Guingens перебрался въ Лозанну, зимой жилъ въ городѣ, а лѣтомъ въ своемъ замкѣ. Вскорѣ по удаленіи изъ Берна женился онъ на m-lle de Naville d'Eclepau, изъ древняго рода, и съ ней долго путешествовалъ по Италіи. Она была очень образована, страстно любила искусство, особенно живопись, и привезла съ собою большое собраніе копій масляными красками, ею снятыхъ съ первоклассныхъ картинъ. Счастіе моего швейцарскаго пріятеля продолжалось недолго: онъ овдовѣлъ и остался бездѣтнымъ. Послѣ 30-тилѣтней съ нимъ разлуки нашелъ я его въ 1857 г. въ Лозаннѣ, въ небольшомъ наемномъ помѣщеніи въ Rue de Bourg, съ великолѣпною террасой на Женевское озеро. Старая дружба наша возобновилась. Мы перебрали все наше прошедшее и убѣдились ко взаимному нашему удовольствію, что мы оба, разлученные и временемъ и пространствомъ, положеніемъ и обстоятельствами, остались тѣми же умѣренными консерваторами, какими разстались въ 1826 году. Несмотря на всѣ пораженія, испытанныя имъ лично, на претерпѣнныя гоненія отъ демократовъ всѣмъ швейцарскимъ патриціатамъ, на существенныя измѣненія въ федеральномъ образѣ правленія, Guingens съ терпимостью человѣка просвѣщеннаго не отрицалъ того прогресса, къ которому велъ Швейцарію духъ времени и уничтоженія застарѣлыхъ предразсудковъ. Но онъ въ частыхъ и долгихъ бесѣдахъ со мною не скрывалъ отъ меня опа-

сеній за будущее своей родины, онъ боялся швейцарской централизаціи, уничтоженія автономіи кантоновъ, объединенія республики подъ одною центральною верховною властью, при которой могла послѣдовать утрата Швейцаріей ея европейскаго нейтралитета; я, съ своей стороны, сообщалъ ему мои страхи и за мою родину. Меня пугали наши народныя стремленія, раздуваемые патріотизмомъ не по разуму. Овладѣвшее нами демократическое движеніе, уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ, нарушеніе правъ поземельной собственности и уже начинающееся почти въ это время, осенью 1857 года, освобожденіе крестьянъ. Къ счастью, тяжелыя наши предчувствія не осуществились, въ чемъ мы сознались другъ другу черезъ 5 лѣтъ, при новомъ нашемъ свиданіи въ 1862 году, въ небольшой, хорошенькой его виллѣ Georgette. Но все случившееся въ этотъ промежутокъ, какъ въ миниатюрной Швейцаріи, такъ и въ обширной Россіи, нашихъ убѣжденій не измѣнило и насъ за будущія судьбы нашихъ родинъ не совсѣмъ успокоило.

Въ это свиданіе, послѣднее, въ концѣ 1862 года, Guingens упорно остался при тѣхъ же своихъ опасеніяхъ, ожидая сосредоточенія, объединенія, увеличенія войска въ своей родинѣ и предвидя въ томъ причину выйти изъ скромной сферы небольшой республики, пожелать болѣе обширной политической дѣятельности—примкнуть къ какому-нибудь союзу Германіи, Франціи или Италіи, раздѣлиться внутри себя на двѣ національности—нѣмецкую и романскую, а, можетъ быть, и принять участіе въ религіозныхъ распряхъ между католиками и протестантами и легіономъ свободомыслящихъ—*libres penseurs*, т.-е. ни во

что и ничему не вѣрующихъ. И всѣ эти неблагопріятныя ожиданія, хотя и медленно, оправдываются настоящими событіями ровно черезъ десять лѣтъ послѣ нашей послѣдней бесѣды. Въ подтвержденіе моихъ заключеній я укажу на швейцарскій плебисцитъ о ревизіи или пересмотрѣ конституціоннаго акта, послѣдовавшій до 12 мая нынѣшняго 1872 года. Только самымъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ, поданныхъ отъ всѣхъ 22 кантоновъ и отъ всенародныхъ въ нихъ собраній, отвергнуть былъ новый переворотъ во всемъ бытѣ республики, предлагаемый федеральнымъ бернскимъ совѣтомъ. Онъ былъ именно по всему тому, что предсказалъ мой 70-лѣтній другъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти. Въ началѣ 1863 г. получилъ я въ По уведомленіе отъ его брата, служившаго прежде генераломъ швейцарской гвардіи въ Неаполѣ, грустное извѣстіе объ его смерти.

Итакъ, онъ, какъ видите, не ошибался относительно хода событій въ своемъ маленькомъ отечествѣ. Дай-то Богъ, чтобы не сбылись въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени и мои опасенія за родину, высказанныя въ нашей бесѣдѣ съ Guingens въ 1857 г. и повторенныя, хотя и при болѣе успокоительныхъ обстоятельствахъ, въ 62 г. Вполнѣ сознавая неожиданно благополучный исходъ главной нашей реформы, уничтоженія крѣпостничества, я не могу, однако, не усматривать въ немъ существеннаго переворота въ нашемъ государственномъ и общественномъ строѣ. Что изъ всѣхъ этихъ перемѣнъ произойдетъ—вѣдомо одному Богу. Можно, пожалуй, надѣяться, но позволительно и опасаться. Короткое знакомство съ Guingens во дни нашей молодости и наша дружба въ ста-

рости остались мнѣ однимъ изъ самыхъ утѣшительныхъ воспоминаній длинной моей жизни. Рѣдко случалось мнѣ быть въ такомъ полномъ сочувствіи съ кѣмъ бы то ни было, несмотря на то, что онъ былъ десятью годами меня старше, ученѣе и образованнѣе, родился и жилъ подъ другимъ небомъ. Съ честностью и прямою характера онъ умѣлъ соединять ту нѣжность, ту деликатность пріятельскихъ близкихъ отношеній, которыя рѣдко встрѣчаются и почти никогда въ моихъ соотечественникахъ. Его религіозныя убѣжденія были и глубоки и искренни. Въ простотѣ сердца, при умѣ всестороннемъ и просвѣщенномъ, онъ вѣрилъ во всеблагое бытіе Творца вселенной и въ безсмертіе души человѣка, уважалъ историческія преданія церкви отъ ея древности, не вдавался въ догматизмъ и со всею вѣротерпимостью истиннаго философа относился ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, возмущаясь по временамъ одними проявленіями религіознаго фанатизма.

Въ это, столь памятное для меня время, когда я жилъ подъ скромнымъ гостепріимнымъ кровомъ Guingens'a, на склонѣ горы между Лозанной и ея пристанью Уши (Ouchy), въ дружескихъ разговорахъ мирно бесѣдовали мы съ нимъ въ послѣдній уже разъ обо всемъ, что происходило на бѣломъ свѣтѣ, и важнѣйшихъ вопросахъ человѣчества, получившихъ въ послѣдствіи ожидаемое, а въ то время никѣмъ не чаемое разрѣшеніе. Въ одинъ вечеръ прервалъ нашъ разговоръ одинъ швейцарецъ изъ фрибургскаго кантона, католикъ, но католикъ болѣе чѣмъ умѣренный и уже во многомъ подчинившійся новому духу времени. Онъ былъ недоволенъ главою своей церкви; порицалъ папу за то, что Пій IX не

оправдать тѣхъ надеждъ, какими были увлечены всѣ свободомыслящіе люди въ первые дни вступленія его на кафедру Петра Апостола; онъ осуждалъ его въ отступничествѣ, въ измѣнѣ своему слову стать во главѣ христіанскихъ народовъ и освободить Италію отъ чужеземнаго владычества; онъ готовъ былъ согласиться съ революціонными мнѣніями тѣхъ агитаторовъ въ Италіи (Мадзини и Гарибальди), которые отнимали у римскаго первосвященника его свѣтскую власть, его вѣковое главенство надъ римскою церковью. И что же? Съ изумленіемъ нашъ собесѣдникъ-католикъ услышалъ отъ насъ обоихъ странное для его уха возраженіе. Guingens, реформатъ и едва ли не *libre penseur*, я—православный, мы оба, конечно, не причастные никакимъ убѣжденіямъ католиковъ и еще менѣе ультрамонтанизму, начали отстаивать историческія права папы и выражать наши искреннія желанія, чтобы онъ оставался неприкосновеннымъ на своемъ духовномъ и свѣтскомъ престолѣ. Мы не могли, конечно, предвидѣть тогда, что Пій IX, человѣкъ честный во всей силѣ этого слова, но слабый, а потому и упрямый въ своихъ убѣжденіяхъ, будучи раздражаемъ отовсюду своими врагами и гонителями, дойдетъ скоро до провозглашенія своей непогрѣшимости. Мы отвѣчали нашему католику, что папа, какимъ онъ былъ еще тогда, необходимъ въ христіанскомъ мірѣ, какъ средоточіе католическаго христіанства, къ которому принадлежитъ самое огромное количество вѣрующихъ въ Спасителя. Мы утверждали, что съ паденіемъ папы неминуемо послѣдуетъ не только уничтоженіе всей католической церкви, первенствующей надъ всѣми по сравнительному большинству ея исповѣдниковъ, но и упадокъ повсюду христіанской вѣры, ибо за ея паде-

ніемъ возникнутъ во всѣхъ исповѣданіяхъ церковныя распри, расколы и торжество раціонализма, равняющагося въ числѣ всѣхъ народовъ совершенному безвѣрію. Какъ ни странна покажется эта защита папы реформаторомъ и восточнымъ схизматикомъ для многихъ изъ моихъ единовѣрцевъ и протестантовъ, братій по вѣрѣ покойнаго Guingens'a, но, за удаленіемъ Guingens'a изъ этого міра, я въ оправданіе насъ обоихъ могу представить свидѣтельство, котораго, конечно, никто не отвергнетъ. Протестантъ Гизо недавно въ изданной книгѣ о религіи признавалъ необходимость папы и не желалъ его низверженія. Недавно угасшій свѣтильникъ нашего православія, митрополитъ Филаретъ, въ послѣднихъ бесѣдахъ своихъ съ людьми близкими воздерживалъ въ нихъ негодованіе противъ римскаго первосвященника и утверждалъ, что неблаговременное уничтоженіе папства будетъ пагубно для христіанства и для всѣхъ видовъ его церкви и только усилитъ безвѣріе. Мы, конечно, какъ и всегда при спорахъ бываетъ, не убѣдили нашего католика, но остались при своемъ мнѣніи. Guingens не дожилъ до книги Гизо, я не могъ также потѣшить его сообщеніемъ ему мнѣнія православнаго святителя, сочувственнаго нашему. Впрочемъ, надобно и то сказать, что папа въ послѣднее время самъ по раздраженному упрямству наложилъ на себя руку.

Послѣ разсказа этой встрѣчи съ легкомысленнымъ католикомъ перейду къ другой, менѣе серьезной встрѣчѣ въ той же скромной гостиной и въ то же время съ одной лозанской дамой, его родственницей. Пріятеля моего часто утомляли наши серьезные разговоры. Вести ихъ въ продолженіе цѣлаго дня и особенно въ осенній вечеръ было для него трудно по при-

чинѣ совершенной глухоты. Я уже сказать, что онѣ слушалъ глазами, и хотя къ этому привыкъ, но понятно, что напряженное вниманіе его утомляло и что ему, болѣе чѣмъ кому другому, нуженъ былъ отдыхъ. Заботясь о томъ, чтобы мнѣ не было у него скучно, онѣ предложилъ мнѣ пригласить одну лозанку, вышедшую за англичанина, m-me Roggott, урожденную m-lle Seigneux. Вышло, что я когда-то, лѣтъ сорокъ назадъ, зналъ ее лично и бывалъ въ домѣ ея родителей, лозанскихъ аристократовъ. Они принимали у себя на пансіонѣ одного или двухъ рекомендованныхъ имъ иностранцевъ, и я, кажется, говорилъ, что въ 1861 году жилъ у нихъ князь Николай Ивановичъ Трубецкой. Когда она, приглашенная Guingens'омъ, спустилась съ горы изъ города въ его виллу, чтобъ обѣдать и провести цѣлый вечеръ, я имѣлъ глупость искренно этой встрѣчѣ обрадоваться и пренаивно высказать ей мои воспоминанія 1822 года. M-me Roggott при этихъ разсказахъ поблѣднѣла отъ злости, начала было увѣрять, что въ 1822 году на свѣтѣ ея не было. Я упорно доказывалъ противное, указалъ на ихъ домъ, послѣдній къ Mont-blanc, припоминалъ даже расположеніе комнатъ, спросилъ, правда ли, что она была, если не ошибаюсь, единственная дочь своихъ родителей, выразилъ мое тогдашнее удивленіе къ ея тогдашней красотѣ и т. д. Прижатая къ стѣнѣ такими неоспоримыми доказательствами, она продолжала блѣднѣть до изнеможенія и, когда возвратился мой хозяинъ изъ кабинета, — онѣ оставлялъ насъ однихъ, какъ старыхъ знакомыхъ, — эта старая моя знакомка объявила ему, что у нея нестерпимо разболѣлась голова, и, несмотря на наши просьбы, удалилась и никогда болѣе уже при мнѣ не приходила.

Послѣднее десятилѣтіе своей жизни Guingens былъ предсѣдателемъ Историческаго Общества Романской Швейцаріи и напечаталъ большой томъ своего историческаго труда съ любопытными для края приложеніями о Бургундіи. Потомъ занялся онъ исторіей Савойи, а за переданныя королю Виктору Эммануилу рукописи о его предкахъ получилъ отъ него ордена св. Лазаря и св. Маврікія. Рассказывая мнѣ объ этихъ послѣднихъ своихъ занятіяхъ, онъ съ величайшимъ негодованіемъ выражался о личности перваго короля всей Италіи, который, вопреки рыцарскимъ понятіямъ о достоинствѣ своего сана, какъ короля, и чести, какъ потомка рыцарей, первый подаль неслыханный до нашихъ временъ примѣръ измѣны своимъ предкамъ, своему отечеству и своему народу, передавъ ихъ безъ честнаго боя самопроизвольному владычеству сосѣдней страны и ея пронырливому, хитрому повелителю. Извѣстно всѣмъ, когда и какимъ образомъ Савойя сдѣлалась французскою провинціей. «И такого короля, — говорилъ Guingens, — какъ бы въ насмѣшку люди новыхъ идей прозвали *gentilhomme*, — того, который отрекся отъ своихъ предковъ и самый прахъ ихъ, рядъ гробницъ въ монастырѣ *Hautes tombes* на озерѣ *Bourget*, предалъ чужеземцамъ, чтобы съ помощью агитатора Гарибальди лишить своихъ законныхъ престоловъ трехъ итальянскихъ владѣтелей! То же, только въ маломъ видѣ, сдѣлалъ и единомышленникъ короля-дворянина, другой рыцарь нашего времени, самъ великій Гарибальди: городъ Ниццу, свою родину, онъ также предалъ французамъ». Взглядъ закоснѣлаго, положимъ, аристократа съ преувеличенными, можетъ быть, рыцарскими идеями я не считаю совершенно вѣрнымъ, а передаю его вполнѣ, какъ черту описываемаго мною характера.

Мнѣ самому казалось страннымъ, да и для каждаго русскаго не могло быть это иначе, до чего могутъ дорастать предрасудки аристократовъ, тѣмъ болѣе поражающіе, что имъ до такой степени подчиняется республиканецъ. Не было комнаты въ домѣ моего швейцарскаго рыцаря, въ которой не встрѣчалось бы изображеніе его герба, рѣзнаго изъ дерева, изъ камня, гравированнаго на мѣди, разрисованнаго на стѣнѣ, вышитаго по канвѣ. Этого мало: въ пріемной лучшей комнатѣ разостланъ былъ большой коверъ, на которомъ виднѣлся гербъ древняго рода Guingens'овъ, окруженный болѣе нежели двадцатью гербами тѣхъ семействъ, съ коими Guingens'ы вступали въ брачныя союзы. Такихъ гербовъ начелъ я не менѣе 28. Конечно, намъ, русскимъ, несравненно болѣе, чѣмъ другимъ, такой аристократизмъ долженъ казаться страннымъ и непонятнымъ, и несмотря на всю мою дружбу къ Guingens'у, я не могъ внутренно не порицать подобную слабость. Мнѣ даже смѣшна была часто выражаемая отъ всего сердца радость тому, что я, его старый пріятель, житель далекаго сѣвера, женатъ на княжнѣ изъ рода Рюрика. Еще разъ повторяю, все это было въ немъ, человѣкѣ не только образованномъ, но и ученомъ, — и странно, и смѣшно. Но когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Guingens'а, возвратясь въ Швейцарію, посѣтилъ я его брата, отставнаго неаполитанскаго генерала, и въ первый разъ увидалъ ихъ древній величественный замокъ Lasarrat, понятія мои о мелкотѣ и ничтожествѣ родовыхъ предрасудковъ нѣсколько измѣнились. Средняя часть зданія на небольшомъ возвышеніи прекрасной мѣстности существовала цѣлое тысячелѣтіе, слѣдовательно, была ровесницей Россійскаго государства. Замокъ первоначально былъ крѣпостью. Первымъ фео-

дальнымъ барономъ былъ прашуръ Guingens'a, присоединившій съ этого отдаленнаго времени къ своему имени названіе замка. Къ этой части зданія въ послѣдующіе вѣка пристраивались съ обѣихъ сторонъ другія строенія, и владѣльцы, дорожившіе своими семейными воспоминаніями, съ простительною гордостью называли посѣтителю эпохи ихъ построенія. Одной пристройкѣ было 400, другой 300, а послѣдней 200 лѣтъ. Съ начала и до конца этотъ ветхозавѣтный замокъ не выходилъ изъ семьи и, несмотря на многія неудобства, былъ обитаемъ хозяевами. Въ нижнемъ этажѣ самага древняго зданія, надъ которымъ былъ другой этажъ, служившій крѣпостью, были только двѣ большія палаты; одна—обитаемая, со сводомъ и такими толстыми стѣнами, что въ нихъ можно бы было имѣть жилье, хотя и очень тѣсное; каминъ въ полстѣны также могъ бы служить спальней; чтобы достаточно натопить такую комнату при одномъ такомъ каминѣ, требовалось бы цѣлое громадное дерево, а можетъ и два; зато и не бывало въ ней тепла болѣе 5 градусовъ, и въ самое жаркое время бывало прохладно и сыро. Рядомъ съ этимъ помѣщеніемъ была древняя капелла, или церковь. Реформація разрушила и истребила въ ней всѣ памятники католичества, и мой пріятель съ художественнымъ вкусомъ любителя древности украсилъ ее тремя памятниками, снятыми съ найденныхъ въ склепѣ гробницъ, изсѣченными изъ камня изображеніями средневѣковыхъ покойниковъ. Всѣ эти гробовыя плиты поражали зрителя еще болѣе, потому что онѣ были вдѣланы въ стѣну. Впрочемъ, тѣ изъ немногихъ католиковъ, которые бывали гостями этого замка, оскорблялись искаженіемъ ихъ церкви и особенно тѣмъ, что надгробныя грубыя из-

ваянія выставлялись именно на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ алтарь.

Здѣсь кончаю я разсказъ о задушевномъ моемъ другѣ воспоминаніемъ о сдѣланномъ мнѣ въ память его радушномъ приѣмѣ отъ его наслѣдника, родного его брата, въ родовомъ его замкѣ. Мѣстечко Lasarrat находится между Лозанной и Ивердономъ, въ часовомъ разстояніи отъ желѣзной дороги. Въ Эклепанѣ (Eclépan), другомъ мѣстечкѣ, откуда родомъ была m-lle de Naville d'Eclépan, умершая прежде Guingens'a, его жена, вышелъ я изъ вагона, и нанятый мною кучеръ выпросилъ у меня позволеніе помѣстить въ экипажѣ одну даму. Спутницей, къ великому моему изумленію, была 20-лѣтняя, весьма хорошенькая, умная и образованная дѣвица. Въ прежней моей Швейцаріи въ общественной жизни такая свобода женщинъ еще не допускалась, и я порадовался прогрессу. Хозяинъ и его двѣ дочери встрѣтили меня со слезами на глазахъ. Вскорѣ вошли въ комнату два сына, одинъ инженеръ, другой помощникъ отца въ небольшомъ полевомъ хозяйствѣ. Старшая дочь, уже немолодая дѣвица, правила домомъ. Пришли еще двое гостей, въ честь мою приглашенныхъ; однимъ изъ нихъ былъ замѣчательный по уму невшателецъ monsieur Gindroz, прежній аристократъ, теперь, за недостаткомъ карьеры, хозяинъ большой филатуры.

Мы разсѣлись около зажженного камина въ той единственной обширной приѣмной комнатѣ подъ тысячелѣтнимъ сводомъ, гдѣ было сыро, несмотря на лѣтній зной. Меня озадачилъ весь этотъ контрастъ какого-то древняго великолѣпія и теперешней простоты, близкой къ убожеству. Одна служанка съ какой-то дѣвочкой начали накрывать массивный столъ бѣ-

лою, какъ снѣгъ, узорною скатертью, выставили на него какія-то старинныя серебряныя украшенія, которыя могли бы красоваться и на столѣ англійскаго лорда или даже въ Зимнемъ дворцѣ. Когда принесли серебряныя блюда и на нихъ разставили въ изобиліи простыя сытныя кушанья, мы, за недостаткомъ прислуги, состоявшей изъ тѣхъ двухъ женщинъ, передавали ихъ другъ другу. Вина было достаточно, оно было домашнее, изъ принадлежащихъ хозяевамъ виноградниковъ, собираемое тщательно въ огромныхъ подвалахъ и улучшаемое въ своей добротѣ многими десятками лѣтъ. Долго сидѣли мы за нашей обильной простой трапезой при совершенномъ отсутствіи всего чопорнаго, натянутого, изысканнаго, и особенно того, что неминуемо должно оскорблять новаго посѣтителя то иногда своимъ великолѣпіемъ и пышностью, то не достигавшимъ цѣли желаніемъ прикрыть бѣдность своихъ средствъ какими-нибудь хитро изобрѣтенными прикрасами. Разговоръ, конечно, шелъ болѣе о любезномъ всему обществу покойномъ Guingens'ѣ. За десертомъ, когда подали доморощенное шампанское, не уступавшее невшательскому, хозяинъ, вышедъ изъ-за стола, принесъ подаренную мной Guingens'у табакерку съ портретомъ нашего царя Алексѣя Михайловича, которую онъ хранилъ въ память о своемъ братѣ и о моей съ нимъ дружбѣ. Она, какъ рѣдкость, никѣмъ изъ посѣтителей невиданная, обошла ихъ всѣхъ. Послѣ обѣда сдѣлали мы всѣмъ обществомъ въ разныхъ незатѣйливыхъ экипажахъ прогулку по живописнымъ окрестностямъ. Долго буду я помнить такъ мирно, такъ пріятно проведенный мною день въ рыцарскомъ замкѣ Guingens'а; къ сожалѣнію, я не могъ сдержать слова— не побывалъ въ немъ въ послѣднее мое пре-

бываніе въ Швейцаріи, потому что старый генераль въ то самое время, когда я къ нему собрался, получилъ извѣстіе о внезапной смерти сына, инженера, утонувшаго въ Ліонѣ въ волнахъ быстрой Роны.

Не знаю, къ какому именно году отнести пребываніе у меня юноши графа Девіера, встрѣчу съ старымъ университетскимъ товарищемъ латинистомъ Глаголевымъ, русскимъ учителемъ князя Репнина, и первое знакомство съ москвичемъ Николаемъ Михайловичемъ Смирновымъ. Все это подробности неинтересныя, но для меня онѣ дороги, какъ воспоминанія молодой жизни. Девіеръ, такой же москвичъ, какъ и я, былъ отправленъ въ Швейцарію въ науку своимъ суровымъ батюшкой. Въ пансіонѣ пастора Bouvier, жившаго долго въ Россіи, Девіеръ не зажился, ему учиться надоѣло, и я помѣстилъ его, семнадцатилѣтняго юношу, у себя. Глаголевъ, жившій на дачѣ у княгини Репниной, важной и недоступной дамы, гдѣ находился еще гувернеръ Malan, братъ методиста, замерзалъ постоянно отъ окружавшаго его въ этой семьѣ холода, къ которой, какъ неуклюжій, хотя и ученый семинаристъ, онъ никакъ не могъ подладиться и въ ней уживаться. Ученикъ его былъ мальчикъ разсѣянный, сестры его молоденькія еще дѣвушки, которымъ мать не позволяла быть въ короткости съ учителемъ, а Malan смотрѣлъ на Глаголева съ нѣкоторымъ презрѣніемъ: вотъ какова была окружающая его обстановка. Онъ явился ко мнѣ обрадованный несказанно тѣмъ, что имѣлъ живого человѣка, да еще близкаго ему по университету, и вотъ начались у насъ съ нимъ и съ Девіеромъ каждое воскресенье или праздникъ прогулки въ шарабанѣ по окрестностямъ Женевы. Кучеромъ нашимъ былъ

Девієръ. Обѣдывали мы въ разныхъ кабачкахъ (gingette) и тѣшились русскими пѣснями. Оба мои спутника тосковали по родинѣ и потому были неистовыми патріотами, ненавидѣвшими всякія *за франицы*, которыя, по словамъ ихъ, во всѣхъ отношеніяхъ были хуже нашей *dura Patria*. Я по крайней мѣрѣ стоялъ передъ ними за климатъ. Глаголеву и климатъ не нравился и, бывало, нарочно прихаживалъ онъ ко мнѣ изъ *Еaux vives* на *Place Saint Antoine* въ каждый сѣренькій день и особливо въ нестерпимую бизу, чтобы убѣдить меня въ превосходствѣ родного климата. Репнины жили по-барски и исключительно въ этомъ отношеніи по-русски, широко и роскошно. Въ матеріальномъ отношеніи Глаголеву было у нихъ очень хорошо. Для поддержанія своей со мною дружбы, онъ приглашалъ меня къ себѣ завтракать, кормилъ и поилъ на славу. У французовъ есть пословица: *les petits cadeaux entretiennent l'amitié*; у насъ она поддерживается угощеніями, а карману моего университетскаго товарища они ничего не стоили: все было хозяйское. Никого изъ хозяевъ мы не видали, развѣ, бывало, на пять минутъ зайдетъ посмотрѣть на насъ, ядушихъ и піющихъ, *Malan* съ своимъ воспитанникомъ. О томъ, чтобы представить меня и Девієра княгинѣ, не было и рѣчи. Она жила на недосыгаемой высотѣ своего Олимпа, взаперти отъ всѣхъ. Графъ Девієръ, мой сожитель, несмотря на свое трехлѣтнее пребываніе въ Женевѣ, все еще оставался избалованнымъ и превспыльчивымъ московскимъ барченкомъ, а Глаголевъ, въ *pendant* къ нему, взрослымъ угловатымъ кутейникомъ. Однажды дворянская спесь перваго рѣзко высказалась при слѣдующемъ случаѣ. Въ полночь разбудило меня необыкновенное движеніе на нашей

площади Saint Antoine. Я надѣлъ свою альмавиву и, не имѣя ничего подъ нею, выскочилъ въ туфляхъ на крыльцо нашего rez de chaussée. Стоявшая передъ нимъ толпа въ двухъ рядахъ при моемъ появленіи закричала: «à la chaîne, à la chaîne!» Тутъ я узналъ, что сзади насъ былъ пожаръ и что меня приглашали, правильнѣе сказать, мнѣ приказывали становиться въ цѣпь, которая сама собою вытянулась до самаго озера, чтобы передавать ведрами изъ рукъ въ руки воду. Я насилу выпросилъ позволеніе войти къ себѣ и сколько-нибудь пріодѣться. Разбуженный мною Девіеръ, котораго я приглашалъ слѣдовать за мною и стать въ цѣпь, долго не соглашался. Ему претило дворянское его чувство. «Вотъ еще, стану я въ ряды всякихъ блузниковъ!» Мы проработали въ цѣпи часа три и очень усердно. Послѣ этого пожара сохранилось у меня воспоминаніе о недостаточности полицейскихъ мѣръ и геройскомъ самоотверженіи нѣкоторыхъ жителей. Двое изъ женевскихъ студентовъ—одинъ былъ сынъ синдика—провалились съ крыши и погибли. Въ длинной цѣпи работали всѣ безъ исключенія и, конечно, безъ различія состояній, и самъ усталый мой юноша подъ конецъ согласился, что такой порядокъ не худо бы завести и въ Россіи, хоть бы по принужденію.

Черезъ Девіера познакомился я съ его пріятелемъ изъ Москвы, Николаемъ Михайловичемъ Смирновымъ, такимъ же аристократикомъ, какъ и Девіеръ, но богатымъ маменькинымъ сынкомъ, страшно избалованнымъ. Прежде чѣмъ Смирновъ пришелъ къ намъ, чтобы со мною познакомиться, явился ко мнѣ раннимъ утромъ его слуга и бухъ въ ноги. «Кто ты и что тебѣ нужно»? — Батюшка, помогите! Спасите,

Бога ради, отправьте меня поскорѣе въ Россію,—сказаль онъ съ раздирающимъ душу рыданіемъ. Долго не могъ я добиться отъ него толковаго разказа и, наконецъ, узналь, что госпожа Смирнова отправила его съ своимъ сынкомъ на другой день послѣ его свадьбы съ горничной, какъ видно, страстно имъ любимой, а сдѣлала она это для того, чтобы крѣпостной хамъ служилъ вѣрнѣе своему барченку. «Я, пожалуй, похлопочу. Надѣюсь, что поможетъ мнѣ и пріятель твоего барина, графъ Девіеръ, но врядъ ли согласится твой баринъ остаться безъ слуги, къ которому онъ привыкъ». — Батюшка, у насъ, кромѣ меня, есть другой, тоже крѣпостной, поваръ. — Заботливая о сынкѣ маменька отправила свое дѣтище съ гувернеромъ, *monsieur Bertholet*, и съ двумя крѣпостными, камердинеромъ и поваромъ. Послѣднему приказано было за-пасться въ дорогу сковородами и кастрюлями, а первому—не одной дюжиной столоваго и постельнаго бѣлья и, вдобавокъ, на защиту пистолетами, топорами, веревками по экипажнымъ частямъ. Я отпустилъ слугу, и вскорѣ явился московскій барчукъ съ своимъ гувернеромъ. Не трудно было мнѣ возбудить въ швейцарцѣ сочувствіе къ страстно влюбленному въ свою жену камердинеру Смирнова. И на другой же день этотъ несчастный отправленъ былъ мною въ Бернъ на счетъ московскаго юноши для полученія паспорта. Вслѣдъ за этимъ отправился къ себѣ, въ *Aubonne*, на время и *monsieur Bertholet*, и мы остались втроемъ и начали показывать Женеву пріѣзжему.

Спустя два дня была новая сцена. Смирновъ вздумалъ праздновать день рожденія своей сестрицы и при сей вѣрной оказіи далъ намъ обѣдъ въ единственномъ тогда ресторанѣ. Богатый юноша, такъ

недавно вырвавшійся изъ-подъ опеки строгой матери, оберегавшей его, какъ зѣнцу ока, угостить насъ по-московски: за немѣніемъ стерлядей, представилъ намъ какую-то огромную рыбку, которую не могли бы съѣсть и десять человѣкъ, и, провозглашая здоровье сестрицы, вынулъ изъ кармана портретъ новорожденной. «Не правда ли, что сестра очень похожа?»—сказалъ онъ Девіеру. «Похожа - то похожа и даже хороша. Живетъ! Да зачѣмъ твой живописецъ нарисовалъ ее съ горбомъ, такое сходство совершенно лишнее. Свербеевъ, посмотрите, не правда ли?» Молоденькая дѣвочка съ миловиднымъ личикомъ въ самомъ дѣлѣ нарисована была горбатою, какъ теперь помню, въ какомъ-то платьѣ мордоре, съ пелеринкой, не скрывавшей, однако, ея недостатка. «Да вѣдь она похожа?» — повторилъ Девіеру Смирновъ. «Я уже тебѣ сказалъ, что похожа, да зачѣмъ выставлать ее уродцемъ?» Слово уродецъ оскорбило Смирнова, начался споръ, потомъ ссора, а, наконецъ, и крупная брань. Который изъ ссорившихся предложилъ дуэль, я и самъ не помню, но вызовъ былъ принятъ, несмотря на всѣ мои усилія ихъ примирить. Я предложилъ себя Смирнову въ свидѣтели, а Девіерь сказалъ, что приищетъ себѣ кого-нибудь другого изъ своихъ женевскихъ знакомыхъ. Съ надеждою, что утро вечера мудренѣе, отвелъ я Смирнова въ его гостиницу и уложилъ спать, а, придя домой, нашелъ въ глубокомъ снѣ и Девіера. Оба на другой день выспались, протрезвились и помирились, и мы отправили нашего Смирнова съ его гувернеромъ и его дормезомъ во Флоренцію, гдѣ онъ потомъ примкнулся къ миссін и зажилъ по-московски. Чтобы однимъ словомъ указать на его тамошнее житье-бытье, до-

вольно сказать, что на его конюшнѣ было 18 лошадей, посему же и прочее разумѣвается. Мнѣ, можетъ быть, еще придется написать много кое-чего о Смирновѣ, если болѣе крупныя, нежели онъ, личности не отвлекутъ меня отъ описанія этого своего рода оригинала, человѣка чрезвычайно добраго, во всѣхъ отношеніяхъ благороднаго и честнаго, но вѣдальнаго и горячаго иногда до бѣшенства.

Этимъ же лѣтомъ вздумалось мнѣ съѣздить на воды въ Aix en Savoie. Столица ея Шамбери (Chambéry) мнѣ очень полюбилась, по всегдашней моей страсти къ небольшимъ уютнымъ городамъ съ живописными окрестностями и замѣчательными историческими памятниками. Конечно взглянулъ я и на мѣстечко Charrette, гдѣ нѣкогда подъ крылышкомъ madame de Varens вылелѣянь былъ нѣжными и страстными ея попеченіями въ ранней юности Иванъ Яковлевичъ Руссо. Мнѣ показали комнату, въ которой онъ жилъ, тщательно сохраняемую въ прежней ея простотѣ догадливымъ хозяиномъ, какъ средство заманивать путешественниковъ. Предложили и толстую записную книгу, въ которой написано было множество французскихъ и англійскихъ стихотвореній съ разными чувствительными изліяніями и сладкою дамскою прозой, но ни одного русскаго изреченія. И вотъ, для курьеза, написалъ я въ ней славянскимъ уставомъ: *упокой Господи душу усопшаго раба Твоего Іоанна и сотвори ему вѣчную память*, съ опущеніемъ рукоприкладства. Въ то же лѣто, а потомъ и гораздо послѣ, разные русскіе говорили мнѣ о какомъ-то чудакѣ, такъ, по ихъ мнѣнію, неприлично помянушемъ покойнаго философа XVIII вѣка.

Въ Aix les Bains, лежащемъ въ живописной долинь, окруженной небольшою цѣнью горъ такихъ, которымъ я не давалъ даже и титла высочествъ *), а просто называть превосходительными, нашелъ я огромное собрание французовъ, большею частію изъ Dauphiné и Provence, и много порядочныхъ и непорядочныхъ французенокъ.

Все это очень любезное на видъ общество съ ранняго утра отправлялось на свой водопой, собиралось завтракать, по французскому обычаю, часовъ въ 10 утра и кушало съ увлеченіемъ обильную мясную и всякаго рода пищу,—не то что на нѣмецкихъ водахъ, на которыхъ пациенты живутъ всегда впроголодь. Да, правду сказать, на этакихъ водахъ настоящихъ больныхъ совсѣмъ не было видно; всѣ эти водопійцы гуляли, читали, болтали съ ранняго утра, играли то въ вистъ, то въ экарте и каждый вечеръ до изнеможенія танцовали, при отсутствіи всякаго надзора санитарной или врачебной полиціи. Не знаю, отчего и почему такое всеобщее веселое раздолье меня на всѣхъ озлобило до того, что я далъ себѣ слово рѣшительно ни съ кѣмъ не говорить и упорно хранилъ молчаніе до тѣхъ поръ, покуда не познакомился со мной пріѣхавшій съ княгиней Репниной и ея дочерьми ихъ домашній докторъ, иностранецъ, пресмѣшно бесѣдовавшій со мной по-русски.

Вскорѣ получилъ я изъ Женевы отъ Девіера очень милое письмецо, которымъ просилъ онъ у меня согласія и какъ будто дозволенія пріѣхать для свиданія со мной въ Aix. По моему примѣру онъ тоже сталъ

*) Изучая по картамъ и гидамъ и еще болѣе наглядно цѣпи Альпійскихъ горъ въ Швейцаріи я, въ шутку для себя, различалъ ихъ подъ двумя видами: императорскія и королевскія, высочества и превосходительства.

играть въ экарте, но раздражительный юноша игралъ не по моему и проигрывалъ не по средствамъ. Между тѣмъ появилась въ общей залѣ редута или клуба откуда-то шайка игроковъ мошенниковъ и открыла игорный банкъ съ условіемъ допускать противъ себя крупныя въ экарте ставки. Не подозрѣвая мошенничества, многіе на ихъ ловушку попались, Девіеръ мой тоже имъ поплатился. Наконецъ стали догадываться, что у нихъ поддѣльныя карты, *cartes lisottées*, и что, сверхъ того, они ими передергиваютъ. Одного мошенника схватили за руку на самомъ дѣлѣ; шумъ поднялся страшный, вся толпа встала, какъ одинъ чело-вѣкъ, хотѣла было обратиться въ полицію, самоуправно отобрать у нихъ всѣ деньги,—но рѣшили выпроводить воровъ съ ругательными криками. Послѣ говорили, что нѣкоторые изъ проигравшихъ, самые ярые, мошенниковъ провожали и слегка поколотили.

Такая сцена съ шулерами испортила мнѣ и городокъ съ водами, и мое въ немъ пребываніе. Поглядѣвъ на хорошенькое озеро Bourget и Haute tombe, съ проданными въ послѣдствіи Франціи за дорогую цѣну гробницами своихъ предковъ, королемъ, положимъ—Gentilhomme, но ужъ, конечно, не рыцаремъ, отправился я назадъ, въ Женеву. Девіеръ остался въ Aix, опять распроигрался, и я насилу его оттуда вытащилъ. Славный, честный онъ былъ малый. Долго по выѣздѣ изъ Швейцаріи оставался онъ подъ гнетомъ скупого и суроваго отца, котораго въ своемъ раздраженіи называлъ бывало, *le père éternel*. Въ ихъ семьѣ, мнѣ незнакомой, не было согласія. Мой юноша удалился отъ нея на службу, на Кавказъ. Нанюхавшись въ Швейцаріи республиканскаго духа, служилъ онъ храбро, какъ воинъ, и честно, какъ образованный дѣлецъ, въ военной адми-

нистраціи, но не умѣлъ подлаживаться къ начальству и неудачно влюблялся въ дочерей двухъ или трехъ генераловъ, бывшихъ начальниками въ томъ краѣ.

Девіеръ, вышедъ послѣ смерти отца въ отставку и получивъ порядочное наслѣдство, купилъ затѣйливую на рѣкѣ Москвѣ подмосковную графини Лаваль, и весь предался ей украшенію и въ ней на иностранный ладъ хозяйству, началъ постройки разныхъ швейцарскихъ шале съ молочными и сыроварными фермами, сталъ осушать каналами болота и, отводя изъ нихъ воду, затопивъ сосѣднія земли, разбѣсился на свои неудачи и бросился въ Петербургъ искать службы съ помощію своего пріятеля Смирнова, бывшего уже тогда губернаторомъ. Отъ Смирнова же узналъ я и послѣднее обстоятельство всей тревожной жизни Девіера. Однажды въ Петербургѣ этотъ неугомонный, но еще не старый графъ Девіеръ, потомокъ того выходца изъ Португаліи, который, женившись на сестрѣ знаменитаго Меншикова, добылъ себѣ и важный чинъ, и графство,—вбѣжалъ въ кабинетъ Смирнова и потребовалъ, чтобы онъ непременно выхлопоталъ ему въ два дня заграничный паспортъ. Ихъ тогда безъ троекратной публикаціи въ газетахъ не выдавали, и въ этой процедурѣ проходило болѣе недѣли. «На что тебѣ такъ скоро?»—спросилъ его Смирновъ. «Видишь ли, если я останусь на недѣлю въ Петербургѣ, непременно долженъ жениться, а мнѣ не хочется.»—«Какъ? на комъ?»—«Все это, мой другъ, расскажу я тебѣ по моемъ возвращеніи, а теперь давай паспортъ.»—Смирновъ взялъ на свою отвѣтственность всѣ послѣдствія нарушенія закона о паспортахъ, по связямъ съ генераль-губернаторомъ Игнатьевымъ его добылъ. Прошло три мѣсяца—Девіеръ возвратился въ Петербургъ, и

зоветь Смирнова быть у него посаженнымъ отцомъ. «Такъ ты не отвергълся?»—«А ты, Смирновъ, думаешь, что я женюсь на моей прежней? Ничуть не бывало! Я на пароходѣ изъ Любека сюда встрѣтился съ М-ле Шульцъ, дочерью ослѣпшаго секретаря королевы Анны Павловны, женюсь на ней.»—Молоденькая жена Девіера черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы занемогла холерой; мужъ въ отчаяніи опять бросился къ своему другу и, по его совѣту, взялъ лучшаго доктора, которому удалось вскорѣ прекратить холерные припадки. На бѣду жена, почувствовавъ послѣ первыхъ медицинскихъ средствъ облегченіе, томила жаждой; нѣжный супругъ предложилъ ей апельсинъ, потомъ два, три и четыре. Припадки возобновились; призванный докторъ разобралъ Девіера за угощеніе, сказавъ ему, что онъ этимъ можетъ уморить свою жену. Вдругъ ночью позвали къ Девіеру Смирнова, который думалъ, что умираетъ его жена; прибѣгаетъ—и находитъ на столѣ самого Девіера. Мужъ такъ испугался угрозъ доктора, что самъ получилъ припадки сильной холеры, взялъ да и умеръ.

Вы уже прочли теперь два романа изъ моей жизни, но у меня ихъ было два съ половиной. Эту-то самую половину начинаю я описывать. Въ Женеву въ началѣ лѣта 1825 года пріѣхало богатое семейство Бекъ. Мужъ былъ сынъ знаменитаго акушера императрицы Екатерины II, а мать, если не ошибаюсь,—принявшая на свои руки Павла бабушка. За такія врачебныя послуги награждены они были большими помѣстьями въ разныхъ губерніяхъ и, между прочимъ, въ Бронницкомъ уѣздѣ на Москвѣ рѣкѣ подмосковной съ огромнымъ количествомъ заливныхъ луговъ. Мой жевевскій знакомый, Александръ Ивановичъ Бекъ, про-

ходилъ свое служеніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и, несмотря на свою тупость и плохое образованіе, достигъ до удобнаго для прожитія въ Россіи, по сдѣланному мнѣ графомъ Каподистрія замѣчанію, чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Женатъ онъ былъ, или, вѣроятнѣе, его женили, на бойкой московской барышнѣ, какой-то не то грузинкѣ, не то армянкѣ, Мурзалимовой. Вывезли они съ собой изъ Россіи въ Швейцарію троихъ дѣтей, чахлаго юношу-поэта, Ивана, двухъ дочерей, хорошенькихъ (каждая въ своемъ родѣ), черноватую толстенькую Екатерину и эфирную, съ голубыми глазами, бѣлокурую Марію и при нихъ пожилую кузину батюшки m-ле Аллеръ. Въ Женевѣ жили они отъ меня близко и со всѣми съ ними съ перваго же разу я сдружился. Съ этой семьей коротко былъ знакомъ Ипполитъ Ивановичъ Подчасскій, мужъ Трубецкой-Потемкиной, поэтому долженъ былъ познакомиться съ нимъ, но поневолѣ, и я, но весьма неловко. Тогда были въ большой модѣ воскресныя катанья по озеру на недавно еще заведенныхъ пароходахъ. Совершали ихъ не одни иностранцы, а и большая часть сколько-нибудь любопытныхъ женевцевъ, не знавшихъ и не видавшихъ до того времени береговъ своего родного Лемана. Поэтому на палубѣ и въ каютахъ въ пароходѣ была давка страшная. Непроходимая толпа стала у конторки, гдѣ выдавали билеты. Насилу добрались мы съ Девіеромъ до прилавка, до котораго болѣе десяти минутъ не допускалъ насъ какой-то очень неряшливо одѣтый господинъ выжиданіемъ сдачи. Юноша мой по своему обыкновенію началъ выходить изъ себя, тѣмъ болѣе, что на насъ напирала сзади. «Вотъ еще,—громко сказалъ онъ мнѣ по-русски,—дожидайся изъ-за какого-

нибудь лакея!» Я отвѣчалъ шутя: «Хочешь—прогонимъ». Тогда тотъ господинъ, обратясь къ намъ, спросилъ: «Милостивые государи, кого вы хотите прогнать? Не меня ли?» Какъ нарочно на другой день нашего кругоозернаго пути званъ я былъ къ Бекамъ обѣдать и меня познакомили съ этимъ самымъ Ипполитомъ Ивановичемъ Подчасскимъ, который, какъ человѣкъ очень порядочный, ни словомъ, ни знакомъ не намекнулъ на вчерашнее. И теперь еще я съ нимъ знакомъ и почти породнился.

Дѣвочки Бекъ, которыхъ мы съ Девіеромъ прозвали «векшами», были премиленькія. Вся семья была простая, вполнѣ русская и безцеремонная. Отецъ былъ добрякъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Маменька—не безъ претензій и съ аристократическими замашками, нисколько ей не подобающими, но сносными. Начались загородныя гулянья и катанья, и я ежедневно бывалъ у нихъ, какъ дома, а Девіеръ былъ такой дикарь, что и отъ знакомства съ такою семьей отказался. Дальнѣйшій мой рассказъ о ней принадлежитъ къ веснѣ 1826 года и къ Парижу, а къ числу немногихъ моихъ знакомыхъ въ Женевѣ остается мнѣ прибавить княгиню Голицыну, мать графини Корнъяни, которая жила на своей виллѣ въ Versoix, и овдовѣвшую графиню Шувалову, бывшую потомъ графинею Полье и, наконецъ, княгинею Бутера, жившую также на берегу озера между Женевой и Лозанной. Я любилъ очень русскую кухню послѣдней и угощавшаго меня въ оной ея фактотума, генерала Кулибаева. Однажды взялъ я у нихъ полдюжины бутылокъ отличнѣйшихъ кислыхъ щей, которыя распивали мы вмѣстѣ съ Девіеромъ и другими, совсѣмъ незнакомыми намъ на палубѣ, отправляясь въ Эвьенъ. Русскій нашъ напитокъ

въ знойный вечеръ всѣмъ понравился, и хвалебными о немъ отзывами патриотъ Девіеръ очень былъ утѣшенъ.

Теперь переносусь въ Парижъ. О поѣздкѣ моей туда изъ Женевы съ дѣдушкой Геншъ я уже говорилъ. Говорилъ также и о достопамятномъ обѣдѣ у Поццо ди Борго съ графомъ Каподистрія въ тотъ самый день, когда получена была въ Парижѣ первая вѣсть о взятіи турками Миссолунги. Къ нашему послу Поццо ди Борго явился я въ день пріѣзда. Онъ, сверхъ моего ожиданія, по рекомендательному письму отъ барона Крюднера, обошелся со мной очень благосклонно и пригласилъ, скорѣе—приказалъ, бывать у него какъ можно чаще и безъ зова, а Ломоносовъ внушалъ мнѣ, что посольство всегда бываетъ особенно внимателенъ къ молодымъ чиновникамъ другихъ нашихъ миссій, заѣзжимъ на время въ Парижъ, и заботится о томъ, чтобы они въ этомъ омутѣ не слишкомъ портились. Такая честь была мнѣ не по вкусу; привѣтливость графа ни на волосъ не уничтожала того разстоянія, которое насъ раздѣляло; разговаривалъ онъ со мною четверть часа, сидя въ большихъ креслахъ, а я стоялъ передъ нимъ, какъ передъ образомъ свѣчка. Къ счастью, между чиновниками посольства, совѣтникомъ Шредеромъ, секретаремъ Лабенскимъ и Шписомъ, обращавшимися съ другими юношами свысока, нашелъ я еще одного секретаря Сережу Ломоносова, близкаго родственника моихъ тоже близкихъ родныхъ Обресковыхъ, мнѣ нѣсколько знакомаго. Этотъ былъ ко мнѣ радушнѣе.

Кромѣ сихъ господъ, занимался перепискою въ канцеляріи племянникъ нашего посла въ Мадридѣ, вы-

шедшій изъ пансіона лицея, Убри. Его дядя, того же имени, прислалъ его въ Парижъ съ какими-то депешами. Когда вскорѣ послѣ меня пріѣхалъ въ Парижъ Бергъ, всѣ трое мы часто видались, вмѣстѣ общивались и бывали въ театрахъ. Ни въ одномъ изъ всѣхъ встрѣчаемыхъ мною дипломатовъ, крупныхъ и мелкихъ, не замѣчалъ я такихъ либеральныхъ замашекъ, какими на каждомъ шагу отличался самъ Убри, пугая ими особливо Берга, который тоже въ пансіонѣ лицея учился. На счетъ его предупреждалъ меня Ломоносовъ, тоже лицеистъ, но постарше. Онъ говорилъ, что Убри еще въ Петербургѣ заразился революціонными идеями, и что дядя, не умѣя съ нимъ сладить, какъ дикаго звѣрка, выслалъ его изъ Мадрида отъ своей миссіи къ Поццо ди Борго для укрощенія, и что онъ у всѣхъ у нихъ находится подъ надзоромъ. Мы тоже съ Бергомъ начали обращать его на путь истинный, то-есть благоразумный и дипломатическій, однако безъ успѣха. Я уже скажу о немъ все, что знаю, и покажу его, какъ образчикъ тогдашняго либеральнаго развитія. Оставаясь послѣ меня въ Парижѣ, онъ поссорился съ Поццо ди Борго престранно и презабавно. Каждый день засиживался онъ долго за перепиской, которую взваливали на него прочіе секретари, сдѣлавъ изъ него рабочаго. Однажды вошелъ въ канцелярію посолъ и, не найдя въ ней никого, кромѣ Убри, бросилъ передъ нимъ кипу бумагъ, сказавъ: «Voilà du foin pour mes chevaux», и тотчасъ вышелъ. Юноша взбѣсился донельзя, выскочилъ, какъ угорѣлый, изъ канцеляріи, надвинулъ на глаза шляпу и цѣлый день, какъ сумасшедшій, мѣрялъ парижскія улицы. На другой день въ необычный часъ вбѣжалъ онъ къ Поццо и требовалъ, чтобы его приняли. По-

слу не дать онъ выговорить ни одного слова и самъ разразился передъ нимъ въ крайне неприличныхъ выраженіяхъ. Поцпо выгнать его отъ себя, запретить ему являться на глаза и ходить въ канцелярію, о поступкѣ его написать къ дядѣ и къ графу Нессельроде. Все объяснилось и вышло просто. Наше посольство давно добивалось назначенной редуціонной коммисіи вознагражденія въ пользу Россіи за всѣ издержки, сдѣланныя корпусомъ графа Воронцова во время стоянія во Франціи. Долго спорили о продовольствіи русской кавалеріи и наконецъ согласились заплатить большую сумму за сѣно, изъ-за котораго Убри сначала лишился мѣста, а потомъ и всякой карьеры. Постъ вынужденной отставки поселился онъ въ Витебской губерніи, тамъ выбранъ былъ помѣщикомъ изъ поляковъ въ уѣздные предводители. За возмутительную рѣчь, сказанную имъ на первомъ засѣданіи дворянства, приглашенъ онъ былъ познакомиться съ III отдѣленіемъ, которому угодно было обратить на него свое благосклонное вниманіе. Слѣдствіемъ такого знакомства была высылка его на житье въ Калугу подъ личный надзоръ тамошняго губернатора Иларіона Михайловича Бибикова. Бибиковъ былъ друженъ съ семействомъ Убри и черезъ годъ или два выхлопоталъ ему прощеніе, и Убри отправился въ Парижъ, гдѣ сошелся съ поэтомъ Мицкевичемъ, уже полусумасшедшимъ и нѣкимъ философомъ-мечтателемъ Товіанскимъ, который проповѣдывалъ въ Парижѣ пренелѣпую утопію, сущій бредъ католика и вмѣстѣ философа и мистика. Въ то же время познакомился онъ и съ аббатомъ Ламеннэ, уже отлученнымъ отъ церкви папой. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ ярыхъ мечтателей и самъ Убри, лишенный всякаго авторскаго та-

ланта, вздумалъ быть публицистомъ и началъ печатать нѣмъ не читаемыя брошюрки на французскомъ языкѣ: въ то время русской заграничной литературы еще не было. Оскорбленный неуспѣхомъ, вернулся онъ проповѣдывать въ Россію, являлся и въ московскихъ литературныхъ кружкахъ, былъ въ нихъ какимъ-то загадочнымъ особнякомъ и надоѣдалъ всѣмъ, а особливо мнѣ, чтеніемъ своихъ пошлыхъ и туманныхъ манускриптовъ на русскомъ языкѣ. Не найдя ни въ комъ и въ Россіи себѣ сочувствія, онъ опять воротился въ Парижъ и, разстроивъ небольшое состояніе безтолковою жизнью, умеръ тамъ въ бѣдности.

Очень бы любопытно было, хотя и приблизительно, знать огромное число жертвъ нашего либерализма, умершихъ въ ранней молодости или только что вступившихъ въ пору зрѣлаго возраста и большею частью бесполезныхъ себѣ и другимъ. У насъ въ обычаѣ порицать нѣмцевъ и преимущественно остзейцевъ за ихъ служебное долготерпѣніе; не берусь рѣшить, кто полезнѣе: эти ли служаки или наши мечтатели при рьяныхъ, обыкновенныхъ способностяхъ? Утверждаю, что нѣмцы-труженики несравненно разумнѣе и полезнѣе на своихъ невидныхъ мѣстахъ, откуда не только не нужно, но даже и бесполезно устремлять свои полеты въ воздушное пространство. Скажу болѣе: труженики эти честнѣе; они, по крайней мѣрѣ, служа изъ-за хлѣба, не возстаютъ противъ дающаго пищу боящимся его, тогда какъ наши весьма и весьма обыкновенные люди за тѣмъ же хлѣбомъ и за мѣстами также бѣгаютъ, на нихъ не уживаются и исчезаютъ безъ шума. Примѣры того и другого рода людей можно видѣть рядышкомъ у меня, въ моихъ «Запискахъ».

Не стѣсняемый въ денежныхъ средствахъ, началъ я парижскую мою жизнь пошире прежняго, и на все время своего послѣдняго пребыванія во всемірной столицѣ взялъ на мѣсяцъ великолѣпный кабріолетъ, но и тутъ всегдашняя моя бережливость восторжествовала надъ порывомъ къ роскоши. Экипажъ бралъ я не на цѣлый день, а съ четырехъ часовъ пополудни до двухъ часовъ пополуночи, и платилъ за него триста франковъ въ мѣсяцъ. Конь мой былъ такой великолѣпный, что нашъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ, и тогда уже знаменитый лошадиный охотникъ, на него любовался и удостоивалъ меня иногда своимъ присутвіемъ въ катаньѣ по Булонскому лѣсу.

Кромѣ этого удовольствія, которое, впрочемъ, находилъ я довольно скучнымъ, предался я и другимъ развлеченіямъ, разумѣется, по характеру моему въ мѣру. Пустился въ русское высшее общество на вечера и обѣды къ вѣчно юной, а тогда еще и не старой графинѣ Маріи Григорьевнѣ Разумовской, къ Голицынымъ, жена котораго была Апраксина, а всего чаще ко вдовѣ, графинѣ Шуваловой, уже невѣстѣ швейцарца изъ Лозанны Полье, которому французскій король далъ графство. Богатство послѣдней казалось мнѣ и тогда уже и послѣ загадочно-неистоцимымъ. Милая эта женщина, чрезвычайно робкая и застѣнчивая, вмѣняла себѣ въ общественную обязанность быть для всѣхъ гостепріимной, хотя и видимо тяготилась приемами у себя два раза въ недѣлю, на обѣдъ и вечеръ, всего русскаго общества, а иногда и французовъ. Чтобы въ этихъ домахъ быть самостоятельнымъ для себя и пріятнымъ для другихъ, началъ я играть въ большую игру. Она мнѣ благопріятствовала, такъ что все время кутилъ я на чужія деньги,

выигравъ болѣе 7.000 фр. Нѣкоторые играли изъ рукъ вонъ дурно, особливо въ экарте; мнѣ же такъ везло, что за меня Ломоносовъ, страстный игрокъ, вмѣстѣ съ другими всегда держали большія пари и всегда выигрывали, отчего я сдѣлался во всѣхъ этихъ кружкахъ какою-то знаменитостью. Шувалова имѣла въ театрахъ французскомъ, итальянскомъ и Большой оперѣ свою ложу. У итальянцевъ я имѣлъ абонированное дорогое кресло въ третьемъ ряду, а въ двухъ другихъ театрахъ ходилъ въ ложу къ моей графинѣ.

Долго и тщетно добивались у Голохвастова, чтобы онъ сдѣлалъ визитъ Шуваловой; наконецъ, Голохвастовъ послѣ перваго визита рѣшился ѣхать къ ней со мною обѣдать. Никогда не забуду сцены представленія моего накрахмаленнаго университетскаго товарища скромной хозяйкѣ этого великолѣпнаго дома. Она еще его не видала и, застѣнчивая, при первомъ появленіи привезеннаго къ ней гостя смутилась и безмолвствовала. Голохвастовъ самъ дрожалъ отъ робости, ни дать, ни взять, какъ гоголевскій Подколесинъ, котораго сваха привезла къ невѣстѣ. На меня тоже напалъ какой-то глупый страхъ, и я не зналъ, что съ ними дѣлать до пріѣзда другихъ посѣтителей.

Не лишнимъ считаю припомнить, что я говорилъ о русскомъ въ Парижѣ обществѣ весною 1826 года, въ первый годъ новаго царствованія, бурно начавшагося мятежомъ 14 декабря, что въ это самое время длилось еще уголовное слѣдствіе о декабристахъ и что между всѣми нами, собиравшимися у Шуваловой, у каждого были либо родные, либо коротко знакомые въ числѣ декабристовъ. Казалось бы, что при общихъ свиданіяхъ мы должны были больше всего толковать о томъ, что у насъ случилось и что те-

перь творится и ожидается; напротивъ, всѣ мы какъ будто сговорились между собою упорно молчать о недавно прошломъ и нашемъ настоящемъ времени и ограничивались общою восторженностью мудрымъ начинаніямъ въ подвигѣ правленія новаго императора, усмирившаго мятежъ и тѣмъ спасшаго Россію. О преступникахъ скорбѣли, но въ сужденіяхъ о нихъ воздерживались отъ порицанія. Развязку слѣдствія уголовного, а потомъ и суда, ожидали съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ.

Въ это время я скоро нашелъ въ Парижѣ болѣзненнаго князя Θεодора Александровича Щербатова и у него познакомился съ Алексѣемъ Алексѣвичемъ Оленинымъ. Всѣ трое были мы однихъ лѣтъ и потому между собою сблизились. Я же Щербатова, брата моей жены, зналъ и прежде, когда за годъ передъ этимъ былъ онъ у меня въ Швейцаріи. Всего бы естественнѣе между нами троими было толковать на чужой сторонѣ о важныхъ домашнихъ событіяхъ; я и попробовалъ заговорить о нихъ съ Оленинымъ, который гораздо позднѣе меня и Щербатова выѣхалъ изъ Петербурга, но встрѣтилъ въ немъ, большомъ говорунѣ, странную сдержанность и началъ догадываться, что Оленинъ, а можетъ быть и Щербатовъ, принадлежали къ этому въ Россіи тайному обществу и что они меня опасались, какъ чиновника, хотя и мелкаго; поэтому и я положилъ храненіе устамъ моимъ и долженъ былъ совсѣмъ нехотя между всѣми, встрѣчаемыми мною молодыми людьми быть въ родѣ какого-нибудь инока, наложившаго на себя обѣтъ молчанія. Случайно попалъ я на весьма либеральный русскій разговоръ Якова Толстого въ café Онъ завтракалъ возлѣ меня съ неизвѣстнымъ мнѣ тоже

русскимъ. Оба они начали такъ откровенно говорить о декабристахъ, скорбѣть о ихъ неудачѣ, называть разные имена тѣхъ, которые даже и не показаны были въ спискѣ находившихся подъ слѣдствіемъ, что я счелъ обязанностью заявить имъ, что я тоже русскій и нисколько не желаю выслушивать всѣхъ ихъ современныхъ подробностей; я тотчасъ же почувствовалъ внутри себя, что мнѣ рѣшительно не слѣдуетъ ихъ знать, чтобы не быть поставленнымъ въ тяжкую обязанность передать ихъ нашему посольству по долгу службы, присяги и по моимъ тогдашнимъ политическимъ убѣжденіямъ. Но доходившіе до меня рассказы о тогдашней Россіи отъ жившихъ со мною въ одномъ отелѣ генерала Шатилова, консерватора Голыхвостова и юнаго, менѣ сдержаннаго, чѣмъ первые, Хомякова, несмотря на всю осторожность нашихъ ежедневныхъ толковъ, нѣсколько колебали твердость моихъ убѣжденій. Я день ото дня все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что послѣдніе годы царствованія императора Александра неминуемо должны были вынуждать многихъ къ составленію смутъ и заговора, и что порядокъ вещей вслѣдствіе какой-то религіозной и мистической апатіи, овладѣвшей въ послѣднее время государемъ, велъ насъ къ неизбѣжному разложению и требовалъ переворота или, по крайней мѣрѣ, поворота.

Но въ Парижѣ и въ мои еще юные годы заботиться слишкомъ обо всемъ этомъ было невозможно. Кромѣ катаній и театровъ, вечеровъ и обѣдовъ, почти ежедневно занимался я любезничаньемъ съ двумя моими векшами, посѣщая урывками каждый день добрыхъ Бековъ. Кромѣ того, что эти обѣ дѣвицы болѣе или менѣ мнѣ нравились, на меня находили раз-

ныя мысли и соображенія, что заграничная служба при дипломатіи мнѣ никогда исполнѣ не удастся, что лежитъ на мнѣ святой долгъ ближе и пристальнѣе заботиться о данныхъ мнѣ, какъ говаривалъ батюшка, Богомъ и государемъ подданныхъ, которыхъ было не мало, что управляются они Тарасовымъ не слишкомъ то выгодно для моего кармана и слишкомъ произвольно для возможнаго ихъ благосостоянія, что не пора ли, наконецъ, и мнѣ переселиться на родину и въ ней водвориться и устроиться. Повторяю, въ шумномъ Парижѣ сосредоточиваться было не легко. Мечты одна за другой улетучивались, разлетались и утомленному воображенію подъ конецъ представлялись то розовыми облачками, то темными грозными тучами. Когда все это начинало мнѣ надоѣдать, я отдавался уличной и общественной парижской жизни и изучалъ другихъ, оставляя себя въ сторонѣ. По утрамъ охотно болтался съ многоглаголивымъ Хомяковымъ, своеобразнымъ юношей, который и тогда уже, самъ того не подозревая, пророчилъ Россіи въ себѣ гениальнаго человѣка. Въ это время читалъ онъ мнѣ отрывки изъ второй своей, забытой всѣми, трагедіи «Димитрій Самозванецъ». Его первая трагедія называлась «Ермакъ». Обѣ были слишкомъ растянуты, но въ обѣихъ было много и мысли и поэзіи. Въ то же время бралъ онъ уроки живописи масляными красками и рисовать съ моделей, нерѣдко съ натурщицъ, что очень изумляло меня, знавшаго дѣвственную чистоту его нравовъ, а ему тогда едва ли было и 20 лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, ничѣмъ необоримая сила его характера выражалась и строгимъ соблюденіемъ отеческихъ и православныхъ преданій. Приѣхавъ въ Парижъ въ началѣ нашего Вели-

каго поста, я, какъ очевидецъ, свидѣтельствую передъ будущими его біографами, какъ строго этотъ двадцатилѣтній юноша соблюдалъ въ шумномъ Парижѣ нашъ постъ, во все продолженіе котораго онъ рѣшительно ничего не ѣлъ ни молочнаго, ни даже рыбнаго, а жившіе съ нимъ Шатіловъ и Голохвастовъ сказывали, что онъ не разрѣшалъ себѣ скоромнаго въ обычное время и по средамъ и пятницамъ. Но любовь къ славянству и страстная къ Россіи тогда на него еще не находила.

Прошло болѣе недѣли съ перваго моего обѣда у посла вмѣстѣ съ Каподистрія, а я въ посольствѣ не былъ. Отъ Ломоносова, по порученію графа Поццоди-Борго, получилъ я любезный выговоръ и приглашеніе явиться въ 7 часовъ къ обѣду. Скучно, досадно, а идти надо, хотя я и чуялъ, что мнѣ придется потерять цѣлый вечеръ и проскучать его весь. Ровно въ 7 часовъ шелъ я въ великолѣпные чертоги нашего представителя и цѣлый часъ одинъ дожидался обѣда. Графъ работалъ съ своей канцеляріей. Черезъ часъ пришли они всѣ разодѣтые, какъ и я, въ бѣлыхъ галстукахъ и башмакахъ. Берга и меня, какъ гостей, посолъ посадилъ возлѣ себя и съ нами любезно разговаривалъ. Всѣ прочіе, даже и Шредеръ, уже очень не молодой совѣтникъ посольства, промѣжъ себя говорили шопотомъ, — таковъ былъ обычай у нашихъ представителей, а у строптиваго Штакельберга въ Неаполѣ молчаніе налагалось и на секретарей чужихъ миссій. Штакельбергъ выразилъ разъ у себя за столомъ одному изъ нихъ свое неудовольствіе учтивыми словами: «monsieur a le verbe bien haut aujourd'hui».

За нашимъ обѣдомъ, обильнымъ и роскошнымъ, но

скучнымъ, послѣдовало чаепитіе. Возвратясь въ гостиную, посолъ сѣлъ въ свое кресло, мы же всѣ стояли. Ломоносовъ разносилъ чашки, налитыя для насъ хозяиномъ. Тутъ разрѣшалось погромче говорить всѣмъ предстоящимъ, а когда, по заведенному обычаю, всѣ пошли въ бильярдную комнату, и посолъ сталъ играть съ Шредеромъ, получивъ учтивый отказъ отъ Берга и меня за нашимъ неумѣньемъ, тогда Ломоносовъ шепнулъ намъ обоимъ, что мы можемъ быть на банкетѣ, пристойно разговаривать и смотрѣть, какъ играютъ. Несносный вечеръ длился до одиннадцати часовъ. Я далъ себѣ слово ходить въ посольство какъ можно рѣже и не губить моихъ вечеровъ, которые проводилъ иногда у Бековъ, а чаще всего въ какомъ-нибудь театрѣ, оканчивая послѣ спектакля у Шуваловой или у другихъ русскихъ за игрою. Тогдашніе театры были несравненно лучше всѣхъ тѣхъ, какіе посѣщалъ я въ послѣднее пребываніе мое въ Парижѣ за годъ передъ несчастной для Франціи войною въ 1869 и 1870 гг. Не думаю, чтобы мнѣ казались они такими только потому, что я былъ тогда молодъ, а черезъ полвѣка и старость моя уже проходила *).

Парижскія сцены тогда украшались еще игрою великаго Тальма, неподражаемой, вѣчно юной m-lle Mars aux Français. Въ Одеонѣ царила великолѣпная m-lle Жоржъ, а въ итальянской оперѣ во всемъ цвѣтѣ красоты и сценическаго искусства восхищала всѣхъ первѣйшая изъ примадоннъ, знаменитая madame Паста съ неустарѣвшими тогда Рубини и Лаблашъ; всѣ трое много лѣтъ спустя, но уже спавшіе съ голоса,

*) Шуточное примѣненіе къ себѣ словъ, сказанныхъ отцомъ М. С. Пересихиной на прощаніе его съ ней. Отъ изд.

пріѣзжали въ разныя времена и къ намъ въ Россію. Славное было времячко и было оно прожито весело, хотя по временамъ и смущали и одолѣвали меня разныя заботы и о томъ, что дѣлается у насъ, въ Россіи, послѣ мятежныхъ событій, и о томъ, что мнѣ дѣлать съ собою. Я не нашелъ нужнымъ скрывать отъ ближайшихъ моихъ знакомыхъ частыя мои посѣщенія Бековъ, говорилъ о нихъ слегка тремъ живущимъ со мною пріятелямъ и однажды, встрѣтись въ Tuileries съ матушкою и дѣвицами Бекъ, указалъ на нихъ Щербатову и злоязычному Алексѣю Оленину. Эти два новые мои пріятеля нисколько не походили на прежнихъ бернскихъ: тѣ со мною скромничали и молчали о моемъ прошломъ ухаживаныи за m-lle Rœder, оставляя меня въ покоѣ, но и то сказать, не было у меня въ это время и подталкивающихъ и понукающихъ къ развязкѣ пріятельницъ, не было при мнѣ и непростеннаго свата, старика Guingens'a. Оленинъ, а за нимъ и Щербатовъ, преслѣдовали меня насмѣшками и предсказывали обыкновенный исходъ короткаго знакомства молодого человѣка въ домѣ, гдѣ есть невѣсты. Семья Бековъ вела себя въ отношеніи ко мнѣ безукоризненно скромно. Мать, и то только однажды наединѣ, слегка проговорила, и я начиналъ догадываться, что она какъ будто получила обо мнѣ свѣдѣнія изъ Россіи по разпросамъ ея о моемъ состояніи и связяхъ и по данному мнѣ, очень, впрочемъ, скромному, совѣту продолжать службу и выхлопотать черезъ графа Каподистріа камеръ-юнкерство, безъ чего де у насъ молодому человѣку бываетъ неловко жить въ обществѣ. Дѣло, повидимому, приближалось къ развязкѣ, хотя я отмахивался отъ находившихъ порою на меня думъ. Меня смущало многое: и, во-

первыхъ, медицинское съ обѣихъ сторонъ происхожденіе незатѣйливаго батюшки, а потомъ дѣвичье имя и самой матушки, соединявшей въ своемъ семействѣ какихъ-то невѣдомыхъ мурзъ и хановъ, и существованіе въ Москвѣ ея брата Мурзаханова, красиваго члена одной шайки тамошнихъ игроковъ. Наконецъ, было еще одно главное затрудненіе: какая изъ двухъ нравится мнѣ болѣе—черненькая или бѣленькая? Ну какъ мнѣ придется надъ собою повторять цѣлый вѣкъ послѣдній стихъ бывшей тогда въ модѣ комедіи Хмельницкаго:

«Напрасно, кажется, не выбрать я меньшую!»

Спасибо судьбѣ, все рѣшила она неожиданно пошло, но безповоротно. Я остался рѣшеніемъ ся очень доволенъ. Въ тѣ дни, когда у меня не было приглашеній у кого-нибудь русскихъ обѣдать, ходили мы вмѣстѣ съ Оленинымъ и Щербатовымъ въ какой-нибудь изъ лучшихъ парижскихъ ресторановъ по выбору перваго. Онъ любилъ и поѣсть, и выпить, и пожить на чужой счетъ. Щербатовъ, больной, милый и кроткій, лѣтъ 23 молодой человѣкъ, во многомъ подчинялся вліянію Оленина, который забавлялъ его своими остроумными разсказами и почти всегда былъ замѣчательно любезенъ во всякомъ обществѣ. Остроумный разсказчикъ нравился также и мнѣ, хотя иногда оскорблялъ своимъ цинизмомъ. Всего досаднѣе въ этихъ обѣдахъ были для меня ихъ *cartes payantes*, т. е. дороговизна. На нихъ просто разорялъ насъ Оленинъ, и тогда уже имѣвшій страсть къ вину; выбирать онъ самое дорогое вино и пилъ противъ насъ вдвое. Врачъ Щербатова Алибертъ (*Alibert*), первый королевскій докторъ, предписалъ ему пить умѣренно; я

же никогда не любилъ часто повторяемыхъ выпивокъ, послѣ каждой я самъ себѣ казался гадою.

Вотъ однажды пошли мы довольно поздно и, похो-
дивши по Tuileries и бульварамъ, зашли обѣдать къ
Frères Provençaux. Было поздно и людно. Съ трудомъ
нашелся для насъ маленькій столикъ у стѣны. Обѣдъ,
какъ и всегда прихотливый и изысканный, заказывалъ
Оленинъ. Я сѣлъ между ними противъ стѣны, не
обративъ никакого вниманія на всѣхъ, бывшихъ въ
залѣ. По обыкновенію пили мы и, кажется, немного.
Я уже замѣтилъ, что между мною и этими двумя
пріятелями серьезнаго разговора не бывало и быть не
могло, потому что мы не могли говорить откровенно
о томъ, что происходило въ Россіи. Оленинъ началъ
перебирать поочередно всѣхъ знакомыхъ и незнако-
мыхъ намъ русскихъ, представлялъ каждого и ка-
ждую съ смѣшной стороны, на что онъ былъ великій
мастеръ. Никто, какъ онъ, не умѣлъ подмѣчать и
выставлять слабую сторону людей. Дошла очередь до
семьи Бековъ; отецъ и мать представлены были въ
карикатурѣ вѣрной, но крайне злой; я за нихъ не
заступался, чуть ли не поддакивалъ, но отстаивалъ
дѣвницъ, когда нашъ краснословъ и циникъ не поща-
дилъ и ихъ. Въ концѣ обѣда пришлось мнѣ обернуть-
ся и—о ужасъ! прямо противъ насъ увидѣлъ я и от-
ца, и мать, и сына, кузину m-lle Аллеръ и двухъ дѣ-
вушекъ,—однимъ словомъ, tutti quanti семьи. Никто
изъ нихъ не отвѣчалъ на мой неловкій поклонъ съ
обыкновеннымъ имъ радушіемъ. Мнѣ оставалось дать
другой оборотъ разговору и не давать замѣтить Оле-
нину, что разбираемая имъ по косточкамъ семья мог-
ла слышать все, что о ней говорилось. Мнѣ было до-
садно и совѣстно, но я вынужденъ былъ рѣшительно

отъ нихъ отказаться. Передъ выѣздомъ изъ Парижа ограничился прощальною карточкой и съ тѣхъ поръ никого не выдалъ. Такъ все и кончилось! Куда дѣвались старикъ—не знаю, вѣроятно, теперь давно уже померли. Поэтъ Бекъ, которому досталось огромное имѣніе, женился на красавицѣ еще и теперь Столыпной; двѣ его дочери, одна, за Ламздорфомъ, не очень давно умерла, другая, за княземъ Горчаковымъ, жива. Марья Аркадьевна Бекъ, овдовѣвъ, вышла за кн. Вяземскаго, сына поэта. Дочери Бека вышли замужъ. Старшая была за Лазаревымъ, меньшая умерла дѣвщею.

Жизнь мое въ Парижѣ приближалось къ концу. Оно, можетъ быть, и еще бы продолжалось, потому что я ни откуда и никуда никогда не спѣшилъ, если бы, по убѣжденію Θεодора Щербатова, не общался я Оленину везти его въ Россію. Нестерпимой его способности дразнить донельзя каждого, кто съ нимъ надолго связывался, я еще не зналъ, а веселаго забавника въ немъ полюбилъ. Оленинъ же спѣшилъ въ Россію по настоятельному требованію его отца, бывшаго когда-то государственнымъ секретаремъ, и, несмотря на весь свой умъ и находчивость, путался въ своихъ отвѣтахъ на мои вопросы, зачѣмъ онъ такъ спѣшитъ домой.

Въ заключеніе разсказовъ о пребываніи въ Парижѣ прибавлю, что раза два или три случилось мнѣ еще проскучать на позднихъ обѣдахъ графа Поццо-ди-Борго, и что френологъ Галль, частый его гость и домашній врачъ, по желанію посла внимательно occupied мой черепъ и на вопросъ о результатѣ его надъ моею головою френологическихъ наблюденій отвѣчалъ однимъ молчаніемъ; перейдя тотчасъ же къ головѣ Берга, онъ выразилъ о немъ слѣдующее мнѣніе: «Je vous réponds que celui—là saura s'orienter partout».

Послѣдними моими сказаніями объ этомъ времени будутъ—одна видѣнная мною торжественная религіозная процессія и еще день, весело и шумно мною проведенный.

Въ 1825 г. папа, если не ошибаюсь, еще Пій VII, праздновалъ въ Римѣ юбилей истекавшаго двадцатипятилѣтія, или первой четверти XIX столѣтія. Особенною буллою съ обѣщаніемъ даровать чрезвычайныя индульгенціи, призывалъ онъ въ Римъ всѣхъ вѣрныхъ католическаго міра. Набожный Карлъ X, король, носившій титулъ христіаннѣйшаго величества, *Roi très Chrétien*, лишенный возможности прибыть на это торжество въ Римъ и получить отъ папы себѣ, своему семейству и своему народу всепрощающей индульгенціи, умолялъ римскаго первосвященника перенести подобное же торжество во Францію въ слѣдующій 1826 годъ. Папа, конечно, ему въ этомъ не отказалъ и вмѣсто себя и личнаго своего благословенія благословилъ его частью мощей, вѣроятно, апостоловъ Петра и Павла. Въ назначенный день для парижскаго духовнаго торжества и всеобщаго молебствія большой золотой ковчегъ съ хранившимися въ немъ мощами вынесенъ былъ канониками парижскаго собора *Notre Dame de Paris*, въ сопровожденіи архіепископа, нунція папы, кардинала, и всего духовенства. За ними слѣдовали король Карлъ X, старецъ еще здоровый, дофинъ и его супруга, до фанатизма набожная дочь вѣнценосной жертвы революціи, весь дворъ, министры, депутаты отъ двухъ палатъ и всѣ ревностные католики и католички, обитатели сенъ - жерменскаго предмѣстія. Величественное это шествіе происходило послѣ обѣди въ самый жаръ. Всѣ, начиная отъ короля, шли съ обнаженными головами тихимъ, мѣрнымъ шагомъ,

и всѣ, вышедъ изъ собора, равно какъ и король, обошли черезъ Тюльери мимо церкви св. Магдалины и по бульварамъ значительное пространство города, останавливаясь для короткой литіи у каждой церкви, и сопровождали святыню до собора. Торжество продолжалось 3 часа. Я видѣлъ его съ удовлетвореннымъ любопытствомъ и долго за нимъ слѣдовалъ, хотя и не имѣлъ нужды въ папской за подвигъ мой индульгенціи, но для Карла X это тихое шествіе по жару и безъ шляпы было настоящимъ подвигомъ и, вѣроятно, индульгенція омыла много грѣховъ его юности.

И веселый и шумный денекъ нечаянно провели мы въ поѣздкѣ въ Версаль съ прелюбезной графиней Разумовской. Ей хотѣлось инкогнито, скрытно отъ другихъ дамъ, строго соблюдающихъ чопорныя свѣтскія приличія, погулять въ садахъ Людовика XIV и посмотреть версальскіе фонтаны, которые въ этотъ воскресный день были всѣ пущены. Сборнымъ мѣстомъ для меня, Убри, Берга, Шереметева назначена была площадь de la Concorde, а по тогдашнему площадь Людовика XVI, т.-е. та самая, на которой этому королю и Маріи-Антуанетѣ отрубили головы. На ней въ этотъ день съ ранняго утра стояло множество фіакровъ и другихъ незатѣйливыхъ, нынѣ уже не существующихъ экипажей для толпы, посѣтителей версальскаго народнаго праздника. Графинѣ захотѣлось популярничать и проѣхаться хоть разъ въ жизни съ простыми смертными, но она, какъ русская барыня, разумѣется, опоздала, и мы, приглашенные юноши, насилу отыскиали одну изъ послѣднихъ Кукку, — такъ назывался самый безобразный и безрессорный экипажъ въ одну лошадь, кучеръ котораго стоялъ на площади и добиралъ для своего экипажа непри-

хотливыхъ сѣдоковъ. Насилу уговорили мы развеселившуюся графиню не садиться на имперіаль, съ коего легко было свалиться и себя навѣки изувѣчить.

Съ великимъ усиліемъ помѣстились мы въ этомъ куку и почти на колѣняхъ сидѣли другъ у друга. Съ нашей дамой была еще одна хорошенькая французенка, дочь какого-то живописца. На шоссеиной дорогѣ въ Версаль по правому берегу Сены сновало взадъ и впередъ безчисленное множество ѣдущихъ на гулянье. Нашъ презрѣнный экипажъ ежеминутно грозилъ паденіемъ. Онъ нагруженъ былъ десятками двумя пассажировъ, подвигался шагомъ и множество обгоняющихъ наше куку зацѣпляли и могли изломать его вдребезги. Полиціи на шоссе никакой не было и безпорядокъ былъ страшный. Напрасно мы не одинъ разъ уговаривали графиню пойти пѣшкомъ, хотя и трудно было пройти между скачущими экипажами, на боковую дорожку для пѣшихъ: грозившая намъ отовсюду опасность ее забавляла. Понять не могу, какъ удалось намъ дотащиться цѣлыми и невредимыми, а дамы наши всю дорогу прохохотали.

Добравшись до большой Версальской площади, мы вмѣсто гулянья по садамъ, въ которыхъ были всѣ фонтаны, спѣшили что-нибудь поѣсть. Всѣ сколько-нибудь возможные рестораны были набиты биткомъ, и къ великому удовольствію нашей предводительницы, желавшей популярничать до конца, нашли мы въ углу какой-то, даже не *gingette*, гингетты, а гарготты, въ дощатомъ баракѣ темный уголокъ съ грязнымъ столомъ, гдѣ намъ дали какую-то похлебку и жареную кошку вмѣсто зайца. Мы ѣли мѣдными полуженными приборами, которые такими же цѣпочками прибиты были къ доскѣ стола для того, чтобы посѣтители грязной

гарготты не унесли ихъ съ собою. Ни одинъ изъ насъ, кромѣ графини, не былъ доволенъ этой прогулкой, но она, спасибо ей, не давала намъ долго на себя сердиться и, предавшись вся какому-то разгульному вдохновенію, впрочемъ все-таки приличному, напѣвая русскія и малороссійскія пѣсенки, скорыми шагами шла впереди общества по версальскимъ тѣнистымъ аллеямъ, залитымъ толпой, продираясь черезъ нее къ фонтанамъ. Уже начинало смеркаться, когда мы вышли изъ садовъ, а намъ предстояло еще найти какой-нибудь экипажъ, чтобы воротиться въ Парижъ. Страшно дорогую цѣну заплатили мы за неуклюжіи дилижансы, который и привезъ насъ гораздо за полночь къ дому графини. Я и мои спутники (по счастью съ нами не было Оленина) вмѣсто того, чтобы порицать искреннюю веселость графини, подъ вліяніемъ которой сбросила она съ себя на короткое время всѣ путы преувеличенно строгихъ обычаевъ общества, вмѣсто того, чтобы надъ ней посмѣяться, мы въ одинъ голосъ открыли въ ней рѣдко встрѣчаемое прекрасное качество благоволенія, доброты и справедливаго презрѣнія предразсудковъ, подчиняясь коимъ, аристократы всю свою жизнь важничаютъ и глядятъ свысока на меньшихъ своихъ братій. Несмотря на все свое увлеченіе простонароднымъ весельемъ, она ни на одну минуту не измѣнила тому нравственному чувству, которое всегда и во всемъ сохраняетъ истинно порядочная женщина. Въ ней была одна слабость—до глубокой старости молодиться не по лѣтамъ. Года два до этой нашей прогулки проѣзжала она черезъ Бернъ, ей и тогда было за 50, а на французскомъ паспортѣ, который я прописывалъ въ канцеляріи, въ описаніи примѣтъ, по заведенному тогда оскорбительному для

путешественниковъ обычаю, выставлено было 34 года. Графиня Разумовская, Маѳусаилъ женскаго рода, умерла недавно, проживъ болѣе 90 лѣтъ и до послѣдняго дня принимая у себя все петербургское общество. Семидесятилѣтняя, тѣшила она иногда искренно любившаго ее Николая Павловича, танцуя съ нимъ на маленькихъ вечерахъ у императрицы казацкій удалой танецъ «Мятелицу», въ родѣ нашей «барыни», или пляски въ присядку.

Оставляя Парижъ, откланялся я послу. Поццо-ди-Борго, вскорѣ потомъ возведенный новымъ государемъ въ графское достоинство, пользуясь значительнымъ вліяніемъ у двора, игралъ вообще важную роль и во французскомъ обществѣ. Легитимисты *faubourg Saint Germain* распространяли ложный, или справедливый слухъ—не знаю, что Карлъ X имѣлъ намѣреніе еще при императорѣ Александрѣ поручить Поццо-ди-Борго министерство иностранныхъ дѣлъ, и что нашъ государь охотно на это соглашался. Въ русской колоніи, которая его не долюбливала,—да и когда же мы, русскіе, любимъ своихъ представителей, особенно же не чисто русскаго происхожденія,—часто повторяли, что Поццо измѣняетъ интересамъ Россіи и играетъ на биржѣ. Сверхъ того упрекали его наши въ совершенномъ незнаніи русскаго языка, доказывая, вѣроятно, выдуманнымъ анекдотомъ, будто бы французскій министръ иностранныхъ дѣлъ генералъ Damas, находясь эмигрантомъ въ Россіи и служа въ Семеновскомъ полку, однажды взялъ на себя трудъ переводить съ русскаго языка на французскій, когда въ присутствіи послѣдняго кто-то изъ русскихъ, не умѣющихъ по-французски, обратился къ Поццо съ русской фразой. Ультра - роялисты любили Поццо - ди - Борго за

ненависть его къ Бонапарту, такому же корсиканцу, какъ онъ. Между ихъ двумя семействами, самыми вліятельными на островъ Корсикѣ, издавна существовала родовая вражда (*vendetta*), но и самые друзья Поццо изъ сенъ-жерменскаго предмѣстія не слишкомъ-то защищали его отъ упрека въ спекуляціи на парижской биржѣ. Въ этомъ отношеніи, я думаю, онъ былъ не безгрѣшенъ, иначе не могъ бы оставить огромное наслѣдство своимъ племянникамъ. Какъ бы то ни было, русскій дипломатъ-корсиканецъ, отчасти способствовавшій конечному низверженію Наполеона, оказалъ великую Россіи услугу, убѣдивъ императора Николая въ началѣ революціи 1830 года не объявлять войны Франціи: тогда намъ бы еще было труднѣе усмирить первое возстаніе Польши.

Мнѣ не было времени при моей разсѣянной жизни изучать политическое положеніе Франціи въ началѣ 1826 года, какъ было со мной прежде въ 1821, 1822 и 1823 годахъ, зато чаще въ короткое это время бывалъ я на засѣданіяхъ палаты депутатовъ, слушалъ знаменитыхъ ея ораторовъ и удивлялся мастерству президента управлять преніями палаты. Ничто, глядя со стороны, не мѣшало бы Франціи итти по широкому пути къ прогрессу, если бы она не носила въ себѣ, какъ и доселѣ, зловѣщій духъ партій, враждебно раздѣлявшій націю. Въ то время, какъ и теперь, боролись между собой и легитимисты, домогавшіеся уничтожить конституціонную хартію и возвратиться къ королевскому абсолютизму. Были и не наученные долгимъ опытомъ и наперекоръ всему преданные принципамъ террора республиканцы въ родѣ нынѣшнихъ интернаціоналовъ, стремившіеся водрузить въ несчастной странѣ кровавое знамя Робеспьеровъ и Мара-

товъ; была большая партія бонапартистовъ съ вѣчными заговорами призвать во Францію Рейштадскаго герцога изъ Австріи, и, наконецъ, орлеанисты съ ихъ президентомъ тайнаго *comité directeur* генераломъ Лафайетомъ, «*cette vieille lampe qui puait toujours*», selon l'expression de l'Empereur Alexandre. Послѣдніе для Бурбоновъ были опаснѣе всѣхъ прочихъ, зато и достигли они своей цѣли. Ихъ успѣхамъ много помогло коварно изобрѣтенное ими же политическое положеніе принципа, взятаго будто бы изъ исторіи: что Франція не иначе можетъ успокоиться, какъ повтореніемъ у себя переворота, установившаго порядокъ въ Англіи. Подобно тому какъ въ этой сосѣдней странѣ необходимо было сперва покончить со Стюартами казнью Карла I и изгнаніемъ вновь воцарившагося его преемника короля Іакова и призваніемъ новаго монарха изъ боковой династіи, необходимость будто бы становилась и для блага Франціи еще одинъ разъ, и уже въ третій, свергнуть Бурбоновъ и посадить на престолъ изъ Орлеанской боковой линіи новаго правителя. Трудно объяснить, почему именно такой насильственный выводъ исторіи суевѣрно распространился, какъ политическій догматъ, вопреки истинѣ, выражаемой у самихъ французовъ пословицей: *contra raison n'est pas raison*, но достовѣрно, что распространенное и суевѣрно принятое убѣжденіе въ непреложности этого догмата много, къ сожалѣнію, способствовало восшествію на престолъ Людовика Филиппа, этого мѣщанскаго короля, котораго нашъ честный императоръ Николай привѣтствовалъ при его воцареніи слѣдующимъ выраженіемъ: «*Les circonstances à jamais déplorables qui ont placé votre Majesté sur le trône de France*».

Отпраздновавъ нашу Пасху и пробывъ недѣли двѣ послѣ, выѣхали мы съ Оленинымъ въ Швейцарію. Въ мальпостѣ взяли мы цѣлое купе, три вмѣсто двухъ мѣстъ, чтобы ѣхать просторнѣе и спать въ дорогѣ двѣ ночи удобнѣе. Тутъ только съ Оленинымъ уѣдился я, что *il vaut mieux être seul, que mal accompagné*. Онъ былъ виртуозъ въ своемъ талантѣ дразненія. Русская пѣсня самого грубаго, раздражающаго слухъ напѣва и отвратительно циническаго содержанія:

Я пойду;
Да куда?
Въ Кострому.
Да зачѣмъ? и проч.

и теперь еще звенить въ моихъ ушахъ, лишь только я про него вспомню, а на бѣду мою онъ не могъ спать въ дорогѣ и дикимъ своимъ голосомъ мѣшалъ обѣ ночи моему сну. Ни моя просьба, ни мое проклятiе его пѣсни не могли его утомонить. Кромѣ вѣчной своей привычки выводить людей изъ терпѣнія,—привычки, которой онъ сдѣлался жертвою, меня—особенно дразнилъ онъ еще потому, что между нами не могло быть никакого разговора. Диллетантъ всѣхъ возможныхъ переворотовъ онъ желалъ ихъ потому, что ему безъ нихъ было скучно, и не одинъ онъ былъ такимъ охотникомъ до революцій. Передъ февральской революціей 1848 года Ламартинъ не даромъ предрекъ ее двумя знаменательными словами: *La France s'ennuie*. Если позволительно сравнивать наши доморожденные поэтическіе таланты съ замѣчательными европейскими, позволяю себѣ припомнить московскую Каролину Карловну Павлову, которая также часто мнѣ повторяла, что и для насъ необходима катастрофа, и что за недостаткомъ сильнаго движенія умовъ

и быстрого стремленія въ народѣ лучшіе и коротко знакомые намъ современники пропадаютъ отъ бездѣйствія, что Хомяковъ сыплеть софизмами и раздражаетъ бесплодно своихъ противниковъ, что Герценъ запиваетъ, что мужъ ея играетъ и пьетъ и что самъ Грановскій пьетъ и играетъ...

Пріѣхавъ въ Бернъ, не нашелъ я тамъ барона Крюднера, гулявшаго по горамъ, а въ Фурманъ нашелъ уже не столько товарища по службѣ, какъ будущаго *ad interim* повѣреннаго въ дѣлахъ при ожидаемомъ отпускѣ Крюднера. Фурманъ со мной при этой встрѣчѣ обошелся слержаннѣе, скрытнѣе прежняго, а можетъ быть такимъ онъ только мнѣ показался единственно потому, что ему приписывалъ я неудачу моего предложенія *mademoiselle Roeder*. Многихъ прежнихъ моихъ знакомыхъ я уже не нашелъ въ Бернѣ. Давно уже не было тамъ милаго Буркене, добрый и шумный Шасфгочъ исчезъ изъ Швейцаріи вмѣстѣ съ графомъ Мерономъ, англійскій и сардинскій секретари Пакенгамъ и *Blonvie*, заступившіе мѣста начальниковъ своихъ миссій, какъ будто передо мной важничали, добрые ко мнѣ бернскіе совѣтники, надолго потерявъ меня изъ виду, меня забыли и, сверхъ того, разбрелись по своимъ замкамъ,—въ клубъ никто не ходилъ, и мнѣ послѣ парижской жизни въ Бернѣ становилось скучно. Одинъ только графъ Ренваль, французскій посолъ, принималъ на вечерахъ небольшое общество, но онъ меня зналъ очень немного, а его супруга съ перваго же моего у нея вечера недружелюбно отнеслась ко мнѣ по милости моего спутника. Въ ожиданіи Крюднера онъ просилъ меня представить его графу Ренвалю. Зная его манеру дразнить, я отказалъ, прося подождать барона; тогда на другой же вечеръ нашего пріѣзда онъ

представился Ренвалямъ самъ, какъ старый знакомый графини, урожденной Влодекъ, изъ Петербурга. Я засталъ его въ этотъ же вечеръ въ оживленномъ разговорѣ съ хозяйкой дома. Какъ вы думаете, на какой тонъ онъ съ нею любезничалъ? Madame Ренваль, видная и красивая женщина, граціозная, какъ всѣ русскія дамы съ примѣсю польской крови (отецъ ея былъ полякъ, мать—княжна Вяземская), имѣла на своемъ античномъ красивомъ лицѣ и шеѣ болѣзненные красныя пятна *des rousseurs*, а Оленинъ сейчасъ же началъ съ состраданіемъ замѣчать ей, что какъ это должно быть для нея несносно и какъ самому ему обидно за ея такъ рано попорченную красоту. Послѣ такого объясненія она старалась убѣжать отъ Оленина, а тотъ все-таки ее преслѣдовалъ. Послѣ жаловалась она на него Крюднеру, который, узнавъ о моей пріязни съ Оленинымъ и о томъ, что я привезъ его въ Бернъ, опять повторилъ: *Qui nous délivrera des grecs et des romains?*

Съ Крюднеромъ толковали мы объ ожидаемыхъ имъ и мною отпускахъ въ Россію. Онъ надѣялся получить перемѣщеніе на другой постъ и желалъ министерства въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ. «Будете ли вы согласны быть при мнѣ тамъ секретаремъ?»— «Очень буду радъ, но я ни слова не знаю по-англійски».— «Я и самъ знаю этотъ языкъ очень поверхностно, будемъ учиться вмѣстѣ; вы такъ еще молоды». «Ну,—думалъ я про себя,—языки даются мнѣ не легко». Въ моемъ ребячествѣ три раза принимался я учиться по-нѣмецки, учился въ Петербургѣ, Бернѣ и Женевѣ и все-таки читаю на этомъ языкѣ съ большимъ трудомъ, а писать и говорить не выучился. Изъ собственного моего примѣра вывожу я опроверженіе тому предубѣжденію, будто всѣ русскіе владѣютъ да-

ромъ вѣдѣнія разныхъ языковъ, и предлагаю всѣмъ стоящимъ за это мнѣніе поговорить на одномъ иностранномъ нарѣчій съ любымъ изъ нашихъ самоучекъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Берна въ Россію, въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1826 года, я избавился отъ скуки дѣлать много прощальныхъ визитовъ. Всѣ какъ бы нарочно для меня, и дипломаты и знакомые мнѣ правители кантона, разѣхались по своимъ замкамъ и вилламъ, чтобы пользоваться превосходной погодой, наступившей послѣ сырого и довольно холодного времени подъ конецъ весны. Незадолго до назначеннаго къ отъѣзду дня приглашенъ я былъ къ обѣду въ Эльфенау, и великая княгиня Анна Ѳеодоровна приказала мнѣ явиться на другой день часовъ въ 11 утра и тутъ вручила мнѣ посылку и письмо къ недавно овдовѣвшей императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, медленно возвращавшейся изъ Таганрога въ Петербургъ. Мнѣ поручила она передать въ собственныя руки ея величества и письмо и посылку. Баронъ Крюднеръ снабдилъ меня курьерской подорожной и двумя или тремя маловажными депешами въ министерство. Одна изъ нихъ была очень лестная для меня рекомендація графу Нессельроде. Крюднеръ предполагалъ, что я не слишкомъ-то буду спѣшить въ моей курьерской поѣздкѣ, которая въ то время по ближайшему въ Петербургъ пути черезъ Баварію и Богемію не представляла даже удобства шоссейнаго сообщенія и, какъ кратковременный отдыхъ, предложилъ мнѣ остановиться на сутки въ Варшавѣ, почему и далъ рекомендательное письмо къ управлявшему дипломатической канцеляріей великаго князя Константина Павловича, къ старому своему товарищу, барону Моренгейму, который лѣтъ де-

сять тому назадъ вмѣстѣ съ нимъ былъ заточенъ въ крѣпость близъ Ліона. Я уже говорилъ въ моихъ «Запискахъ» о томъ, какъ эти два секретаря нашего посольства въ Парижѣ по отъѣздѣ князя Куракина и послѣ возмутительной кражи секретныхъ бумагъ изъ военного министерства флигель-адъютантомъ Ч. были арестованы и заключены въ крѣпость.

Съ Крюднеромъ нѣжно обнялись мы въ надеждѣ свиданія въ Петербургѣ. Съ Фурманомъ простился я довольно холодно, съ Guingens'омъ дружески и нѣжно. Доброго моего Берга тогда уже въ Бернѣ не было, съ нимъ разстался я въ Парижѣ, гдѣ онъ, отчисленный отъ нашей миссіи, оставался на время при тамошнемъ посольствѣ, и готовясь къ предстоящей ему дипломатической карьерѣ, на которую онъ могъ вѣрно рассчитывать по связямъ своего старшаго брата, нынѣшняго графа и фельдмаршала, предался упражненію въ каллиграфіи. Для этого отыскалъ онъ какого-то учителя чистописанія, англичанина, и на моихъ глазахъ въ теченіе мѣсяца, упражняясь ежедневно, значительно поправилъ свой прежній невозможный почеркъ.

Хотя я и не жилъ домомъ, но все-таки у меня были кое-какія вещицы, много книгъ, немного бронзы, еще менѣе хрусталя и фарфора. Послѣднее отдалъ я на память Фурману. Прехорошенькіе стальные часы—священнику Разумовскому за двукратное у него говѣніе. Книги и прекрасную бронзовую чернильницу съ подсвѣчниками—усердно хлопотавшему около меня по моему маленькому хозяйству Бондаревскому, у котораго они сохраняются, вѣроятно, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ я видѣлъ ихъ у него на столѣ 30 лѣтъ послѣ, въ 1857 году, и со вздохомъ пожалѣлъ о нихъ.

Совсѣмъ было позабылъ я разсказать о бывшей передъ нашимъ отъѣздомъ при мнѣ у Оленина сценѣ съ однимъ кучеромъ. Повезъ я изъ Берна взбалмошнаго моего спутника поглядѣть на Женевское озеро съ тѣмъ, чтобы и самому съ этимъ любимымъ озеромъ проститься. Изъ Веве предложилъ я ему прогуляться пѣшкомъ до Шильона. Время было жаркое; на возвратномъ пути избалованный мой товарищъ началъ изнемогать отъ усталости. Кучеръ порожняго шарабана предложилъ мнѣ свои услуги, и я тотчасъ же уговорился съ нимъ до Веве. Подъѣхалъ другой и брался свезти полуфранкомъ дешевле. Оленинъ тутъ же заспорилъ и на свои ругательства получилъ въ отвѣтъ отъ моего возницы довольно грубое привѣтствіе: «Fichtre! je vous ferai sauter la calotte!» Затѣмъ послѣдовали взмахи кнута надъ головой спорщика. Оленинъ съ поднятымъ кулакомъ забрался къ кучеру на козлы; я насилу ихъ рознялъ и, однако, уговорилъ Оленина сѣсть вмѣстѣ со мной въ экипажъ, нанятый прежде. Самоуправство моего спутника, ни на чемъ не основанное, непріятно напомнило мнѣ прежнюю затѣянную драку съ почтальономъ Норова и грозило разными непріятностями отъ новаго товарищества въ длинномъ путешествіи съ другимъ милымъ соотечественникомъ. По счастію, въ этомъ пути никакихъ крупныхъ столкновѣній не произошло, а я долженъ былъ только терпѣливо выносить днемъ и ночью дикое пѣніе одной и той же костромской пѣсни. Доѣхавши на долгихъ съ лон'кучеромъ до Шафгаузена, взяли мы тутъ почту, и бравый баденскій почтальонъ въ своей мундирной формѣ лихо довезъ насъ на своей тройкѣ до баварской границы. Ъхали мы въ моей петербургской коляскѣ. Возвратившійся ко мнѣ по уси-

ленной просьбѣ мой камердинеръ Тимоѣей предпочелъ свое крѣпостное состояніе разгульной, надобѣвшей ему свободѣ, которой онъ могъ вполне воспользоваться по праву и по моему на это согласію, и радостно, веселѣе насъ обоихъ, возвращался на родину. У Оленина было на умѣ—какъ бы ни было тамъ съ нимъ худо, а у меня—будетъ ли тамъ со мной хорошо или, по крайней мѣрѣ, сносно. Переѣхавъ Баварію, потащились мы по широкой грунтовой дорогѣ въ родѣ нашихъ, и не одна она, но и обыватели Богеміи, наши родичи, напомнили мнѣ своею добродушною и почти униженною вѣжливостію русскіе нравы нашего простого народа передъ высокими лицами. Получая трингельды, и почталіоны, и трактирные слуги и служанки либо ловили у васъ поцѣловать ручку, либо, по славянскому южному обычаю, цѣловали полу вашей одежды. Не доѣзжая до Праги, въ богемскомъ городѣ Пильзенѣ Оленинъ нашелъ давно ожидаемое имъ письмо изъ Петербурга отъ своихъ родителей и, развернувъ его, преобразился отъ восхищенія: ему прислали продолженіе отпуска. ✓

Въ порывѣ восторга онъ проговорился мнѣ, что ожидалъ надъ собою слѣдствія и суда, но тотчасъ же очнулся и убѣдительно просилъ болѣе объ этомъ его не спрашивать. Дальше ему ѣхать со мной было не зачѣмъ. Разстался я съ нимъ въ этомъ городѣ безъ сожалѣнія, хотя и не могъ не видать, что я былъ въ дуракахъ. Мнѣ легко было бы въ Швейцаріи найти себѣ попутчика до самаго Петербурга на общихъ издержкахъ, а тутъ пришлось болѣе половины дороги ѣхать одному и изъ своего кармана платить двойные курьерскіе прогоны. При разставаніи Оленинъ взялъ у меня займы 1000 рублей, а безъ этого знака друж-

бы русскій не могъ съ своимъ пріятелемъ обойтись. Въ Прагѣ, нынѣ столь дорогомъ для русскаго сердца городѣ, успѣлъ я безсмысленно и безучастно поглазѣть на ея Кремль, на ея Вышеградъ, нimalo не подозрѣвая, сколь велико и важно панславянское значеніе всей этой святыни, и не вспоминая ни о Кириллѣ и Меѳодіи, ни объ Иванѣ Гусѣ, котораго изъ реформата такъ еще недавно передѣляли, Богъ знаетъ почему, въ православнаго Лебеда. Мирно перешагнувъ я границу Польши, нисколько не предугадывая той невзгоды, которая ждетъ меня въ многоятежной ея столицѣ Варшавѣ.

Domestica facta.

Безостановочно и по-тогдашнему довольно быстро ѣхалъ я моимъ путемъ-дорогой отъ Берна до Варшавы. Истомленный до невозможности, подѣхалъ я наконецъ къ городскому шлагбауму и послалъ моего Тимоѳея въ караульную большой гауптвахты прописать подорожную. «Вотъ, — думаю, — сейчасъ поднимутъ шлагбаумъ и начнется какъ разъ вождельный для меня отдыхъ». Перекладина, однако, не поднималась, и мой посланный съ караульнымъ о чемъ-то заспорилъ. Я выскочилъ изъ экипажа, и на вопросъ, почему меня не пропускаютъ, караульный отвѣчалъ что-то непонятное на своемъ польскомъ языкѣ, поминая имя цесаревича и Бельведеръ, и указывалъ мнѣ дорогу къ этому дворцу. Не добившись толку, пошелъ я въ караульную и обратился съ французскою рѣчью къ дежурному при гауптвахтѣ гвардейскому польскому офицеру красивой наружности. Офицеръ этотъ съ предупредительною вѣжливостью объяснилъ мнѣ, что у

нихъ заведенъ порядокъ всѣхъ курьеровъ направлять отъ заставы прямо къ великому князю и тутъ же немедленно доносить о ихъ появленіи, что онъ, впрочемъ, понимаетъ, судя по моему костюму и замѣтной моей усталости, что подобное представленіе можетъ быть для меня не совсѣмъ пріятно, а потому, узнавъ о письмахъ со мной къ Моренгейму, беретъ на свою отвѣтственность—пропустить меня въ городъ съ тѣмъ, однако, чтобы я не медлилъ моимъ визитомъ къ правителю дипломатической канцеляріи цесаревича.

По данному имъ адресу остановился я въ лучшей гостиницѣ главной улицы Медовой, или Новый Свѣтъ. Первымъ моимъ дѣломъ было бриться, стричься, мыться съ ногъ до головы, переодѣться и сѣсть за столикъ съ бифстексомъ и славнымъ польскимъ кофеемъ. Но и этотъ мой полу-мусульманскій кейфъ съ длинной трубкой отличнаго турецкаго табаку, изъ котораго клубился дымъ, съ кружившимися въ немъ полудремотными мечтами, прерванъ былъ появленіемъ безъ доклада писаря изъ кантонистовъ въ военномъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы и петли мундирѣ, который, руки по швамъ, почтительно спросилъ мое высокоблагородіе, не имѣетъ ли оно какихъ-либо депешъ въ собственныя руки его императорскаго высочества. Я отвѣчалъ: нѣтъ, догадался и опрометью побѣжалъ къ Моренгейму, чтобы не надѣлать бѣды пропустившему меня на свой страхъ милому офицеру. Моренгеймъ, едва успѣвъ выговорить обычныя любезныя привѣтствія, поспѣшилъ сказать, что отъ великаго князя спрашивали его о курьерѣ и что онъ разрѣшаетъ мнѣ отдохнуть нѣсколько часовъ ночи съ тѣмъ, чтобы на другой день не позже 5 часовъ утра представиться въ Бельведерѣ его высочеству, очень

рано имѣющему выѣхать на загородные маневры. «Я не могу,—сказалъ онъ,—избавить васъ отъ такого ранняго представленія и радуюсь за васъ, что смѣлая догадка ваша ѣхать не въ Бельведеръ, а прямо въ городъ, сошла вамъ, кажется, съ рукъ и что вы избавились отъ непріятности встрѣтиться лицомъ къ лицу съ великимъ княземъ въ вашемъ дорожномъ костюмѣ, вѣроятно, не нынѣшней новой формы». Онъ перепугался, когда я сказалъ ему, что меня привезли бы къ великому князю въ дорожной курткѣ новѣйшаго французскаго фасона, въ длинныхъ волосахъ и усикахъ. «Ай, ай, ай!—воскликнулъ онъ,—знаете ли, что бы съ вами было? Могли бы тотчасъ же отправить на гауптвахту, а не то тутъ же, не выпуская изъ пріемныхъ комнатъ дворца, непременно бы обстригли и выбрили. Такъ съ начала новаго царствованія обращаются у насъ въ Бельведерѣ со всѣми заграничными русскими путешественниками молодыхъ лѣтъ, которымъ не удастся для этого прорваться въ городъ, не заѣзжая въ Бельведеръ; а изъ курьеровъ вы первый и, вѣроятно, послѣдній такъ удачно проскользнули мимо заколдованнаго замка. Лишь бы не было бѣды караульному офицеру! Чтобы избавить его и себя отъ дальнѣйшихъ непріятностей, будьте непременно на выходѣ великаго князя въ пятомъ часу утра. Я дамъ вамъ записку къ дежурному адъютанту великаго князя, Феншу, и въ ней объясню все. Смотрите же, надѣньте курьерскую дорожную форму съ крепомъ на рукавѣ и на шпагѣ».—«Да у меня ея нѣтъ, этой формы, т.-е. мундирнаго сюртука съ серебряными кантами. Мы за границей о ней и не слыхивали».—«Ну, если новые порядки до васъ не дошли, такъ ступайте въ мундирѣ, но уже непременно въ ботфортахъ».—«Да у

меня и такихъ сапогъ нѣтъ».—«Только ради Бога не въ башмакахъ: его высочество ихъ терпѣть не можетъ; а теперь вамъ пора, ступайте спать, совѣтую прежде взять ванну. Крюднеръ пишетъ мнѣ, что вы имѣете отъ него курьерскій паспортъ только потому, что такая поѣздка для васъ удобнѣе, что вамъ даны двѣ депеши, одна рекомендательная о васъ министерству, а другая съ общимъ отчетомъ о дѣлахъ Швейцаріи за истекшій годъ и что, сверхъ того, великая княгиня поручила вамъ письмо и посылку къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, но мы на дняхъ получили официальное извѣстіе о кончинѣ государыни въ Бѣлѣвѣ, слѣдовательно, очень спѣшить вамъ нечего, я оставляю васъ еще на цѣлыя сутки. Ко мнѣ послѣ представленія не спѣшите, еще разъ выпитесь. Приходите обѣдать, потомъ со мной поѣдете въ театръ, и я возьму васъ съ собой на большой вечеръ къ нашему намѣстнику царства, генералу Заіончику, гдѣ вы увидите цвѣтъ варшавскаго общества и такихъ красавицъ полячекъ, какихъ, конечно, не встрѣтите ни въ Петербургѣ, ни въ вашей Москвѣ. Передъ великимъ княземъ не робѣйте: онъ горячъ, вспыльчивъ, взбалмошенъ, но у него предоброе сердце. *Bonne nuit*».

«Спасибо Крюднеру,—думалъ я, возвращаясь отъ Моренгейма,—видно, онъ хорошо отрекомендовалъ меня своему старому сослуживцу», и, придя въ гостиницу, велѣлъ моему Тимоѣю до утренней зари приготовить официальное облаченіе. Ровно въ 4 часа, восходящу солнцу, сѣлъ я въ одноконную, съ открытымъ верхомъ, извозничью *нетычанку*, нѣчто въ родѣ брички, и въ одномъ изъ флигелей дворца, на площади котораго были уже кое-какіе экипажи, отыскалъ адъютанта Фенша, уже затянутого въ форму, кото-

рый провелъ меня во дворецъ и представилъ генералу Курутѣ, одному изъ самыхъ приближенныхъ къ цесаревичу. Въ пріемной залѣ передъ кабинетомъ его высочества уже находилось нѣсколько человѣкъ военныхъ и всѣ дожидались выхода. Между ними были штабъ- и оберъ-офицеры нашей русской гвардейской артиллеріи и человѣка четыре отставныхъ польскихъ генераловъ въ польскихъ мундирахъ. Генераль Курута сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, слегка спросилъ о великой княгинѣ Аннѣ Теодоровнѣ и тотчасъ же пошелъ въ кабинетъ, вѣроятно, чтобы доложить обо мнѣ цесаревичу. Болѣе получаса выжидали мы выхода, стоя на ногахъ; да въ этой длинной комнатѣ, черезъ которую то и дѣло шныряли военные мундиры, и сѣсть бы негдѣ было, — въ ней не было ни одного стула.

Изъ кабинета послышался легкій шумъ, и всѣхъ насъ повели по главной лѣстницѣ въ парадныя у подъѣзда обширныя сѣни и тамъ разставили въ шеренгу по чинамъ. Впереди установили гвардейскихъ нашихъ артиллеристовъ, потомъ военныхъ поляковъ, за ними рядомъ двухъ-трехъ генераловъ, отставныхъ безъ эполетовъ, и, наконецъ, послѣднимъ поставили меня. Вѣрнѣе выбѣжалъ, чѣмъ вышелъ къ намъ цесаревичъ: плотный мужчина, немного лысый, съ бѣлокурыми, какого-то непріятнаго пепельнаго цвѣта волосами, съ нависшими на сѣрые глаза того же цвѣта бровями, одутловатый, курносый, съ перваго взгляда поразительно похожій на брата-императора, но уже, конечно, не имѣвшій ни въ выраженіи лица, ни во всей своей поставѣ той граціи, какою обворажалъ всѣхъ Александръ Павловичъ. Первое слово обратилъ онъ скороговоркой и съ какою-то жестокостью въ голосѣ и

выраженіи къ нашимъ артиллеристамъ, благодаря ихъ за вчерашніе превосходные маневры, но и тутъ—какъ видно, у него это было въ обычаѣ—загнуть онъ имъ крючокъ, прибавивъ, что онъ никогда не ожидаетъ, чтобы русскіе гвардейцы такъ превосходно могли учиться. Ободренные такою похвалою гвардейцы почтительно склонились. Быстро перешелъ онъ къ старымъ польскимъ генераламъ и бѣгло проговорилъ имъ что-то на польскомъ языкѣ, а потомъ ко мнѣ, послѣднему, и подошелъ такъ близко, что я невольно попятился. «Vous allez en courier à Petersbourg?»—«Oui, Monseigneur». «Quand partez vous?»—«J'attends les ordres de Votre Altesse impériale». Мнѣ показалось, что онъ сдѣлалъ какую-то гримасу, при словѣ «Bon voyage» круто, по-военному отъ меня отвернулся, надѣлъ шинель, шляпу по формѣ, закурилъ сигару, выбѣжалъ широкими дверьми на крыльцо и вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ Феншемъ сѣлъ въ коляску и помчался на свои маневры, а я въ своей треуголкѣ отыскалъ *нетычанку* и поплелся въ ней рысцой въ городъ, мечтая заказать себѣ посытнѣе завтракъ и, раздѣвшись, опять улечься въ постель.

Выѣхавъ на широкій дворъ гостиницы, странно удивленъ я былъ, увидавъ мою коляску и передъ нею кучера почтальона въ мундирѣ и съ бичомъ, а рядомъ съ нимъ какую-то длинную фигуру, показавшуюся мнѣ полицейскимъ офицеромъ. Изумленіе мое увеличилось, когда я увидѣлъ, что мой Тимоша вносить съ крыльца дорожный изъ коляски ящикъ. «Что это значить?» спросилъ я его. «Лошади готовы. Я укладываюсь».—«Да кто тебѣ велѣлъ? Съ чего ты это взялъ?» Тутъ подбѣжалъ ко мнѣ съ ловкостью военного офицера, какъ выражался о Чичиковѣ Го-

голь, полицейскій и подалъ мнѣ подорожную. «Генераль Левицкій, нашъ комендантъ, приказалъ мнѣ вручить ее вашему высокоблагородію лично, чтобы вамъ самимъ объ этомъ не хлопотать. Лошади готовы-съ, и вы можете ѣхать». «Кто васъ съ вашимъ комендантомъ объ этомъ просилъ? Я хочу ѣсть, отдыхать, а потомъ мнѣ еще нужно быть у Моренгейма». Съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отвѣчалъ мнѣ полицейскій: «Какъ угодно». Я отправился къ себѣ въ комнату, сбросилъ въ-сердцахъ съ себя мундиръ и шпагу, громко позвонилъ и велѣлъ опять подать кофе съ бифстексомъ и еще чего-то. «Кофе подадимъ сейчасъ,—отвѣчалъ мнѣ кельнеръ,—а бифстекса нѣтъ готоваго, и это васъ задержитъ, кони же ваши готовы».—«Да за коимъ чортомъ вы обо мнѣ такъ заботитесь?»—«Приказано-съ». Тутъ немного пріотворилась дверь, и высунулась изъ нея полицейская рожа, тихо проговорившая: «Лошади ваши готовы-съ!» Я вташилъ его за руку въ комнату и, сдерживая, насколько могъ, мое бѣшенство, спросилъ: «Что все это значитъ? Почему вы мною такъ помыкаете?»—«Извините-съ, намъ приказано». «Ну, а мнѣ приказано быть у Моренгейма, и онъ мнѣ сказалъ, чтобы въ 12 часовъ къ нему явиться, а теперь еще и 9 нѣтъ».—«Если угодно, я васъ провожу къ барону».—«Да онъ теперь спитъ».—«Вы его разбудите».—«Хорошо, я сейчасъ пойду».—«Позвольте мнѣ васъ проводить».—«Это еще зачѣмъ?» «Приказано-съ».—«Кѣмъ?»—«Комендантомъ, агенералу, вѣроятно, самимъ великимъ княземъ».—«Ну, ужъ съ вами къ Моренгейму я не пойду, извините!—Дайте проглотить кофе и написать барону записку, которую вы ему отдадите, а потомъ я и поѣду». Моренгейму написалъ я, что мнѣ показалось нестерпимо обиднымъ

прогуляться по Варшавѣ съ полиціей и что потому я сейчасъ ѣду, считая себя насильственно высланнымъ изъ города. Это съ моей стороны было отчаянно глупо, неловко и крайне невѣжливо и неблагодарно въ отношеніи къ барону. Къ великому удовольствію моего аргуса сѣлъ я въ коляску и отъ крыльца трактира повезли меня во весь опоръ, несмотря на просьбу и приказаніе ѣхать потише. На требованія мои умѣрить задоръ почтальона, отвѣчалъ онъ мнѣ какимъ-то однимъ непонятнымъ мнѣ звукомъ, въ которомъ слышалось повтореніе одного и того же: «такъ приказано». На первой станціи, гдѣ по сигнальному рожку моего возницы выбѣжалъ самъ смотритель и, выхвативъ у почтальона какой-то билетикъ, закричалъ: «барзо! курьеръ!» пошелъ я въ почтовую комнату и спросилъ поѣсть чего-нибудь мясного. «Извините, это васъ задержитъ». — «Не ваше дѣло». — «Извините-съ; приказано везти какъ можно скорѣе, безъ задержки.» Выпивъ рюмку запеканки, закусивъ пирожкомъ, я опять сѣлъ въ коляску и помчался, т.-е. собственно говоря помчался не я, а меня помчали. То же самое было со мной и на слѣдующей третьей и четвертой станціи отъ Варшавы. Голодъ бралъ свое, а оскорбленное самолюбіе стихало. Смотритель на четвертой станціи показался мнѣ мягкимъ и сговорчивымъ; я упросилъ его дать мнѣ полчаса времени для отдыха и питанія. Мнѣ жаль было и моего Тимофея, который приставалъ ко мнѣ съ разспросами о томъ, что съ нами дѣлается и что съ нами послѣдуетъ. Смотритель надъ нами сжалился и выразилъ свое участіе совѣтомъ ѣхать въ Петербургъ не на Ригу, а на Оршу, Минскъ, Витебскъ и Псковъ. «Такимъ путемъ вы скорѣе доѣдете до предѣловъ Царства; отъ насъ

одинъ перегонъ до границы, а по тракту на Ригу еще три. Выиграете вы и въ прогонахъ, которые у насъ въ Польшѣ дороже, и скорѣе доѣдете до русской границы въ Брестъ, а тамъ узнаете, есть ли нѣтъ какое-нибудь о васъ особенное распоряженіе. Наши же почтари представляютъ о васъ одно только приказаніе—везти васъ по Царству какъ можно поспѣшнѣе, и потому другихъ распоряженій никакихъ не предвидится». Такъ я и сдѣлалъ, отблагодаривъ за совѣтъ. «Ну,—думаю,—что-то будетъ на нашей русской границѣ». Въѣхавъ въ заставу, самъ я пошелъ прописать мой курьерскій паспортъ, а затѣмъ и въ таможенную, гдѣ предъявилъ данную мнѣ изъ нашей канцеляріи мою официальную экспедицію съ запечатаннымъ польскою печатью неприкосновеннымъ для таможи небольшимъ ящикомъ, а мои собственные вещи предоставилъ законному досмотру. Таможенные чиновники прелюбезно отказались меня осматривать, хотя я, желая ихъ задобрить, самъ предъявилъ имъ, что везу нѣмного кружевъ, ихъ навязалъ мнѣ Щербатовъ для своихъ сестеръ въ Москву. «Слѣдовало бы взять съ васъ за нихъ пошлины».—«Я ихъ, господа, платить не намѣренъ; хотите—конфискуйте. Я и бралъ ихъ съ этимъ уговоромъ».—«Ну ужъ, Богъ съ вами!» По мягкому обращенію со мной этихъ чиновниковъ и по отсутствію между ними лицъ полиціи я наконецъ начиналъ убѣждаться, что обо мнѣ дѣйствительно никакихъ особенныхъ распоряженій на въѣздъ мой въ наши границы нѣтъ, и смѣло спросилъ, есть ли въ Брестѣ порядочная гостиница, гдѣ бы могъ я ночевать. Мнѣ указали трактиръ, гдѣ я и расположился на ночлегъ. Такъ кончилась моя загадочная, до крайности непріятная дорога черезъ Царство, вмѣстѣ со

всѣми опасеніями встрѣтить на границѣ Россіи еще большія непріятности. Судя по насильственной, хотя и вѣжливой высылкѣ изъ Варшавы я могъ предполагать, что въ Россіи встрѣтитъ меня какой-нибудь фельдъсгеръ и повезетъ къ допросу по 14-му декабря, хотя и былъ я совершенно увѣренъ въ моей невиновности.

Изъ иностранныхъ газетъ и изъ писемъ и разсказовъ соотчичей о происходившемъ въ это время по всей Россіи я уже зналъ, что тотчасъ послѣ мятежа и въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ потомъ многихъ забирали въ крѣпость по однимъ подозрѣніямъ въ короткомъ знакомствѣ съ уличенными мятежниками, а кто же изъ насъ, молодыхъ людей того времени, не имѣлъ среди нихъ знакомыхъ и даже пріятелей? Предоставивъ времени объяснить мнѣ собственную мою загадку, я пустился въ остальную дорогу до Петербурга, верстъ еще 1000, гораздо покойнѣе и привольнѣе, но болѣе уже не ночевалъ нигдѣ и не встрѣтилъ по дорогѣ ничего такого, что бы стоило припоминать и записывать. Только между Великими Луками и Псковомъ пріѣхалъ я въ сумерки Троицынаго дня на одну станцію, гдѣ не оказалось ни смотрителя, ни его писаря, и гдѣ почтовый староста съ толпой пьяныхъ ямщиковъ при окружавшей ее кучѣ гулякъ обоого пола, не умѣя прочитать подорожную, требовали платежа за лишнюю четвертую лошадь сверхъ положенной тройки и долго съ упорствомъ отказывали закладывать мой экипажъ. Я записалъ въ книгу часъ прибытія и переупрямилъ ихъ наглостью выжиданіемъ, что они образумятся, а какъ терпѣніе все преодолагаетъ и въ маломъ и въ великомъ, то оно и тутъ восторжествовало.

Помимо грустныхъ моихъ разсужденій и ожиданій по случаю мятежа и его грозныхъ послѣдствій, охватывала меня всего скука и грусть по нашей однообразной плоской природѣ, по нашей крайней народной бѣдности не только по сравненію съ народнымъ бытомъ Германіи, но и по сравненію съ бытомъ Царства, которое на каждомъ шагу представляло нищету края, разореннаго до конца частыми войнами, вѣковымъ гнетомъ отъ пановъ и отъ евреевъ, тяготѣвшимъ надъ бѣдными крестьянами по всей Бѣлоруссіи. Въ этомъ краѣ утѣшительно было одно—сохранившіяся съ давняго времени, т.-е. отъ начала присоединенія, великолѣпныя березовыя аллеи, насажденные первымъ намѣстникомъ Екатерины, Пассекомъ, по всему Бѣлорусскому тракту. Но что это были за жалкіе города, мѣстечки и селенія! На лицѣ каждого крестьянина, каждой женщины и бѣдныхъ дѣтей видно было, что они никогда не ѣдали досыта, и дѣйствительно ихъ хлѣбъ пополамъ съ овсяной мукой кололъ ротъ какими-то иглами. Одежда ихъ была въ рубищахъ, а на вопросъ, что они поляки или русскіе? постоянно отвѣчали они одно и то же: «Ни, пане, мы уніаты». Рѣдкія церкви въ бѣдныхъ до крайности на видъ селеніяхъ имѣли видъ небольшихъ шалашей или амбарчиковъ, крытыхъ соломою, либо гніющею дранью. Процвѣтали однѣ жидовскія корчмы, гдѣ, особенно у почтовыхъ станцій, еврей-корчмарь разорялъ дотла народъ, а проѣзжающихъ кормилъ въ грязнѣйшей комнатѣ такою же грязно поданною вѣчной щукой съ чеснокомъ и лукомъ. Зато въѣзжающему въ настоящую Русь все казалось сноснѣе и пригляднѣе, хотя и тутъ, если бы не преслѣдовало васъ сравненіе, необходимаго къ существованію изобилія нигдѣ не было видно. Напрасно

въ Псковѣ, въ старомъ городѣ, вольномъ городѣ, подручномъ, а иногда и враждебномъ Великому Новгороду, искалъ я глазами какихъ-нибудь слѣдовъ его достопамятнаго по лѣтописямъ прошедшаго, — въ немъ рѣшительно не на чѣмъ было остановить вниманіе проѣзжаго. Кажется, не было и кремля. Черезъ Гатчину, полную воспоминаніями о суровомъ Павлѣ, проѣхалъ я въ Петербургъ и часовъ въ шесть вечера остановился на углу Адмиралтейской площади въ гостиницѣ «Лондонъ».

Нетерпѣливое любопытство узнать, что дѣлается на родинѣ, пересилило мою усталость отъ пятидневной дороги и постоянный въ это время голодъ отъ гадкой пищи по жиновскимъ корчмамъ. Въ одно время потребовалъ я находившіяся въ трактирѣ газеты и съ болышею жадностью накінулся на нихъ, чѣмъ на полный трактирный обѣдъ, который, несмотря на мой аппетитъ, прерывалъ бѣглымъ чтеніемъ газеты, такъ что вмѣсто теплаго ѣлъ почти холодное. Думалъ было я тотчасъ же переодѣвшись отправиться на Каменный островъ къ Кикинымъ, но не имѣлъ силы подняться съ покойныхъ креселъ и почувствовалъ себя рѣшительно неспособнымъ сдѣлать эту довольно длинную загородную поѣздку. Просмотрѣвъ газеты и узнавъ изъ нихъ объ открытіи верховнаго уголовного суда въ зданіи сената, побѣждалъ я въ знакомую ближайшую книжную лавку и тамъ добылъ два или три послѣдніе неизвѣстные мнѣ манифеста о назначеніи суда надъ государственными преступниками и докладъ о нихъ слѣдственной комиссіи. Сѣверная петербургская ночь, свѣтлая, какъ день, прогнала во мнѣ сонъ, и я читалъ, читалъ долго въ тревожномъ забвеніи, не замѣчая, что за вечерней зарей взошла утренняя, а за

ней на блѣдномъ горизонтѣ стало, наконецъ, восходить солнце. Часы съ крѣпости ударили часъ за полночь, тутъ я образумился и, пересиливъ мое любопытство, улегся, но долго не засыпалъ отъ безотчетнаго волненія. На другой день мнѣ непремѣнно захотѣлось помолиться и пошелъ я къ обѣднѣ въ Казанскій соборъ. Тамъ овладѣло мною вполне молитвенное настроеніе. Ничто въ мірѣ не возбуждастъ въ душѣ такой искренней, пламенной любви, если не къ небесному, то, по крайней мѣрѣ, къ земному отечеству, какъ наша церковная служба съ ея обрядами, которая съ дѣтства незамѣтно входитъ въ плоть и кровь, и наше заупокойное русское пѣніе. Какъ бы вы отъ этихъ ощущеній ни сторонились, неумышленно—по независящимъ отъ васъ обстоятельствамъ вашей жизни, или умышленно—по вліянію на васъ другихъ воззрѣній на жизнь, болѣе осмысленныхъ, вы никогда не будете въ состояніи уничтожить въ себѣ первыхъ впечатлѣній вашего дѣтства и юности.

«Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!» Послѣ обѣдни, надѣвъ мундирный фракъ, недавно присвоенный нашему министерству и уже вошедшій въ употребленіе у насъ въ Бернѣ, отправился я въ канцелярію графа Нессельроде и сдалъ дежурному мою офиціальную экспедицію, кромѣ письма съ посылкою отъ великой княгини покойной императрицѣ. Ласково меня встрѣтившимъ двумъ старшимъ чиновникамъ долженъ былъ я сказать, почему, выѣзжая изъ Варшавы, я не могъ передъ самымъ отъѣздомъ видѣть Моренгейма. Къ моему удивленію и къ моему сильному негодованію варшавскія со мною продѣлки ихъ только насмѣшили. Въ то же время они оба дали мнѣ почувствовать, что я напрасно не сходилъ къ Морен-

гейму, хотя бы и съ полицейскимъ, и этимъ нарушеніемъ служебнаго порядка, вмѣсто того, чтобы оскорбительный поступокъ со мною великаго князя обратить для себя въ пользу, сдѣлать себѣ вредъ. Одинъ изъ этихъ господъ пошелъ въ кабинетъ графа рядомъ съ канцеляріей, и меня тотчасъ же позвали къ вице-канцлеру. Послѣ немногихъ словъ о Крюднерѣ графъ самъ началъ меня спрашивать о неудачномъ моемъ представленіи великому князю. Я позволилъ себѣ спросить у графа, не имѣется ли надо мною какого-нибудь тайнаго подозрѣнія въ прикосновенности къ мятежу и не оно ли было причиной гнѣва на меня цесаревича и высылки изъ города? Графъ меня успокоилъ тѣмъ, что никакихъ подозрѣній на меня не было, и что я провинился однимъ только появленіемъ къ великому князю съ моей курьерскою подорожной. Подробный о всемъ мой рассказъ обратилъ онъ въ шутку и также надъ ней изволилъ смѣяться.

Изъ министерства отправился я къ Кикинымъ. Внезапному моему появленію обѣ его дамы, теща и жена, и даже славная старушка няня Марьи Петровны (княгини Волконской) такъ добродушно обрадовались, что меня, взволнованнаго, тронули до слезъ. Начались расспросы, душевные рассказы о покойницѣ Марѣ Савишнѣ, о томъ, какъ и она меня любила и жаловала, вспомнилось тутъ и о моемъ съ нею невѣжливымъ разставаніи и т. д. Воротился изъ города Петръ Андреевичъ, дружески меня обнялъ, но, несмотря на какъ бы невольно высказанное имъ доброе ко мнѣ чувство, не могъ воздержаться отъ вѣчной своей прони. «Ну, братъ,—сказалъ онъ мнѣ,—я почти совсѣмъ потерялъ надежду съ тобой свидѣться. Какъ это ты не пональ

въ заговоръ и не отдали тебя подъ судъ? Я все думалъ, что вы съ Бахтинымъ, много ли, мало ли, а непременно участвовааи въ заговорѣ этихъ мальчишекъ». Выслушавъ до малѣйшихъ подробностей разсказъ мой о Варшавѣ, онъ то сердился до неистовства, то заливался хохотомъ, воображая мою фигурку передъ уродливымъ, давно ненавидимымъ имъ цесаревичемъ. Кикинъ также побранилъ меня за глупое мое сопротивление проститься съ Моренгеймомъ и чуть не называлъ меня дуракомъ, что я не умѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы добиться чинишка или мѣстечка.

Я замѣтилъ, что мой старый начальникъ былъ не очень-то доволенъ новымъ царствованіемъ, не пользовался благорасположеніемъ Николая Павловича и находился отъ него въ отдаленіи, да это и не могло быть иначе: онъ былъ врагъ всякаго заискиванья, не имѣлъ никакихъ тѣсныхъ связей ни съ однимъ изъ прежнихъ любимцевъ царскихъ и тѣмъ менѣе могъ пріобрѣсти расположеніе новыхъ лицъ, близкихъ къ новому государю. Свою самостоятельность при дворѣ оберегалъ онъ до едва позволительной крайности, нарушая приличіе и излишествомъ благородства, оскорбляя всѣхъ и cadaго изъ придворныхъ, никогда не дорожившихъ своимъ собственнымъ достоинствомъ. «Если ты,—послѣ длинной бесѣды сказалъ мнѣ Кикинъ,—не падаешь съ ногъ отъ усталости и общаешься не заснуть за обѣдомъ, оставайся на цѣлый день и мы поговоримъ еще вдоволь». Несмотря на то, что я не успѣлъ отдохнуть отъ дороги, чувствовалъ въ себѣ изнеможеніе силъ умственныхъ и физическихъ, я, желая кое-что разузнать о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ и во всей Россіи съ той поры, какъ воцарился новый императоръ, пересилилъ себя и остался

у Кикина до вечера. Къ обѣду стали съѣзжаться привычные гости. Первымъ явился братъ хозяина, Алексѣй Андреевичъ, и началъ нещадно ругать всѣхъ тѣхъ мятежниковъ, которые уже заключены были въ Петропавловскую крѣпость, надъ которыми уже окончилось слѣдствіе и открытъ былъ верховный уголовный судъ. Многоглаголивый и страстно рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ, этотъ мой дядюшка былъ для меня отголоскомъ всего высшаго петербургскаго общества и той среды вельможъ и вмѣстѣ крупныхъ игроковъ, въ которой онъ вращался ежедневно, ведя большую игру по вечерамъ и бесѣдуя съ ними въ англійскомъ клубѣ. Честный и благородный его братъ, хозяинъ дома, видимо старался умѣрнить ярость рассказчика и смягчить неумолимую жестокость общественнаго приговора надъ мятежниками, называя ихъ преступленіе безумнымъ увлеченіемъ. Споръ между братьями выслушать я съ тяжелымъ чувствомъ; онъ прекратился приходомъ двухъ или трехъ давно извѣстныхъ мнѣ домашнихъ гостей, которыхъ я называлъ «Animali parlanti», или дѣйствующими въ этой гостинной лицами безъ рѣчей.

Но вотъ передъ самымъ обѣдомъ появились запоздавшіе три особы прямо съ засѣданія верховнаго уголовного суда: предсѣдатель комиссіи прошеній и членъ государственнаго совѣта, извѣстный своимъ остроуміемъ и салоннымъ краснорѣчіемъ, князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ - Ростовскій, прежній врагъ и потому бывшій въ опалѣ, а въ послѣдніе годы царствованія Александра уже сторонникъ временщика Аракчеева и возведенный по этому въ сенаторы; Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, давно извѣстный мнѣ неблаговоленіемъ ко всему человечеству отъ жизненныхъ своихъ не-

удачь, и еще сенаторъ Павелъ Гавриловичъ Дивовъ, отъ головы до ногъ по уму, сердцу и по всему своему складу совершенный контрастъ Сумарокова. Дивовъ долго служилъ и тогда еще считался по министерству иностранныхъ дѣлъ старшимъ чиновникомъ, въ отсутствіе графа Нессельроде часто управлялъ министерствомъ, а прежде находился долгое время нашимъ посланникомъ въ Голландіи. Пребываніе его въ этой странѣ, по давно уже замѣченному въ русскихъ свойству—вырождаться въ европейца той мѣстности, въ которой онъ долго заживется, преобразило и Дивова въ истого голландца. Такъ, онъ былъ сдержанъ, молчаливъ, кротокъ и хладнокровенъ, а къ тому же и по прическѣ, т.-е. по коротко стриженнымъ волосамъ, и по красноватому цвѣту лица, тщательно выбритаго, по бѣлизнѣ галстука и бѣлья, по покрою чернаго фрака и жилета и такихъ же короткихъ штановъ, по чулкамъ и башмакамъ съ золотыми большими пряжками,—однимъ словомъ, по всему этому вмѣстѣ никто бы не принялъ его за русскаго, и каждый принялъ бы непременно за голландца.

Не успѣли мы усѣсться за обѣдъ, и я по обычаю въ концѣ стола между безсловесными, какъ торопливый во всемъ Алексѣй Андреевичъ Кикинъ предложилъ слѣдующій вопросъ пріятелю своему по игрѣ, князю Лобанову. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что этотъ Кикинъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ никогда и нигдѣ не служившій и имѣвшій въ 50 слишкомъ лѣтъ ничтожный чинъ коллежскаго ассессора, любилъ обращаться безцеремонно съ людьми изъ знати и въ крупныхъ чинахъ, которые терпѣли его слишкомъ короткое съ ними обращеніе только потому, что онъ былъ ихъ всегдашнимъ партнеромъ и что

братъ его Петръ, котораго всѣ если не любили, то уважали, былъ статсъ-секретаремъ у прошеній и бывалъ имъ полезенъ. Итакъ, Кикинъ, только что сѣли за столъ, спросилъ у Лобанова: «Скажите-ка намъ, князь, что у васъ дѣлалось нынче въ вашемъ засѣданіи (верховнаго уголовного суда)?» Спрошенный покачалъ напудренной своей головою, сдѣлалъ рукою какое-то движеніе, какъ бы выражающее негодованіе, окинулъ весь столъ черными блестящими глазами и громко воскликнулъ: «Что и говорить!» (Мнѣ совѣстно и черезъ пятьдесятъ почти лѣтъ гнусно и омерзительно повторить поразившія меня, какъ громъ, слова этого праведнаго русскаго судьи, но, чтобы дать понятіе объ этихъ судьяхъ, повторю ихъ, скрѣпя сердце, по крайней мѣрѣ одинъ разъ.) «Мерзавцы путаются другъ съ другомъ на очныхъ ставкахъ, спорятъ, другъ на друга доносятъ, и каждый запирается». Затѣмъ посыпались ожесточенныя проклятія на головы несчастныхъ отъ злобнаго, не удовлетвореннаго въ своемъ честолюбіи старика Кикина. Ихъ ожесточенные крики покрылъ своимъ громкимъ голосомъ опять тотъ же князь Лобановъ, успокоивъ неистовыхъ обѣщаніемъ вызвать у преступниковъ жестокими пытками признаніе въ своемъ преступленіи. Тутъ между тремя разсвирѣпѣвшими началось исчисленіе разныхъ родовъ пытокъ, и изобрѣтательность этихъ палачей, я видѣлъ самъ, привела въ ужасъ хозяекъ дома и еще какую-то барыню. Петръ Андреевичъ упорно молчалъ и, понутивъ голову, поднималъ глаза въ потолокъ. Замѣтивъ же смѣтеніе своей жены, чтобы прекратить разговоръ, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ рассказать о высылкѣ моей изъ Варшавы. Я уклонился, отзываясь крайнимъ истощеніемъ силъ, и дѣйствительно мнѣ было

не до того; то краснѣя, то блѣднѣя, едва я могъ сидѣть и попросилъ бы позволенія выйти подѣ какимъ-нибудь предлогомъ изъ-за стола, если бы не опасался навлечь на себя подозрѣніе изувѣровъ нашего самодержавія. Чтобы развеселить этихъ господъ, хозяинъ въ смѣшномъ видѣ разсказалъ имъ варшавскій эпизодъ моей курьерской поѣздки. Всѣ хохотали, я даже не разсердился оскорбленіемъ моего самолюбія, довольный тѣмъ, что прекратилась, наконецъ, и наломую попытка отъ воспоминаній о прежнихъ старо-русскихъ пыткахъ и отъ изобрѣтенія утонченныхъ новыхъ безчеловѣчными судьями. Едва успѣлъ я выпить чашку кофе и пошелъ освѣжиться и укрѣпиться въ небольшой садъ дачи, кокетливо содержанный причудливымъ на этотъ счетъ владѣльцемъ. Погода была пасмурная и сырая, какою всегда отличаются Петербургъ и его болотныя окрестности.

Въ кустахъ сирени, только что расцвѣтающей, хотъ это было и въ послѣднихъ числахъ мая, сѣлъ я на красивую чугунную скамейку и глубоко вдыхалъ въ себя освѣжающій воздухъ. Моросилъ мелкій, теплый дождикъ... По усыпанной краснымъ пескомъ дорожкѣ слышался шелестъ шаговъ. Я вскинулъ голову и увидѣлъ передъ собой старичка - голландца Дивова. Не говоря ни слова, онъ меня обнялъ, заплакалъ и сказалъ (словъ этихъ я никогда не забуду): «*Au nom de Dieu calmez vous jeune homme.* Не всѣ же мы такіе изверги, какихъ вы сейчасъ видѣли и слышали. Никакихъ пытокъ надъ преступниками не было и не будетъ. Какъ ни велико было раздраженіе государя при открытіи мятежа, доброс его сердце этого не допустить; да и большинство насъ, судей, какъ оно ни уступчиво передъ правительствомъ, воспротивится

тѣмъ немногимъ изъ насъ, которые бы захотѣли нарушить крайнюю мѣру правъ человѣческихъ, имѣющихъ мѣсто со временъ Великой Екатерины въ нашемъ законодательствѣ. Успокойтесь, повторяю вамъ, и берегитесь, чтобы эти изверги не заподозрѣли васъ самихъ въ участіи и соприкосновенности къ мятежу». Сказавъ это, Дивовъ меня взялъ за руку и мы воротились къ дому. Прощаясь съ нимъ, растроганный его добротой и кротостью, я уже самъ бросился къ нему на шею, забывъ разстояніе между нами лѣтъ и положенія. Мнѣ хотѣлось поскорѣе возвратиться домой, въ городъ, но меня предприняли дамы. Старушка Тарсукова и славная ея дочь, Марья Ардалионовна, стали мнѣ рассказывать петербургскіе слухи о томъ, что мой сосѣдъ по Михайловскому, князь Хилковъ, секретарь вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны начинаетъ входить въ большую силу у новаго государя, что онъ отходитъ отъ императрицы и что скоро, по всѣмъ вѣроятіямъ, получитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ новомъ правительствѣ. «Онъ, — говорили онѣ мнѣ, — недавно женился на княжнѣ Волконской, любимой фрейлинѣ Маріи Ѳеодоровны, и живетъ теперь въ Павловскѣ, во дворцѣ, съ тремя только что выпущенными изъ института сестрами; не мѣшало бы вамъ, не теряя времени, сѣздить къ князю Хилкову». «Да, мой милый Свербеевъ, — прибавилъ тутъ Кикинъ, — не мѣшало бы! Да вѣдь я тебя знаю: ты и гордъ, и лѣнивъ, и не поѣдешь». При этихъ словахъ, не давъ на нихъ никакого отвѣта, я ушелъ пѣшкомъ до воротъ дачи, въ которыя до самаго дома вѣзжали одни хозяева, дамы и знатные мужчины, чтобы не попортить шоссе, сѣлъ на дрожки и поѣхалъ къ себѣ.

Меня обуяла тотчасъ дремота, но и сквозь тревож-

ный сонъ приходили отрывочныя, безсвязныя мысли обо всемъ, что было мной видѣно, слышано, прочитано и прочувствовано въ теченіе всей этой послѣдней недѣли и особливо по вѣздѣ моемъ въ холодную сѣверную столицу. «Что же изъ всего этого будетъ съ нашей громадной Россіей и что будетъ со мной? Что мнѣ дѣлать? Вотъ ни за что, ни про что выгоняють меня изъ города, везуть, какъ сумасшедшіе, съ загадочной быстротой, а потомъ на нашей границѣ встрѣчаютъ радушно, меня уже не преслѣдуя. Вотъ тысячу верстъ ѣду я по разоренному краю, по жалкимъ селеніямъ, мѣстечкамъ и городамъ и вѣзжаю въ такую великолѣпную столицу, которая можетъ соперничать съ первыми въ Европѣ и, конечно, превосходитъ центры другихъ второстепенныхъ государствъ. Вотъ поселяюсь я въ гостиницѣ, которая, съ своей стороны, даетъ мнѣ уже почувствовать, что я не совсѣмъ-то въ Европѣ. Вотъ, наконецъ, передо мною кое-какіе газеты, журналы и важнѣйшіе изъ свѣжихъ официальныхъ документовъ, въ которыхъ неограниченный произволъ, справедливо раздраженный мятежнымъ возстаніемъ и подстрекаемый столько же перепуганнымъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ и хитрою, подлою угодливостью искателей у новаго правительства всѣхъ земныхъ благъ, проявляется прикрытый пышными европейскими фразами, и вотъ, наконецъ, собственно говоря обо мнѣ, любезныя насмѣшки на мою жалкую роль, которую я разыгрывалъ, какъ жертва грубаго насилія, и въ заключеніе искренній совѣтъ отъ одной изъ лучшихъ русскихъ женщинъ, какихъ я знаю, и отъ честнѣйшаго и, по мнѣнію моему, самаго независимаго изъ всѣхъ сановниковъ, совѣтъ—какъ можно скорѣе сѣздить за 20 верстъ поподличать сосѣду,

изъ котораго, можетъ быть, выйдетъ новый временщикъ новаго царствованія. Что же мнѣ-то дѣлать?» Съ этими мыслями бросился я на постель, и благодѣтельный сонъ вытѣнилъ въ одну ночь мою душевную скорбь такъ же быстро, какъ и всегда вытѣчиваетъ онъ мои тѣлесные недуги.

Во второе утро петербургскаго пребыванія отыскалъ я моего Берга, котораго, по случаю перваго съ нимъ свиданія въ Россіи, назову здѣсь и полнымъ его именемъ — Берга, Александра Оседоровича. Онъ незадолго передо мной пріѣхалъ изъ Парижа настоящимъ курьеромъ и тотчасъ же по связямъ своего брата причисленъ былъ къ небольшой канцеляріи вице-канцлера, куда поступать было очень трудно по весьма ограниченному числу чиновниковъ. Принимались въ нее только молодые люди съ особенной протекціей вліятельныхъ родственниковъ у графа, или по такимъ же связямъ со старшими чиновниками этой канцеляріи, по большей части остзейцами. Бергу удалось выучиться каллиграфіи, и его, какъ новичка, завалили перепиской. Я искренно порадовался его первому успѣху, за которымъ слѣдовала вѣрная и долгая карьера. Все его существованіе было упрочено, и онъ, бережливый до крайности, съ тѣхъ самыхъ поръ живетъ безбѣдно однимъ жалованьемъ, отдавая небольшіе доходы съ своего родового имѣнія роднымъ братьямъ. Такимъ образомъ, въ этомъ человѣкѣ открывается рѣдкое соединеніе скупости и щедрости. Когда сталъ я его спрашивать обо всемъ, что дѣлается у насъ на Руси, онъ поразилъ меня безучастнымъ ко всему равнодушіемъ. Ничто его не удивляло, не утешало и не оскорбляло. «Вотъ,—подумалъ я,—счастливый человѣкъ!» Отъ него узналъ я о пригото-

ніяхъ къ похоронамъ императрицы Елисаветы Алексѣевны. Въ тотъ же день данное мнѣ порученіе къ царственной покойницѣ отъ великой княгини Анны Ѳеодоровны передалъ, по совѣту Берга, Сѣверину, прося послѣдняго передать посылку и пакетъ принцессѣ Саксенъ-Гота, жившей тогда въ Петербургѣ. О доставленіи же ей этой посылки за смертью императрицы писали мнѣ и баронъ Крюднеръ и гофмаршалъ великой княгини Шиферли. Слѣдовало бы мнѣ все это исполнить самому, но я никогда не бывалъ во дворцахъ и именно въ это время носилъ въ себѣ какую-то къ нимъ вражду. Въ городѣ было пусто. Дворъ находился въ Царскомъ Селѣ, государь—въ Красномъ, на маневрахъ, тамъ же и вся гвардія. Семейства членовъ верховнаго уголовнаго суда, равно какъ и всякихъ сколько-нибудь зажиточныхъ чиновниковъ разѣхались по дачамъ, поэтому и у меня въ Петербургѣ никакихъ знакомыхъ не было. Никольскій жилъ уже въ Саратовѣ и занимался тамъ у откупщика его дѣлами. Всѣ Языковы были въ Симбирскѣ, двое старшихъ—въ отпуску, а меньшей, поэтъ, не добившись въ Дерптѣ студенчества, въ объятіяхъ свободы и природы. Гвардейскихъ моихъ знакомыхъ я полѣнился посѣтить: ихъ лагерь находился за 20 верстъ. Только и видался я ежедевно, урывками, съ Бергомъ, который былъ очень занятъ служебною перепиской, и съ Кикиными, къ которымъ ѣздилъ я на Каменный островъ большею частью въ лодкѣ. Въ хорошую лѣтнюю погоду плыть по Невѣ не болѣе часа времени, и особливо ночью, часу въ двѣнадцатомъ, имѣло для меня особенную прелесть. Многоводныя окрестности Петербурга и темно-синяя, широкая, рѣдко бурная въ это время Нева напоминала почти Ве-

нецію, а свѣтлыя нашего сѣвера ночи на водѣ казались мнѣ еще поэтичнѣе.

Со мной были еще двѣ посылки въ Петербургъ, одна отъ Фурмана изъ Берна къ его отцу, какому-то штабт-лѣкарю одного изъ петербургскихъ заведеній, доброму старичку (кажется, изъ жидовъ), который радовался и гордился служебнымъ успѣхомъ своего второго сына и горько оплакивалъ судьбу младшаго, гвардейскаго офицера, содержавшагося въ это время въ крѣпости по участию въ заговорѣ. Это былъ тотъ самый Фурманъ, отъ близкаго родства съ которымъ нашъ дипломатъ передъ баромъ Крюднеромъ и передо мною отрекался, сказавъ намъ, что у него только и есть одинъ братъ, уже занимавшій по министерству финансовъ важное мѣсто въ Царствѣ Польскомъ. Dans ce trait de prudence extrême j'ai reconnu mon homme.

Другое письмо съ посылкой имѣлъ я къ извѣстному президенту нашей академіи художествъ и въ то же время государственному секретарю, Алексѣю Николаевичу Оленину, отъ его сына, моего спутника. Ему я доставилъ тяжеловѣсное письмо отъ сына вмѣстѣ съ часами къ сестрѣ его, очень красивой и весьма кокетливой Аннѣ Алексѣевнѣ, за которой волочился Пушкинъ и воспѣлъ ея маленькія ножки. Рѣдко случалось мнѣ встрѣтить такой радушный, такой ласковый и утонченно-вѣжливый пріемъ, какой сдѣлалъ мнѣ Оленинъ. Онъ, какъ я его о томъ ни просилъ, не распечаталъ при мнѣ сыновняго письма и въ то же время упрасивалъ меня подольше съ нимъ побесѣдовать и взялъ съ меня слово пріѣхать къ нимъ обѣдать, когда воротятся жена и дочь его съ дачи. Въ тотъ же день вечеромъ получилъ я отъ него чрез-

вычайно любезную записку, въ которой онъ писалъ, что, узнавъ изъ письма сына о взятыхъ имъ у меня тысячѣ рублѣхъ, онъ съ признательностью привезетъ ихъ мнѣ самъ въ назначенное мною время и выпишетъ жену изъ деревни для скорѣйшаго свиданія со мною, чтобы доставить и ей удовольствіе поблагодарить меня за ихъ сына.

Извѣстная, какъ говорится нынѣ, личность Оленина была въ свое время и громкая и крупная, несмотря на мелкій ростъ этого человѣка, которымъ напоминаетъ его и самой фигурой мой пріятель, тоже бывшій государственнымъ секретаремъ, князь Сергѣй Николаевичъ Урусовъ. Оленинъ, человѣкъ по учености и человѣчекъ по росту и, если угодно, по характеру, имѣлъ солидное классическое образованіе, былъ знатокъ древностей, и археологическія свои знанія съ умѣніемъ и вкусомъ распространялъ на искусства и поэзію. Имъ было написано много статей о разныхъ ученыхъ предметахъ, какъ, напримѣръ, о русскихъ гекзаметрахъ, поэтому онъ былъ назначенъ президентомъ академіи художествъ, и этотъ выборъ былъ оправданъ его дѣятельностью. Долгое время домъ Оленина былъ пріютомъ для всѣхъ литераторовъ, ученыхъ и художниковъ. Жена его изъ очень умной и замѣчательно дѣятельной семьи Полторацкихъ набралась тоже разныхъ научно-литературныхъ и художественныхъ свѣдѣній и любила окружать себя учеными и умными собесѣдниками, а потому память о нихъ и до сихъ поръ сохраняется въ Петербургѣ. Хотя и грустно, должно однако признаться, что, несмотря на всю свою, далеко не поверхностную, но, напротивъ, очень серьезную ученость, на свой художественный вкусъ, на свои занятія, на обращеніе съ людьми науки и

искусствъ, характеръ Оленина не устоялъ противъ наплыва на него темной силы русскаго общества. Онъ при всемъ этомъ, или, лучше сказать, въ противорѣчій всему этому, въ продолженіе всей долгой своей жизни ярче казался передъ другими своими современниками сановникомъ уклончивымъ, искательнымъ. Въ званіи государственнаго секретаря, которое перешло къ нему отъ Шишкова, онъ былъ послушнымъ орудіемъ временщика Аракчеева и однажды предложилъ предсѣдательствуемой имъ конференціи академіи художествъ признать графа Аракчеева своимъ почетнымъ членомъ, и когда извѣстный масонъ Лабзинъ предложилъ своему президенту вопросъ о причинѣ такого страннаго, по его понятію, предложенія, Оленинъ съ смущеніемъ отвѣчалъ: «Потому, что графъ Алексѣй Андреевичъ ближе всѣхъ къ государю». — «Поэтому, милостивые государи, — сказалъ Лабзинъ, — я имѣю честь предложить почтенному собранію избраніе въ наши члены Ильи Ивановича Байкова, лейбъ-кучера его императорскаго величества, ибо никто, согласитесь со мной, не бываетъ такъ близко къ Его Величеству, какъ онъ». Лабзинъ тотчасъ былъ высланъ на жительство въ Симбирскъ, гдѣ и умеръ. Другой примѣръ изъ многихъ и весьма многихъ, мнѣ неизвѣстныхъ или мной забытыхъ заискиваній Оленина у государя нахожу я въ ношеніи имъ страннаго, чтобы не сказать смѣшнаго, мундира бывшаго въ 1812 году ополченія, вѣроятно въ угодность государю, который, извѣстно, жаловалъ болѣе военныхъ, чѣмъ штатскихъ. Государь Александръ, однако, наглядно рѣзко отличилъ мундиръ ополченцевъ отъ армейскаго, давъ офицерамъ этого войска зеленые султаны. Видѣть маленькую фигурку въ теченіе 20 лѣтъ въ этой одеждѣ, столь

мало приличной государственному секретарю, а тѣмъ паче президенту академіи художествъ, было еще странно и смѣшно, тѣмъ болѣе, что онъ въ отечественную войну и не имѣлъ случая, а можетъ быть и желанія, понюхать пороху. Какъ бы то ни было, а все-таки добромъ помянуть его можно, даже и потому, что онъ былъ основателемъ императорской публичной бібліотеки. Супруга его нарочно для свиданія со мной ускорила пріѣздомъ въ городъ изъ ихъ «Пріютина» и, какъ нѣжная мать, обо всемъ расспрашивала и благодарила за сына.

У нихъ обѣдалъ я и провелъ цѣлый день съ двумя постоянными ихъ посѣтителями, знаменитостями того времени: переводчикомъ Иліады, красивымъ и осланистымъ, съ античною важностью, Гнѣдичемъ и добродушнымъ дѣдушкой Крыловымъ, для котораго было за столомъ и его любимое блюдо—поросенокъ подъ хрѣномъ. Умный разговоръ хозяевъ съ этими двумя гостями слушалъ я съ большимъ удовольствіемъ, отдавая справедливость Оленину въ томъ, что онъ въ бесѣдѣ своей нисколько не походилъ ни на знатнаго вельможу, ни на государственнаго сановника; мила и любезна была дочь Оленина, преживая и прехорошенькая блондинка, а матушка ея старалась допытать у меня, въ какихъ отношеніяхъ былъ я съ ея сыномъ, зналъ я или нѣтъ что-нибудь о дружескихъ связяхъ его съ нѣкоторыми декабристами и о томъ, что онъ подозрѣваемъ былъ въ соучастіи съ ними. Касаясь слегка этого жгучаго вопроса, чета Олениныхъ, а еще болѣе дочка, замѣтно были въ неловкомъ положеніи: имъ, находившимся въ кружкѣ правительственномъ и придворномъ, съ одной стороны, слѣдовало съ ожесточеніемъ нападать на декабристовъ, тогда какъ, съ

другой стороны, давняя дружба всего ихъ семейства съ главными изъ мятежниковъ и ихъ семействами, да и всѣмъ извѣстное либеральное направленіе ихъ двухъ сыновей мѣшали имъ высказать свое мнѣніе, а тѣмъ самымъ стѣсняли и простое дружелюбное отношеніе со мной. Варвара Марковна, какъ дама ловкая, бойкая и пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, по долгому со мной разговорѣ въ одиночку любезно сказала мнѣ, что я съ перваго раза очень ей понравился и непременно долженъ еще не одинъ разъ съ нею видѣться, чтобы короче познакомиться. Она звала меня на день или на два побывать у нихъ въ сельскомъ ихъ уединеніи, въ селѣ Пріютинѣ, которое, конечно, мнѣ полюбится. По дружбѣ къ брату Алексѣю звала меня туда и молодая ихъ красавица, также и отецъ. До поздняго вечера пробылъ я у нихъ и провелъ время очень пріятно. Безцеремонное ихъ обращеніе побѣдило мою дикость и отчасти разсѣяло то тяжелое чувство, подъ вліяніемъ котораго я находился съ самой Варшавы. Я почти далъ слово быть у нихъ въ деревнѣ на слѣдующей недѣлѣ и тутъ же узналъ, что скоро послѣдуетъ рѣшеніе верховнаго суда надъ государственными преступниками, что немногіе избранные члены онаго на-дняхъ должны отправиться въ Петропавловскую крѣпость для передопросовъ заточенныхъ въ казематахъ, и что послѣ исполненія этой окончательной мѣры приговоръ имъ будетъ постановленъ, и появится манифестъ.

Прощаясь съ Оленинымъ, получилъ я отъ него билетъ на одно изъ номерованныхъ мѣстъ, устроенныхъ у императорской библіотеки, чтобы смотрѣть погребальную процессію, сопровождавшую изъ Царскаго Села въ зимній дворецъ тѣло императрицы Елисаветы

ты Алексѣевны. Длинная погребальная процессія отъ городской заставы до самаго дворца исполнена была тою же торжественностью, какую еще недавно видѣлъ Петербургъ при погребеніи Императора Александра Павловича. Меня поразило шествіе новаго государя не въ мундирѣ, какъ я ожидалъ, а въ траурной широкой епанчѣ и въ такой же широкой, закрывавшей лицо шляпѣ. Въ такомъ же костюмѣ шли и ассистенты государя, великій князь Михаилъ Павловичъ и министръ двора князь Волконскій. Таковъ, кажется, былъ заведенный у насъ погребальный этикетъ, введенный первый разъ Петромъ Великимъ по совѣщаніи съ иностранными посланниками на похоронахъ принцессы Шарлотты, несчастной супруги злополучнаго царевича Алексѣя Петровича. Я упоминаю объ этомъ только потому, что нынѣшнимъ государемъ обычай этотъ измѣненъ. Александръ II за гробомъ своего сына, цесаревича Николая, ѣхалъ верхомъ въ полномъ парадномъ мундирѣ и велъ за собою свою гвардію.

У Кикиныхъ на другой день предложили мнѣ билетъ въ зимній дворецъ, чтобы тамъ посмотрѣть вблизи весь погребальный церемоніаль, совершавшійся при панихидахъ у тѣла императрицы, къ послѣднему прощанію съ коимъ весь народъ былъ допускаемъ. Я, не любя и боясь тѣсноты, отказался отъ предлагаемаго мнѣ зрѣлища, а потому не пошелъ и въ Петропавловскій соборъ, гдѣ также выставленъ былъ на нѣсколько дней до погребенія гробъ государыни.

Настало время тягостнаго ожиданія окончательнаго приговора надъ преступниками верховнаго уголовного суда, высочайшей конфирмаціи и исполненія онаго. Мнѣ неизвѣстно, что говорилось объ этомъ въ наро-

дѣ или въ обществѣ, но, судя по тому, что я видѣлъ и слышалъ въ домѣ Кикиныхъ отъ самихъ хозяевъ и у нихъ отъ немногихъ людей, имъ очень короткихъ, я имѣлъ основаніе заключить, что, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя особенно были раздражены заговоромъ и призывали на виновниковъ мятѣжа сперва пытки, а потомъ и смертную казнь, всѣ прочіе, допускаящіе сколько-нибудь смягчающія обстоятельства, выражали свои мнѣнія съ величайшею осторожностью, какою никогда и ни въ какихъ случаяхъ не отличалось болтливое петербургское и вообще русское общество. Умѣренные въ своихъ сужденіяхъ, а ихъ, говорятъ, было много, обольщали себя надеждою, что смертной казни никто не подвергнется, и полагались въ этомъ на великодушіе государя, на доброе сердце участвовавшаго въ слѣдственной коммисіи великаго князя Михаила Павловича, на заступничество передъ государемъ за преступниковъ. обѣихъ императрицъ. Когда обнародованы были манифестъ и конфирмація судебнаго приговора, большинство поражено было ужасомъ. Съ другой стороны, народъ строгую кару надъ преступниками и смертную казнь главнѣйшихъ находилъ, какъ говорятъ, справедливыми на томъ основаніи, что злоумышленники, желавшіе ниспровергнуть верховную власть, всѣ принадлежали къ высшему сословію. По доходившимъ въ то время и впоследствии до меня толкамъ, за достовѣрность которыхъ не отвѣчаю, я думалъ и тогда уже и утверждаюсь въ моемъ мнѣніи еще болѣе теперь, что нѣкоторые изъ членовъ суда, какъ князь Лобановъ и Сумароковъ, и многія вліятельныя другія лица своимъ неистовымъ раздраженіемъ заразили умѣренныхъ изъ своихъ товарищей. Послѣдніе же, по слабости и изъ

подлаго страха быть заподозренными въ сочувствіи къ мятежникамъ, пристали къ нимъ. Такимъ образомъ составилось большинство, которое успѣло и отъ самого государя получить вынужденное, противъ его воли, согласіе на смертную казнь. Николай Павловичъ будто бы долго колебался и уступилъ представленіямъ ему законной необходимости спасти престолъ и предупредить новыя противъ самодержавія покушенія. Затѣмъ рядъ изобрѣтенныхъ судомъ различныхъ категорій, которыя положены были предварительно самой слѣдственной комиссіей, съ перваго же взгляда не могъ выдержать справедливой критики. Въ этихъ категоріяхъ обнаружился одинъ произволъ и жалкое смѣшеніе правильныхъ юридическихъ понятій. Я постараюсь собрать объ этомъ судѣ мои мысли и выразить мое мнѣніе *).

Давно пора была мнѣ послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей вырваться изъ Петербурга, побывать въ родной Москвѣ, повидаться съ нетерпѣливо ожидавшей меня въ Солнышковѣ теткой, Еленой Яковлевной и внимательно осмотрѣть, что во все время моего отсутствія дѣлалось и дѣлается въ главномъ моемъ имѣніи Михайловскомъ. Изъ министерства иностранныхъ дѣлъ получилъ я продолженіе отпуска и медлилъ моимъ выѣздомъ изъ Петербурга только потому, что ждалъ, по весьма понятному чувству, рѣшенія уголовного суда. Оно подтверждено было государемъ въ Царскомъ Селѣ, куда дворъ удалился на время экзекуціи и приготовленія къ ней. Узнавъ отъ нѣкоего г. Корчевскаго, двоюроднаго брата Степ. Мих. Семенова, что этотъ мой давній пріятель умѣлъ сво-

*) См. Приложенія, ст. III.

имъ хладнокровнымъ умомъ и совершеннымъ знаніемъ нашихъ уголовныхъ законовъ избавиться отъ суда и подвергаться одному удаленію на государственную службу въ Тобольскую губернію, я попытался его видѣть въ крѣпости, гдѣ онъ наравнѣ со всѣми строго содержался, но мнѣ это не удалось, такъ какъ онъ наканунѣ исполненія казни отправленъ былъ съ Иваномъ Николаевичемъ Горсткимъ въ Тобольскъ. Въ это время часто посѣщавшій меня Бергъ справлялся не одинъ разъ о днѣ и часѣ казни и почти получилъ отъ меня согласіе пойти вмѣстѣ съ нимъ посмотрѣть, какъ она будетъ совершаться, но у меня на это не доставало духу, и вмѣсто того, чтобы съ восходомъ солнца отправиться на кровавое зрѣлище, я въ этотъ же самый день послѣ обѣда выѣхалъ съ моимъ дядюшкой, Алексѣемъ Андреевичемъ Кикинымъ, въ Москву, — онъ съ двумя дочерьми въ каретѣ, а я самъ по себѣ въ моей тяжелой двухмѣстной іохимской коляскѣ. Въ этотъ послѣдній день моего пребыванія въ Петербургѣ узналъ я подробности смертной казни Пестеля съ четырьмя товарищами, изъ которыхъ двое, еще живые, сорвались съ висѣлицы и были вторично повѣшены. Лѣтъ черезъ пять послѣ пріятель мой, сынъ тогдашняго петербургскаго генералъ - губернатора Павла Васильевича Кутузова, рассказывалъ, какъ его отецъ, которому было поручено исполненіе приговора, долженъ былъ въ самое короткое время соорудить эшафоты, отыскать палачей и какія встрѣтилъ онъ тутъ затрудненія по неопытности въ этомъ дѣлѣ и строителей висѣлицъ и призванныхъ къ вѣшанію палачей.

На другой день конфирмаціи Уголовнаго Суда послѣдовалъ манифестъ о коронаціи въ Москвѣ новаго государя. Все знатное и чиновное готовилось выѣхать

изъ Петербурга въ Москву. Петръ Андреевичъ Кикинъ, почему-то не умѣвшій или не хотѣвшій поближе сойтись съ новымъ государемъ, хотя и сохранялъ еще свое званіе статсъ-секретаря у принятія прошеній, остался на все время на своей петербургской дачѣ, гдѣ я съ нимъ и распростился. Простился также и съ семьей Олениныхъ, у которыхъ часто бывать удержался, опасаясь вторгнуться въ хорошенькую и кокетливую ихъ дочку. Неожиданная неудача въ моихъ матримоніальныхъ исканіяхъ въ Швейцаріи меня напугала, и я боялся новаго, въ подобныхъ случаяхъ оскорбительнаго отказа. Къ Хилкову въ Царское Село я все-таки не поѣхалъ, какъ меня ни уговаривали у Кикиныхъ побывать у этого сосѣда, о которомъ говорили, что онъ въ большой милости у государя. Хилковъ также не ѣздилъ въ Москву на коронацію и былъ, какъ сказывалъ онъ мнѣ послѣ, тайнымъ, довольно загадочнымъ посредникомъ у императора Николая въ перепискѣ, едва ли кому теперь извѣстной, вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны съ цесаревичемъ Константиномъ изъ Москвы въ Варшаву.

Вотъ что тогда происходило. Вдовствующая императрица, въ началѣ лѣта (1826 г.) выѣхала навстрѣчу императрицы Елисаветы Алексѣевны, которая по болѣзни ѣхала медленно изъ Таганрога въ Москву, чтобы тамъ присутствовать на коронаціи. Она скончалась на дорогѣ въ городѣ Бѣлевѣ; Марія Ѳеодоровна уже ея въ живыхъ не застала и провожала смертныя ея останки до города Можайска, гдѣ тѣло усопшей встрѣчено было митрополитомъ Филаретомъ и гдѣ въ присутствіи государыни произнесено было послѣднимъ краснорѣчивое надгробное слово. Изъ Можайска импера-

трица Марія возвратилась въ Москву и тамъ, въ Кузьминкахъ, на дачѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына оставалась до коронаціи. Въ это время, по винушенію своего сердца и по желанію новаго государя, ея сына, вступила она въ переписку съ Константиномъ Павловичемъ котораго уже нѣсколько мѣсяцевъ напрасно убѣждала непременно пріѣхать, если уже не въ Петербургъ, для свиданія съ Николаемъ Павловичемъ, то по крайней мѣрѣ къ коронаціи въ Москву, дабы присутствіемъ своимъ увѣрить Россію и вмѣстѣ Европу въ искренности своего отреченія отъ престола. Капризный цесаревичъ еще прежде не одинъ разъ упорно отказывался пріѣхать въ Петербургъ и рѣшительно не хотѣлъ быть и въ Москвѣ. Мать и братъ и все царское семейство этого требовали. Марія Ѳеодоровна нѣсколько разъ къ нему объ этомъ писала, и эти письма изъ Москвы отправлялись открытыми въ Петербургъ на имя Хилкова для предварительнаго прочтенія оныхъ государемъ и имъ просмотрѣнными и одобренными уже отправлялись изъ Петербурга въ Варшаву за собственною печатью Маріи Ѳеодоровны, которая нарочно ею была оставлена у Хилкова, подъ почтовымъ штемпелемъ московскаго, а не петербургскаго почтамта. Отвѣты цесаревича, въ которыхъ повторялся упорный его отказъ, также пересылались Хилкову на просмотръ государю. Упрямство Константина Павловича однакоже было побѣждено, и извѣстно, что онъ присутствовалъ на коронаціи въ Москвѣ, но мрачный, суровый, недовольный, явно раздраженный, пробылъ въ Москвѣ только однѣ сутки и возвратился опять къ себѣ въ Варшаву. Какъ объясненіе такого страннаго поведенія цесаревича, я нашелъ не лишнимъ сказать здѣсь, что случайно узналъ о тайнствен-

ной между царственными особами перепискѣ. Думаю, что о ней знали и знаютъ немногіе.

Всегда невыносимо скучная, однообразная дорога изъ Петербурга въ Москву по пустынной, болотной и лѣсистой равнинѣ на этотъ разъ въ самую лѣтнюю пору была оживлена несшимися по ней экипажами петербургской знати, стремившейся съ своими семьями на московскія торжества. Было жарко и нестерпимо душно, но солнце пряталось за тучами, пахло гарью и виднѣлся среди бѣлаго дня какой-то туманъ; онъ и сначала лѣта и пріѣзда моего въ Петербургъ распространялся по городу и его окрестностямъ. На мои вопросы всѣ, кого бы я ни спрашивалъ, люди темные и не темные, отвѣчали въ одно слово: «Это горятъ лѣса». — «Гдѣ же? — «А Богъ ихъ вѣдаетъ!» Такое равнодушіе было для меня, пріѣхавшаго изъ чужбины, непонятно, но потомъ и я привыкъ къ нему. На станціяхъ намъ съ семействомъ Кикина встрѣчались небывалыя по этому пути въ обыкновенное время затрудненія въ почтовыхъ лошадяхъ: такъ много ѣхало по ней привилегированныхъ лицъ, слѣдовавшихъ въ Москву съ чрезвычайными подорожными то «по высочайшему повелѣнію», то «по исключительно государственнымъ надобностямъ». Мой дядюшка, не важная птица по чину, но напыщенная важностью своего родного брата статсъ-секретаря, начиналъ бывало гнѣваться на невнимательность къ нему станціонныхъ смотрителей, но какъ дѣлать было съ ними нечего, скоро угомонился и рѣшено было прохладяться на каждой станціи и ночевать каждую ночь. Чуть ли не пятеро сутокъ вмѣсто трехъ ѣхали мы до Москвы. Я удивлялъ Кикина моимъ равнодушіемъ; онъ не понималъ моей терпѣливости, даже сердился за то, что я не спѣшилъ,

не горѣлъ нетерпѣніемъ воротиться послѣ долгаго отсутствія въ мой родной городъ, на мою милую родину. Подѣзжали мы къ Москвѣ довольно рано, и, чтобы испытать меня, Кикинъ предложилъ мнѣ часу во второмъ дня остановиться на предпоследней станціи, т. е. Подсолнечной, обѣдать. «Не хочешь ли здѣсь ночевать?» сказалъ онъ мнѣ послѣ обѣда. — «Почему нѣтъ», отвѣчалъ я. На другой день, напившись чаю и позавтракавъ, отправились мы не спѣша и пріѣхали въ Черную Грязь, въ большой каменный казенный домъ. «Ужъ не ночевать ли намъ и здѣсь?» предложилъ Кикинъ. — «Почему нѣтъ». — «Чортъ тебя знаетъ, что ты за человѣкъ! И какъ тебѣ не стыдно!» съ разными ругательствами моему антипатріотическому хладнокровію отвѣтилъ дядюшка. Ему самому, а особливо его двумъ молоденькимъ дочерямъ, порядочно надоѣли наше долгое скитаніе и страшная жара отъ яркаго солнца, разсѣявшаго туманы отъ самой Твери, и мы рѣшили не ночевать болѣе на послѣдней станціи для окончательнаго испытанія моего равнодушнаго терпѣнія.

Возвратясь домой и на долгое время безвыѣзднаго жительства въ *dura patria*, я начинаю второе описаніе моихъ *domestica facta* съ меньшею увѣренностью въ живости, въ отчетливости; въ послѣдовательности подлежащей мнѣ повѣсти. Оттого ли что самыя событія становятся мельче и, можетъ быть, пошлѣе, или оттого, что не выставляющая ихъ обыденность гаснетъ въ моей памяти, самъ не знаю, но это, къ сожалѣнію, такъ. Мои собственныя семейныя событія въ моей обыкновенной домашней жизни считаю я не стоящими посторонняго любопытства, а нѣкоторыя важнѣйшія — до него и не доступными, вотъ почему мои «Записки»

съ этого времени ограничатся разными анекдотами и изрѣдка наблюденіями надъ административными и помѣщичьими нашими нравами вмѣстѣ съ едва ли удающимися мнѣ фотографіями тѣхъ немногихъ, почему-либо замѣчательныхъ людей, которыхъ мнѣ удавалось встрѣтить. У читателей моихъ прошу снисхожденія, а болѣе взыскательнымъ совѣтую не читать далѣе.

Одно только помню ясно и живо овладѣвшее мною чувство унынія и совершеннаго разочарованія, какого-то отчаянія въ прогрессъ цивилизаціи. Отчаяніе въ немъ завладѣло мною съ первой минуты новаго у насъ царствованія. Воспитанный въ принципахъ безпредѣльной преданности къ необходимому у насъ самодержавію, я находился подъ обаяніемъ привлекавшаго къ себѣ много русскихъ сердецъ нашего Благословеннаго Александра. На чужой сторонѣ мнѣ все еще представлялся онъ идеаломъ христіанскаго государя, столько же кротостью, какъ и мужествомъ освободившаго Европу и водворившаго въ ней законную власть, порядокъ и спокойствіе. Неблагопріятные слухи о послѣднихъ годахъ его правленія часто, конечно, и до меня доходили, но не могли поколебать мою вѣру въ государя и его благія намѣренія. Несмотря на всѣ печатные толки и разсужденія о деспотизмѣ нашего правительства, о пагубномъ его вліяніи на дѣла Европы, обвиненія эти казались мнѣ преувеличенными. Изъ официальныхъ и секретныхъ бумагъ министерства иностранныхъ дѣлъ хотя и можно было усматривать, что петербургскій кабинетъ иногда подчинялся хитрой политикѣ князя Меттерниха, но, съ другой стороны, мы видѣли постоянную борьбу нашей дипломатіи съ австрійскою въ стремленіяхъ удержать конституціонную хартію во Франціи, укрощать разгулъ деспотизма въ

Испаніи, мирить по возможности рановременно возставшихъ грековъ съ турецкимъ владычествомъ, — однимъ словомъ, не возбуждать, а воздерживать абсолютизмъ и въ то же время обуздывать разрушительныя начала насильственныхъ переворотовъ. Но внезапная кончина Александра и ея смутныя послѣдствія открыли глаза многимъ, а между ними и мнѣ.

Возвратясь изъ Парижа въ Бернъ, я началъ сомнѣваться въ возможности продолжать мою службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, и въ Петербургѣ убѣдился окончательно, что вообще состоять на службѣ мнѣ не приходится, и что лучше будетъ для меня и несравненно полезнѣе для тѣхъ, которыхъ судьба предоставила моей власти, заняться собственными дѣлами. Тогдашнее высшее и среднее наше общество, забывъ о судѣ, ссылкѣ и казняхъ, жертвами коихъ были члены многихъ изъ семействъ, ему принадлежащихъ, готовилось къ празднествамъ, и по пріѣздѣ моемъ въ Москву начались уже тамъ небольшіе балы, представленія итальянской оперы, и открылись дома иностранныхъ пословъ и посланниковъ. Въ это время веселыхъ праздниковъ такое равнодушіе, такое быстрое забвеніе о судьбѣ несчастныхъ, слѣдовавшихъ въ оковахъ въ ссылку, на вѣчное изгнаніе, меня возмущало и тѣмъ болѣе, что между веселившимися были имъ близкіе знакомые и даже родные. Нѣкоторые изъ послѣднихъ не постыдились принимать отъ руки карающей власти знаки отличія и почести.

Петербургская и московская молодежь лучшихъ семействъ, втайнѣ раздѣлявшая убѣжденія и желанія декабристовъ, предалась пляскѣ и всякаго рода забавамъ. Я старался затанцъ въ себѣ чувство омерзенія къ поведенію въ этомъ отношеніи всего русскаго общества,

но въ то же время наложилъ на себя зарокъ не раздѣлять его развлеченій. И только болѣе изъ приличія, чѣмъ изъ любопытства, чтобы не подвергать себя незаслуженнымъ подозрѣнїямъ въ преувеличенномъ сочувствїи къ декабристамъ, позволилъ себѣ появляться на уличныя публичныя торжества этого времени. Такъ, видѣлъ я торжественный въѣздъ въ день коронаціи, шествіе въ соборъ, великолѣпную иллюминацію кремлевскихъ стѣнъ, исполненную по рисунку знаменитаго архитектора Гваренги, и потомъ еще неудавшійся народный праздникъ на Дѣвичьемъ полѣ. На этомъ праздникѣ новому государю, всему царскому семейству, представителямъ дворовъ цѣлой Европы и всѣхъ сословій Имперіи, собравшимся на коронацію, дала себя знать московская чернь, которая въ свою очередь, принадлежа «сердцу Россіи», сама представляла тотъ русскій народъ, коему, по ученію славянофиловъ и по доктринѣ западниковъ, принадлежатъ и верховенство надъ всѣми другими народами и верховная власть во всякомъ гражданскомъ обществѣ. Не прошло получаса по прїѣздѣ царственныхъ посѣтителей и всѣхъ приглашенныхъ на торжество, едва успѣвшихъ занять назначенныя мѣста въ ложахъ, какъ государь, поднявшись во весь свой могучій ростъ, громозвучно и весело произнесъ къ народу: «Берите, все ваше!» Толпы ринулись на приготовленное для нихъ угощеніе и на самыя галереи, устроенныя для зрителей, начали все истреблять, разрушать, а съ посѣтителей рвать одежды, шали, — словомъ, беспорядокъ былъ ужасный и кончилось бы еще хуже, если бы только что вышедшій въ отставку оберъ-полицмейстеръ, лихой и старый Шульгинъ (Александръ Сергѣевичъ назывался старымъ въ отличіе отъ другого Шульгина же, назначеннаго на

его мѣсто), если бы, повторяю, этотъ отставленный Шульгинъ не бросился въ средину буйной толпы и не остановилъ однимъ своимъ появленіемъ этого маленькаго образчика такъ легко возможныхъ у насъ народныхъ безпорядковъ.

Ни на одномъ балѣ, ни на одномъ маскарадѣ я не былъ, несмотря на то, что имѣлъ на нихъ приглашенія и что появляться на нихъ было бы мнѣ полезно по службѣ и для поддержанія немногихъ старыхъ и составленія новыхъ связей, но со службой я рѣшилъ покончить совсѣмъ, а русское общество я осуждалъ. Не могу припомнить навѣрное, не ѣздилъ ли я еще до коронаціи въ Солнышково для свиданія съ теткой и по дорогѣ въ Михайловское, захвативъ гдѣ-то Петра Обрескова, въ Симоново подъ Тулою, къ Щербатовымъ, но и все время коронаціи и потомъ до октября прожилъ я въ Москвѣ, но уже не въ мезонинѣ маленькаго домика тетки, а въ нанятомъ мною помѣсячно небольшомъ домѣ какой-то старушки Погожской, въ Мерзляковскомъ переулкѣ. Чтобы не поддаваться искушенію и отдѣлаться отъ родственниковъ и дружескихъ предложеній непремѣнно ѣхать на какой-нибудь балъ или праздникъ, отдалъ я во временное владѣніе мой мундиръ мин. ин. дѣлъ другу моему Бергу, который прощоголялъ въ немъ на всѣхъ праздникахъ и былъ до слезъ благодаренъ мнѣ за такое одолженіе его тощему карману. Въ это время познакомилъ онъ меня съ своимъ старшимъ умнымъ братомъ, нынѣшнимъ графомъ Бергомъ, фельдмаршаломъ и намѣстникомъ Польскаго Царства. Въ коронацію передѣляли его изъ полковника генеральнаго штаба въ совѣтники нашего посольства въ Константинополь, съ чиномъ д. с. с., и употребили тамъ по его же части для наблю-

денія стратегическихъ изысканій Европейской и Азіатской Турціи. Послѣ разрыва съ нею въ 1829 г. этотъ Бергъ преобразился опять въ военнаго. По связи съ братомъ Александромъ я коротко тогда съ нимъ познакомился и любовался блистательной и всегда любезной изворотливостью его характера.

Не понимаю, что побудило другого моего друга, Александра Языкова, выбратъ изъ своей симбирской глуши (онъ жилъ тогда въ отпуску) и пріѣхать въ Москву, чтобы поглазѣть на коронацію. Разумѣется, онъ, какъ и я, ничего, кромѣ публичныхъ и всенародныхъ торжествъ, не видалъ. Зато по цѣлымъ днямъ отъ утра до ночи слонялись мы вмѣстѣ по оживленнымъ улицамъ и загороднымъ гульбищамъ. Языкова на все это время поселилъ я у себя. Дикимъ былъ онъ всегда, такимъ и теперь доживаетъ, но въ это время дикъ онъ былъ до того, что не зналъ, слѣдуетъ ли ему кланяться моимъ гостямъ, проходя приемную комнату.

Въ досужее отъ празднествъ время собирались иногда ко мнѣ прежніе мои московскіе пріатели и товарищи по университету вечеромъ на чашку чаю, а иногда и пообѣдать, и не безъ насмѣшекъ замѣчали нѣкія мои нововведенія въ тогдашнемъ домашнемъ быту по подражанію иноземнымъ обычаямъ. Такъ, многіе, не замѣчая привѣщеннаго къ наружному подъѣзду колокольчика, стучались руками и ногами въ дверь и уже готовы были ее вышибить, или обращались къ окнамъ, которыхъ чуть не разбивали вдребезги. Такое удобство, давно уже введенное въ Петербургѣ, въ старушкѣ Москвѣ было еще не знакомо. Наивнымъ моимъ друзьямъ-посѣтителямъ казался страннымъ и тотъ заведенный мною обычай, что я, въ облегченіе

двухъ бывшихъ при мнѣ слугъ и перваго изъ нихъ, изловчившагося на чужбинѣ, моего Тимофея, разсаживалъ гостей вечеромъ за чайный столъ, что на немъ выставлялись красивая масляница и къ ней солонка, холодное мясо и другія разныя прибаутки. Надъ всѣмъ этимъ они глумились, корили меня фанфаронствомъ и требовали, чтобы я давалъ своимъ гостямъ волю, насильно ихъ не усаживалъ, какъ за завтракомъ не кормилъ, а разносили имъ чай по-московски, въ стаканахъ, а не въ большихъ чашкахъ и просто на подносѣ. На предлагаемый имъ скромный обѣдъ попрековъ они, впрочемъ, не дѣлали, сердились же только за назначеніе для обѣда поздняго часа и оскорблялись, если кто-нибудь изъ нихъ заберется ко мнѣ за часъ до обѣда и не застанетъ меня дома. Обычными посѣтителеми бывали два брата Голохвастовы, старшій служилъ тогда при князѣ В. П. Голицынѣ; Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, камеръ-юнкеръ, произведенный въ это званіе за службу дяди и по ходатайству Карамзина; Новиковъ, тоже камеръ-юнкеръ по женѣ, княжнѣ Долгорукой; полиглотъ Курбатовъ, помощникъ сладкаго поэта князя Шаликова по редакціи «Московскихъ Вѣдомостей»; кавалергарды Львовы, Миша Долгорукій, чиновный канцеляріи Нессельроде; братъ Новиковой Шимановскій съ Кавказа, гдѣ онъ былъ при Ермоловѣ; безмолвный Александръ Языковъ и Бергъ, а изрѣдка и братъ послѣдняго.

Надо признаться, что между ними, т.-е. людьми того времени, немного было такихъ, которые бы, принадлежа молодому поколѣнію, способны были смотрѣть на общественную и частную жизнь серьезно, не исключая и всѣхъ тѣхъ, кто увлекался минутно религіозными и политическими убѣжденіями. Даже и среди тѣхъ изъ

тогдашнихъ современниковъ, которые достигли зрѣлаго возраста, даже и между стариками, почему-либо замѣтными въ обществѣ, трудно было отыскать съ фонаремъ Діогена человѣка, всецѣло преданнаго какой-либо идеѣ, какому-либо дѣлу. Мистицизмъ, масонство, библейскія общества, бывшія незадолго въ модѣ, и постигшій всѣ эти направленія переворотъ въ правительствѣ и особливо въ лицѣ самого покойнаго государя отъ неопредѣленныхъ исканій истины въ туманныхъ твореніяхъ Эккартсгаузена и Юнга Штиллинга, въ проповѣдяхъ Госнера, г-жи Крюднеръ и въ радѣніяхъ г-жи Татариновой и ученика ея генерала Головина—рѣзкій поворотъ къ разнымъ схимникамъ Фотіямъ и Шишковымъ, ничего существеннаго, ничего прочнаго не выработалъ на общую пользу. Всѣми этими вопросами, бывшими въ такомъ ходу, большинство увлекалось по временамъ поверхностно и легкомысленно. Кто былъ поумнѣе и похитрѣе присоединялся къ тѣмъ или другимъ мыслителямъ — по расчету, а иногда для большей личной корыстной выгоды переходилъ изъ одного направленія въ другое. Сторонники декабристовъ въ новое царствованіе превратились въ ихъ строгихъ порицателей, защитниковъ новаго усиленнаго сомодержавія. Послѣ неудачной попытки такая перемѣна въ общественномъ мнѣніи могла быть признана и полезной и разумной, но всему есть мѣра. О себѣ и моемъ тогдашнемъ воззрѣніи долженъ я сказать откровенно, что во мнѣ были благородные, такъ сказать, инстинкты, но что въ нихъ не было еще ничего зрѣлаго. Государственная служба мнѣ не нравилась, и я отнесся къ ней равнодушно и почти рѣшительно. Узнавъ въ день коронаціи о назначеніи вліятельнаго чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ,

Дмитрія Петровича Сѣверина, нашимъ посланникомъ въ Швейцаріи, я, какъ причисленный къ этой миссии, на другой день явился къ нему, какъ къ начальнику, и на вопросъ о моихъ намѣреніяхъ удивилъ его отвѣтомъ, что еще самъ не знаю, что буду дѣлать, и въ то же время просилъ о продолженіи моего отпуска. «*Qui ne demande rien, n'a rien*», отвѣчалъ онъ мнѣ сухо. Надо замѣтить, что самъ Сѣверинъ былъ не совсемъ доволенъ своимъ назначеніемъ. Онъ, раздѣлявшій съ графомъ Матушевичемъ подъ руководствомъ графа Нессельроде завѣдываніе важнѣйшими дѣлами по министерству, почему-то разошелся съ своимъ начальникомъ и получилъ отъ него назначеніе на мѣсто Крюднера, которое хотя и могло считаться наградою по службѣ, но на самомъ дѣлѣ было для него слишкомъ малозначительно.

Въ то же время и нѣсколько прежде до коронаціи своякъ моего двоюроднаго брата Обрескова, Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, женатый на родной его сестрѣ, урожденной также Хованской, но давнему со мной знакомству настойчиво приглашалъ меня къ себѣ на вечера, на которыхъ урывками появлялся и самъ графъ Нессельроде и вліятельнѣйшіе изъ его окружающихъ. Я почти готовъ былъ принять это лестное для меня приглашеніе, если бы всегда заботливая обо мнѣ черезчуръ тетушка Марья Васильевна Обрескова не выболтала мнѣ причину любезности Булгакова: у него были двѣ красивыя дочки и меня ловили тамъ, какъ богатаго жениха. Въ это же время начинала мнѣ нравиться прежняя моя знакомая, Варенька Львова, теперь отставная и на покоѣ игуменьи Зачатіевскаго монастыря, мать Вѣра; но она была цѣлымъ годомъ меня старше; я почему-то въ разности лѣтъ находилъ препятствіе и не

подчинился готовому во мнѣ развиваться чувству къ этой дѣвушкѣ, достойной во всѣхъ отношеніяхъ. Прежней моей Вареньки Обресковой уже не было на свѣтѣ, она умерла во время моего отсутствія замужемъ за Вельяминовымъ - Воронцовымъ, оставивъ послѣ себя трехъ сиротъ. Тогда Марья Васильевна слегка указала мнѣ на дочерей княгини Варвары Петровны Щербатовой, которая года за полтора до моего возвращенія схоронила свою старшую дочь, мою милую кузину Софью Обрескову. Княгиня Щербатова послѣ своего вдовства жила болѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ, уединенно и скромно. При дѣвицахъ гувернанткой была madame Гессъ, швейцарка, которую зналъ я еще въ 1823 году. Эта достойная женщина и въ этотъ разъ восторженно приняла меня, какъ своего quasi соотечественника, и ея нѣжное ко мнѣ вниманіе сблизило меня съ семьей Щербатовыхъ болѣе, чѣмъ мое съ нею свойство и мои близкія родственныя отношенія съ Петромъ Александровичемъ Обресковымъ.

На время коронаціи княгиня Щербатова съ дочерьми переѣхала въ Москву и вывозила ихъ на всѣ балы. Я, какъ уже было говорено, упрямился являться на эти празднества, но былъ вмѣстѣ съ Щербатовыми на торжественномъ вѣздѣ и сидѣлъ съ ними на устроенныхъ въ Кремлѣ наружныхъ галлереяхъ въ день коронаціи, а потомъ и въ Лефортовскомъ дворцѣ изъ окна смотрѣлъ фейерверкъ. Но мнѣ, впрочемъ, никогда не было охоты большой до торжественныхъ зрѣлищъ. Я не любилъ ихъ по двумъ причинамъ: по боязни неизбежной тѣсноты и затрудненія черезъ нее протѣсниться, по вѣчному моему сопротивленію выставляться впередъ и, сверхъ того, по денежному расчету. Мнѣ еще въ бытность мою въ Швейцаріи пред-

лагалъ баронъ Крюднеръ присоединиться къ торжественному посольству князя Петра Михайловича Волконскаго, когда онъ былъ нашимъ чрезвычайнымъ посломъ при коронаціи Карла X, но я отказался быть въ свитѣ нашего представителя, что было бы очень легко для всякаго чиновника нашего министерства, только потому, что убоялся суеты и толкотни и довольно крупныхъ издержекъ. Пришлось бы непременно въ моемъ положеніи издержать не меньше тысячъ пяти рублей или франковъ.

Странное дѣло, всѣ мои рассказы о времени коронаціи такъ скоро истощились, несмотря на все стараніе ихъ распространить въ удовольствіе моихъ читателей, а вѣдь такое время было рѣдко бывалое, шумное и торжественное. За недостаткомъ у меня матеріала расскажу одинъ загадочный случай, дошедшій до меня, по слухамъ, въ самое время событій и подтвержденій, но все-таки недостаточно разъясненный чиновниками того учрежденія, коего оно касалось, и гдѣ я вскорѣ потомъ началъ мою службу.

Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, послѣдній изъ всѣхъ, учрежденныхъ еще Петромъ Великимъ коллегій, перешедшій въ министерство иностранныхъ дѣлъ, находился подъ главнымъ начальствомъ Алексѣя Ѳеодоровича Малиновскаго, отца недавно умершей княгини Долгорукой, моей пріятельницы. Онъ добивался всѣми средствами, чтобы новый императоръ обратилъ на архивъ такое же Высочайшее вниманіе, какое оказалъ ему покойный Александръ, чтобы государь и императрица полюбопытствовались посмотреть на хранившіеся тамъ древніе памятники, на грамоты объ избраніи на престолъ Бориса Годунова и Михаила Романова и на другіе манускрипты и рѣдкости. Госу-

дарь благоволилъ обѣщать свое посѣщеніе. Начальникъ архива и чиновники готовились къ торжественному приему и учредили, что называется теперь, «выставку» археологическихъ драгоценностей. Все было готово и ничего не удалось. Какая-то архивская кухарка или прачка, жившая у одного изъ чиновниковъ, Ждановскаго, повела подъ пьяную руку въ сумерки бесѣду съ однимъ изъ архивскихъ сторожей—и на бѣду на улицѣ, у самыхъ архивскихъ воротъ—о томъ, какъ бы не случилось у нихъ великаго несчастія, какъ бы не убили у нихъ въ этомъ домѣ государя и государыню, что де давно замышляютъ архивскіе юноши. Къ такой бесѣдѣ издали долго прислушивался будочникъ, стоявшій вблизи съ своей аллебардой, а потомъ и самъ принялъ въ ней участіе. Движимый усердіемъ къ престолу и отечеству, вѣрноподданный стражъ полиціи заявилъ о томъ квартальному, тотъ—частному приставу, сей—оберъ-полицмейстеру, а этотъ по командѣ—генераль-губернатору князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну и одновременно шефу вновь учрежденнаго корпуса жандармовъ Бенкендорфу. Князь Голицынъ, сановникъ въ управленіи столицей опытный и въ то же время человекъ порядочный и настоящій gentleman, сейчасъ же понялъ всю нелѣпость такого слуха и не обратилъ на него особеннаго вниманія, но начальникъ недавно организованной полиціи, Бенкендорфъ, приказалъ сдѣлать самыя подробныя разысканія и, разумѣется, убѣдился наконецъ въ томъ, что никакихъ преступныхъ замысловъ не бывало, и все кончилось розгами болтунамъ съ увѣщаніемъ болѣе не болтать пустяковъ и никому не рассказывать, подъ страхомъ еще строжайшаго взысканія, что они были посѣчены.

Государь, однако, отказался отъ посѣщенія архива, и когда Малиновскій узналъ объ этомъ Высочайшемъ отказѣ, то вломился въ амбицію и, какъ оскорбленный понапрасну, выхлопоталъ себѣ въ утѣшеніе не слѣдовавшій ему чинъ тайнаго совѣтника.

Въ министерствѣ и въ тайной полиціи догадывались, что весь этотъ пустой слухъ вышелъ на задній архивный дворъ отъ различныхъ толковъ архивскихъ юношей о 14 декабря и отъ бдительной подозрительности тайной жандармской полиціи.

Съ первыхъ чиселъ сентября стали изъ Москвы разѣзжаться. Первопрестольная утомилась и вдругъ опустѣла. Тетушкѣ Марѣ Васильевнѣ и жившей съ ней племянницѣ Шеншиной очень хотѣлось отпраздновать день моего рожденія 8 сентября, провести у меня вечеръ за вистомъ и поужинать. Мнѣ, напротивъ, этого очень не хотѣлось: я ненавиждѣлъ торжествовать, какъ бы и чѣмъ бы то ни было собственные мои праздники. И вотъ, подъ предлогомъ отъѣзда Языкова изъ Москвы въ Симбирскъ и навязанной мною на него охоты побывать ему въ первый разъ въ Троицкой лаврѣ отправились мы на это богомолье, оно намъ не удалось. Послѣ чудныхъ послѣднихъ лѣтнихъ дней, благопріятствовавшихъ московскимъ торжествамъ, внезапно перемѣнилась погода, начали бѣшевать вѣтры буйные, осенніе, и преждевременно поспѣшила зима съ морозами, а въ день нашего отъѣзда и во всю дорогу ѣхали мы въ холодный дождикъ и встрѣчены были въ лаврѣ снѣгомъ и ужасною грязью. Тутъ въ первый разъ вмѣстѣ съ Языковымъ осмотрѣлъ и я богатѣйшую, знаменитую ризницу, но за непогодой не были мы въ Виѳаніи, а поспѣшили воротиться на теплое мѣсто въ городъ. Вскорѣ Языковъ отправился

къ себѣ въ Симбирскѣ, а я послѣ немногихъ дней, проведенныхъ въ Солнышковѣ,—въ свое Михайловское. Тамъ достраивалась вчернѣ наша каменная церковь. Я, кажется, уже говорилъ о моемъ упрямомъ намѣреніи выстроить ее безъ всякихъ затѣй и прихотей не потому только, чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ, но гораздо болѣе потому, что мнѣ всегда противно было всякое желаніе выставляться, чваниться, хвастаться. Церковь просторная и прочная была необходима для большого селенія, и я сначала хотѣлъ построить ее безъ купола, ни на что ненужнаго и, если возможно, безъ колокольни, но на меня напали, во-первыхъ, Николай Сергѣевичъ Тарасовъ, управляющій имѣніемъ, и его семья, а потомъ и всѣ сосѣди, представляя мнѣ, что за такую небывалую въ нашихъ краяхъ постройку храма будутъ навѣки вѣковъ упрекать храмоздателя въ инославной ереси. Я долженъ былъ уступить, согласясь и на куполь и на колокольню, но отмѣнилъ слишкомъ роскошныя крыльца съ колоннами, уничтоживъ два предполагаемые придѣла въ трапезѣ, и отнялъ даже возможность когда-либо устроить, въ той мысли, что два лишнихъ престольныхъ праздника не умножатъ народнаго благочестія, а будутъ причиною большаго разоренія и пьянства крестьянъ и къ удовлетворенію алчной корысти причта, который въ количествѣ по нашему приходу до тридцати душъ ходитъ по приходамъ съ образами по цѣлой недѣлѣ, обирая и разоряя жителей. Задумавъ выстроить церковь и не принявъ предложенія назначить ей мѣсто близъ господскаго дома, что стѣснило бы пространную мою усадьбу вмѣщеніемъ въ нее такъ называемой поповки, т.-е. домовъ церковнаго причта, я назначилъ быть церкви въ двухъ шагахъ отъ старой деревянной.

На прежнемъ мѣстѣ находилась она почти въ центрѣ всѣхъ деревень села Михайловскаго и представляла еще ту выгоду, что церковно-служители оставались при своихъ дворахъ и усадьбахъ.

Правда, приходила мнѣ въ голову эгонистическая мысль соорудить по предлагаемому архитекторомъ плану великолѣпный сельскій храмъ за рѣкой, противъ самаго дома, на высокой горѣ, между двумя старыми березовыми рощами и примыкающими къ нимъ двумя верхами, покрытыми дубовымъ крупнымъ лѣсомъ, которымъ окружены были съ двухъ сторонъ двѣ на склонѣ горы деревни, но, какъ бы ни было заманчиво исполненіе такой мысли по отношенію къ красотѣ мѣстоположенія, я отъ нея отказался по разнымъ неудобствамъ и по всегдашнему правилу: полезное предпочитать пріятному.

И не долго бы украшала собой эту мѣстность наша сельская церковь! Пришла эмансипація, лѣса и рощи перешли въ надѣлъ крестьянъ и были срублены, а потомъ пролегла тутъ чугунка, и тогда, помимо моей воли, полезное уже совершенно восторжествовало надъ пріятнымъ.

Внутреннюю отдѣлку церкви я также озаботился сдѣлать какъ можно проще, съ иконостасомъ невысокимъ и съ весьма ограниченнымъ въ немъ количествомъ образовъ. Теперешній мой «alter ego», сынъ мой, замѣнилъ его новымъ въ два или три яруса и въ псевдо-древнемъ вкусѣ.

Михайловская церковь выстроена была собственными моими средствами и съ весьма необременительнымъ участіемъ моихъ крестьянъ, которые если въ этомъ мнѣ и помогали, то развѣ одной подвозкой барщинной необходимыхъ матеріаловъ. Они, возвращаясь до-

мой изъ Мценска или Ельца, гдѣ продавался хлѣбъ, на обратномъ пути привозили желѣзо на крышу. Эта постройка обошлась мнѣ не болѣе пятидесяти тысячъ ассигнаціями. Впрочемъ, это одно предположеніе, но рѣдкій изъ помѣщиковъ-строителей умѣетъ вести свои счета такъ, чтобы знать навѣрное, до копейки, стоимость своихъ строеній. Спросите у каждаго русскаго дворянина, строящаго себѣ въ деревнѣ или городѣ домъ или передѣлывающаго купленный, чего онъ ему стоитъ. И самый аккуратный, если онъ добросовѣстенъ, скажетъ вамъ, что онъ и самъ того не знаетъ.

Въ своемъ Михайловскомъ нашелъ я много неурядицы и всякаго рода безпорядковъ отъ рутиннаго и въ то же время лѣниваго управленія моего Тарасова. Взявшись пристально за отчетность, я, къ сожалѣнію, убѣдился, дѣлая строгія вычисленія, что на постройку церкви употреблено было гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало, что матеріаль его не только воровали возчики, но и клали въ землю при постройкѣ фундамента больше, чѣмъ было нужно, потому что при кладкѣ кирпича платили каменщикамъ съ тысячи, стало быть, имъ выгодно было расходовать кирпичъ безъ расчета и какъ можно болѣе. По приходнымъ и расходнымъ книгамъ я, какъ ни бился цѣлыхъ двѣ недѣли, не могъ доискаться десяти или двѣнадцати тысячъ рублей, которымъ слѣдовало быть по отчетамъ въ наличности.

Главный мой конторщикъ Филиппъ Ивановъ божился и не признавалъ себя виноватымъ, обливаясь горькими слезами, а старый Николай Сергѣевичъ Тарасовъ тосковалъ и своимъ горемъ сокрушалъ всю семью. Я, съ своей стороны, математически убѣжденъ былъ въ справедливости открытаго мною недочета, и однако не могъ подозрѣвать ни главнаго управляю-

шаго, ни конторщика въ злоупотребленіи. Тарасовъ доказалъ свою рѣдкую при его пристрастіи къ деньгамъ честность тѣмъ, что не воспользовался даннымъ ему отъ меня по довѣренности правомъ закладывать мои свободныя имѣнія на улучшеніе своего собственнаго состоянія (разумѣется, подъ условіемъ возврата), а конторщикъ добрый, честный и трезвый, но также лѣнивый и довольно безпечный, вскорѣ потомъ умеръ въ чахоткѣ, не оставивъ послѣ себя и сотни рублей.

Между мной и Тарасовымъ рѣшено было, что я, оставаясь, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ Россіи, самъ буду непосредственно заниматься моими дѣлами и что онъ поѣдетъ на житье къ себѣ, въ свое Тамбовское имѣніе. Покуда до пріисканія управляющаго управленіе Михайловскимъ оставлено было на рукахъ глупаго, но зато честнаго бурмистра Тимофея Осодоровича Бакуткина и конторщика Филиппа Иванова, и въ началѣ декабря 1826 года я воротился въ Москву, взявъ съ собою занимавшагося въ конторѣ мальчика Петра Шилова для помѣщенія его въ земледѣльческую школу московскаго сельскаго общества.

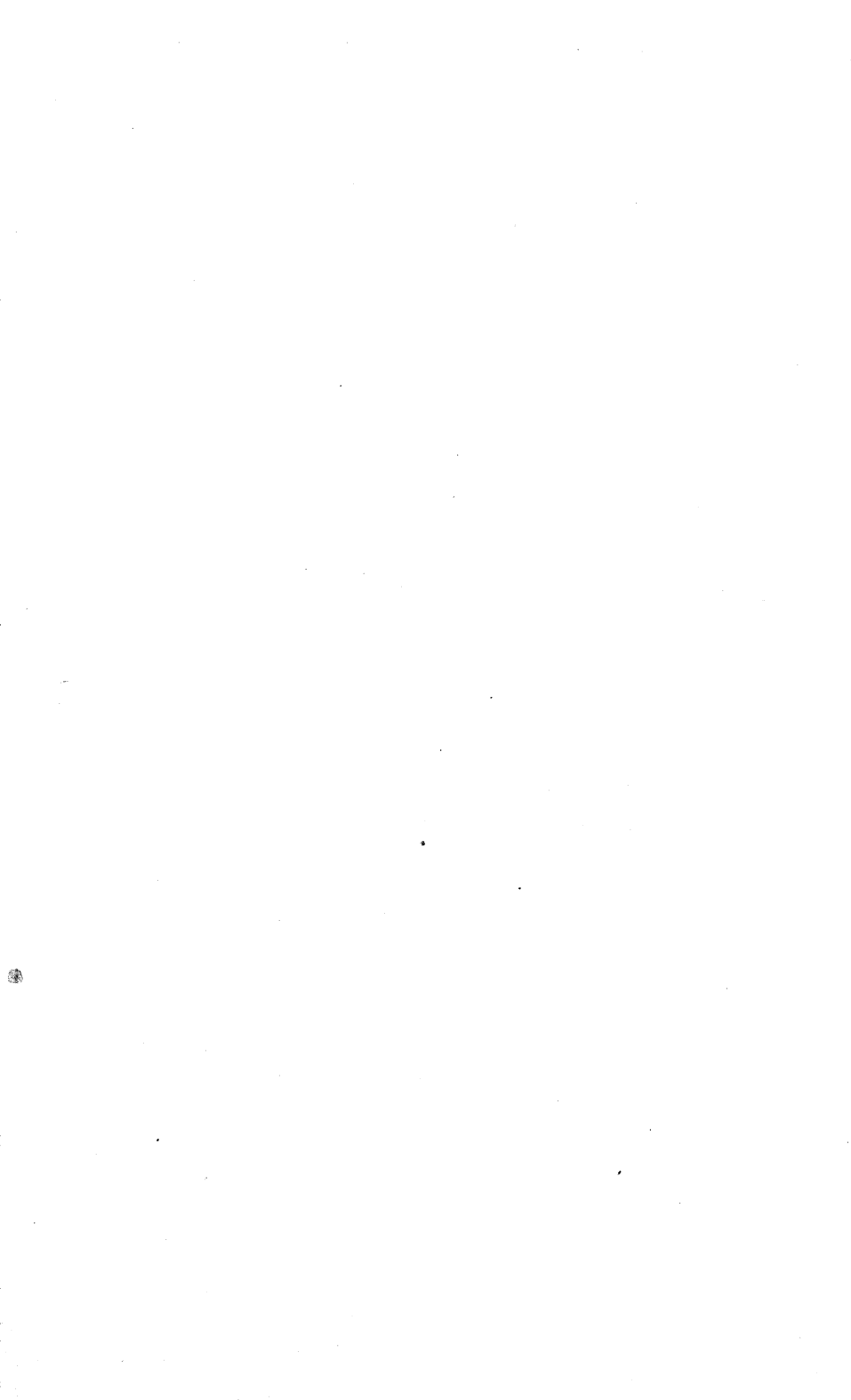
Внимательно со всѣхъ сторонъ разсмотрѣвъ то положеніе, въ коемъ находились тогда дѣла по всѣмъ моимъ имѣніямъ, я окончательно убѣдился, что дѣятельная служба, какъ бы ни была она блистательна (а это еще вопросъ), не можетъ быть для меня выгодною, что я долженъ остаться дома и отказаться отъ убаюкивающей меня мечты перенести себя въ Новый Свѣтъ и продолжать службу въ Вашингтонѣ съ приглашавшимъ меня туда барономъ Крюднеромъ. Но оставаться въ Россіи одинокимъ, безъ близкихъ кровныхъ связей и вообще безъ связей искреннихъ, сердечныхъ, мнѣ также не хотѣлось; оставалось одно—жениться.

Перебирая по ниточкамъ самымъ тончайшимъ и это, выработанное долгими размышленіями, мое намѣреніе, я дошелъ до слѣдующихъ выводовъ. Во-первыхъ, прежде всего и паче всего не подвергать мое, **можетъ** быть черезчуръ щекотливое самолюбіе новому оскорбительному неуспѣху: отказъ на родинѣ былъ бы для меня еще тяжелѣе, чѣмъ онъ былъ на чужбинѣ. Во-вторыхъ, вступить въ семью, во всѣхъ отношеніяхъ почтенную и насколько возможно не противорѣчащую моимъ убѣжденіямъ и моимъ взглядамъ на жизнь; не искать богатства, но и не пренебрегать тѣми семейными связями, которыя могутъ улучшить мое положеніе въ обществѣ.

Возвратясь въ Москву въ концѣ 1826 года, я встрѣченъ былъ искренними совѣтами тетки Марьи Васильевны просить руки одной изъ княженъ Щербатовыхъ, о чемъ и самъ я началъ думать тотчасъ по возвращеніи. Мать двухъ княженъ, вдова княгиня Варвара Петровна Щербатова, урожденная княжна Оболенская, была давно мнѣ знакома. Она была въ полномъ смыслѣ этого слова честная, прямая и благородная женщина; любимой моею кузиной была недавно умершая ея дочь Софья Александровна Обрескова. Скромная деревенская жизнь этого семейства представлялась мнѣ порукою за счастливое супружество. Меня тамъ также коротко знали и могли убѣдиться самымъ моимъ поведеніемъ на ихъ глазахъ во все время коронаціи, что я человѣкъ и не свѣтскій и не честолюбивый.

Въ началѣ января 1827 года, не помню 6 или 7 числа, я сдѣлалъ предложеніе черезъ тетку Марью Васильевну восемнадцатилѣтней княжнѣ Екатеринѣ, которая мнѣ очень нравилась, и получилъ согласіе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Воспоминанія о Петрѣ Яковлевичѣ Чаадаевѣ *).

«Московскія Вѣдомости» (въ 46 №, 17 апрѣля 1856 г.) въ короткихъ словахъ извѣстили о кончинѣ П. Я. Чаадаева, «какъ старожила Москвы, извѣстнаго почти во всѣхъ кружкахъ нашего столичнаго общества». Покойный Чаадаевъ былъ дѣйствительно одинъ изъ замѣчательныхъ людей нашего города. Имя его часто доходило до слуха и незнавшихъ его лично людей, но любопытно слѣдящихъ за движеніями русскаго общества, хотя читающая публика и не болѣе двухъ-трехъ разъ встрѣчала это имя въ печати. Недавно въ одной газетной статьѣ г. Бартенева, въ тѣхъ же «Вѣдомо-

*) Сочиненія П. Я. Чаадаева (род. 27 мая 1793 г., ум. 14 апрѣля 1856 года) на французскомъ языкѣ изданы съ портретомъ его въ Парижѣ въ 1862 г. (8^о, 208 стр.), а подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности его собраны въ прекрасной статьѣ М. Н. Лонгинова («Рус. Вѣстн.», 1862 г., № XI), и вообще Чаадаевъ—лицо, довольно извѣстное въ нашей литературѣ. Тѣмъ не менѣе мы искренно благодарны многоуважаемому автору «Воспоминаній о П. Я. Чаадаевѣ» за то, что онъ согласился на нашу просьбу напечатать ихъ въ Русскомъ Архивѣ. Воспоминанія писаны современникомъ и близкимъ пріятелемъ Чаадаева, писаны для немногихъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ его кончины, и мы не можемъ не дорожить этими яркими, вполне историческими красками знаменательной эпохи, въ которую дѣйствовалъ Чаадаевъ. Именно съ этой точки зрѣнія смотримъ мы и на нѣкоторыя, высказанныя авторомъ убѣжденія, не позволяя себѣ ни подтверждать, ни опровергать оныхъ.

П. Б.

**) Эта статья была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 г.

стяхъ», упомянуть былъ Чаадаевъ, какъ человѣкъ, имѣвшій вліяніе на Пушкина. Можно еще указать на журнальную статью Чаадаева въ русскомъ переводѣ за 20 лѣтъ напечатанную въ «Телескопѣ» (моск. журналъ Надеждина); въ то время она была предметомъ различныхъ толковъ и произвела слишкомъ сильное впечатлѣніе.—Здѣсь предлагается все, что можно было припомнить объ этомъ эксцентрическомъ человѣкѣ, и предлагается однимъ изъ близкихъ его пріятелей со всевозможною откровенностью. Чаадаевъ родился въ прошломъ столѣтіи, въ первыхъ годахъ послѣдняго десятилѣтія, и изъ московскихъ студентовъ поступилъ въ 1812 году въ военную службу. Великій день Бородинѣ простоялъ онъ семеновскимъ подпрапорщикомъ у полкового знамени и за это сраженіе, по участию къ молодому подпрапорщику графа Закревскаго, произведенъ былъ въ офицеры. Чаадаевъ стоялъ въ огнѣ подъ Кульмомъ, Лейпцигомъ—вездѣ, гдѣ находился его полкъ въ славныхъ битвахъ славнаго времени, и наконецъ въ почетномъ караулѣ у императора Александра въ самый день взятія Парижа. Изъ Семеновскаго полка перешелъ онъ въ Ахтырскій гусарскій и вскорѣ переведенъ въ лейбъ-гусарскій полкъ. Живши въ Царскомъ Селѣ, Чаадаевъ познакомился и полюбилъ Пушкина, еще тогда лицеиста, съ нимъ сблизился и, какъ онъ самъ говаривалъ, имѣлъ на него доброе вліяніе. Чаадаевъ былъ красивъ собою, отличался не гусарскими, а какими-то англійскими, чуть ли даже не байроновскими, манерами и имѣлъ блистательный успѣхъ въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ. Командиръ гвардейскаго корпуса, впослѣдствіи князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Въ это-то самое время, не

припомню именно въ которомъ году, Чаадаеву посчастливилось оказать великую услугу Пушкину—услугу, которую благодарный Пушкинъ помнилъ до смерти. Нечаянно узнавъ о строгомъ наказаніи, грозившемъ нескромному поэту за какое-то грѣшное стихотвореніе, Чаадаевъ, позднимъ вечеромъ, прискакалъ къ Н. М. Карамзину, немного удивилъ его своимъ прїѣздомъ въ такой необыкновенный часъ, принудилъ исторіографа оставить свою безсмертную работу и убѣдилъ, не теряя времени, заступиться за Пушкина у императора Александра. Въмѣсто крѣпости или дальней ссылки государь, упрощенный на другой день Карамзинымъ, ограничилъ наказаніе Пушкина удаленіемъ на службу въ Бессарабію.

Въ ноябрѣ 1820 года одно важное, никѣмъ не ожидавшее происшествіе въ Петербургѣ напугало весь городъ, въ то же время перевернуло всю судьбу Чаадаева и имѣло вліяніе на всю остальную его жизнь. Должно признаться, что въ этомъ виноватъ былъ онъ самъ. И странное дѣло! Поведеніе Чаадаева въ этомъ несчастномъ случаѣ могло имѣть нѣкоторое вліяніе на бывший тогда конгрессъ въ Троппау. Самъ Чаадаевъ рассказывать, конечно, обо всемъ этомъ не любилъ; но такое загадочное съ перваго взгляда предположеніе оправдывается многими указаніями и вѣроятными выводами. Я говорю о семеновской исторіи, извѣстной подъ этимъ сокращеннымъ названіемъ всѣмъ современникамъ, а отъ нихъ и новому поколѣнію. Въ Семеновскомъ полку, который такъ любимъ былъ государемъ, въ его отсутствіе за границу, вдругъ открылось неповиновеніе начальству. Тщетны были всѣ увѣщанія взыскательныхъ и кроткихъ, любимыхъ солдатами командировъ и нелюбимыхъ. Семеновцы рѣши-

тельно отказались идти въ караулъ, не слушались приказаній, нарушили всякую дисциплину. Пріѣзжали къ нимъ уговаривать сперва бригадный, потомъ дивизіонный, потомъ корпусный командиръ вмѣстѣ съ знаменитымъ графомъ Милорадовичемъ, тогдашнимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ: все было напрасно! Кончилось тѣмъ, что полкъ, во всемъ его составѣ, посаженъ былъ на суда и отправленъ моремъ въ Финляндію. Чаадаева послалъ тогда Васильчиковъ курьеромъ къ государю въ Троппау, гдѣ былъ въ то время всѣмъ извѣстный конгрессъ. Выборъ палъ на него потому, что государь лично зналъ Чаадаева и былъ къ нему милостивъ, что Чаадаевъ самъ прежде служилъ въ этомъ полку и, наконецъ, потому, что, какъ адъютантъ командира гвардейскаго корпуса, былъ онъ очевидцемъ всего дѣла. Ему поручено было представить письменное донесеніе о такомъ горестномъ событіи, небываломъ въ русскихъ войскахъ со времени стрѣлецкихъ бунтовъ, и пополнить личными объясненіями. Всѣ старались и надѣялись смягчить, сколько возможно, со страхомъ ожидаемый гнѣвъ государя.

Чаадаевъ не одинъ разъ, какъ мы уже сказали, бывалъ въ кровавыхъ бояхъ и никогда не имѣлъ дурной привычки кланяться пулямъ, которыя пролетали у него надъ головой. Но Чаадаевъ не любилъ подвергать себя лишеніямъ въ мелкихъ потребностяхъ ежедневной жизни. Онъ въ этомъ отношеніи избаловалъ себя донельзя. Курьерское его отправленіе было въ самую позднюю осень. Отъ Петербурга до Троппау около двухъ тысячъ верстъ, а каковы были тогда дороги во всей Россіи, начиная съ Петербурга, мы еще забыть не успѣли. Чаадаевъ ѣхалъ въ коляскѣ, не слишкомъ спѣша, да къ тому же не пону-

ждая нагайкой ямщиковъ, что и тогда казалось ему неприличнымъ. Чаадаевъ часто медлилъ на станціяхъ для своего туалета. Такія привычки опрятности и комфорта были всегда имъ тщательно соблюдаемы. Удовлетворять имъ онъ считалъ нравственною обязанностью передъ самимъ собою для каждого порядочнаго человека.

Слѣдствіемъ медленности курьера-джентльмена было то, что князь Меттернихъ узналъ о Семеновской исторіи днемъ или двумя ранѣе императора. Первостепенный дипломатъ той эпохи, князь Меттернихъ, занималъ на Троппаускомъ конгрессѣ второе мѣсто послѣ Александра, хотя въ то же время присутствовали тамъ императоръ австрійскій и прусскій король. Вѣнскій кабинетъ и его искусный двигатель долго стремились удержать нашего государя отъ тѣхъ великодушныхъ порывовъ либерально - конституціоннаго направленія, которое въ Австріи почиталось вреднымъ порядку и монархической власти, но которое, напротивъ, могущественнымъ вліяніемъ своимъ налагалъ Александръ время отъ времени на всю европейскую политику. Въ то самое время, когда разсуждали на конгрессѣ о способахъ усмирить возмущившійся Неаполь, когда Австрія предлагала самыя крутыя для того мѣры, а нашъ государь предлагалъ, напротивъ, сколько возможно кроткія, Меттернихъ слегка намекнулъ Александру, что и самъ онъ не долженъ слишкомъ разсчитывать на вѣрность своего войска и на внутреннее спокойствіе своей имперіи, и на вопросъ пораженнаго такимъ замѣчаніемъ государя разсказалъ при всѣхъ, въ полномъ засѣданіи конгресса, все, что зналъ уже довольно подробно о семеновской исторіи. Не трудно отгадать, какова была послѣ этого встрѣча отъ государя курь-

еру Чаадаеву. Онъ принялъ донесеніе, въ короткихъ словахъ разспросилъ его о концѣ бунта, заперъ на ключъ курьера, взялъ ключъ къ себѣ въ карманъ, черезъ нѣсколько часовъ самъ отперъ Чаадаева и тутъ же выпроводилъ его изъ Троппау такъ, что несчастный не видалъ никого, кромѣ разгнѣваннаго императора. Вслѣдъ за этимъ Чаадаевъ былъ отставленъ. Честолюбивому Чаадаеву тяжела была такая отставка—безъ слѣдующаго чина, даже безъ мундира, а онъ мечталъ давно о вензеляхъ на эполеты. Но должно сказать къ его чести, что всего болѣе поразилъ его ничѣмъ и никѣмъ неумолимый гнѣвъ Александра на прежній любимый свой полкъ и на всѣхъ его офицеровъ. Всѣ они безъ исключенія, даже отставные до семеновской исторіи, строго были наказаны за излишнее потворство солдатамъ. Чаадаевъ, по свойственной добротѣ сердца, не могъ не сознать внутренно, что мѣшкотная его ѣзда въ Троппау много повредила бывшимъ семеновцамъ, переведеннымъ въ армейскіе полки въ Грузію.

Въ Троппау это происшествіе не осталось безъ вліянія. Предложенія Австріи были государемъ приняты; войска ея отправились усмирять Неаполь. Мало того, Александръ повелѣлъ собрать стотысячный русскій корпусъ и придвинуть его къ австрійскимъ границамъ, чтобы, подъ начальствомъ генерала Ермолова, итти въ Италію въ помощь австрійцамъ, если ихъ недостаточно будетъ для усмиренія итальянскихъ мятежниковъ. Союзные монархи перенесли засѣданія конгресса изъ Троппау въ Лайбахъ, откуда ближе могли наблюдать за революціонными движеніями Италіи. Въ Лайбахъ вызванъ былъ ими король обѣихъ Сицилій, бѣжавшій изъ Неаполя. Добрый, но слабый, онъ старался успокоить своихъ великодушныхъ защитни-

ковъ. «Будьте спокойны, ваши величества,—говорилъ онъ имъ,—я знаю моихъ неаполитанцевъ, я коротко ихъ знаю. Они побѣгутъ отъ перваго выстрѣла австрійцевъ». Такъ и случилось. Мятежники разсѣялись, порядокъ былъ восстановленъ, но для поддержанія его австрійцы заняли Неаполь и остались тамъ надолго.

Съ конгресса въ Троппау, по мнѣнію моему, начинается обратное движеніе всей европейской политики и довольно крутой переломъ въ политикѣ Александра. Убѣжденія князя Меттерниха восторжествовали. Не свѣряя современныхъ актовъ, не разбирая дипломатическихъ архивовъ, вспомнимъ только, какимъ либераломъ и защитникомъ всѣхъ конституцій былъ царственный воспитанникъ Лагарпа въ Парижѣ, Вѣнѣ и, за два года передъ бунтомъ Неаполя, въ Ахенѣ; вспомнимъ его первыя рѣчи на варшавскомъ сеймѣ, его слова въ одной изъ сихъ рѣчей, относящихся до Россіи. Вспомогимъ переломъ проекта русской конституціи съ французскаго языка. Переводъ этотъ былъ найденъ во время польскаго мятежа въ бумагахъ покойнаго цесаревича и напечатанъ съ французскимъ текстомъ въ Варшавѣ.

Мнѣ удалось читать черновую депешу графа Каподистрія, рукою его написанную въ 1818 году и посланную прямо къ государю изъ Берна. Вотъ ея начало почти слово въ слово: *Sire, les monarques du temps présent ne peuvent regner que par les idées libérales. Malheureusement il n'y a que Vous, Sire, qui êtes convaincus de cette grande vérité**). Мнѣ удалось слышать отъ графа Каподистрія, бывшаго въ 1823 г. на лайбахъ

*) Монархи настоящаго времени могутъ царствовать, лишь руководясь свободными идеями. По несчастію вы одни, государь, убѣждены въ этой великой истинѣ.

скомъ конгрессѣ, съ какимъ благодушiемъ государь принималъ тамъ духовныхъ депутатовъ возставшей Греціи, съ какою заботливостію онъ приносилъ имъ самъ водосвятную чашу для молебнаго у себя пѣнія и съ какою сердечною, искреннею грустію отвѣчалъ онъ депутатамъ, что твердо принятые имъ принципы порядка и спокойствія Европы не дозволяютъ ему, несмотря на православное къ грекамъ сочувствіе, быть защитникомъ ихъ возстанія, быть даже ихъ покровителемъ. Я также самъ слышалъ, какъ черезъ годъ потомъ на Веронскомъ конгрессѣ другой даровитый дипломатъ, живой еще и теперь, попался въ просакъ потому, что не зналъ, что вѣтеръ перемѣнился. Его вызвали изъ Швейцаріи, гдѣ онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, и ему поручили (какъ это часто бываетъ) составить для государя обзоръ тогдашняго политическаго состоянія Европы. Онъ написалъ его подъ вліяніемъ началъ, бывшихъ въ ходу на ахенскомъ конгрессѣ, и жестоко сдѣлался. Его тотчасъ же отправили обратно въ Швейцарію съ порядочнымъ выговоромъ и увѣщаніемъ постараться быть болѣе монархическимъ.

Живо пробуждаются во мнѣ воспоминанія молодости и, говоря о человѣкѣ, принадлежавшемъ нѣсколько своею дѣятельностію тому времени, я невольно заговариваюсь. Не могу удержаться, чтобы не сказать еще нѣсколько словъ о тогдашней политикѣ. Рано ли, поздно ли, но у насъ она должна была неизбѣжно измѣниться. Семеновская исторія, такъ неблагоприятно возвѣщенная Александру, только предупредила переворотъ его направленія. Возстановивъ законную власть въ Неаполѣ, онъ скоро умѣрилъ свое либеральное стремленіе относительно Польши, и, скрѣпя

сердце, почти совсѣмъ не мѣшался въ дѣло Греціи; но въ то же время, всегда вѣрный данному слову, противился онъ всѣмъ проискамъ Сенъ-Марсанскаго Павильона, руководимаго графомъ д'Артуа, братомъ Людовика XVIII. Всѣ тайныя старанія будущаго Карла X склонить петербургскій кабинетъ на ограниченія французской конституціи 1814 года оказались тщетными. Позднѣе, когда на Веронскомъ конгрессѣ, по настоянію Шатобриана, государь первый согласился на его предложеніе отправить французскія войска въ Испанію, въ защиту Фердинанда VII, и когда потомъ французы высвободили короля изъ Кадикса, тотъ же Александръ приказалъ своему послу Поццо-ди-Борго убѣждать короля Фердинанда быть умѣреннымъ и милосерднымъ по возстановленіи монархической власти.

Но пора возвратиться къ воспоминаніямъ о Чаадаевѣ; прошу извиненія у немногихъ моихъ читателей за такое длинное отступленіе.

Либеральное направленіе императора Александра, имъ данное и имъ самимъ впослѣдствіи пріостановленное, не могло не подѣйствовать на лучшихъ людей того времени. Съ возвращеніемъ нашихъ войскъ изъ Франціи и въ особенности въ 1818 году съ возвращеніемъ корпуса, который до того оставался тамъ подъ начальствомъ графа Воронцова, либеральныя убѣжденія овладѣли многими. Горестныя послѣдствія этого извѣстны; но Чаадаевъ, молодой, связанный дружбой съ замѣчательными своими сверстниками, раздѣлявшій мнѣнія той эпохи, вдобавокъ раздраженный недавней отставкой и до самой смерти не умѣвшій затаить въ себѣ этого раздраженія, остался непоколебимо вѣрнымъ престолу. Почему? Потому что всегда былъ врагомъ всякаго потрясенія, требующаго крови.

Черезъ годъ послѣ отставки Чаадаевъ поѣхалъ въ чужіе края. Судя по его собственнымъ разсказамъ и по отдѣльнымъ его статьямъ, которыя читались потомъ въ короткомъ ему кружкѣ, онъ преимущественно обращалъ вниманіе на произведенія искусствъ древняго міра и среднихъ вѣковъ и ими повѣрялъ и объяснялъ любимыя свои историческія убѣжденія. Въ 1827 г. на пути въ Россію былъ онъ на короткое время задержанъ въ Брестѣ; у него взяты были бумаги и вскорѣ потомъ возвращены безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій. Поспѣшной выдачей бумагъ обязанъ былъ онъ графу А. А. Закревскому, который, какъ видно, всегда принималъ въ немъ участіе. Возвратясь изъ путешествія, Чаадаевъ поселился въ Москвѣ и вскорѣ, по причинамъ едва ли кому извѣстнымъ, подвергъ себя добровольному затворничеству, не видался ни съ кѣмъ и, нечаянно встрѣчаясь въ ежедневныхъ своихъ прогулкахъ по городу съ людьми самыми ему близкими, явно отъ нихъ убѣгалъ или надвигалъ себѣ на лобъ шляпу, чтобы его не узнавали. Плодомъ двухгодичнаго строгаго уединенія былъ цѣлый рядъ философскихъ на французскомъ языкѣ писемъ, обращенныхъ имъ къ одной дамѣ, его пріятельницѣ (Пановой, урожденной Улыбышевой). Я читалъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ (и кто изъ людей ему короткихъ не читалъ ихъ въ это время?) и, насколько могу теперь припомнить, всѣ онѣ были довольно запутаннаго содержанія. Но одно изъ писемъ, конечно самое замѣчательное своей оригинальной рѣзкостью, еще въ рукописи и на французскомъ языкѣ производило величайшій эффектъ, а потому было, по усиленной просьбѣ журналиста Надеждина, переведено и напечатано въ его «Телескопѣ» въ концѣ 1836 года.

Авторъ письма выражалъ въ немъ слѣдующія мысли о нашемъ отечествѣ: «Россія образовалась совершенно отдѣльно и независимо отъ Европы, потому что вѣру приняла не отъ Рима, а отъ Византіи, которая сама была тогда въ состояніи упадка и растлѣнія—отсюда истекаютъ всѣ недостатки нашей гражданственности. Реформа Петра Великаго не въ силахъ, и въ позднѣйшемъ своемъ развитіи, сдѣлать насъ настоящими европейцами и вполне усвоить намъ всѣ успѣхи цивилизаціи». Все это было высказано безъ малѣйшей осторожности, а, напротивъ, съ крайнею рѣзкостью, поражающею читателя особенно въ переводѣ. Наши переводныя статьи, особливо съ французскаго языка, часто оскорбляютъ читателя излишнею яркостью и дисгармоніей красокъ и всегда почти выражаютъ спорные вопросы сильнѣе и рѣзче, нежели какими кажутся въ подлинникѣ. Журнальная статья Чаадаева произвела страшное негодованіе публики и потому не могла не обратить на него преслѣдованія правительства. На автора возстало все и всѣ съ небывалымъ до того ожесточеніемъ въ нашемъ довольно апатическомъ обществѣ (я говорю только о Москвѣ) и, замѣтимъ, возстало не столько за оскорбленное православіе, сколько за грубые упреки современной Россіи и, главное, высшему нашему обществу. Здѣсь, можетъ быть, въ первый разъ читающая и вопіющая съ ея голоса полуграмотная московская публика съ успѣхомъ разыграла роль высшей цензурной инстанціи. Укажемъ на это писателямъ настоящаго времени и посовѣтуемъ имъ внимательно охранять недавно дарованную имъ ослабу строгости. Цензоръ статьи Чаадаева былъ отставленъ и лишенъ профессорства. Журналистъ Надеждинъ сосланъ въ Устьсыольскъ, самый дальній городишко Вологод-

ской губерніи. Ему не помогло его хитрое оправданіе. Вотъ какъ передавались тогда отвѣты Надеждина на запросъ, почему онъ перевелъ и напечаталъ статью Чаадаева, прибавивъ еще къ ней примѣчанія, гдѣ названъ былъ авторъ статьи великимъ мыслителемъ и гдѣ обѣщано было помѣщеніе въ слѣдующемъ году другихъ его статей. Надеждинъ отвѣчалъ будто такъ: «Журналъ мой не могъ съ успѣхомъ продолжаться по малому числу подписчиковъ. Изъ двухъ одно: или статья Чаадаева пройдетъ благополучно и приобрѣтетъ мнѣ съ новымъ годомъ новыхъ подписчиковъ, или журналъ за нее запретятъ. Въ послѣднемъ случаѣ, прекращая неудачное изданіе, я выигрывалъ въ общественномъ мнѣніи; въ первомъ у меня будетъ отъ журнала барышъ, а не убытокъ». Дилемма не удалась. Остроумно-расчетливый издатель не предвидѣлъ ссылки. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Чаадаевъ подвергнутъ былъ домашнему аресту и медицинскому ежедневному посѣщенію, какъ человѣкъ съ разстроеннымъ воображеніемъ. Изъ многихъ разговоровъ, толковъ, пересудовъ и споровъ о Чаадаевской статьѣ у меня въ памяти остались одни, вѣрныя очень, слова о ней Жуковского: «Порицать Россію за то, что она съ христіанствомъ не приняла католичества, предвидѣть ретроспективно, что католическою была бы она лучше—все равно, что жалѣть о черноволосомъ красавцѣ, зачѣмъ онъ не бѣлокурый. Красавецъ съ измѣненіемъ цвѣта волосъ былъ бы и наружностью и характеромъ совсѣмъ не тотъ, каковъ онъ есть. Россія, изначала католическая, была бы совсѣмъ не та, какова теперь; допустимъ, пожалуй, что католическая была бы она и лучше, но не была бы Россіей». Несмотря на всю несостоятельность главнаго положенія Чаадаевской

статьи, много второстепенныхъ мыслей, въ ней высказанныхъ, пошли съ успѣхомъ въ обращеніе, приняты были съ сочувствіемъ всѣми поборниками западной гражданственности, отозвались, повторялись, получили развитіе во многихъ журналахъ 40 годовъ и упрочили этой эпохѣ имя автора. Укажемъ здѣсь на статью г. Невѣрова въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ на первую, повторившую почти всѣ мысли Чаадаева, за исключеніемъ, конечно, главнаго тезиса.

Арестъ, наложенный на Чаадаева, продолжался не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ выпросилъ ему у государя свободу. Впрочемъ, ему и тогда не запрещалось принимать у себя знакомыхъ. Первымъ посѣтителемъ Чаадаева въ самый первый день опалы былъ И. И. Дмитріевъ, памятный своей высокой и благородной дѣятельностью на службѣ, болѣе извѣстный своими сочиненіями и вліяніемъ, которое онъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Карамзинымъ, имѣлъ на оцивилизованіе нашей литературы. Московское общество скоро забыло первые порывы своего негодованія и чуть ли въ немъ не раскаивалось. Оно охотно приняло изгнанника въ свою среду—не только съ радушіемъ, но и съ болѣе прежняго уваженіемъ. Испытанное Чаадаевымъ гоненіе публики и преслѣдованіе правительства сдѣлали его нѣсколько умѣреннѣе относительно тогдашней его наклонности къ католицизму, но остальныхъ сочувствій своихъ къ Западу и его просвѣщенію онъ не тайлъ ни передъ кѣмъ. А въ это самое время люди съ неоспоримымъ талантомъ, съ изощренною діалектикой, съ огромною начитанностью, почти съ такою же всестороннею ученостью начали занимать почетныя мѣста въ образованномъ и ищущемъ образованія

московскомъ обществѣ и обращать на себя его вниманіе. Всѣ они были гораздо моложе Чаадаева и почти всѣ принадлежали другому, противоположному направленію, которое, при первомъ своемъ вторженіи и въ общество и въ литературу, провозгласило Западъ гнилымъ, русскій народъ—народомъ по преимуществу, которое осуждало въ стихахъ и прозѣ, въ частныхъ разговорахъ и въ нескончаемыхъ по сему предмету спорахъ реформу Петра и всѣ ея послѣдствія. Этого мало. Новые двигатели мысли устремились склонить общество и самое правительство къ возвращенію всѣхъ старорусскихъ обычаевъ, къ распространенію своихъ убѣжденій на жизнь гражданственную и общественную, на самое воспитаніе и т. д. Первымъ органомъ такого направленія былъ новый въ Москвѣ журналъ «Москвитянинъ». За нимъ появился въ Петербургѣ «Маякъ», дошедшій до послѣднихъ крайностей и потому прекращенный; зато «Москвитянинъ» для пламенныхъ двигателей направленія показался чрезчуръ умѣреннымъ или, какъ говорили они, недовольно чистымъ, и вотъ начались печататься разные сборники: «Сибирскій», «Историческій», «Московскій», «Дѣтская Библіотека, новый «Москвитянинъ» новаго издателя, эфемерныя статьи въ разныхъ ежедневныхъ изданіяхъ и проч. Поднялась страшная литературная буря полемики.

Первой, никѣмъ не замѣченной доселѣ жертвой этой тревожной, судорожной дѣятельности, этой мучительной борьбы мысли съ самой собою болѣе, нежели съ противниками, былъ прекрасный юноша, достойный другого, болѣе высшаго призванія: то былъ 23 лѣтній Валуевъ. Онъ умеръ въ 1845 году. Мои немногіе читатели угадываютъ, что я говорю о славянофилахъ: такъ прозваны были всѣ они по воспоминанію о

Шишковъ и его враждебной Камарзину и арзамасцамъ партіи.

Кому и чему должно приписать возникновеніе у насъ этой исключительно русской партіи? Я думаю, во-первыхъ самому правительству; во-вторыхъ, духу времени, или, что одно и то же, обще-европейскому направленію, зародившемуся въ романтической Германіи. Правительство наше возбудило русскую партію своей программой, которою опредѣлило себя при самомъ началѣ прошедшее царствованіе, принявъ символъ: православіе, самодержавіе, народность *). Далѣе, не подражаніе, а какое-то наитіе отъ Запада почти въ одно и то же время увлекло и насъ историческими и филологическими изслѣдованіями, романтизмомъ, возстановленіемъ всѣхъ элементовъ народности, преувеличеннымъ сочувствіемъ къ низшему народному классу, къ религіознымъ вопросамъ и пр. и пр. Подобно тому, какъ во время Александра провозглашенные имъ принципы и слова Священнаго Союза о христіанской братской любви, народной свободѣ и правахъ человѣчества пробудили у насъ заснувшій мистицизмъ, образовали библейскія и многія другія филантропическія общества и, наконецъ, отбросили самыхъ чистосердечныхъ поклонниковъ этихъ идей за предѣлы благоразумія и порядка, такъ и въ послѣднее царствованіе, къ концу перваго его десятилѣтія, краеугольныя тройственныя слова, принятыя имъ въ основаніе, пустили свои корни, можетъ быть, глубже, нежели какъ могло того ожидать и еще менѣе предвидѣть само правительство. Во Франціи были же, и

*) Великій символъ этотъ, какъ извѣстно, провозглашенъ гр. Уваровымъ, а въ немъ утвердился едва ли не вслѣдствіе бесѣдъ съ А. С. Хомяковымъ (сл. Р. «Арх.» 1863, стр. 731). П. Б.

такъ еще недавно, роялисты, болѣе преданные монархической власти, нежели самъ король. Тоже самое случилось и у насъ съ доброхотными защитниками самодержавія. Облеченные броней второго принципа этого тройственного символа, мужественно выступили на брань непризванные заступники православія и своей исключительностью, своимъ догматизмомъ, болѣе или менѣе аскетическимъ, своими жалобами, стремленіями, требованіями, своею нетерпимостью ко всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ далеко опередили законныхъ и освященныхъ учителей нашей церкви. Тѣмъ еще ревностнѣе, тѣмъ еще пламеннѣе, подъ защитой уже обоюду-неприкосновенной эгиды, стали они ратовать за третій принципъ правительственного символа—за народность. Въ русскомъ народѣ (несправедливо, оскорбительно разумѣя подъ этимъ именемъ одни низшіе классы нашего общества) ежедневно открывали они такія добродѣтели, такія достоинства, такую глубину премудрости, что если бы кто-нибудь изъ среды этого народа, какимъ-нибудь чудомъ, внезапно выучился читать и (что было бы еще чудодѣйственнѣе) уразумѣвать ихъ туманно-германскіе возгласы, то всеконечно оцѣпенѣлъ бы отъ изумленія при открытіи въ себѣ и себѣ подобныхъ такой полноты человѣческаго совершенства. Въ историческихъ памятникахъ до-петровской Руси, уже частью извѣстныхъ и вновь усердно отыскиваемыхъ, равно какъ въ нашихъ актахъ и грамотахъ, въ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ открывались любителями старины и народности такіе элементы добра, правды, поэзіи, просвѣщенія, какихъ никогда не находилъ въ нихъ никакой безпристрастный читатель. Всѣ невыгодные отзывы о святой до Петра Руси иностранцевъ и нашихъ современныхъ писателей заподозри-

вались или умалчивались, а нѣкоторые изъ нихъ становились предметомъ или предлогомъ преслѣдованій. О Кошихинѣ, о грамотѣ князя Пожарскаго къ австрійскому эрцгерцогу, о письмахъ царя Алексѣя Михайловича къ Никону, о новыхъ источникахъ исторіи Троицкой осады, открытыхъ и сведенныхъ замѣчательнымъ монографомъ Голохвастовымъ, о темной сторонѣ изданнаго имъ Домостроя говорить не любили, а Флетчера запретили—и съ какимъ шумомъ! Наконецъ, вся древняя и новая философія объявлена была рѣшительно бесполезной и чуть ли не положительно безбожной. Попытка замѣнить всякое философское ученіе позднѣйшими православными, немногимъ доступными, учителями восточной церкви пятого и послѣдующихъ вѣковъ и, что еще страннѣе, нашими собственными духовными писателями, нигдѣ не напечатанными, никому слѣдовательно невѣдомыми,—писателями среднихъ вѣковъ нашей исторіи (можно себѣ представить, что это были за философы!)—такая попытка еще не забыта *).

Такова была сущность этой доктрины, и если само правительство имѣло рѣшительное вліяніе на возрожденіе партіи славянофиловъ, во многомъ поддерживая и покровительствуя ихъ ученію, то съ другой стороны, и славянофилы, несмотря на кажущуюся ихъ малочисленность, могли имѣть обратное, хотя и

*) Читатели припомнятъ, что эти мнѣнія и отзывы принадлежать ко времени, хотя и не давно прошедшему, но тѣмъ не менѣе отъ насъ весьма далекому; нынѣ никто уже не станетъ отрицать у славянофильскаго направленія великаго и благотворнаго значенія, которое оно имѣло во многихъ отношеніяхъ. Его заслуги перешли во всеобщее сознаніе; но для историческаго изученія дороги вышеприведенныя строки: это такъ сказать стенографія того, что думалось и говорилось тогда въ лучшемъ московскомъ обществѣ приверженцами такъ называемаго, западнаго направленія. Л. Б.

незамѣтное, дѣйствіе на правительство и общественное мнѣніе, раздувая въ насъ нашу народную кичливость. Слѣдствіемъ подобныхъ увлеченій была послѣдняя война, а потому и отвѣтственность за эту войну должны славянофилы принять отчасти на себя и свое ученіе. Будемъ же признательны къ новому царствованію! Наученное опытомъ, оно, смѣемъ догадываться, наконецъ уразумѣло всю опасность слишкомъ знаменательныхъ программъ и потому провозгласило своимъ символомъ менѣе громкіе, менѣе увлекательные, но зато общепонятные, болѣе къ сердцу каждаго близкіе и никому не враждебные принципы: *общественной нравственности, просвѣщенія и христіанства*.

Такъ—или почти такъ—думалъ и выражалъ свои мысли о славянофилахъ Чаадаевъ. Не принимая никакого участія въ печатной противъ нихъ полемикѣ, онъ долгое время сражался съ ними на полѣ литературныхъ салоновъ и за такое скромное и достойное обличеніе того, что почиталъ неправдою и ложью, подвергся отъ нихъ гоненію. Корифей доктрины подучили одного самаго незлобиваго московскаго поэта разразиться на него проклятіями въ стихахъ, которыхъ и отвергающій съ негодованіемъ ихъ содержаніе не можетъ не назвать превосходными, какъ почти все, что выходило изъ-подъ пера уже болѣзненнаго въ то время Языкова. Въ извиненіе поэта скажемъ, что онъ почти не зналъ Чаадаева и возсталъ противъ него раздраженный своими друзьями. На грубо-оскорбительные упреки Языкова Чаадаевъ отвѣчалъ молчаніемъ и въ то же время благодушно хвалилъ звучный и сильный стихъ его.

Слѣдствіемъ распространенія этихъ сатирическихъ личностей было окончательное раздѣленіе московскихъ

литераторовъ и примыкавшихъ къ ихъ кругу любознательныхъ людей изъ общества на западныхъ и восточныхъ *). Во главѣ первыхъ были даровитые профессора молодого поколѣнія, занимавшіеся преимущественно разработкой и преподаваніемъ нашей и всеобщей исторіи. Въ восточномъ лагерѣ московскій университетъ имѣлъ только одного дѣйствительнаго профессора и другого, уже сошедшаго съ ученой каѳедры. Рѣзкое отдѣленіе противниковъ на двѣ партіи уничтожило литературные салоны. Хозяева, избѣгая слишкомъ сильныхъ споровъ и непріятныхъ столкновеній, перестали принимать на свои вечера, а когда и принимали, то уже однихъ короткихъ знакомыхъ изъ этого круга.

Славянофилы не ограничивались печатаніемъ и писаніемъ не для одной печати разныхъ статей. не удовлетворялись изустною проповѣдью своего ученія,—они захотѣли проявить его наружными знаками,—и вотъ сперва явилась шапка-мурмолка, потомъ зипунъ, а наконецъ борода. Доктрина русской рубахи сверхъ исподняго платья, рукъ безъ перчатокъ, бороды и поддевки оскорблялась элегантною изысканностью въ одеждѣ Чаадаева, его бѣлыми перчатками, его изящными манерами и разговорами на французскомъ языкѣ. Чаадаевъ оскорблялся также, но гораздо менѣе, отступничествомъ славянофиловъ отъ реформы Петра и отъ европейскихъ формъ, уже полтора вѣка принятыхъ. Несмотря на рѣшительно-совершившійся въ то время разрывъ двухъ

*) Другой участникъ этихъ достопамятныхъ бесѣдъ такъ характеризуетъ ихъ: «Оба кружка не соглашались почти ни въ чемъ; тѣмъ не менѣе ежедневно сходились, жили между собою дружно и составляли какъ бы одно общество; они нуждались одинъ въ другомъ и притягивались взаимнымъ чувствіемъ, основаннымъ на единствѣ умственныхъ интересовъ и на глубокомъ обоюдномъ уваженіи». Едва ли это не вѣрнѣе.

партій, онъ старался ни отъ одной изъ нихъ не удаляться, посѣщалъ оба кружка и своимъ гонителямъ, не забывавшимъ его журнальной статьи, самъ забывая стихи Языкова, дружески протягивалъ руку.

Такимъ благодушiемъ, всегда достойно выражаемымъ, приобрѣлъ онъ ихъ уваженіе. Прежніе жестокіе враги и постоянные противники личныхъ его убѣжденій сдѣлались его пріятелями и остались такими до самой его смерти. Послѣдніе годы жизни Чаадаева не прошли однако безъ мелочныхъ на него преслѣдованій. Кому-то, но уже конечно не славянофилу (будемъ и къ нимъ справедливы), вздумалось оскорбить его, неизвѣстно за что, подлымъ безыменнымъ письмомъ и напомнить давнишній арестъ Чаадаева вмѣстѣ съ гнуснымъ намекомъ на сумасшествіе. Потомъ, незадолго уже передъ смертью, подвергся онъ жестокому укору за то, что, желая мира, выражалъ свое сочувствіе къ извѣстному письму о мирѣ князя М. С. Воронцова.

Съ 1827 по 1856-й г. Чаадаевъ прожилъ безвыѣздно въ Москвѣ и около 25 лѣтъ на одной квартирѣ въ Новой Басманной, въ домѣ почетнаго гражданина Шульца, принадлежавшемъ прежде близкому ему семейству Левашовыхъ. Живя на одномъ мѣстѣ, онъ до того сдѣлался рабомъ своихъ комфортабельныхъ привычекъ, что всѣ эти 30 лѣтъ ни разу не могъ рѣшиться провести ночь внѣ города, хотя многіе изъ его родныхъ и друзей радушно и настойчиво приглашали его въ свои подмосковныя, придумывая всевозможныя удобства для такой легкой поѣздки и желая доставить хозяину дома возможность перекрасить на его квартирѣ полы и стѣны и поправить къ осени

печи. Ему и самому очень хотѣлось проѣхаться и освѣжиться деревенскимъ воздухомъ, но привычка брала надъ нимъ верхъ.

Тридцать лѣтъ сряду въ обветшалой своей квартирѣ изъ трехъ небольшихъ комнатъ принималъ онъ у себя еженедѣльно своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, сперва вечеромъ по средамъ, потомъ утромъ по понедѣльникамъ, и любилъ, чтобы его въ эти дни не забывали. Вся Москва, какъ говорится фигурально, знала, любила, уважала Чаадаева, снисходила къ его слабостямъ, даже ласкала въ немъ эти слабости. Кто бы ни проѣзжалъ черезъ городъ изъ людей замѣчательныхъ, давній знакомецъ посѣщалъ его, незнакомый спѣшилъ съ нимъ знакомиться. Кюстинъ, Могень (Mauguin), Мармье, Сиркуръ, Мериме, Листъ, Берлиозъ, Гакстгаузенъ—всѣ у него перебывали. Конечно, Чаадаевъ самъ заискивалъ знакомства съ извѣстными чѣмъ-либо иностранными путешественниками и заботился, чтобы ихъ у него видѣли; не менѣе старался онъ сближаться и съ русскими литературными и другими знаменитостями. Я помню, какъ, давно уже, лѣтний и необщительный Гоголь, еще до появленія у своихъ «Мертвыхъ Душъ», пріѣхалъ въ одну среду вечеромъ къ Чаадаеву. Долго на это онъ не рѣшался, сколько ни упрасивали общіе пріятели упрямаго малоросса; наконецъ, онъ пріѣхалъ и, почти не обращая никакого вниманія на хозяина и гостей, усѣлся въ углу на покойное кресло, закрылъ глаза, началъ дремать и потомъ, прохрапѣвъ весь вечеръ, очнулся, проборматалъ два-три слова въ извиненіе и тутъ же уѣхалъ. Долго не могъ забыть Чаадаевъ такого оригинальнаго посѣщенія, и конечно оно вспоминалось ему при чтеніи Гоголя, а можетъ быть и при сужденіи о

его произведеніяхъ *). Обыкновенно Чаадаевъ бывалъ самымъ ласковымъ и внимательнымъ хозяиномъ своихъ гостей и у себя давалъ болѣе говорить и разсуждать посѣтителямъ, нежели говорилъ и спорилъ самъ, хотя былъ очень словоохотенъ и по временамъ жаркій спорщикъ.

Его обвиняли въ мелкой суетности. Правда, что онъ любилъ видѣть у себя какъ можно болѣе гостей, что искалъ всеобщаго уваженія, что почетъ общества былъ ему дорогъ. Намъ ли, такъ часто гоняющимся за почестями всякаго рода, намъ ли, приобрѣтающимъ ихъ разными средствами, намъ ли, порицателямъ этихъ почестей и тайнымъ ихъ завистникамъ, упрекать отшедшаго отъ насъ брата за исканіе почести безвинной и конечно безкорыстной? Событія послѣднихъ трехъ лѣтъ тяготѣли надъ нимъ тяжкимъ бременемъ. Ему, воину славной брани, подъятой за свободу отечества и освободившей Европу,—ему горьки были и начало и конецъ нашей послѣдней войны. Люди другого поколѣнія, знавшіе только по разсказамъ и преданіямъ славную эпоху благословеннаго царствованія Александра, винили Чаадаева въ томъ, что онъ, по обычаю стариковъ, сравнивалъ часто настоящее съ прошедшимъ и всегда предпочиталъ послѣднее. Въ немъ точно была замѣтна эта слабость и особливо въ послѣдніе мѣсяцы жизни. Такъ, напримѣръ, не принимая никакого участія въ московскихъ торжествахъ при вступленіи въ столицу безсмертныхъ страдальцевъ, защитниковъ Севастополя, онъ говаривалъ, что нѣкоторыхъ изъ возданныхъ имъ почестей не приняли бы воины-освободители Европы (1814), что они никакъ не согласились.

*) Сличь письма его къ кн. Вяземскому о Гоголѣ, Р. «Арх.» 1866 г. стр. 1088.

бы жить, пить, ѣсть, гулять, плясать, веселиться и молиться на счетъ какого бы то ни было богача, будь онъ хоть какой знаменитый вельможа, будь онъ хоть какой простой гражданинъ и русскій человѣкъ по преимуществу. Далѣе тоже говаривалъ Чаадаевъ, что ни одинъ знаменитый вождь того времени не дозволилъ бы никакому оратору торжественно и во всеуслышаніе произносить похвалы своей честности и безкорыстію на службѣ. То и другое, прибавлялъ Чаадаевъ съ грустной улыбкой, наши современники сочли бы оскорбленіемъ мундира, чтобы не сказать болѣе.

Чѣмъ глубже въ самомъ себѣ скорбѣлъ Чаадаевъ о войнѣ, тѣмъ животворнѣе была для него вѣсть о мирѣ. Любовь къ миру, отвращеніе отъ крови превозмогали въ немъ всѣ другія задушевные его убѣжденія, потому что основою всѣхъ его убѣжденій была чистая христіанская любовь къ человѣчеству. Правда, онъ не сочувствовалъ древней Руси; но, въ глазахъ его, самой тяжелой виной русской исторіи было введеніе крѣпостного состоянія въ то самое время, когда Русь достигла уже своего образованія какъ государство,—въ то именно время, когда на Западѣ почти повсюду уничтожалось рабство. Нашему времени упрекалъ онъ тѣмъ, что, несмотря на полувѣковое стремленіе двухъ государей и всѣхъ друзей добра и истины, не представляется еще, по его мнѣнію, рѣшительной возможности къ уничтоженію сего зла, не можетъ еще начаться святое дѣло освобожденія десяти милліоновъ, безъ страха потрясеній и потрясеній кровавыхъ *). Невольно приходятъ тутъ мнѣ на память послѣдніе четыре стиха элегіи Пушкина «Деревня», написанной въ 1819 г. подъ названіемъ «Уединеніе»:

*) Писано въ 1856 году. П. Б.

Увижу ли, друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Эти-то самые стихи, въ печать, конечно, не допущенные, особенно полюбилися императору Александру, и нашъ Чаадаевъ, списавъ своей рукой всю элегію, представилъ ее черезъ своего генерала И. В. Васильчикова государю, когда тотъ изъявилъ желаніе прочесть какіе-нибудь не изданные стихи молодого поэта.

Вѣрный своему чувству ненависти къ крѣпостному праву и неспособный къ простому практическому пониманію нашего неизбѣжнаго пока порядка вещей, который такъ неразрывно связывается съ отдѣльнымъ положеніемъ каждаго русскаго, Чаадаевъ, чтобы не имѣть у себя въ зависимости крестьянъ, продалъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ, свое довольно значительное нижегородское имѣніе другому владѣльцу (по всей вѣроятности болѣе взыскательному, нежели онъ самъ) и тѣмъ совершенно успокоилъ свою совѣсть. Такъ поступали и поступаютъ многіе и даже нѣкоторые явные эманципаторы, умывая себѣ руки въ этомъ вопросѣ и безсознательно отягощая тѣмъ судьбу своихъ крестьянъ, что не мѣшало и не мѣшаетъ имъ, однако, проповѣдывать, не взирая ни на какія препятствія, освобожденіе чужихъ. Слѣдствіемъ продажи имѣнія была для Чаадаева почти постоянная нужда въ деньгахъ, которымъ онъ не зналъ цѣны, а привычекъ комфорта умѣрять не умѣлъ. Тотъ же добрый человѣкъ *), который за 44 года покровительствовалъ ему подъ Бородинымъ, помогъ ему выйти изъ затруднительнаго положенія передъ самой его кончиной.

*) Это былъ графъ А. А. Закревскій. П. Б.

Чаадаевъ имѣлъ постоянное предчувствіе и почти желаніе внезапной смерти. Онъ боялся холеры и не скрывалъ своей боязни, но боялся только потому, что конецъ холерою представлялся ему въ какомъ-то неприличномъ, отвратительномъ видѣ. «Мало того жить хорошо, надо и умереть пристойно», говаривалъ онъ мнѣ, и еще недѣли за двѣ или за три повторилъ то же, прибавивъ: «Я чувствую, что скоро умру. Смертью моею удивлю я васъ всѣхъ. Вы о ней узнаете, когда я уже буду на столѣ». Такое странное и страшное предвѣщаніе меня напугало (я же давно замѣчалъ въ немъ какое-то нравственное и умственное раздраженіе и зналъ ему причину), такъ напугало, что я рѣшился спросить его: «Ужели вы, Петръ Яковлевичъ, способны лишить себя?...» Онъ не далъ мнѣ договорить, на лицѣ его выразилось негодованіе, и онъ отвѣчалъ: «Нисколько, а вы увидите сами, какъ это со мной будетъ». Последними его любимыми мыслями были: радость о заключенномъ мирѣ, надежда на прогрессъ Россіи и вмѣстѣ опасеніе, наводимое на него противниками благотнаго мира. Народная и религіозная нетерпимость извѣстныхъ мыслителей, какъ грозная тѣнь, преслѣдовала его всюду.

Весь постъ былъ онъ на ногахъ, бывалъ въ обществѣ и чаще всего въ англійскомъ клубѣ, гдѣ по обычаю обѣдывалъ, или у Шевалье (у себя стола онъ не держалъ). Страстная недѣля разлучила съ нимъ его самыхъ близкихъ пріятелей. Клубъ съ страстной середи былъ закрытъ, дома самые короткіе, гдѣ бывало съ нимъ такъ часто встрѣчаешься, тоже. Къ концу страстной недѣли какъ-то нечаянно узналъ я, что Чаадаевъ боленъ и серьезно, и въ то же почти время узналъ, что онъ однако выѣзжаетъ. Последнее успокоило, какъ

вдругъ въ страстную субботу самымъ отдаленнымъ отъ него по разстоянію и ближайшимъ по сердцу пришла вѣсть, что онъ очень плохъ и что едва ли застанутъ его въ живыхъ. Тѣ бросились и нашли мертвеца, спокойно, съ незакрытыми еще глазами, сидящаго въ креслѣ и какъ будто только что прекратившаго разговоръ. Такъ и въ самомъ дѣлѣ было. Чаадаевъ еще наканунѣ, въ страстную пятницу, чувствовалъ себя нехорошо, но перемогъ себя и рѣшился поѣхать обѣдать у Шевалье (въ защиту отъ ультра-православныхъ повторимъ, что у него дома обѣда не бывало). Въ тотъ же день вечеромъ онъ пригласилъ къ себѣ приходскаго священника отъ Петра и Павла въ Новой Басманной. Съ этимъ еще очень молодымъ и достойнымъ пастыремъ онъ любилъ иногда побесѣдовать и довольно коротко сблизился года тому за два. Чаадаевъ намѣревался говѣть Великимъ постомъ; на шестой недѣлѣ онъ былъ у священника и высказалъ рѣшеніе исполнить священнѣйшій долгъ на страстной недѣлѣ. Будучи теперь позванъ къ Петру Яковлевичу, священникъ озабочился взять съ собою Св. Дары. Чаадаевъ встрѣтилъ его словами о своей болѣзни. Священникъ сказалъ, что до сего дня онъ ожидалъ увидѣть П. Я—ча въ церкви и тревожился, не боленъ ли онъ; нынѣ же рѣшился и самъ навѣститъ его и дома предложить ему всеисцѣляющее врачевство, необходимое для всѣхъ. Всѣ мы, сказалъ онъ, истинно больны и лишь мнимо здоровы. Чаадаевъ сказалъ, что боится холеры и, главное, боится умереть отъ нея безъ покаянія; но что теперь онъ не готовъ исповѣдаться и причаститься, а желалъ бы принять Св. Таинства на утро, если бы знать, что здѣсь ему еще оставалось утро. Священникъ его успокоилъ милосер-

діемъ Божиимъ. На другой день, въ великую субботу, послѣ обѣдни, священникъ поспѣшилъ къ больному. Чаадаевъ былъ гораздо слабѣе, но спокойнѣе, и ожидалъ святыню: исповѣдался и приобщился Тайнамъ Христовымъ; удаляющемуся священнику сказалъ, что теперь онъ чувствуетъ себя совсѣмъ здоровымъ. Чаадаевъ собирался даже выѣхать, сталъ пить чай, разговаривалъ съ хозяиномъ своей квартиры о его процессѣ, по которому хлопоталъ за него у высшаго начальства, и, намѣреваясь выѣхать, приказалъ заложить пролетку. Разговоръ между тѣмъ шелъ. Вдругъ голосъ Чаадаева сталъ слабѣть, слова сдѣлались и непонятны и неразборчивы. Потомъ послѣдовало молчаніе. «Что вы, Петръ Яковлевичъ, что съ вами?» спросилъ хозяинъ. Отвѣта не было. Чаадаевъ умеръ.

Предчувствія его сбылись! Желаніе сердца исполнилось! Безболѣзненна, непостыдна, мирна была христіанская твоя кончина наканунѣ Свѣтлаго праздника, за немного часовъ до перваго полуночнаго удара въ большой кремлевскій колоколъ. Свѣтло, торжественно было твое погребеніе, оглашаемое вмѣсто надгробнаго пѣнія побѣдной надъ смертью пѣснью и учащаемымъ привѣтствіемъ къ живымъ и къ мертвому: Христось Воскресе! Краткое у гроба слово, глубоко прочувствованное и отъ избытка сердца сказанное достойнымъ духовникомъ, и началось и заключилось тѣмъ же привѣтствіемъ о воскресшемъ Икупителѣ. И мы, друзья покойнаго, цѣлуя его послѣднимъ цѣлованіемъ, не столько со скорбью о смерти, сколько съ упованіемъ воскресенія сказали ему наше послѣднее: Христось Воскресе!

27-го апрѣля 1856 года.

Москва.

Приписка. Не для прославленія, а по возможности въ оправданіе памяти человѣка, по сердцу и убѣжденіямъ мнѣ близкаго,—написаны эти немногія страницы для немногихъ читателей, написаны съ желаніемъ, чтобы хотя одинъ изъ часто поднимаемыхъ на него камней при жизни выпалъ наземь изъ руки строгаго порицателя, чтобы поменьше было оскорбительныхъ слѣдовъ отъ такихъ камней на необросшей еще могилѣ.

1-го мая 1856 года.
Калуга.

II.

Замѣтка объ отношеніи императора Александра Павловича къ католичеству *).

Въ бытность мою въ Парижѣ, въ началѣ 1870 года, одинъ изъ русскихъ отцовъ-іезуитовъ далъ мнѣ перепечатанную имъ изъ умѣреннаго католическаго журнала «Корреспондента» за 1860-й годъ отдѣльную свою брошюрку: «О стремленіяхъ къ католицизму русскаго общества» (*Tendances catholiques de la société russe*). Вѣроятно статья эта не могла быть въ свое время пущена къ намъ и потому не вызвала она никакихъ возраженій. Въ ней прочелъ я, къ моему удивленію, никакъмъ до сихъ поръ не замѣченныя указанія на симпатію Александра I къ католической цѣркви и на неопредѣленное смутное его желаніе въ нее обратиться.

Съ недавняго времени историческая наша критика, увлекаемая пристрастіемъ ко всему народному и отвращеніемъ ко всему чужому, возмущенная до крайней степени раздраженія послѣднимъ польскимъ возстаніемъ

*) Сличу въ „Рус. Архивъ“ 1866, стр. 1492, о послѣднемъ свиданіи Жозефа де Местра съ Александромъ Павловичемъ. П. Б.

**) Статья эта была напечатана въ „Русск. Арх.“ 1870 г.

и остзейскимъ вопросомъ, часто высказывала ничѣмъ не заслуженное свое негодованіе на европейскую политику Александра I, упрекала его въ недостаткѣ любви къ своему народу и въ предпочтеніи всего европейскаго своему русскому. Самые ярые изъ такихъ критиковъ, въ пылу гнѣва, доходили до того, что императора Александра I чуть не называли измѣнникомъ Россіи. Непонятно, какъ до порицателей памяти Благословеннаго не дошла статейка, на которую я указываю, и не послужила имъ поводомъ обвинять этого государя въ вѣроотступничествѣ. Всѣмъ извѣстно, что Александръ въ срединѣ своей жизни предавался неумѣренному мистицизму; но съ вѣроятностью можно предположить, что послѣ удаленія князя Голицына, раздѣлявшаго съ нимъ долгое время разнородныя мистическія заблужденія, императоръ Александръ перевелъ никогда не оставлявшее его глубокое внутреннее чувство набожности на правую, такъ сказать, сторону православной нашей церкви. У насъ сохранилось преданіе о послѣднемъ молитвенномъ посѣщеніи имъ схимника Невской лавры въ послѣднія минуты послѣдняго отбытія его изъ Петербурга. Мы знаемъ также, что, объѣзжая Крымскій полуостровъ, за нѣсколько дней до кончины, посѣтилъ онъ тамошній Балаклавскій Георгіевскій монастырь и усердно молился въ немъ съ престарѣлымъ греческимъ митрополитомъ Агаѳангеломъ; но мы рѣшительно до сихъ поръ не читали и ни отъ кого изъ враговъ его памяти не слышали о мнимой симпатіи Александра къ католической церкви.

Чтобы отчасти предупредить вторженіе подобнаго новаго обвиненія въ нашу историческую критику, я въполнѣ выписываю одно мѣсто изъ указанной мною брошюрки и, опровергая справедливость указанія од-

нимъ обстоятельствомъ того времени, лично мнѣ извѣстнымъ, предлагаю другимъ, болѣе меня свѣдущимъ изслѣдователямъ коснуться до возбужденнаго издателемъ «Корреспондента» вопроса о религіозныхъ направленіяхъ Александра I.

Въ журналѣ, на который я здѣсь указываю, сказано, что генераль Мишо (тотъ самый, который въ сентябрѣ 12-го года отправленъ былъ Кутузовымъ къ императору Александру съ печальнымъ извѣстіемъ о взятіи Москвы) имѣлъ будто бы въ рукахъ своихъ бумаги, врученныя имъ епископу Кюнео въ Пьемонтѣ и впослѣдствіи (по завѣщанію генерала же Мишо) пересланныя братомъ императору Николаю. По свидѣтельству трехъ лицъ, Льва XII, Мавра-Капеллари и Морони, императоръ Александръ желалъ обратиться въ католичество. Вотъ разсказъ, который Морони записалъ въ свой словарь будто со словъ папы Григорія XVI-го. Генераль Мишо лично передалъ Льву XII просьбу Александра выслать въ Россію уполномоченнаго священника для присоединенія его къ римской церкви; Левъ XII сперва было назначилъ Мавра-Капеллари (впослѣдствіи того самаго папу Григорія XVI-го), но онъ отказался, и отправляли уже въ Россію отца Ориоли (францисканца, позднѣе кардинала), когда получена была вѣсть о внезапной кончинѣ Александра.

«Le général Michaud avait entre les mains des papiers très importants, qui auraient jeté un grand jour sur cette question; ils furent déposés par lui entre les mains de l'évêque Cuneo en Piémont: après la mort du général Michaud et sur sa volonté expresse, ces papiers furent envoyés par son frère à l'empereur Nicolas, et on assure qu'ils parvinrent entre les mains de ce dernier le jour même où il recevait l'allocution de Grégoire XVI du 22 juillet 1842».

«Moroni, dans son Dictionnaire, à l'article Russie, entre sur ce sujet dans des détails très curieux, et il prétend les tenir de la bouche du pape Grégoire XVI. Suivant ce récit le général Michaud serait venu trouver Léon XII pour lui faire part des bonnes dispositions de l'empereur Alexandre et pour le prier d'envoyer en Russie un prêtre investi de toute sa confiance pour recevoir l'abjuration de l'empereur. Léon XII aurait d'abord désigné Maur Capellari, abbé du monastère des Camaldules à Rome et plus tard pape sous le nom de Grégoire XVI et, sur le refus de celui-ci, ce serait le p. Orioli, Franciscain et depuis cardinal, qui se serait chargé de cette mission délicate; mais au moment de partir, il aurait appris la mort d'Alexandre».

«Tout le récit repose sur le témoignage de trois hommes, Léon XII, Maur Capellari, devenu pape sous le nom de Grégoire XVI, et Moroni, qui affirme avoir mis par écrit le récit du pape le jour où il l'avait entendu de sa bouche. Alexandre avait-il prononcé un acte d'abjuration, était-il entré dans le sein de l'Eglise catholique avant de mourir? Avait-il même nettement formulé la volonté arrêtée de procéder à ce grand acte quand il est mort? Nous n'en savons rien; mais il est difficile de ne pas admettre que le catholicisme avait fait sur son esprit une impression profonde» *).

*) Т. е. генералъ Мишо имѣлъ въ рукахъ очень важныя бумаги, которыя значительно уяснили бы этотъ вопросъ. Онъ ихъ передалъ пьемонтскому епископу Кюнео. По смерти генерала Мишо, по выраженному имъ желанію, братъ его отослалъ эти бумаги императору Николаю, и увѣряють, что онѣ были вручены ему въ самый тотъ день, какъ онъ получилъ аллокуцію Григорія XVI-го, 22 іюля 1842.—Морони, въ Словарѣ своемъ, въ статьѣ „Россія“, передаетъ объ этомъ предметѣ весьма любопытныя подробности, которыя, по его увѣренію, слышаны имъ изъ устъ папы Григорія XVI. По этому разсказу, генералъ Мишо явился ко Льву XII съ цѣлью сообщить ему будто бы о добрыхъ расположеніяхъ императора Александра и просить объ отправленіи въ

Я не имѣю никакой причины опровергать достовѣрность всѣхъ предлагаемыхъ тогда разнымъ лицамъ порученій Рима на дѣло обращенія въ католичество императора Александра, но имѣю полное право утверждать, что даже въ послѣдній годъ своей жизни государь не могъ имѣть особенныхъ симпатій къ католичеству, а напротивъ, что онъ порицалъ всегдашнюю нетерпимость католиковъ къ протестантамъ. Мнѣніе мое основываю я на томъ, что мнѣ прямо извѣстно и въ чемъ я лично участвовалъ. Состоя при нашей миссіи въ Швейцаріи, проводилъ я лѣто 1825-го года въ Женевѣ. Въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцѣ получилъ я приказаніе начальника нашей миссіи, барона Крюднера, вручить отъ имени государя 5000 франковъ, въ пособіе католическимъ сестрамъ милосердія города Женевы, настоятелю женевского католическаго прихода, аббату *Vuarin*. Этотъ аббатъ, тонкій, какъ говорили въ Женевѣ, іезуитъ, другъ и наперсникъ знаменитаго *Lamennais*, тогда еще не измѣнивашаго папству, извѣстенъ былъ своими кознями и преслѣдованіями протестантской женевской церкви. Въ письменной просьбѣ своей къ императору Александру о вспоможеніи се-

Россію священника, который бы снабженъ былъ полнымъ его довѣріемъ и принялъ бы отреченіе императора. Левъ XII сначала назначалъ для того аббата римскаго Камальдульскаго монастыря Мавра-Капеллари (бывшаго потомъ папою подъ именемъ Григорія XVI); но когда тотъ отказался, чувствительное порученіе это было возложено на францисканца отца Оріоли (впослѣдствіи кардинала); но, собравшись ѣхать, онъ узналъ о смерти Александра.—Весь разсказъ основанъ на свидѣтельствѣ трехъ лицъ: Льва XII, Мавра-Капеллари, сдѣлавшагося папою подъ именемъ Григорія XVI, и Морони, который утверждаетъ, что записалъ разсказъ папы въ тотъ день, какъ слышалъ оный изъ устъ его. Произнесъ ли актъ отреченія, вступилъ ли Александръ передъ своею смертію въ лоно католической церкви, выразилъ ли онъ точно во время кончины принятое намѣреніе приступить къ этому великому акту, мы этого ничего не знаемъ, но нельзя не допустить, что католичество произвело на его духъ глубокое впечатлѣніе.

страмъ милосердія его прихода онъ вѣроятно выражался враждебно къ женевскимъ протестантамъ и также вѣроятно упоминалъ о какихъ-то надеждахъ обратить послѣдователей Кальвина въ католичество. Такое предположеніе выражаю я здѣсь потому, что въ депешѣ графа Нессельроде къ Крюднеру предписано было отъ имени государя объявить аббату Vuarin, при врученіи ему пожалованной суммы, желаніе государя, чтобы этотъ аббатъ не утруждалъ болѣе его величества своей перепиской и чтобы вообще воздерживалъ излишнюю невѣротерпимую свою ревность и не возмущалъ своими религіозными интригами міра и спокойствія жителей Женевы. Эти именно слова предписанія нашего министерства лично переданы были мною аббату Vuarin. Онъ, конечно, не могъ принять ихъ равнодушно и, отвѣчая мнѣ на это выраженіемъ своей скорби о томъ, что долженъ отказаться отъ прямыхъ сношеній съ самымъ благодушнымъ монархомъ нашего времени, прибавилъ:

«Но я, какъ служитель вселенской церкви, не могу отречься и не отрекаюсь отъ моихъ стремленій обратиться къ истинѣ тѣхъ, которыхъ еретикъ Кальвинъ обратилъ ко лжи».

Такой разсказъ, основанный безъ всякихъ преувеличеній на самой чистой истинѣ, не опровергаетъ ли такъ поздно придуманныхъ католиками предположеній, будто бы императоръ Александръ искалъ обращенія къ римской церкви?

Не отрицая необходимости у насъ цензуры на иностранные книги и журналы, я считаю не лишнимъ воспользоваться этимъ примѣромъ, чтобы поставить на видъ неизбѣжный ея вредъ. Несправедливое, а иногда явно злоумышленное, обвиненіе отъ недоброжелателей

Россіи, не будучи пропущеннымъ, остается поневолѣ безъ опроверженія и черезъ нѣсколько времени дѣлается достояніемъ современной исторіи. Сколько публицистовъ самыхъ добросовѣстныхъ разрабатывали мнимое завѣщаніе Петра Великаго, и какъ трудно теперь разувѣрить Европу въ томъ, что подобнаго завѣщанія никогда не бывало.

III.

Нѣсколько словъ о декабрьскомъ мятежѣ 1825 г.

Виною мятежа, скорѣе мятежной вспышки, какою заключилась въ Петербургѣ первая четверть нашего столѣтія, былъ духъ времени и неизбежное крайнее увлеченіе онымъ Александра I.

Характеръ этого государя, не выясненный еще историческою критикой, чрезмѣрно къ нему строгой, неминусемо долженъ былъ сложиться такимъ, какимъ представляется онъ безпристрастному современнику его царствованія и какимъ долженъ бы представляться нашимъ поколѣніямъ.

Я уже упоминалъ въ моихъ «Запискахъ» о воспитателѣ Александра, генералѣ Лагарпѣ. Кто зналъ послѣдняго, и даже тотъ, кто подобно мнѣ встрѣчался съ нимъ на самое короткое время въ поздніе годы его жизни, не могъ не видѣть въ немъ пылкаго послѣдователя энциклопедистовъ XVIII вѣка, послѣдователя и защитника принциповъ французской революціи. Какъ ни поверхностно было воспитаніе, данное имъ императору Александру, урывочное, не имѣвшее никакой прочной системы и вмѣстѣ съ тѣмъ кратковременное, оно не могло не посѣять въ крот-

комъ сердцѣ впечатлительнаго царственнаго юноши съ одной стороны благотворныхъ, съ другой—опасныхъ сѣмянъ. Никто изъ людей, по моимъ убѣжденіямъ, не испытываетъ надъ собою такого послѣдовательнаго вліянія судьбы на всю жизнь, какъ тѣ, которыхъ преимущественно призываетъ она править народами, и къ нимъ-то преимущественно должно примѣнить древнее изреченіе: *habent sua fata reges*. Такъ, болѣе, нежели чья-нибудь, сложилась и вся жизнь императора Александра.

Кроткое сердце Александра, пламенѣвшее любовью и одушевленное внушенными ему Лагарпомъ идеалами свободы, равенства и братства, стремилось царствовать ко благу подданныхъ и воздерживать въ себѣ и другихъ всѣ порывы неограниченнаго самовластия. Провидѣнію угодно было хранить его цѣлыя 25 лѣтъ на самодержавномъ престолѣ, но и этотъ четвертый, отъ Петра Великаго, императоръ далеко не оправдалъ ни собственныхъ ожиданій, ни тѣхъ надеждъ, которыя возлагали на него подданные его Имперіи.

Свободолюбивыя его идеи, которыми онъ жилъ и царствовалъ и исполненію коихъ онъ вполнѣ предавался два десятилѣтія, нисколько не осуществились. Избранные имъ любимцы и сравнительно юные соправители: Строгановъ, Новосильцевъ, Чичаговъ, Кочубей, Сперанскій, вмѣстѣ съ нимъ должны были отчаянно бороться со старыми екатерининскими консерваторами, рѣдко побѣждать и часто уступать имъ. Неудачи увеличивали въ государѣ сомнѣнія и нерѣшительность. Въ началѣ царствованія сперва дружба, потомъ борьба и потомъ опять дружба съ Наполеономъ, всеобъемлющему генію котораго онъ подчинялся, сознавая умствен-

ное превосходство его надъ собою, подвергали его неоднократно колебаніямъ *).

Освобожденіе Германіи, взятіе Парижа и низложеніе Наполеона исключительно принадлежатъ самому Александру, но и онъ, вмѣстѣ со всей Россіей, спасеніе ея отъ враговъ приписывалъ болѣе, говоря по-человѣчески, счастливому стеченію обстоятельствъ, нежели искусству русскихъ вождей и храбрости своихъ войскъ. Отсюда возникла и естественно утвердилась въ немъ мысль, въ религіозномъ отношеніи справедливая и достойная всякаго уваженія, что Россію спасло вопреки всѣхъ человѣческихъ вѣроятностей хранящее наше отечество Провидѣніе. Эта мысль, вѣрнѣе сказать,—чувство, утвердила въ немъ то мистическое настроеніе, которому, какъ видно изъ письма Сперанскаго, предавался государь уже до 1812 года. Много было причинъ, колебавшихъ свободолюбивыя убѣжденія Александра. Послѣ рѣшительнаго европейскаго кризиса, который кончился ссылкой Наполеона на островъ святой Елены, начала преобладать прежняя нерѣшительность его характера, тѣмъ болѣе, что онъ, несмотря на все свое вліяніе на дѣла Европы встрѣчалъ повсюду препятствія идти путемъ возрожденія народовъ своихъ и чуждыхъ въ духѣ законнаго [порядка и въ то же время развитія возможной свободы, возможнаго равенства и братства. Такъ неудачно избранный имъ,

*) При личномъ свиданіи съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ императоръ Александръ выразилъ передъ всѣми, до какой степени онъ увлекается дружбою великаго властителя половины Европы. Оба государя сидѣли въ креслахъ небольшого придворнаго театра, на которомъ играли лучшіе парижскіе актеры. Тогда не помню, въ какой именно трагедіи, Тальма, или другая драматическая знаменитость, произнесъ стихъ:

„L'amitié d'un grand homme est un bienfait des Dieux“.

Александръ всталъ и обнялъ Наполеона. Зрители рукоплескали.

такъ сказать, въ посредники, между новымъ Польскимъ царствомъ и Россіей, братъ его, цесаревичъ Константинъ, начальствуя всею польскою арміей, а въ западныхъ губерніяхъ русско-литовскимъ корпусомъ, по ненависти своей къ свободнымъ учрежденіямъ и по деспотизму своего характера препятствовалъ развитію польской конституціи, враждовалъ съ намѣстникомъ царства Заіончикомъ и постоянно то въ важныхъ вопросахъ, то въ самыхъ мелочныхъ дразнилъ поляковъ и вообще дѣйствовалъ противъ нихъ у государя. Въ европейскихъ дѣлахъ всего болѣе противились добрымъ намѣреніямъ Александра не удавшіяся въ разныхъ мѣстахъ революціи, а еще болѣе мѣшала намъ ставшая противъ императора Александра политика Англіи послѣ зарѣзавшагося нашего сторонника Castlereagh и замѣстившаго его Каннинга. Вслѣдствіе частыхъ неудачъ у себя внутри и извнѣ все мрачнѣе и мрачнѣе становился императоръ, все болѣе и болѣе подчинялся вліянію Меттерниха, все болѣе и болѣе раздражался встрѣчаемыми имъ на каждомъ шагу препятствіями со стороны Англіи. Онъ видимо изнемогалъ, бездѣйствовалъ у себя дома, и временщикъ Аракчеевъ сдѣлался средоточіемъ правительства. Благая мысль — учрежденіемъ военныхъ поселеній облегчить самую тяжкую для народа рекрутскую повинность и основать ихъ для достиженія этой цѣли на сѣверѣ близъ Петербурга и на югѣ близъ Харькова, — вмѣсто ожидаемой отъ нея пользы безусловнымъ деспотизмомъ Аракчеева сдѣлалась народнымъ бѣдствомъ и предметомъ всеобщей ненависти. Общее неудовольствіе противъ мѣръ правительства, отъ котораго съ самаго начала царствованія Александра такъ много ожидали, побудило многихъ, преимущественно изъ образован-

ныхъ офицеровъ, основать тайныя общества, которыя привели къ мятежу 14 декабря.

Вступившіе въ члены этихъ обществъ люди, передовые по образованію и происхожденію, считали себя увлеченными и потомъ обманутыми императоромъ, на котораго утратили всякую надежду. Государь вскорѣ узналъ тайныя ихъ замыслы, слѣдилъ за ними, но и тутъ дѣйствовалъ нерѣшительно. За нѣсколько дней до кончины своей въ Таганрогъ передъ нимъ открылась вся сѣть заговора, и это открытіе, вѣроятно, усилило его болѣзнь и ускорило смерть. Для подавленія грозившаго ему мятежа, для принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ заговора онъ за день или за два до кончины настойчиво вызывалъ къ себѣ изъ Новгорода Аракчеева, который въ это время оплакивалъ умерщвленную свою любовницу Настасью и, занятый тиранскимъ преслѣдованіемъ ея убійцъ, не спѣшилъ пріѣхать въ Таганрогъ. И здѣсь, по нашему убѣжденію, отличительная черта характера Александра, много повредившая славѣ его царствованія и благу его подданныхъ, его нерѣшительность, болѣе, нежели когда-либо, обнаружилась.

Нѣтъ сомнѣнія, что государь, зная съ 20 годовъ о составленіи тайныхъ обществъ, могъ бы ихъ уничтожить, еще не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ. Впослѣдствіи, когда существованіе ихъ болѣе обнаружилось, когда ему извѣстны были главные изъ членовъ лично имъ знаемыхъ, ему, вѣроятно, предлагались мѣры противъ нихъ крутыя, жестокія, которыя, по добротѣ сердца, употреблять онъ не любилъ, и потому, въ этомъ случаѣ употребимъ простонародное выраженіе, какъ бы боялся дотронуться до больного мѣста, чтобы не разбередить раны, глубоко поразившей его сердце.

Гайное общество сходилось и расходилось; члены его, разсыпанные по всей Имперіи, по временамъ пробуждались отъ своего бездѣйствія, набирая новыхъ себѣ товарищей, но ничего рѣшительнаго не предпринимали. «Насъ всего 120 человѣкъ», говорилъ однажды самый рѣшительный изъ заговорщиковъ, Пестель, и уже готовъ былъ, убѣдившись въ невозможности исполнить свои замыслы, отправиться къ императору Александру въ Таганрогъ, преклонить повинную свою голову, донести на самого себя и въ то же время открыть государю всѣ безпорядки въ правленіи, всю тяготу отъ нихъ его подданныхъ. *О такомъ намѣреніи Пестеля пишетъ еще въ не изданныхъ своихъ «Запискахъ» Николай Ивановичъ Лореръ, служившій въ южной арміи, въ полку котораго Пестель былъ командиромъ. Другой изъ главныхъ заговорщиковъ, Якушкинъ, выразилъ въ своихъ «запискахъ», изданныхъ за границей, подобную же мысль о прекращеніи общества и о представленіи объ этомъ государю нарочной записки и адреса. Никакого правильнаго дѣйствія, никакого рѣшенія, сколько мнѣ извѣстно, на всѣхъ этихъ совѣщаніяхъ никогда не было нигдѣ записано. Голоса присутствовавшихъ членовъ собирались избранными для формы.

Все, что мы знали о декабристахъ въ первые годы мятежа и во время ихъ долгаго изгнанія, все, что мы слышали отъ многихъ изъ нихъ по ихъ возвращеніи, все, что прочитано и ежедневно читается о нихъ въ разныхъ современныхъ изданіяхъ, болѣе и болѣе утверждаетъ меня, что у нихъ не было никакой определенной цѣли и еще менѣе опредѣлены были ими окончательно и время и средства къ исполненію. Не сами они рѣшили начать возстаніе 14 декабря, не

сами назначили часть и день для сбора на площадь, — ихъ вызвали на то просившіяся на бунтъ и вызывающія его обстоятельства того времени, но и тутъ, и въ этихъ обстоятельствахъ, приготовилъ ихъ безпримѣрно мягкій сердцемъ и добрый императоръ Александръ, увлекавшій молодыхъ поколѣнія своего царствованія неисполнимыми идеями, шаткой, измѣнчивой своей политикой, либеральной въ основаніяхъ и часто стѣснительно строгой въ своихъ дѣйствіяхъ. Вмѣсто того, чтобы рѣшительно, явно и своевременно обнародовать самодержавную свою волю, измѣнить основной законъ, данный Павломъ, о порядкѣ престолонаслѣдія, вмѣсто того, чтобы съ согласія старшаго по немъ брата, цесаревича Константина, назначить своимъ наслѣдникомъ Николая, онъ скрылъ отъ всѣхъ законную свою о томъ волю и ввѣрилъ храненіе тайны его завѣта двумъ избраннымъ лицамъ, обязавъ ихъ клятвою не касаться печати завѣщанія до его кончины. Откуда съ первой минуты полученія вѣсти о кончинѣ императора не могли не возникнуть пререканія, положимъ, и великодушныя со стороны наслѣдника престола по завѣщанію, но тайныя и вредныя по тому всеобщему недоумѣнію, которое овладѣло умами всѣхъ подданныхъ.

Отдадимъ полную справедливость мудрой прозорливости одного изъ двухъ хранителей тайны. Если бы митрополитъ Филаретъ вскрылъ въ Москвѣ печать ввѣреннаго ему завѣта, какъ то было ему повелѣно покойнымъ государемъ, то такимъ своимъ дѣйствіемъ, хотя и законнымъ по буквѣ, онъ бы еще усилилъ и возникшія пререканія въ самомъ верховномъ правительствѣ Россіи, и недоумѣніе въ народѣ, который искалъ и не обрѣталъ необходимаго ему искони са-

модержца. Я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ объ упорномъ возраженіи графа Михаила Андреевича Милорадовича и согласившагося съ нимъ министра юстиціи князя Лобанова не признавать императоромъ Николая по завѣщанію, а требовать отъ Константина подтвержденіе отреченія отъ престола. Пока современная исторія не разъяснитъ намъ всѣхъ подробностей поведенія великаго князя Константина Павловича въ эту тяжелую и нигдѣ не бывалую эпоху, я считаю себя въ правѣ назвать его не только страннымъ и неудобобъяснимымъ, но и отчасти сомнительнымъ и даже двоедушнымъ. Цесаревичъ съ явнымъ отвращеніемъ принялъ высланныхъ изъ Таганрога, Петербурга и Москвы ему вѣстниковъ о принесенной ему, какъ новому императору, присягѣ, отрывисто, сурово отвѣчалъ имъ, что царствовать не хочетъ и не будетъ, а между тѣмъ медлилъ повтореніемъ своего отреченія, отправилъ первое въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ оно съ сохраненіемъ приличнаго достоинства никакъ не могло быть обнародовано, да и въ томъ самомъ, котораго наконецъ отъ него добились, не совсѣмъ скрывалось какое-то тайное негодованіе за всю неловкость и непріятность того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ. Замѣтно было, что ему очень не хотѣлось еще разъ повторить передъ свѣтомъ свою неспособность царствовать, что въ немъ (впрочемъ, этого отъ него можно было и ожидать) не было ни капли того христіанскаго смиренія, ни того великодушія человѣческаго, которымъ было преисполнено сердце императора Александра.

А между тѣмъ это смутное время невольно нашедшаго на насъ междуцарствія прижало въ упоръ замышлявшихъ государственный переворотъ, съ давнихъ

до тѣхъ поръ ни на что не рѣшавшихся заговорщиковъ. Тѣ изъ нихъ, которые все еще мечтали о какомъ-то будущемъ, самимъ имъ неизвѣстномъ благѣ преобразованія въ Россіи, равно какъ и тѣ, которые, какъ Пестель, думали о личномъ своемъ возвышеніи, убѣдились въ томъ, что заговоръ открытъ, что имена всѣхъ ихъ уже извѣстны правительству и что ихъ ожидаютъ неминуемое преслѣдованіе и кара. Дѣлать имъ было нечего: пришло время или мятежомъ вырвать власть изъ рукъ новаго самодержца и заставить его согласиться на уступки самодержавію или ему покориться и предъ нимъ покаяться. Часто и съ той самой поры размышляя про себя и толкуя съ другими о декабристахъ, я воображалъ себя на мѣстѣ одного изъ нихъ, конечно, второстепенныхъ. Высшія ступени какой бы то ни было лѣстницы недоступны и нежелательны мнѣ были и въ самомъ воображеніи. Задавая себѣ такимъ образомъ вопросъ: что бы я сдѣлалъ тогда, какъ заговорщикъ? я никогда не могъ придти къ рѣшительному заключенію. Раскаиваться, покориться власти представлялось мнѣ позорнымъ; отстать отъ товарищей, измѣнить имъ—безсовѣстнымъ, постыднымъ; вѣрить въ несбыточный успѣхъ—глупымъ, но, съ другой стороны, обманомъ вести невѣжественныхъ и забитыхъ солдатъ на явный бунтъ и несомнѣнную гибель во имя явной лжи, будто бы изобрѣтеннаго коварствомъ отреченія Константина отъ престола, убивать полковыхъ командировъ Шеншина и Штюрмера, заставляя ихъ провозглашать конституцію во имя супруги новаго законнаго государя,—всегда казалось мнѣ — и слава Богу! — и грѣшнѣе и постыднѣе, чѣмъ покориться передъ закономъ, чѣмъ измѣнить товарищамъ.

Справедливо, хотя и строго осуждая крамольниковъ и ихъ бунтъ на площади, я въ то же время всегда извинялъ всѣхъ тѣхъ, которые, вступивъ въ тайное общество и убѣдившись въ невозможности достиженія его цѣли, вышли изъ этихъ обществъ и навсегда отъ нихъ отказались. Какъ бы ни былъ, съ одной стороны, необходимъ законъ, преслѣдующій для охраненія общественной безопасности тѣхъ, кои подозрѣваютъ заговоръ и даже о немъ знаютъ, для всякаго честнаго человѣка, болѣе или менѣе развитого въ духѣ нашего времени, существуетъ законъ другой — гнушаться доноса и отнюдь не быть никогда доносчикомъ. Этотъ другой законъ, принятый, какъ нравственный догматъ, нашимъ образованнымъ обществомъ, кромѣ того исповѣдуется и нашимъ народомъ. «Доносчику первый кнутъ», говоритъ пословица; «отойди отъ грѣха; не бери грѣха на душу» — двѣ народныя поговорки. Конечно, и это нравственное правило, признанное аксіомой и высшимъ и низшимъ обществомъ, — первымъ — какъ правило чести, и нашимъ народомъ, считающимъ всякій извѣтъ за грѣхъ, — имѣетъ свои вредныя крайности. Поэтому часто почитаютъ у насъ доносчикомъ и того, кто доноситъ по обязанности, по долгу, или того, кто со стороны открываетъ явное зло ко вреду ближняго, а какъ крайняя сторона всевозможныхъ убѣжденій и, прибавимъ, всякихъ добрыхъ качествъ всегда ведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, то и въ этомъ отношеніи преувеличенная идея чести и идея грѣха порождаютъ и успокоиваютъ эгоизмъ, выражаемый обыкновенно тоже поговоркой: «Мое дѣло сторона; моя хата съ краю, ничего не знаю».

Возвращаюсь къ вѣчной для меня загадкѣ, какъ бы

поступилъ я, если бы былъ заговорщикомъ? Думаю, что я могъ бы раскаиваться, и вѣроятно бы раскаялся и не пошелъ бы на площадь. Въ этихъ словахъ таилось, а теперь открывается собственно мое оправданіе поступку князя Трубецкого. Что же касается до тѣхъ, которые отстали и не доносили, то въ моихъ глазахъ не нуждаются они ни въ какомъ оправданіи. Я положительно не считаю ихъ виновными. Пора же, наконецъ, по прошествіи полувѣка отъ несчастнаго событія взглянуть на него со всѣхъ сторонъ, безпристрастно, и, если возможно, уже не подчиняться болѣе никакимъ предвзятымъ предубѣжденіямъ, т.-е. освободиться отъ предразсудковъ, отжившихъ съ одной стороны и отъ революціонныхъ тенденцій новѣйшихъ, малоприкладныхъ къ Россіи.

Было, какъ говорили мы, время, когда въ высшихъ сферахъ нашего общества считали декабристовъ извергами; съ новаго царствованія начали считать ихъ героями. До сихъ поръ въ своихъ «Запискахъ» и въ своихъ сношеніяхъ съ прежними своими близкими, которыхъ они по возвращеніи нашли еще въ живыхъ, и тѣмъ еще менѣе съ людьми новаго, сочувствующаго имъ поколѣнія, избѣгаютъ всѣ до единого признать ту истину, что возстаніе ихъ съ оружіемъ въ рукахъ на Петровской площади и въ Васильковѣ, городѣ Кіевской губерніи, было вынуждено обстоятельствами, отъ нихъ ни мало не зависѣвшими. Слѣдствіе, крѣпость, судъ, смертная казнь, долгая дорога въ ссылку, въ оковахъ, пребываніе на каторгѣ въ самомъ началѣ, почти наравнѣ съ отверженными отъ общества злодѣями, замкнутый тѣсный кружокъ единомышленниковъ, многія лишенія (кто ихъ перечислитъ) и тридцатилѣтнее, хотя и облегченное въ послѣдствіи из-

гнаніе—все это вмѣстѣ взятое путемъ весьма естественнымъ довело ихъ до того, что они, строго оберегая въ себѣ человѣческое достоинство, безсознательно въ собственныхъ своихъ глазахъ сдѣлались дѣйствительными героями-патріотами и начали приписывать себѣ такія стремленія для блага своего отечества, осуществленіе которыхъ рѣдкимъ изъ нихъ представлялось въ мечтаніяхъ, для большей же части и самое это мечтаніе было недоступнымъ. Говоря о нихъ съ любовью и участіемъ, Николай Ивановичъ Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій первый открылъ въ нихъ эту черту самообольщенія, неизбѣжно присущую всѣмъ безъ исключенія политическимъ изгнанникамъ особенно тогда, когда они гдѣ-нибудь въ отдаленіи, въ ссылкѣ, живутъ вмѣстѣ. При такихъ только условіяхъ, должно сказать, и могутъ они, эти несчастные изгнанники, не упасть духомъ и оставаться такими, какими они были,—людьми честными, благородными, сильными тѣломъ и духомъ и достойно переносить всѣ свои страданія. Потому-то, возводя себя добросовѣстно, искренно на степень героевъ, они, какъ мы теперь еще видимъ—дѣлаются неумолимо строгими ко всѣмъ тѣмъ изъ участвовавшихъ въ первоначальныхъ тайныхъ обществахъ, которые, убѣдившись—иные въ неправотѣ, другіе въ невозможности, въ несбыточности ихъ стремленій, отъ нихъ отстали и прекратили всѣ сношенія съ ними и съ тайными обществами. Этихъ отсталыхъ порицаютъ они измѣнниками. Такими измѣнниками въ глазахъ декабристовъ, выдержавшихъ 30-лѣтнюю ссылку, считаютъ они, во-первыхъ, сколько мнѣ достовѣрно извѣстно, Ник. Тургенева, Мих. Ѳед. Орлова и живущаго еще, престарѣлаго воина, Граббе, и въ этомъ отношеніи ихъ строгій судъ противъ нихъ,

за то, что они не раздѣляли съ ними ихъ тяжелой участи, сходится или, по крайней мѣрѣ, сходился съ судомъ противъ отсталыхъ и самого правительства, которое всѣхъ ихъ приговоромъ верховнаго уголовного суда карало, иныхъ еще милостивымъ, другихъ слишкомъ жестокимъ, по моему мнѣнію, наказаніемъ.

Къ сожалѣнію, исторія не можетъ назвать безпристрастными ни произведенное надъ декабристами слѣдствіе, ни приговоръ суда. Онъ не былъ чуждъ крайняго раздраженія. Императоръ Николай въ послѣдствіи смягчилъ противъ нихъ свой гнѣвъ и, по выраженію Пушкина:

«И тѣмъ, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творить».

Къ несчастію для осужденныхъ сдѣланный государемъ выборъ главныхъ слѣдователей палъ на близкихъ ему Чернышева и Левашева, способныхъ съ жестокою радостью ругаться надъ человѣчествомъ и быть орудіями нравственной и всякой другой пытки. Къ несчастію, если надъ декабристами не было пытокъ тѣлесныхъ, то нравственной пыткѣ, ненужной и часто утонченной и бесполезной, они подвергались.

Между судьями были, какъ мы уже сказали, многіе раздраженные до крайней жестокости, нѣсколько умѣренныхъ и кроткихъ и ни одного судьи твердаго и вполне справедливаго, а тѣмъ еще менѣе такого, который бы соединялъ въ себѣ всѣ тѣ качества, какія требуются въ наше время, завоевавшее себѣ развитіемъ принциповъ истиннаго христіанства и юридическаго права высшія идеи о правосудіи. По моему крайнему разумѣнію, не правосудіе, а раздраженные страсти положены были въ самое основаніе этого суда. Раздѣленіе преступниковъ на категоріи и изъятія изъ

всѣхъ ихъ вначалѣ главныхъ заговорщиковъ, казненныхъ потому смертю, было возмутительно несправедливо. Допустимъ, что такое изъятіе вымыслено было верховными судьями для того, чтобы вынудить отъ государя согласіе на смертную казнь и тѣмъ—вѣроятно объ этомъ не подумали—лишить его на все время царствованія права помилованія остальныхъ преступниковъ; допустимъ отчасти, что смертная казнь была по времени необходима, но къ чему прочія раздѣленія на категоріи? Опять, по моему крайнему разумѣнію, всѣ безъ исключенія взятые съ оружіемъ въ рукахъ бунтовщики заслуживали по военному суду немедленно смертную казнь, потому что большая часть ихъ измѣнили не только общей присягѣ на вѣрноподданство, но и присягѣ своему знамени, и сверхъ того, смѣло прибавлю отъ себя мое собственное мнѣніе, тому понятію о дворянской чести, которая въ нашемъ дворянскомъ бытѣ, въ нашей исторіи, къ сожалѣнію, не достаточно выработалась и которая вездѣ признается *comme acte de félonie*. Что бы о мнѣ ни говорили, какъ бы меня ни порицали, а мысль моя такова—и къ ней прибавлю я повтореніе той, которую я уже высказалъ—что вышедшіе на бунтъ съ оружіемъ въ рукахъ виновны были въ увлеченіи за собою, во-первыхъ, очень еще юныхъ заговорщиковъ и тѣхъ изъ солдатъ, которыхъ они привели за собой на площадь обманомъ и, сверхъ того, той толпы народа, которая безвинно была подвержена картечнымъ выстрѣламъ. Последнее обстоятельство, тяжко обвиняющее преступленіе, было по какому-то странному случаю совершенно забыто и на судѣ и въ сознаніи самихъ преступниковъ. Никто до сихъ поръ не произнесъ объ этомъ ни слова, не написалъ ни одной строчки. Положа руку на сердце,

во всемъ этомъ несчастномъ дѣлѣ убійство невинныхъ жертвъ, обманутыхъ или привлеченныхъ подѣ карточь однимъ любопытствомъ, осуждаю я еще болѣе, нежели самый мятежъ. Верховный судъ, а съ нимъ вмѣстѣ и верховная власть совершили тяжкій грѣхъ передъ исторіей тѣмъ, что дѣйствовали по чувству страха. Военный судъ, по военнымъ законамъ скорый и неумолимый, нашелъ бы болѣе оправданія передъ исторіей своей строгости,—за нимъ признали бы законъ тяжелой необходимости. Императоръ Николай выказалъ бы болѣе царственной мудрости, если бы воздержался отъ собственнаго своего раздраженія, если бы не уступилъ раздраженію членовъ суда и всего общества, если бы не казнилъ смертью пятерыхъ главныхъ зачинщиковъ. Мы знаемъ достовѣрно, что время подѣйствовало благотѣтельно и на его сначала ожесточенное сердце, что онъ, по возможности, миловалъ преступниковъ, но смертная казнь, лишивъ и его самодержавіе возможности возвратить жизнь уже казненнымъ, тѣмъ самымъ отняла у него и право помилованія. По всей справедливости оно должно было на судѣ смягчить наказаніе всѣмъ тѣмъ, которые увлечены были, не достигнувъ зрѣлаго возраста, и еще болѣе тѣмъ, которые въ мятежѣ не участвовали и даже не знали, что давнія намѣренія тайныхъ обществъ, шаткія, неопредѣленные, вызванныя одними обстоятельствами, будутъ когда-либо приведены въ исполненіе. Кто, кромѣ Бога, можетъ судить о поступкахъ, еще не совершенныхъ?

Прошло болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ повелъ я длинную, хотя и бѣдную содержаніемъ, мою о себѣ повѣсть, рассказывая ее откровенно, безхит-

ростно, безъ всякихъ притязаній на авторство, безъ страха и безъ нужды на успѣхъ, а потому и безъ желанія видѣть се въ печати, рассказывая безъ большаго усилія, не умѣя побуждать въ себѣ лѣнь, которая не любуется справокъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ обо всемъ случившемся со мною повѣствую, не приходилось еще мнѣ такъ сильно, такъ искренно желать, чтобы рассказъ мой объ одномъ изъ ссыльныхъ былъ справедливымъ и вполне достоинъ его памяти.

Въ немногихъ словахъ, не имѣющихъ претензіи на историческое значеніе, упоминая о декабрьскомъ мятежѣ и только потому, что въ это пребываніе мое въ Петербургѣ разрѣшилась эта грозная туча громовымъ судомъ, казнями и ссылкой осужденныхъ, желаю сказать мое послѣднее слово о томъ изъ декабристовъ, который съ первой моей съ нимъ встрѣчи привлекъ къ себѣ мои юношескія симпатіи, почему — самъ не знаю.

За пять лѣтъ прежде 14 рокового числа, въ 1819 году, въ нѣтъ-я-еие очень молодымъ человекомъ двухъ родныхъ братьевъ князей Трубецкихъ, старшаго Сергѣя и младшаго Петра, которые немногими годами были меня старше. Они были въ отпуску въ Москвѣ для свиданія съ родными и въ продолженіе цѣлой недѣли, въ безлюдное въ городѣ время, видалъ я ихъ почти ежедневно въ домѣ моей тетки Марьи Васильевны Обресковой. Вмѣстѣ съ нею жила тогда ихъ близкая свойственница Александра Николаевна Николаева, урожденная Бахметева; къ ней-то именно они и ѣздили. На сестрѣ Николевой былъ женатъ родной по матери ихъ дядя, князь Егоръ Александровичъ Грузинскій, въ свое время очень извѣстный. Князь Сергѣй Петровичъ былъ въ это время капитаномъ

старого Семеновскаго полка и своимъ скромнымъ, сдержаннымъ, но въ то же время добродушнымъ простымъ обхожденіемъ мнѣ полюбился. Длинный ростомъ, рябоватый, сутуловатый и неуклюжій, но съ пріятнымъ выраженіемъ лица, онъ мало походилъ на второго своего брата, гвардейскаго артиллериста, князя Петра, отца Оболенской, Урусовой, Толстой и Клушиной.

Я скоро потерялъ ихъ изъ виду, но имя Трубецкого все-таки осталось въ моей памяти, и когда въ Бернѣ дошло до меня подробное извѣстіе о 14 декабря вмѣстѣ съ длиннымъ спискомъ заговорщиковъ, я съ большимъ любопытствомъ и участіемъ остановился и призадумался надъ именемъ князя Сергѣя Петровича, несмотря на то, что между подвергнувшимися слѣдствію были три-четыре человѣка мнѣ лично знакомые: Корниловичъ, Оболенскій, Шаховской и др. Надо же было случиться, что въ 1851 году старшій сынъ мой Николай, также рано оторванный отъ семьи въ могилу, отправился на службу въ Сибирь къ генералъ-губернатору Муравьеву-Амурскому, былъ принятъ въ семьѣ Трубецкихъ, какъ самый близкій родной, и черезъ два года женился на меньшей княжнѣ Зинаидѣ.

Участіе Трубецкого въ мятежъ слишкомъ извѣстно. Онъ былъ одинъ изъ главныхъ основателей тайныхъ обществъ, былъ выбранъ диктаторомъ, не былъ на площади въ самое время бунта и былъ взятъ въ домъ австрійскаго посланника Лебелътерна, женатаго на сестрѣ его жены.

Тяжкое обвиненіе Трубецкого для многихъ состоитъ въ томъ, что онъ не былъ на площади. Наперекоръ и осужденіямъ и оправданіямъ безупречнаго

и въ глазахъ многихъ праведнаго страдальца скажу едино: всѣ мы, христіане, забыли, что существуетъ грѣхъ и за нимъ покаяніе, что безъ послѣдняго никому недоступно спасеніе и что богоугоднѣе удержаться отъ преступнаго намѣренія, чѣмъ приводить его по чловѣческой гордости въ исполненіе. Это представляется мнѣ полнымъ нравственнымъ оправданіемъ Трубецкого.

Когда Трубецкой возвратился вмѣстѣ съ другими декабристами, я, по нашимъ близкимъ родственнымъ связямъ, коротко съ нимъ познакомился и началъ разгадывать характеръ, и дѣятельность, и всю тридцатилѣтнюю многострадальную жизнь въ ссылкѣ этого загадочнаго для многихъ чловѣка. Въ первую пору ихъ возвращенія имъ воспрещено было жить постоянно въ Москвѣ, но, пріѣзжая по временамъ въ столицу съ разрѣшенія полиціи, многіе изъ нихъ искали сойтись съ москвичами, сколько-нибудь сочувствовавшими ихъ увлеченію, а сверхъ того и любопытствовавшими посмотреть на нихъ въблизи тогда было много въ обществѣ, нѣкоторые этимъ воспользовались и начали показываться въ различныхъ кружкахъ, у Авдоты Петровны Елагиной и у яраго Кетчера, закадычнаго друга Герцена, бывшаго уже въ чужихъ краяхъ. Одинъ только Трубецкой отказывался дѣлать новыя знакомства и ограничивался, живя въ Москвѣ, небольшимъ кругомъ своихъ родственниковъ и старыхъ знакомыхъ. Онъ разъ при мнѣ отказалъ Лореру принять князя В. Черкасскаго, съ которымъ познакомиться предлагалъ тотъ князю, какъ съ чловѣкомъ, каковъ онъ и есть, очень любезнымъ и очень образованнымъ. «Я нисколько не отрицаю его достоинствъ,—отвѣчалъ Трубецкой,—но въ то же время не особенно желаю быть

предметомъ чьего бы то ни было любопытства». Я, конечно, ни однимъ нескромнымъ вопросомъ не касался съ Трубецкимъ до его прошлаго. Первое впечатлѣніе, имъ такъ давно уже на меня произведенное, вполне оправдалось. Онъ былъ и по возвращеніи изъ ссылки такъ просто добродушенъ и кротокъ, какимъ показался мнѣ съ первой со мною встрѣчи и какимъ представлялъ его намъ Семеновъ. О себѣ онъ былъ молчаливъ и глубоко смирененъ.